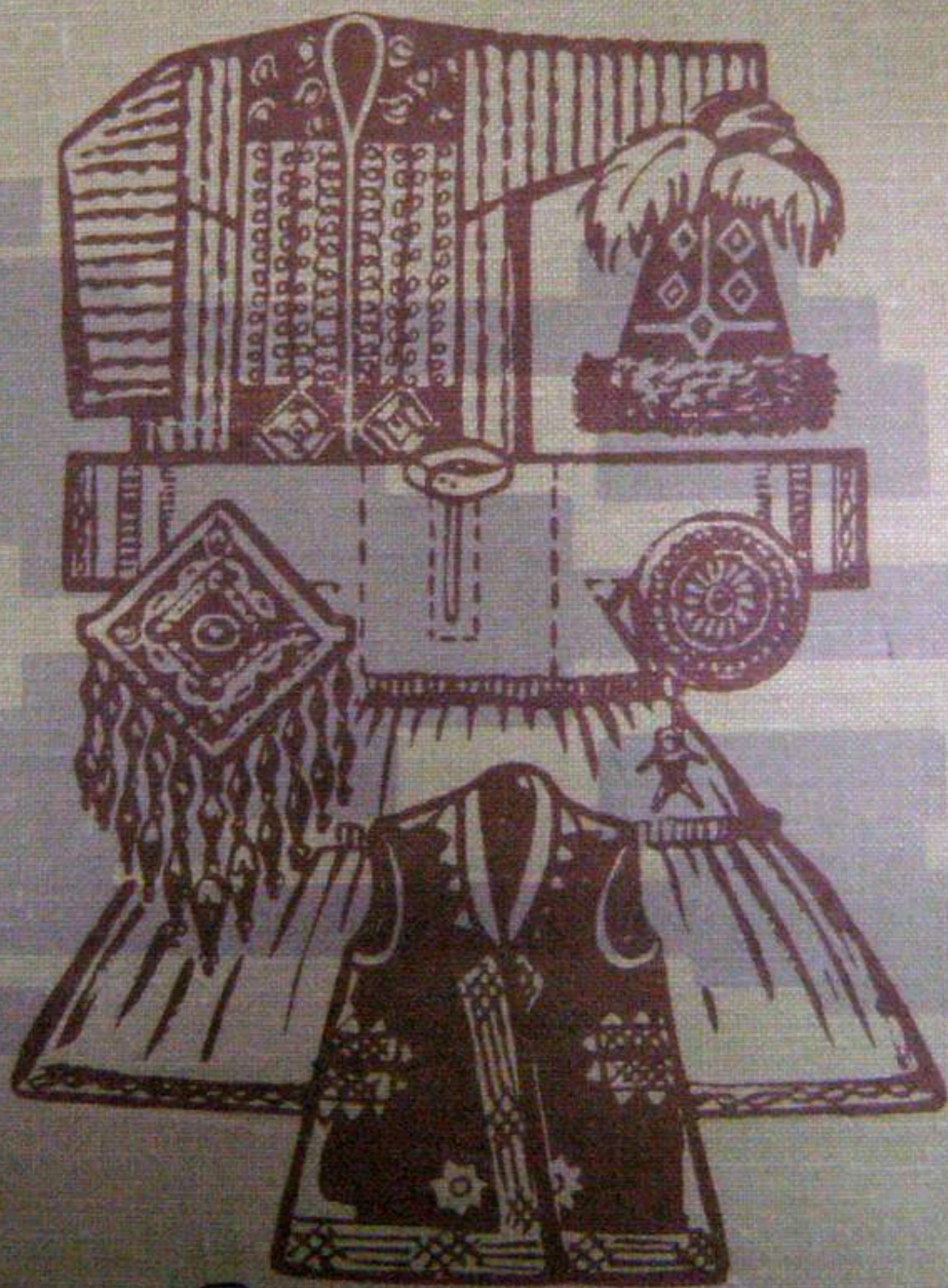

КОСТЮМ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Издательство «Наука»

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КОСТЮМА НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

О. А. Сухарева

Народный костюм — одно из проявлений материальной культуры. В нем отражаются традиции, коренящиеся в этнической истории, социальные отношения и некоторые элементы идеологии — верования, эстетические нормы. Поэтому народный костюм следует рассматривать как один из источников изучения этнической истории народа и его культуры, связей с другими народами. Очень важно на основании сравнительных данных и анализа установить, с одной стороны, более ранние, может быть, даже древние формы костюма, близкие к исходным, а с другой — формы, появившиеся позднее. Только поняв эволюцию форм костюма и историю его изменений в определенные исторические периоды, мы можем раскрыть связь костюма с этнической историей народа.

Накопление материалов о среднеазиатской одежде в европейской литературе началось в средние века, со времени первых путешествий в этот регион. В XIII в. проездом в Монголию здесь побывали Марко Поло, Плано Карпини и Гильом Рубрук, которые оставили очень интересные воспоминания. Все они посвятили несколько строк облику и одежде среднеазиатских народов. Марко Поло описал довольно подробно одежду горцев Памира (Шунгана, Бадахшана), где «одеваются всего больше в звериные кожи, потому что сукна дороги, знать же, и мужчины и женщины, носят штаны из бумажной ткани такие широкие, что на одни штаны идет от 40 до 60 аршин»¹. Рубрук кратко охарактеризовал костюм уйгуров — народа, родственного тюркоязычному населению Средней Азии². Интерес для истории одежды народов региона имеет также оставленное Плано Карпини описание одежды монголов³, культура которых в тот период (это было время, когда Средняя Азия тесно соприкоснулась с Монголией) могла влиять на население Средней Азии, в частности на костюм.

В начале XV в. посол при дворе Тимура Клавихо прожил в Самарканде два года и мог близко наблюдать жизнь городского населения. Народный костюм не привлек, однако, к себе его внимания: он описал только, как были одеты жены Тимура, явившиеся на пир, где присутствовал и Клавихо⁴. Конечно, головные уборы знатных дам должны были сильно отличаться от тех, которые носили женщины из народа.

В XVI в. английский купец Дженкинсон, проехавший через Россию и посетивший Среднюю Азию, интересуясь по роду своей деятельности

товарами, оставил интересное описание тканей, но об одежде ничего не сообщил⁵.

В XVIII в., когда установились более близкие связи России со Средней Азией, последнюю стали посещать русские. Из них двое — Филипп Ефремов и Филипп Назаров — оставили свои воспоминания⁶, в которых упоминаются и некоторые детали костюма среднеазиатских народов. Первый, кроме того, сообщил крайне важные для истории одежды сведения о выкормке шелковичных червей и производстве в Бухаре шелковых тканей, свидетельствующие о том, что он видел это своими глазами. В Хорезме в XVIII в. в специальной поездке побывал поручик Гладышев, который описал одежду населения этого района довольно подробно⁷.

В первой половине XIX в. Среднюю Азию посетило немало путешественников из разных стран, в первую очередь из России. Они сообщили первые подробные сведения о стране, но больше внимания обратили на антропологический облик населения, одежда в их трудах почти не описана. Мы встречаем лишь отдельные замечания: член русской миссии в Бухаре Е. Мейендорф сообщает, что бухарские женщины носят скрывающую их одежду⁸, англичанин А. Борнс отмечает сапоги на высоком каблуке, которые, по его словам, составляют непременную принадлежность узбекского национального наряда, и «большие белые чалмы»⁹ женщин. У венгерского путешественника А. Вамбери находим описание тканей, которые производились в Бухаре¹⁰, а у немца Э. Эверсмана подробно описана торговля драгоценными камнями, применявшимися для женских украшений¹¹. Краткие, но очень интересные для истории одежды сведения о костюме хивинцев, бухарцев и кокандцев и о местных тканях сообщает П. Небольсин¹².

Литература по этнографии народов Средней Азии пополнилась после присоединения ее к России; об одежде населения в разных публикациях можно встретить довольно многочисленные, но отрывочные замечания. Более подробные, но тоже крайне неполные данные имеются в труде супругов Наливкиных¹³, а также в сводной работе А. Шишова; наряду с материалами, подобранными им из литературы, А. Шишов использовал и свои наблюдения, которые он мог делать как врач, лечивший местное население¹⁴. Краткие сведения об одежде горных таджиков содержатся в широкоизвестной книге А. А. Бобринского¹⁵. Более подробное и специальное описание костюма туркмен и казахов мы находим в книге немецкого этнографа Р. Карутца, обследовавшего в начале XX в. полуостров Мангышлак¹⁶.

В советское время изучение среднеазиатского народного костюма значительно расширилось. Пополнились музейные собрания, некоторые коллекции одежды приобретались на месте, что обеспечивало хорошую паспортизацию отдельных предметов, а иногда и целых комплексов костюма¹⁷. Непаспортизованные предметы из старых коллекций и новые приобретения неустановленного происхождения частично были определены и научно обработаны. В довоенные и военные годы этнографы собрали сравнительно полные материалы по костюму населения некоторых городов — Ташкента (М. А. Бикжанова), Самарканда (О. А. Сухарева) и Нурата (А. К. Писарчик), позволившие установить этапы эволюции

среднеазиатского народного костюма за последнее столетие, а по отдельным вопросам — и с начала XIX в.¹⁸

Больше всего изучена и освещена в печати народная одежда таджиков, в основном горных. Отдельные сведения о ней начали появляться еще до революции¹⁹. В советское время опубликованы работы по костюму таджиков Гармской обл., Каратегина, Дарваза, верховьев Зеравшана, а также издан альбом таджикской одежды²⁰. Описана одежда различных групп памирских таджиков, сохранивших вследствие своей бывшей изолированности многие древние формы быта, в частности одежды²¹.

Костюм равнинных таджиков представлен в изданиях гораздо слабее. По существу, имеется лишь характеристика одежды жителей селения Кыстакон и небольшая статья по одежде таджиков Самарканда²². Остается совершенно неизученной одежда таджиков Бухары, таджикского населения Северного Таджикистана (кроме селения Кыстакон) и таджикских селений многих районов Узбекистана.

Пока не выполнена задача сравнительного анализа одежды таджиков и соседних с ними других народов и этнических групп. Изучением специального вопроса — таджикских женских украшений — занималась Л. А. Чвырь, которая посвятила этой теме кандидатскую диссертацию, опубликовала автореферат, несколько статей и книгу²³.

По одежде узбеков материалов очень мало. До недавнего времени никто, за исключением М. А. Бикжановой, специально узбекской одеждой не занимался. М. А. Бикжановой опубликована пока лишь одна статья по Ташкенту²⁴; вторая публикуется в этой книге. В процессе исследования ташкентской одежды М. А. Бикжанова составила прекрасный альбом, его таблицы хорошо аннотированы, поэтому он представляет собой ценный источник по истории народной одежды. Таблицы выполнены художником А. Н. Николаевым (Усто Мумин) и имеют самостоятельную художественную ценность²⁵.

Одежда сельского населения Ташкентской обл. (преимущественно пригородного, принадлежащего к группе узбеков-сартов) кратко описана А. Н. Жилиной²⁶, а одежда кураминцев, тоже расселяющихся преимущественно в Ташкентской обл., — Т. Файзиным²⁷. Одежда исконного земледельческого населения Хорезма изучалась М. В. Сазоновой²⁸. М. А. Бикжанова описала костюм узбеков Наманганской обл., но ее задача состояла в том, чтобы показать изменения в народном быту за годы, прошедшие после утверждения колхозного строя, поэтому традиционные формы одежды рассмотрены ею только как современная одежда пожилых людей²⁹. Полный старинный костюм, в частности костюм молодухи, остается для Ферганской долины неизвестным. Нет данных по костюму этого района и в археологических работах.

Слабо изучена одежда узбеков, имевших родо-племенное деление. Мы располагаем только краткими описаниями одежды узбеков-карлуков, узбеков-дурмен и принадлежавших к этой части узбекского народа разных групп, живущих в Каракалпакской АССР³⁰. Сведения о костюме хорошо изученных Б. Х. Кармышевой узбеков-локайцев, узбеков-тюрок и узбеков-карлуков пока не опубликованы; в отдельных ее статьях мы находим краткие замечания, дополняемые хорошими иллюстрациями³¹.

Слабая изученность народного костюма узбеков не позволила дать его более подробную характеристику в сводном труде «Народы Средней Азии и Казахстана», где этот раздел очень краток и не охватывает всего разнообразия локальных вариантов узбекского костюма и его эволюцию³². Недостаточность данных усугубляется почти полным отсутствием сведений об одежде узбеков в дореволюционной литературе.

Туркменский костюм освещен в ряде статей, написанных на основе полевых материалов. В них описана одежда туркмен, принадлежавших к разным группам, в прошлом сохранявшим облик племенных³³. Это позволило Г. П. Васильевой сравнительно подробно осветить туркменский костюм в сводном издании «Народы Средней Азии и Казахстана».

В послевоенный период активно велось изучение одежды киргизов. Специальная глава об одежде и украшениях южных киргизов имеется в книге К. И. Антипиной³⁴. Автор описывает все виды одежды и ее варианты, делает попытку проследить процесс изменения одежды, привлекает исторические сведения. Значительный материал на ту же тему собран Е. И. Маховой — большим знатоком вопроса; ею подготовлены в черновом варианте некоторые карты распространения видов и вариантов одежды и украшений³⁵.

На базе этих исследований С. М. Абрамзоном был написан раздел в томе «Народы Средней Азии и Казахстана» (серия «Народы мира»), посвященный одежде и содержащий не только обстоятельное описание элементов традиционной одежды, но и историю появления некоторых новых для киргизов форм, отмечены изменения в костюме, которые произошли с XVIII в. (письменные источники этого времени содержат описание киргизской одежды).

Значительно продвинулось изучение народного костюма казахов. В результате широких полевых исследований была издана специальная монография по казахской народной одежде³⁶, в которой охарактеризованы все основные формы одежды и украшений и по некоторым вопросам привлечены исторические данные, раскрывающие частично историю казахской одежды. Проводившаяся казахскими этнографами специальная работа по изучению костюма позволила насытить фактическими данными и раздел об одежде в издании «Народы Средней Азии и Казахстана» (автор В. В. Востров); помимо сравнительно подробных описаний традиционного костюма, мы находим там интересные иллюстрации, включающие покрои одежды³⁷. К этому следует добавить содержащиеся в различных научных статьях данные по отдельным элементам казахского костюма, например по украшениям³⁸.

Этнографическим изучением каракалпаков много лет занимается Т. А. Жданко. В числе других вопросов она осветила состав и характер мужской и женской одежды и изменения в одежде как в дореволюционный период, так и в советское время, дала общую характеристику каракалпакского костюма в книге «Народы Средней Азии и Казахстана»³⁹. Каракалпакская одежда изучалась также А. С. Морозовой (специальная глава входит в ее диссертацию)⁴⁰.

Подготовка двухтомника «Народы Средней Азии и Казахстана» в серии «Народы мира» сделала необходимым накопление материалов по эт-

нографии малых народов и этнографических групп. Были предприняты поездки в места проживания этих групп для сбора полевого материала, в частности по одежде. В этом издании мы находим данную впервые характеристику костюма среднеазиатских арабов (Б. Х. Кармышева), среднеазиатских евреев (Я. И. Калантаров), среднеазиатских цыган (Г. П. Снесарев и А. Л. Троицкая), белуджей (Э. Г. Гафферберг), а также недавних поселенцев — дунган, корейцев и русских. Эти описания очень кратки, но все же дают представление о своеобразии костюма той или иной группы или, наоборот, позволяют судить о степени освоения ею одежды коренного населения⁴¹. В последующие годы одежда белуджей была более подробно описана в монографии Э. Г. Гафферберг⁴², а Х. Исмаиловым собран новый материал по одежде арабов, который публикуется в настоящей книге. Из обобщающих работ пока издана лишь статья О. А. Сухаревой о древних чертах в головных уборах разных народов региона.

Таким образом, можно констатировать, что в изучении среднеазиатского костюма за последние годы было достигнуто немало. Те скудные сведения об одежде, которые имеются в дореволюционной литературе, не могут идти ни в какое сравнение с собранными и опубликованными в советское время. Однако при очевидных достижениях среднеазиатский народный костюм все еще изучен неравномерно и не всегда достаточно глубоко. Порой костюм ошибочно рассматривается как нечто неизменное, отлившееся в стабильные формы, в нем не всегда выделены черты разного и разновременного происхождения.

Для правильного и эффективного использования материалов по костюму в исследованиях этногенетического и этнокультурного плана необходимы хорошая систематизация материалов, их обработка и свodka. Попытку найти новые способы обработки фактов из области народного костюма сделала Л. А. Чвырь, которая применила статистический метод. Существенным результатом этого исследования было представление о типоборазующих и нетипоборазующих признаках однородных предметов, выделенных ею в отношении таджикских украшений. Это позволило делить близкие по виду предметы на четкие группы, создало основу для надежной, опирающейся на объективные показатели типологии украшений⁴³. Совершенно недостаточно разработана история среднеазиатской одежды прошлых веков и даже первой половины XIX в. Здесь трудность исследования усугубляется почти полным отсутствием подлинных вещей, изучение которых для истории костюма должно являться источником первостепенной важности. Но в Средней Азии не было обычая хранить старую одежду. Даже в кладовых бухарского эмира не обнаружили ни старинной одежды, ни одежды, носимой эмирской семьей, там хранились главным образом мужские шелковые и полушелковые халаты, вероятно полученные в виде подарков (тортук) или изготовленные для одаривания служилых людей (комплексы одежды входили в состав их жалованья, определяясь чином и положением одариваемого). Отдельные предметы одежды хранились из поколения в поколение лишь в тех случаях, когда они приобретали значение религиозной реликвии. Одежда и головные уборы, приписывавшиеся «святым», держали при их могилах — мазарах, используя как «лечебное средство». В публикациях отражены два ком-

плекса таких предметов — XVI и XVII вв.; упомянут также обнаруженный в Самарканде халат XVIII в.⁴⁴ К этим предметам добавился найденный археологом Н. Б. Немцевой в погребении XV в. детский шелковый халатик⁴⁵. Других подлинных предметов одежды прошлых веков пока не обнаружено.

Тем большее значение приобретает изучение одежды, изображенной на памятниках. Помимо книжных средневековых миниатюр, сейчас благодаря находкам археологов в распоряжении науки имеется богатейший материал настенных росписей доарабского времени. Книжные миниатюры дают возможность специально исследовать средневековый костюм. Пионером таких исследований выступила Г. А. Пугаченкова, которая опубликовала две статьи по истории среднеазиатского костюма⁴⁶. На основании этого же источника исследует историю костюма М. В. Горелик. Изучением одежды по росписям занимается Н. П. Лобачева, по скульптуре — В. А. Мешкерис. Их статьи публикуются в настоящей книге. Эти данные используются этнографами⁴⁷.

До сих пор для изучения вопроса почти не привлекались данные восточных письменных источников. Здесь таятся большие возможности, хотя, как правило, прямых описаний одежды в источниках не бывает. Но даже мимоходом брошенное замечание средневекового автора представляет собой большую ценность. Специальный подбор таких замечаний может дать отправную точку для важных сопоставлений. Насколько плодотворно может быть привлечение этого источника, показывает статья Р. Г. Мукминовой, публикуемая в настоящей книге. Помимо сочинений местных и переднеазиатских авторов, ценный материал о культуре среднеазиатских народов содержат китайские источники, в которых мы находим сведения о костюме древних и средневековых самаркандцев. Например, В. В. Бартольд опубликовал сообщение путешественника XIII в. Чан-Чуня, содержащее довольно подробные и четкие сведения⁴⁸.

Источником для изучения истории народного костюма может служить и фольклор, особенно такие его жанры, как дастаны и исторические предания. Для понимания истории среднеазиатского костюма важно также привлекать данные терминологии. Наряду со сбором терминов, связанных с костюмом и бытующих в настоящее время, их анализом (определением происхождения термина по языку, выяснения буквального его значения, этимологии) необходимо использовать все доступные словари, в которых содержится много материала для изучения истории костюма. Точное значение термина, его этимология позволяют порой глубже проникать в идею, лежащую в основе обозначаемого этим термином предмета одежды, раскрывают его этнические корни. Между тем этот резерв в от ношении одежды еще почти совершенно не использован.

Важнейшее значение для исследования истории костюма имеет выяснение этапов, которые он прошел в своем развитии, прежде чем стал доступен для изучения этнографическим методом. Эта задача в Средней Азии особенно актуальна, потому что костюм XIX—начала XX в. значительно отличается на первый взгляд по своему внешнему виду от костюма, отраженного в древних стенных росписях, скульптурах или в средневековых миниатюрах. Выявить в костюме разных эпох черты общности или

различия, установить преемственность между костюмом более раннего периода и тем, который бытовал в конце XIX—начале XX в., для данного вопроса — задача первостепенной важности. Между тем связи между костюмом разного времени в достаточной мере не вскрыты. В решении этой задачи весьма плодотворным может быть сотрудничество этнографов с историками и искусствоведами. Знание этнографами подлинной, хотя и поздней, одежды и возможность изучить ее во всех деталях помогут расшифровать порой недостаточно ясные и всегда условные изображения. Попытки сопоставления древнего и средневекового костюмов с костюмом XIX—начала XX в. этнографами уже предпринимались⁴⁹.

Период, доступный изучению собственно этнографическим методом — наблюдением и записью устных сообщений, хронологически ограничен возможностями человеческой памяти. Воспоминания, основанные на личном опыте информаторов, охватывают чаще всего не больше 50—60 лет. К ним добавляются воспоминания о том, что рассказали в свое время люди прошлых поколений. Эти рассказы освещают (правда, всегда неполно) и несколько более далекое прошлое, восходящее иногда к первым десятилетиям XIX в. Несмотря на отрывочность, такие сведения очень ценны, так как их не содержит никакой другой источник.

Этнографические исследования показали, что народный костюм — даже в самом его традиционном виде — нельзя рассматривать как неизменный: в нем прослеживается определенная эволюция, а порой и смена форм. Изучение этого процесса должно проводиться безотлагательно, так как в смене поколений специфический источник, которым пользуется этнография, — живые люди — исчезает. Период, изучаемый по этнографическим данным, имеет в истории костюма народов Средней Азии и Казахстана особое значение: конец XIX—начало XX в. — время крутых поворотов в народной жизни, оказавших глубокое влияние на всю последующую судьбу национальных культур, отразившееся и на костюме. Присоединение к России вывело Среднюю Азию из многовековой замкнутости и застоя, создало условия для дальнейшего развития товарности хозяйства и на этой основе — зарождения капиталистических отношений, открыло путь к переменам и, в частности, в материальной культуре. Еще большее влияние на все стороны народной жизни оказала Октябрьская революция. Она коренным образом преобразовала жизнь и быт народных масс, покончила с извечной их нищетой, с закрепощением женщин и устранением их от общественной жизни и общественного труда. Все это не могло не сказаться на народном костюме.

В истории костюма всего региона за указанный период можно выделить три этапа, сущность которых полностью определялась особенностями складывающихся здесь социально-экономических и исторических условий. Первый этап — вторая половина XIX в. (до 90-х годов) — характеризовался господством феодальных отношений в хозяйстве и общественной жизни, сохранением всего свойственного феодализму бытового уклада. В отношении костюма этот этап отличался господством традиционных форм туникообразной одежды. Когда сложился весь этот старинный костюм во всех своих элементах, пока сказать нельзя. Но свойственные ему архаические черты свидетельствуют о его древнем происхождении.

Неизменный в своей древней основе, он пережил, однако, известную эволюцию. Отдельные дошедшие до нас факты свидетельствуют, что и тогда, когда феодальный строй и порожденный им косный и неподвижный бытовой уклад препятствовали всяким новшествам, расценивая их как нарушение религиозных и бытовых законов, изменения в костюме все же происходили. Но они были очень медленными и ограничивались рамками традиционных форм.

Иные черты характеризовали народный быт после присоединения к России (второй этап). Направление изменений в одежде определилось влиянием народов России, в частности татар — единоверцев среднеазиатских народов, что в тот период облегчало заимствования. Эти влияния в отношении костюма стали проявляться в Средней Азии с последней четверти, а в Казахстане — возможно, с начала XIX в. Появились новые виды и формы одежды, старый традиционный костюм все больше становился стариковским или ритуальным.

Распространение одежды нового типа происходило неравномерно. До революции он бытовал преимущественно у населения крупных городов и тяготеющих к ним сельских районов. Лишь в советское время, особенно после войны, он везде, но в разные годы прочно вошел в быт, сделавшись в различных локальных и национальных вариантах основным типом местной одежды. В настоящее время немалая часть населения, особенно городского, переходит к ношению общесоветской одежды, в которую, однако, часто вносятся те или иные национальные элементы, и это можно считать третьим этапом в истории костюма среднеазиатских народов.

Современный костюм населения Средней Азии и Казахстана крайне неоднороден. Городская, а частично и сельская молодежь, особенно из среды интеллигенции, одевается по самой последней моде; люди средних лет носят чаще всего тот вариант национальной одежды, который сложился и распространился к началу войны; пожилые, особенно женщины из отдаленных сельских районов, сохраняют старую традиционную одежду, которая, однако, теперь стала включать отдельные элементы костюма второго и третьего, т. е. «европейского», типов. Но в наши дни немало и очень пожилых людей носят такую одежду — они привыкли к ней смолоду. Одновременное бытование костюма, характерного для разных исторических этапов, дает неоценимые возможности изучать путем непосредственного наблюдения народный костюм разных периодов его истории. Следует только не забывать, что одежду, которую сейчас носят люди пожилого возраста, раньше носили все, отличия ограничивались цветом и материалом.

Эволюция костюма городского и сельского населения протекала по-разному. Сельский костюм дольше сохраняет традиционный облик, в нем черты старинного костюма можно наблюдать и в наши дни. В городах многие такие черты исчезли, об их существовании в прошлом можно узнать только из воспоминаний пожилых людей, нередко передающих к тому же слышанное ими от старших. Однако нельзя недооценивать важность исследования городских вариантов народного костюма. Вследствие того что в городах концентрировалась феодальная знать и было много состоятельных семей, именно здесь сложился и бытовал наиболее богатый,

а значит, и наиболее полный комплекс традиционной народной одежды и украшений, употреблялись наиболее разнообразные их виды, создавались самые высокие образцы. Разработанные в городе варианты народного костюма распространились затем и в сельские районы.

Осуществление целого ряда исследований, накопление фактов, ведущиеся в общем русле работы над историко-этнографическим атласом нашего продвинуто исследование ценных традиций, сложившихся в народном костюме. Предлагаемая вниманию читателей книга является итогом коллективных усилий, направленных на изучение народного традиционного костюма.

*

Иллюстрации к книге выполнены: черно-белые — художницей М. Р. Семашкевич; цветные — художниками М. М. Санниковым, Л. В. Николаевым (Усто Мумин) и Г. В. Вороновой.

¹ Книга Марко Поло. М.: Географгиз, 1955, с. 75.

² Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957, с. 131.

³ Путешествия..., с. 27.

⁴ Де Клавихо Р. Г. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. — Сборник Отд-ния русского языка и словесности АН. СПб., 1881, т. XXVIII, № 1, с. 293.

⁵ Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию. — В кн. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л.: ОГИЗ, с. 193.

⁶ Ефремов Ф. Десятилетнее странствование. М.: Географгиз, 1950; Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М.: Наука, 1968.

⁷ Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. Гладышевым и Муравиным. СПб., 1851.

⁸ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975, с. 147—148.

⁹ Борнс А. Путешествие в Бухару. М., 1848—1849, ч. III, с. 393, 410.

¹⁰ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1868, с. 351.

¹¹ Evermann E. Reise von Orenburg nach Buchara. Berlin, 1823, S. 75.

¹² Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии. СПб., 1856, с. 9—10, 13.

¹³ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганской долины. Казань, 1886.

¹⁴ Шишов А. Сарты: Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Ташкент, 1904, кн. XI; Он же. Таджики. Ташкент, 1910.

¹⁵ Бобринский А. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908.

¹⁶ Каруц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., б. г.

¹⁷ Два комплекса одежды жениха и невесты из Нурата — конца XIX и начала XX в. — подобраны А. К. Писарчик с помощью местных жителей; они хранятся в Музее культуры народов Узбекистана (Самарканд).

¹⁸ Статья М. А. Бикжановой публикуется в настоящей книге. Монографии О. А. Сухаревой и А. К. Писарчик подготовлены к изданию.

¹⁹ Бобринский А. Горцы...; Материалы и заметки по этнографии горных таджиков долины Бартанга. — Сборник МАЭ, Пг., 1917, IV.

²⁰ Широкова З. А. Арханческие детали в женской одежде горных районов Кулябской области. — Изв. Отд-ния общественных наук АН ТаджССР, Сталинабад, 1953, № 3; Она же. Одежда таджиков Дарваза. — Изв. Отд-ния общественных наук АН ТаджССР, 1956, № 10—12; Она же. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976. Ею же написаны разделы, посвященные одежде, в книгах «Таджики Кара-тегина и Дарваза» (Душанбе: Дониш, 1970) и «Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана» (Душанбе: Дониш, 1973); Русайкина С. П. Народная одежда таджиков Гармской об-

- ласти. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1959, II. Ершов Н. Н., Широкова З. А. Альбом таджикской одежды. Душанбе, 1969; Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана. — В кн.: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л.: Наука, 1970.
- ²¹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф, 2/ Примеч. и доп. А. К. Писарчик. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1958.
- ²² Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерова Е. М., Русяйкина С. П. Культура таджикского колхозного крестьянства. М.: Изд-во АН СССР, 1954, раздел об одежде написан Е. М. Пещеровой; Сухарева О. А. К истории костюма населения Самарканда. — Бюл. АН УзССР, 1945, № 11/12.
- ²³ Чвырь Л. А. Таджикские женские украшения: Дис. и автореф. М.: Наука, 1973; Она же. Таджикские ювелирные украшения. (К проблеме историко-культурного районирования). М.: Наука, 1977.
- ²⁴ Бикжанова М. А. Мурсак — старинная верхняя одежда узбеков г. Ташкента. — В кн.: Памяти М. С. Андреева. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1960.
- ²⁵ Альбом хранится в Институте искусствоведения (Ташкент).
- ²⁶ Жилина А. Н. Современная материальная культура сельского населения Ташкентской области УзССР. — В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1966.
- ²⁷ Файзиев Т. Узбеки-курама: Дис. и автореф. Ташкент, 1963.
- ²⁸ Сазонова М. В. Украшения узбеков Хорезма. — В кн.: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л.: Наука, 1970; см. также статью М. В. Сазоновой и К. Л. Задыхиной в настоящей книге.
- ²⁹ Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955; Бикжанова М. А. Семья в колхозах Узбекистана. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959.
- ³⁰ Задыхина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. — В кн.: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции за 1945—1948 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
- ³¹ Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. — Труды АН ТаджССР, 1954, вып. XXVIII;
- Она же. Этнографическая группа тюрк в составе узбеков. — СЭ, 1960, № 1.
- ³² Народы мира. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Народы Средней Азии и Казахстана, I. Авторы разделов об одежде О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова, К. Л. Задыхина.
- ³³ Морозова А. С. Женские головные уборы туркмен. — Труды/ Ин-т истории ТССР, 1963, т. VII; Васильева Г. П. Итоги работ Туркменского отряда за 1948 г. — В кн.: Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции за 1945—1948 гг.; Она же. Туркмены-нухурли. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1954, I; Она же. Социалистические преобразования и этнические процессы в Северном Туркменистане. М.: Наука, 1969; Джикиев А. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад: Изд-во АН ТаджССР, 1961; Овезбердыев К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса. — Труды/ Ин-т истории АН ТССР, Ашхабад, 1962, т. VI; Оразов А. Материальная культура прибалханских туркмен в конце XIX—начале XX в.: Исследования по этнографии туркмен. Ашхабад: Туркменистан, 1965; Ниязклычев К. Туркмены-човдуры: Дис. и автореф. М., 1968; см. также: Винников Я. Р. Социалистическое переустройство хозяйства и быт дайхан Марыйской области Туркменской ССР. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник, I; Он же. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М.: Наука, 1969; Аннаклычев Ш. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1961.
- ³⁴ Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962.
- ³⁵ Материалы Е. И. Маховой по материальной культуре киргизов были широко использованы при написании раздела «Киргизы» в книге «Народы Средней Азии и Казахстана», II; см. также статью Е. И. Маховой в настоящей книге; Иванов С. В., Махова Е. И. Художественная обработка металла. — В кн.: Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. М.: Наука, 1968.

- ³⁶ Захарова Н. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда. Алма-Ата: Наука, 1964.
- ³⁷ Народы мира. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Народы Средней Азии и Казахстана, II.
- ³⁸ Востров В. В. Новые материалы по этнографии казахов-адаевцев. — Труды/ Ин-т истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1960, т. 8.
- ³⁹ Народы Средней Азии и Казахстана, I.
- ⁴⁰ Морозова А. С. Культура домашнего быта каракалпаков: Дис. и автореф. Ташкент, 1955.
- ⁴¹ Народы Средней Азии и Казахстана, II.
- ⁴² Гафферберг Э. Г. Белуджи в Туркменской ССР. М.: Наука, 1969.
- ⁴³ См. статью Л. А. Чвырь настоящей книги.
- ⁴⁴ Семенов А. А. Ташкентский суфий Шейх Хавенд-тахур (Шейх Антаур) и приписываемый ему кулах. — В кн. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1915; Сухарева О. А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVIII в. — В кн.: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии; Она же. Некоторые результаты изучения истории народов Средней Азии. — В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М.: Наука, 1971.
- ⁴⁵ Немцева Н. Б. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в. — В кн.: Из истории искусства великого города. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1972.
- ⁴⁶ Пушаченкова Г. А. К истории паранджи. — СЭ, 1952, № 3; Она же. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV—первой половины XVI в. — Труды САГУ, 1956, XXXI; Она же. Миниатюры фахт-наме — хроники по изучению восточных рукописей АН УзССР. — Труды/ САГУ, 1950, вып. XI.
- ⁴⁷ См., например: Васильева Г. П. Народное прикладное искусство как источник для изучения этногенеза. — В кн.: Тезисы докладов на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1973; Она же. Этнографические данные о происхождении туркменского народа. — СЭ, 1964, № 6; Сазонова М. И. Украшения узбеков Хорезма. — В кн.: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Вряд ли, однако, можно согласиться со всеми толкованиями автора, основывающегося на внешней форме и слишком смело ее интерпретирующего, к тому же вне связи с украшениями населения других народов региона и других этнических групп.
- ⁴⁸ Бартольд В. В. Туркестанский край в XIII в. — Соч.: В 9-ти т. М.: Изд-во вост. лит., 1963, т. III, с. 240—241.
- ⁴⁹ Сухарева О. А. Древние черты...; Лобачева Н. П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накладки—халаты). — СЭ, 1965, № 6; Сазонова М. В. Украшения узбеков Хорезма.

ЖЕНСКИЕ ЧАЛМООБРАЗНЫЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ НА КУШАНСКИХ СТАТУЭТКАХ ИЗ СОГДА¹

В. А. Мешкерис

Ориентация на палеоэтнографию в области историко-этнографического изучения среднеазиатской одежды определилась еще в 50-е годы. Исследователей привлек богатейший материал древнесреднеазиатской терракотовой пластики, которой мог дать ответ на многие вопросы, связанные с исследованием древнейших традиций среднеазиатских народов. Изучение статуэток помогает установить генезис некоторых архаических черт в на-

циональной культуре современных народов Средней Азии, в частности в веках устоявшихся типах народной одежды. Используя материалы среднеазиатских терракот, О. А. Сухарева впервые сделала попытку объяснить генезис некоторых форм головных уборов современных народов Средней Азии². Палеоэтнографический уклон присутствует в работе Ф. А. Заславской, посвященной терракотам кушанского времени³. Исследуя материал коропластики, она выделяет несколько прототипов женского костюма, отличающихся друг от друга покроем платья, формой головного убора, орнаментацией и украшениями.

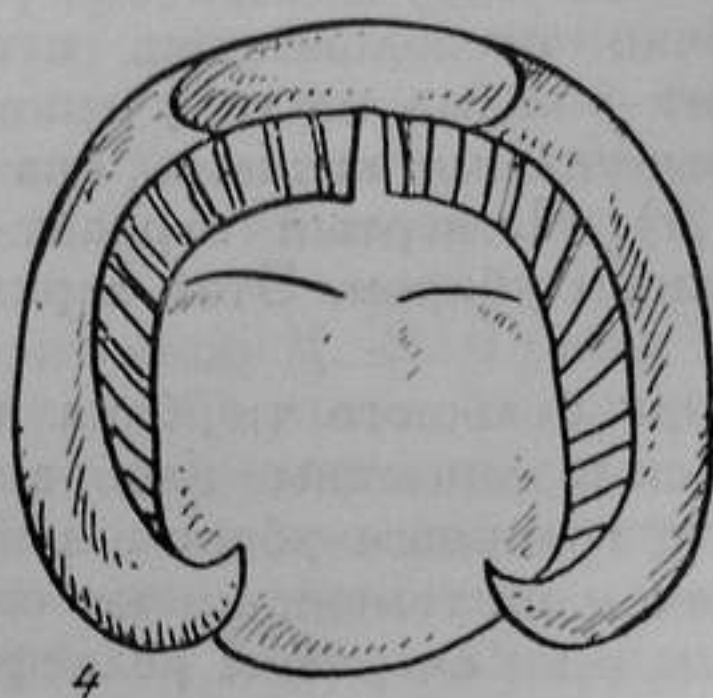
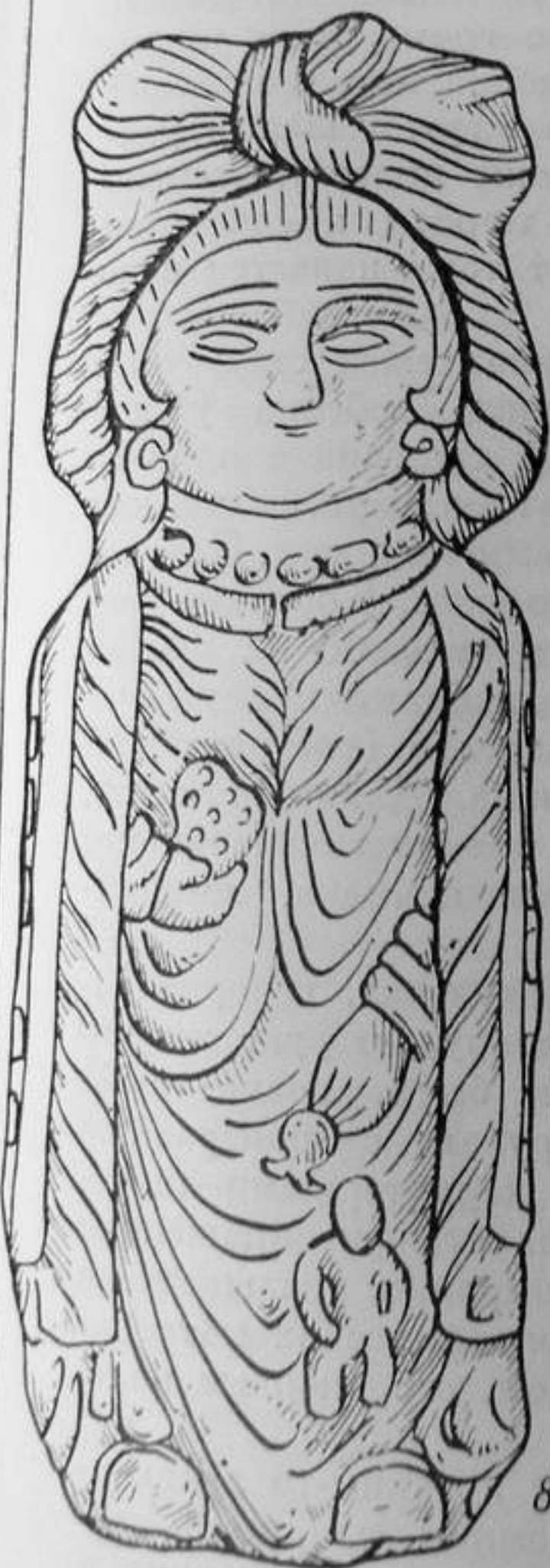
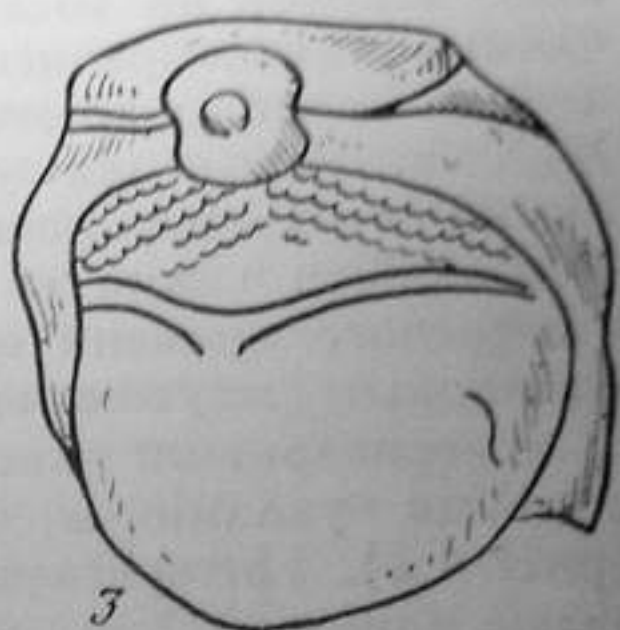
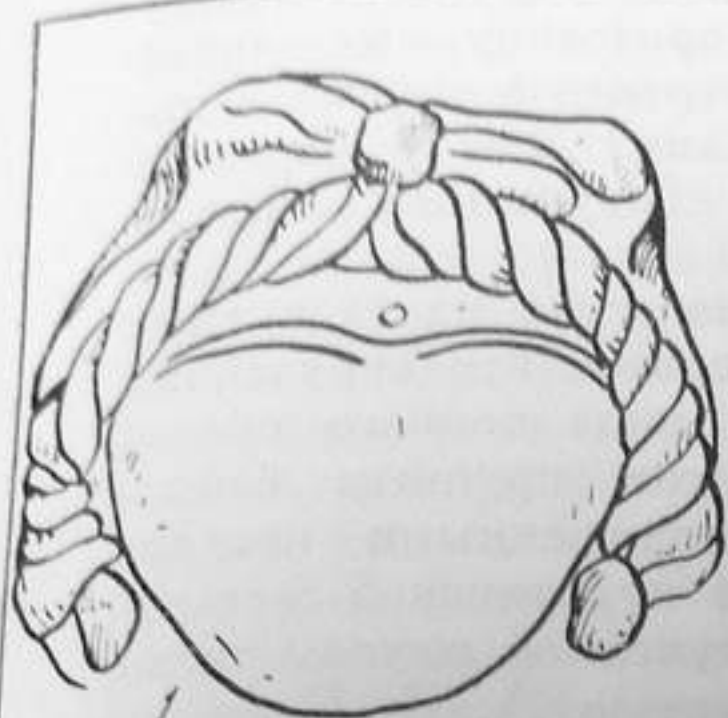
Настоящая заметка посвящена лишь одному виду женского головного убора, запечатленному на группе кушанских статуэток первых веков нашей эры, уже отраженной в публикациях⁴, но в достаточной мере не интерпретированной. Это чалмообразная повязка, которая представляет особый интерес, так как по форме напоминает старинный, во многих местах исчезнувший традиционный головной убор среднеазиатских женщин, что позволяет предположить между ними генетическую связь и рассмотреть головной убор кушанских статуэток в свете (правда, очень далеких по времени) этнографических параллелей.

Женский головной убор в виде повязки на статуэтках кушанского времени делится на два варианта: маленькая чалма с двух- или трехлепестковым бантом на темени (рис. 1, 1) и большой громоздкий тюрбан, представленный несколькими разновидностями (рис. 1, 2, 5—7).

Маленькая чалма с крупным бантом на темени, как, по-видимому, верно отметила Ф. А. Заславская, представляет собой «сложное переплетение свернутого в жгут тонкого шарфа», обрамляющего полуovalом лоб и щеки и завязанного на темени крупным бантом в две или три петли (рис. 1, 1)⁵. Этот же головной убор запечатлен в живописи Топрак-калы⁶, что дает основание предположить его распространенность в Средней Азии кушанского времени. Вариантом такой «архаической чалмы» можно считать повязку с узлом (рис. 1, 3) не на темени, а надвинутым на лоб. Отличительной чертой статуэток с таким убором является то, что из-под убора видны косички, заплетенные на прямой пробор и уложенные по обе стороны лица (рис. 1, 3, 4). Повязка с узлом на темени, по предположению М. Г. Воробьевой, отметившей ее на хорезмийских статуэтках того же времени, была заимствована жителями Средней Азии из Северо-Западной Индии⁷. Это предположение подтверждается тем, что такой головной

Рис. 1. Женские чалмообразные головные уборы

1 — маленькая чалма с крупным бантом на темени из скрученного в жгут тонкого шарфа, обрамляющего щеки в виде тонкого ободка с диагональными насечками; 2 — повязка с крупным узлом, надвинутым на лоб; 3 — вариант «архаической чалмы» с узлом в центре, из-под которого видны косички, заплетенные на прямой пробор и уложенные по обе стороны лица; 4 — вариант чалмы с узлом в центре; 5 — чалма в виде громоздкого тюрбана из обрамляющего щеки в виде тонкого ободка, скрученного одинарным узлом шарфа, завязанного крупным бантом с двумя узлами в центре; 6 — чалма из скрученного жгутом шарфа, уложенного по сторонам лица крупными выпуклыми витками, с многосложным узлом на темени; 7 — чалма в сочетании с высоким зубчатым головным убором, переданным в статуэтке одной горизонтальной рельефной волнообразной линией; 8 — статуэтка в складчатом платье с символическим изображением ребенка у ног, в головном уборе в виде большого тюрбана

убор изображен на гандхарских памятниках кушанского времени. Возникает вопрос: не восходит ли к этому древнему прототипу «маленькой чалмы» чалмообразный убор, который был распространен у многих этнических групп современного населения Средней Азии? Так в середине XIX в. назывался убор самаркандских женщин (изученный этнографами) — локи или локича.

Большая чалма в виде громоздкого тюрбана известна на статуэтках кушанского времени в различных вариантах: во-первых, это скрученный одинарным жгутом шарф, обрамляющий щеки в виде тонкого ободка с диагональными насечками, завязанный на темени крупным бантом с двумя узлами в центре и симметрично расположенными петлями (рис. 1,2). Интересную параллель можно видеть в нуратинской женской чалме начала XX в., которая тоже делалась из скрученной жгутом ткани, располагающейся по обеим сторонам лица (см. статью А. К. Писарчик в настоящей книге), как и в архаической чалме на кушанских статуэтках.

Второй вариант — чалма из скрученного шарфа с громоздким узлом, состоящим из беспорядочно расположенных петлеобразных сплетений (рис. 1,5). Третий вариант — чалма из скрученного жгутом шарфа уложена по сторонам лица выпуклыми витками, она тоже имеет на темени громоздкий узел (рис. 1,6). Четвертый вариант — тюрбан в сочетании с высоким зубчатым головным убором. Этот вариант тоже известен и по данным этнографии.

Головки с убором в виде большого тюрбана принадлежат статуэткам в складчатом платье с символическим изображением ребенка у ног (рис. 1,8). Эти статуэтки с головным убором в виде тюрбана с причудливо завязанным витым узлом на темени имеют округлое лицо, глаза, как правило, узкие, удлиненные, веки очерчены рельефными линиями. Прямые брови соединяются у переносья и переходят в линию носа. Короткие спереди волосы, расчесанные на прямой пробор, образуют челку и, огибая виски, спускаются до уровня рта, ложась ровными скобками над ушами. В ушах округлые серьги. На шее либо двойное ожерелье (состоящее из колечек или круглых бусин), либо ожерелье и гривна. Длинный хитон, высоко подпоясанный прямо под грудью, спадает до пят многочисленными живописными складками. Поверх наброшена богатая накидка, по-видимому, с ложными рукавами.

О семантике образа, запечатленного на этих статуэтках, говорят сопутствующие им атрибуты. В правой согнутой перед грудью руке мы видим какой-то округлый, иногда зернистый (может быть, гранатовый) плод, в левой, опущенной, на которой виден рукав в поперечную складку, — тоже плод граната, повернутый боком, с характерными листьями наверху. Но самой значительной деталью является изображенная иногда под левой рукой фигурка младенца. Она, несомненно, указывает на то, что статуэтка изображает женщину-мать. В этнографических материалах чалмообразный убор тоже связан с материнством, его впервые надевали после рождения ребенка.

Образ богини с младенцем, несомненно, восходит к каким-то древнейшим восточным прототипам женского божества. Вспомним, например, статуэтки обнаженной богини-матери с младенцем на руках из Вавилонии и

Элама (III—II тысячелетия до н. э.⁸) или терракоты Палестины (I тысячелетие до н. э.), на которых ребенок изображался не на руках богини, а сбоку, стоящим с нею рядом⁹. Имеются аналогии к рассматриваемым памятникам и более близкие по времени. Тема богини-матери с ребенком довольно обычна для большей части территорий эллинистического Востока. В монументальной скульптуре Индии, например, в виде женщины с младенцем изображается богиня Харити¹⁰. Этот же сюжет встречается и среди терракот Таксилы¹¹, откуда происходит чаша с изображением не то богини, не то невесты с маленькой фигуркой младенца у ног. Большое распространение этот сюжет получил в коропластике Передней и, как мы видели, Средней Азии. Он встречается в терракотах из Согда и Хорезма¹², Бактрии¹³ и особенно западнопарфянского Ирана¹⁴. С последними у исследуемой нами группы статуэток устанавливаются самые близкие параллели. Характерно само положение младенца на фигурах из Селевкии на Тигре, Вавилонии, Ниппура, где богиня в «складчатом хитоне» часто держит ребенка сбоку¹⁵. На некоторых фигурках из Селевкии (I—III вв. н. э.) младенец показан стоящим у ее ног: он или охватывает широко расставленными ногами левое бедро богини, или, стоя, протягивает вверх руку, цепляясь за ее платье¹⁶. На согдийских же статуэтках, которые, несомненно, сделаны по этому же образцу, фигурка младенца совсем маленькая. Сюжетно она никак не связывается с фигурой женщины и, по верному замечанию К. В. Тревер¹⁷, как бы повисает в воздухе. Видимо, назначение этой детали изображения — служить символом, и, несомненно, она символизирует материнство.

Сравнение показывает, что в костюме статуэтки богини в «складчатом хитоне» обнаруживается непосредственная близость к западнопарфянским образцам I—III вв. н. э. Мы видим сходство не только в иконографии, но и в характере костюма, эллинистические элементы которого сочетаются на парфянских образцах с головным убором в виде чалмы. Это дает основание предположить, что женская чалма была воспринята народами Средней Азии из арсенала греко-гандхарского мира. Видимо, она прочно привилась на согдийской почве и эволюционировала в сторону усложнения формы.

Соединение в иконографической схеме богини двух важных элементов — громоздкой чалмы и символической фигурки ребенка — не является случайным. По данным этнографии известно, что чалмообразный головной убор надевают на женщину только после рождения ребенка, во время обряда, знаменующего переход в следующий возрастной класс¹⁸. Древние кушанские статуэтки богини-матери в «архаической чалме» свидетельствуют о том, что этот поныне бытующий обряд, сопровождающийся повязыванием чалмы, восходит к древнейшим согдийским традициям. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением исследователей о тюркском происхождении среднеазиатской женской чалмы. Этот головной убор бытовал в согдийской земледельческой среде задолго до прихода тюрков.

¹ Работа написана на основе анализа терракотовых статуэток из собраний Музея культуры народов Узбекистана (Самарканд), Музея истории АН

УзССР (Ташкент), Областного ферганского музея (Фергана) и ГЭ (Ленинград).

² Сухарева О. А. Древние черты в фор-

- мах головных уборов народов Средней Азии. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1954, II, с. 229, 310, 313—316.
- ³ Заславская Ф. А. Богиня плодородия в корoplastике Афрасиаба кушанского времени. — Труды ИМКУз, Ташкент, 1959, вып. 1, с. 51—59.
 - ⁴ Мандельштам А. М. К вопросу хронологической классификации древних терракот Согда. — В кн.: Искусство таджикского народа. Душанбе: Дониш, 1960, вып. 2, с. 147—148, рис. 2, 2, 3; Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л.: Наука, 1962, с. 24—25, рис. 4, 3; 5, 2; Она же. Согдийская школа корoplastики в кушанскую эпоху. — Изв. Отд-ния общественных наук АН ТаджССР, Душанбе, 1968, № 52, с. 5, 9.
 - ⁵ Заславская Ф. А. Богиня..., с. 57.
 - ⁶ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарата. М.: Наука, 1962, с. 215, рис. 131.
 - ⁷ Воробьева М. Г. Памятники искусства. — ТХАЭЭ, 1967, т. V; Она же. Кой-Крылганкала — памятник культуры древнего Хорезма, IV в. до н. э. — IV в. н. э. М.: Наука, 1967, с. 213, табл. XXIX; Marshall J. The Buddhist of Gandhara Art. London, 1960.
 - ⁸ Legrain L. Terra-cottas from Nippur. Philadelphia, 1930, p. 5, pl. VIII—X, p. 14—15; Buren E. D. Clay Figurines of Babylonia and Assyria. London, 1930, p. 249.
 - ⁹ Pritchard Y. B. Palestian figurines in relations to certain Coddesses known through Literature. — In: American oriental Society, Humanistic series. New-Haven, Connecticut, 1943, v. 24, p. 22, 83.
 - ¹⁰ Foucher A. L'art gréco-bouddique du Gandhara, 1918, t. 11 p. 143—144; Marshall J. The Buddhist of Gandhara Art, fig. 112, 144.
 - ¹¹ Marshall J. Taxila. Cambridge, 1951, v. 3, p. 132, 23—25; v. 11, p. 448. Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.: Л., Изд-во АН СССР, 1940, с. 87.
 - ¹² Толстов С. П. По древним дельтам..., с. 127, рис. 66.
 - ¹³ Gardin Y. C. Le Ceramiques de Bactres. — MDFA, Paris, 1957, t. XV, p. 57—58, pl. X, N 6.
 - ¹⁴ Ingen W. Figurines from Seleucia on the Tigres. — In: University of Michigan Press, Humanistic series. London, 1939, t. XLV, p. 8, 19—20, pl. IV; Buren E. D. Clay..., p. 55, pl. X, N 6.
 - ¹⁵ Ingen W. Figurines..., pl. V, 36, p. 19, 8. В. Инген считает, что этот иконографический тип происходит от греческого или малоазиатского, ссылаясь на работу: Perdriset P. Les Terres-cuites greques de la collecty on Touquet. Mancy, 1927, pl. 172.
 - ¹⁶ Ingen W. Figurines..., pl. V, 35, N 65.
 - ¹⁷ Тревер К. В. Памятники..., с. 32.
 - ¹⁸ Сухарева О. А. Древние черты..., с. 319.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ КОСТЮМ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭПОХИ (по данным стенных росписей)

Н. П. Лобачева

Народный костюм, как и другие элементы материальной и духовной культуры, имеет свою историю. Восстанавливать ее помогают различные источники: письменные исторические и литературно-фольклорные памятники, данные археологии, включающие вещественные находки образцов одежды и предметы изобразительного искусства. Наиболее ценны на-

ходки образцов одежды, но они крайне редки и не позволяют судить о костюме в целом. Достаточно полное представление об одежде прошлых веков дают монументальная живопись и скульптура, которые, несомненно, воспроизводят реальный костюм соответствующей эпохи. Другие виды изобразительного искусства (терракотовые статуэтки, изделия из металла и т. п.) передают костюм более условно, но и они могут служить источником по истории одежды.

Полные и разнообразные данные о костюме, хотя и для позднего времени, доставляет этнография. Наибольший эффект для выявления эволюции костюма с древности по сегодняшний день дает комплексное его изучение по всем видам источников, причем этнографические материалы существенно помогают восстанавливать историю одежды.

Предмет нашего исследования — костюм раннесредневековой эпохи Средней Азии. Основным источником является монументальная живопись архитектурных памятников VI—VIII вв. Привлекаются также письменные и другие источники. Реконструировать и проследить эволюцию некоторых видов одежды помогают данные этнографии о традиционных костюмах народов Средней Азии.

О костюме VI—VIII вв. населения Средней Азии по материалам росписей высказывались археологи, не выявлявшие его генезиса и эволюции и не рассматривавшие костюм как историко-культурный объект, определенный этап развития которого отражен в живописи. Такую попытку предпринимает автор — этнограф по специальности.

Традиционные костюмы народов среднеазиатско-казахстанского региона, отличающиеся своеобразием, имеют общие черты, определяющиеся единым покроем и манерой ношения. Общие черты обнаруживаются и в костюмах народов других регионов. Однако внутри каждого региона отмечается не только сходство в костюме всех населяющих его народов: выделяются ареалы распространения специфических форм и особенностей, свойственных одному или группе народов, объединенных общими истоками этногенеза, сходными формами хозяйства и образа жизни. В Средней Азии и Казахстане выделяются три группы народов, костюм которых имеет много общего: в первую входят таджики и узбеки, во вторую — туркмены, в третью — казахи, киргизы и каракалпаки.

В рамках одного народа среди различных его групп костюм имеет еще большее сходство, однако он представлен рядом вариантов — локальных, племенных и т. д.: костюмы хорезмских, бухарских, ферганских, кашкардинских и других узбеков отличаются друг от друга колоритом, шириной и длиной различных элементов, отделкой и другими деталями, нюансами в манере ношения. Областные отличия могут быть объяснены различными этническими корнями населения или культурными традициями той историко-культурной области, на территории которой оно живет. Установлению истоков культурных традиций в какой-то мере могут помочь археологические материалы, в частности памятники монументальной живописи раннего средневековья.

В Средней Азии и прилегающих областях, входивших в состав древних государств этого региона, известен ряд археологических объектов, где

обнаружены произведения монументальной живописи: Балалык-тепе, Аджина-тепе, памятники Северного Афганистана, грандиозные ансамбли Пенджикента, Варахши, Афрасиаба и др. Все они находятся на территории, в раннем средневековье включавшейся в историко-культурные ареалы Тохаристана и Согда и являвшейся областью формирования таджикского и узбекского народов. Памятники зафиксировали примерно один и тот же этап истории этих народов — период раннего средневековья, к которому относится и изображенный на росписях костюм.

Сюжеты монументальной живописи, как правило, отражают жизнь высшего слоя раннефеодального общества, ее персонажи — военно-земельная аристократия и ее ближайшее окружение. Соответственно на ней представлены костюмы знати различных рангов, воина, жреца, слуги. На некоторых росписях, в частности пенджикентских, изображены представители «денежной аристократии» — богатые купцы, а также музыканты, танцоры и др. Таким образом, есть определенная возможность проследить социальные различия в одежде. Несмотря на преобладание изображений мужчин, можно также составить представление об одежде женщин. Росписи с разных территорий дают некоторую возможность для суждения об особенностях костюма разных локальных и этнических групп населения.

Костюм будем рассматривать по отдельным видам одежды. В первую очередь обратимся к верхней распашной одежде, информация о которой наиболее многочисленна. Анализ костюма начнем с покроя, привлекая этнографические данные, помогающие раскрыть по аналогии конструкцию древней одежды.

Особенно убедительна для реконструкции покроя верхней наплечной одежды мужчин роспись городского дома древнего Пенджикента, датирующаяся VII—началом VIII в. (объект XVI/10). На росписи изображена пиршественная сцена, участники которой — богатые купцы¹. Одежда их, несомненно, имеет тот покрой, который характеризует старинную наплечную одежду народов Средней Азии и называется в этнографии условно «туникообразным»: рукава одежды собираются широкими складками вдоль всей руки до уровня манжеты; при этом густые складки лежат под мышками с нижней стороны руки. Такое расположение складок наблюдается и на современных халатах туникообразного покроя. Обилие складок легко объясняется тем, что рукав одежды — широкий у основания и сужающийся к запястью — намного длиннее руки и заканчивается высокой, облегающей руку манжетой, благодаря чему не может спуститься на кисть. Известны этнографические параллели такому рукаву: халаты с превышающим длину руки, сильно сужающимся к концу рукавом есть в Таджикистане — правда, они не имеют манжеты. Однако в горном Таджикистане сохранились мужские халаты с красочной прострочкой на конце рукава².

Широкий в плечевой части и сужающийся к запястью рукав говорит о том, что он кроился со скашиванием ткани. Он представлял собой один из двух вариантов покроя рукава современной традиционной туникообразной одежды³ (т. е. раскашивание ткани как прием кроя было в то время уже распространено).

Одежду богатых купцов пенджикентских росписей мы без колебания можем отнести к распашной. Об этом свидетельствует полоса отделки, идущая вертикально вдоль полы. На других изображениях наплечной одежды полоса отделки идет только вокруг ворота, а не вдоль одежды по середине груди, как на описанной выше (видимо, во втором случае изображена нераспашная одежда). То, что одежда купцов распашная, ясно обнаруживается в изображении подобных одежд, но не застегнутых у ворота. При этом полы их лежат на груди в виде одностороннего или двусторонних неглубоких отворотов. На этих изображениях отчетливо видно, что идущая вертикально по середине груди полоса является отделкой полы. Особенно убедительна в этом плане фигура мужчины в расстегнутой верхней одежде, из-под которой видна нижняя с глухим, закрывающим грудь воротом (объект VI/13, западная стена и др.)⁴. По-видимому, полы верхней одежды имели неширокий запах и заходили друг на друга лишь на ширину отделки, не имея пришитых скошенных клиньев, так как при них полоса отделки не могла бы идти по вертикали (рис. 1, 1—2).

Судя по росписям, более распространенной манерой было носить одежду наглухо застегнутой, но, когда ее не застегивали, полы отворачивались и образовывали лацканы. Это, в свою очередь, говорит о том, что при кройке такой одежды дополнительных срезов около ворота, как на современных халатах, не производилось.

Одежда, видимо, была достаточно узкой, но расширялась к подолу. Возможно, это достигалось за счет вставленных с боков клиньев либо, что вероятнее, — путем раскашивания нешироких боковин, как это делается на современной одежде. Была она длинной, судя по изображению, ниже колен. По бокам, очевидно, имелись разрезы, видимые на одежде персонажей росписей других объектов (объект VI/41, 3-й ярус и др.)⁵. У шеи, вероятно, была застежка — иначе трудно представить, как эта распашная одежда наглухо закрывала грудь; на талии стягивалась наборным поясом. Аналогии к таким поясам есть и в вещественных археологических находках⁶, и в этнографическом материале: богатые пояса из кожи или плотной ткани с нашитыми металлическими (обычно серебряными) бляшками известны как принадлежность традиционного костюма ряда современных народов: каракалпаков, киргизов, казахов и др.⁷ В Бухаре они были обязательны в костюме придворной знати, и в этой функции их описывает автор X в. Наршахи⁸.

Наша реконструкция покроя верхней распашной одежды купцов пенджикентских росписей подтверждается покроем подлинной распашной одежды XV в. из захоронения в Шах-и Зинде. Это туникообразная одежда с рукавом, сужающимся от плеча к запястью, причем скроен он из поперечного куска ткани, как принято на традиционной одежде среднеазиатских народов. К прямому стану ее пришта раскошенная боковина без шва под рукавом. Пришивных клиньев в нижней части полы, как и скоса ее у ворота, нет, пришивного воротника тоже нет, но на груди у шеи была застежка, от которой сохранились петли⁹.

Эта уникальная находка одежды свидетельствует, что зафиксированный росписями VII—начала VIII в. покрой имел распространение и

в XV в. Аналогичные формы верхней распашной одежды мы видим и на средневековых миниатюрах, где изображены одежды тоже без пришивных к полам клиньев, а пришивной воротник был не всегда. Значит, на всем протяжении средневековья в Средней Азии сохранялся один и тот же принцип кроя верхней распашной одежды, т. е. туникообразную распашную одежду без воротника и пришитых к полам клиньев, являющуюся вариантом современной традиционной одежды в среднеазиатском регионе, можно считать реликтовой формой покроя. В отличие от древней одежды современная не имеет застежки, которая не вызывается необходимостью, так как все халаты у ворота имеют дополнительный вырез, идущий по косой линии до уровня груди и смыкающийся здесь с пришивным к полу клином, если он есть.

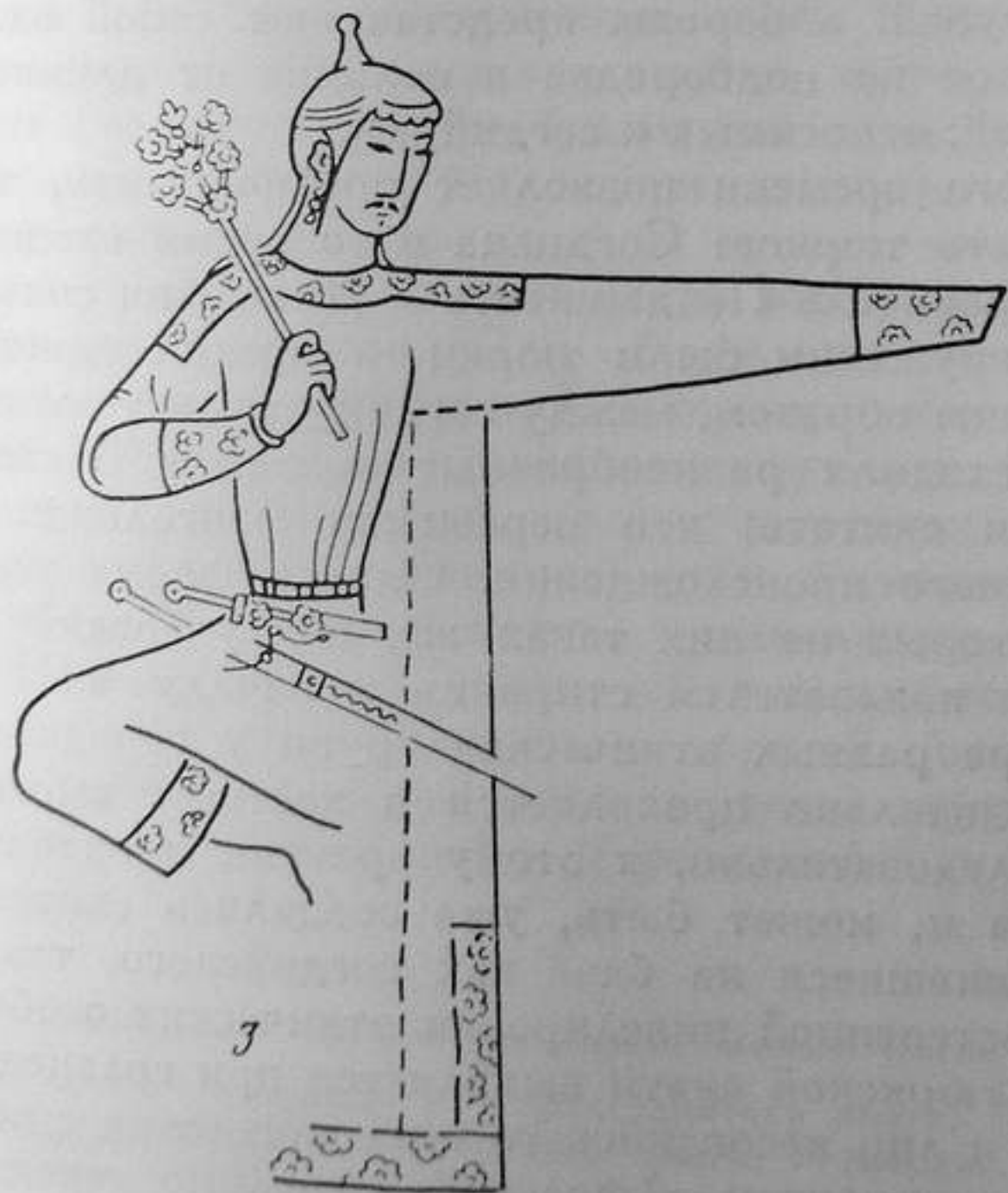
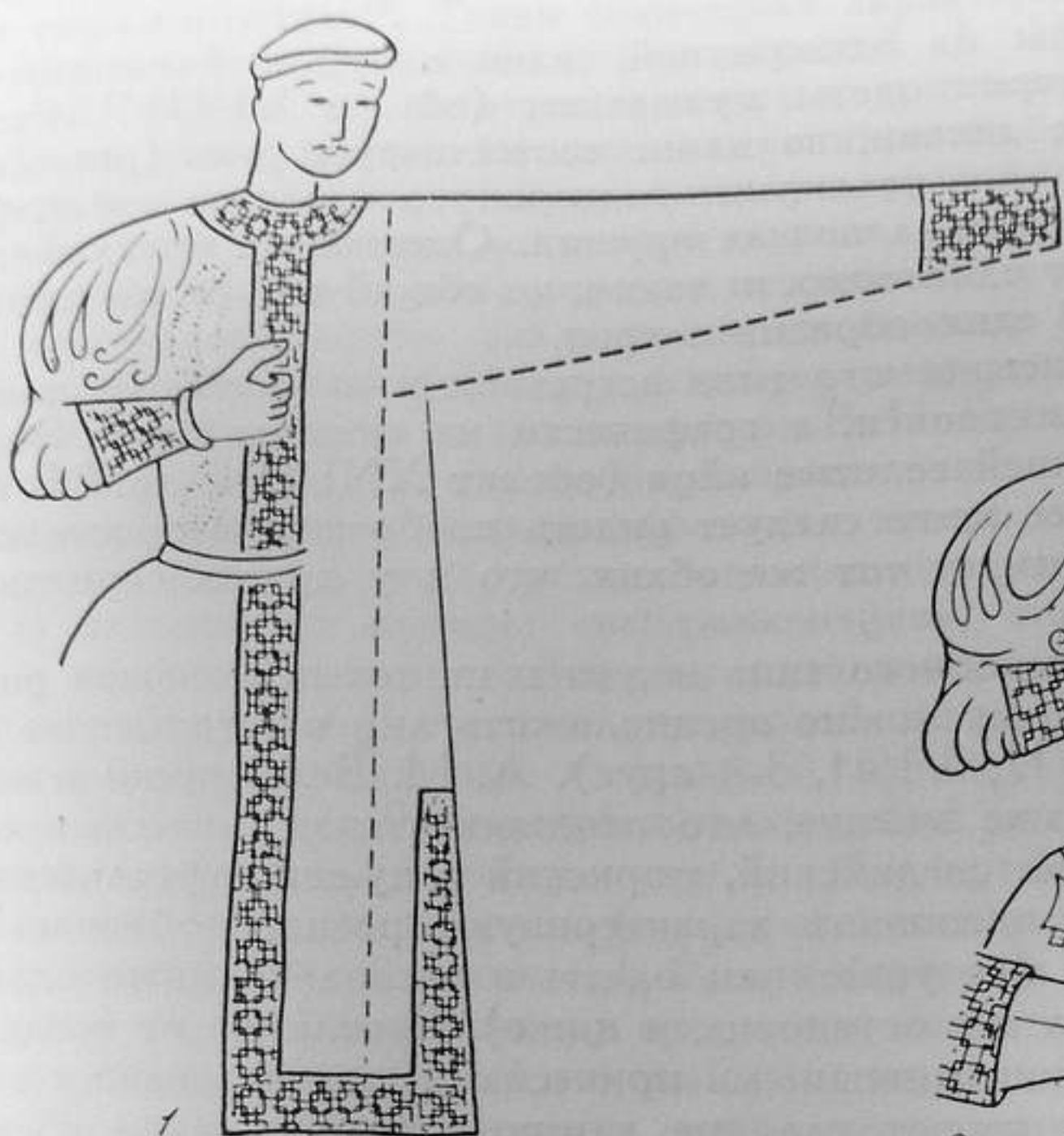
Верхняя распашная одежда, покроем которой мы реконструировали, была, судя по пенджикентским росписям, одним из наиболее распространенных в то время видов мужской одежды в самаркандском Согде. Облекаящую распашную одежду (археологи называют ее кафтаном) встречаем на персонажах пиршественной сцены на росписях I пенджикентского храма, где, по мнению исследователей, изображены представители земледельческой аристократии (дихканы) из согдийцев¹⁰, поскольку в храме вряд ли могли быть представлены иные этнические группы. (Их лица и прически, насколько можно судить по сильно поврежденным росписям, отличаются от лиц и причесок тех персонажей афрасиабских росписей, в которых исследователи видят тюрков.) На их принадлежность к высшему слою общества указывают богатые золотые, видимо, наборные пояса с прикрепленным к ним оружием — кинжалами или длинными ножами и мечами (у купцов и жрецов к поясам прикреплен лишь кинжал; у музыкантов, храмовых служек, тем более у слуг нет и его).

Верхняя одежда знати по общему облику не отличается от одежды богатых купцов, занимавших в социальной иерархии Согда также высокое положение¹¹. В одежде купца и дихкана (рис. 2,1—2) разница усматривается небольшая: у последнего рукава равны длине руки и имеют невысокую манжету (исключая одну фигуру в одежде с высокой манжетой) в противоположность одежде купцов, имеющих удлиненный рукав на высокой манжете. Одежду дихкан отличает отсутствие отделки из ткани другой расцветки на полах, у ворота и на рукавах: пришивная полоса на поле из той же ткани, что и вся одежда (объект I/10).

Одежды подобного облика видим и на жрецах¹² (рис. 2,3). Но в отличие от одежды рассмотренных сословных групп, сшитой преимущественно из узорных, реже одноцветных тканей, одежда жрецов сделана из светлой материи, что являлось, возможно, особенностью их костюма. У них, как и у купцов, мы встречаем удлиненные рукава, лежащие пышными складками в плечевой части, но высокой манжеты нет — рукава просто сужены книзу: нет отделки другой тканью на полах, подоле и

Рис. 1. Реконструкция покроя верхней мужской одежды

1, 2 — распашная халатообразная одежда и реконструкция ее покроя; 3, 4 — нерас-
пашная верхняя одежда и реконструкция ее покроя

вокруг ворота; передняя планка, пришитая к поле, как и у дихкан, отмечена линией.

В распашные одежды из одноцветной ткани с отделкой из другой, также одноцветной материи одеты музыканты (объект VI/13)¹³. Рукава у них, как и на одежде дихкан, по длине соответствует руке (рис. 2,4). Их более низкое социальное положение подчеркнуто меньшим масштабом изображения и отсутствием на поясах оружия. Одежда их выглядит несравненно беднее за счет однотонности ткани, но общий вид ее тот же, что позволяет говорить и об единообразии покроя.

Верхнюю одежду описываемого типа встречаем и на росписях, выполненных не средствами живописи, а графически на сюжеты басен Эзопа, например, о гусыне, несшей золотые яйца (объект XXI/1) и др.¹⁴ В персонажах этих сцен скорее всего следует видеть изображения простолюдинов, однако одежда их имеет тот же облик, что и у других социальных прослоек.

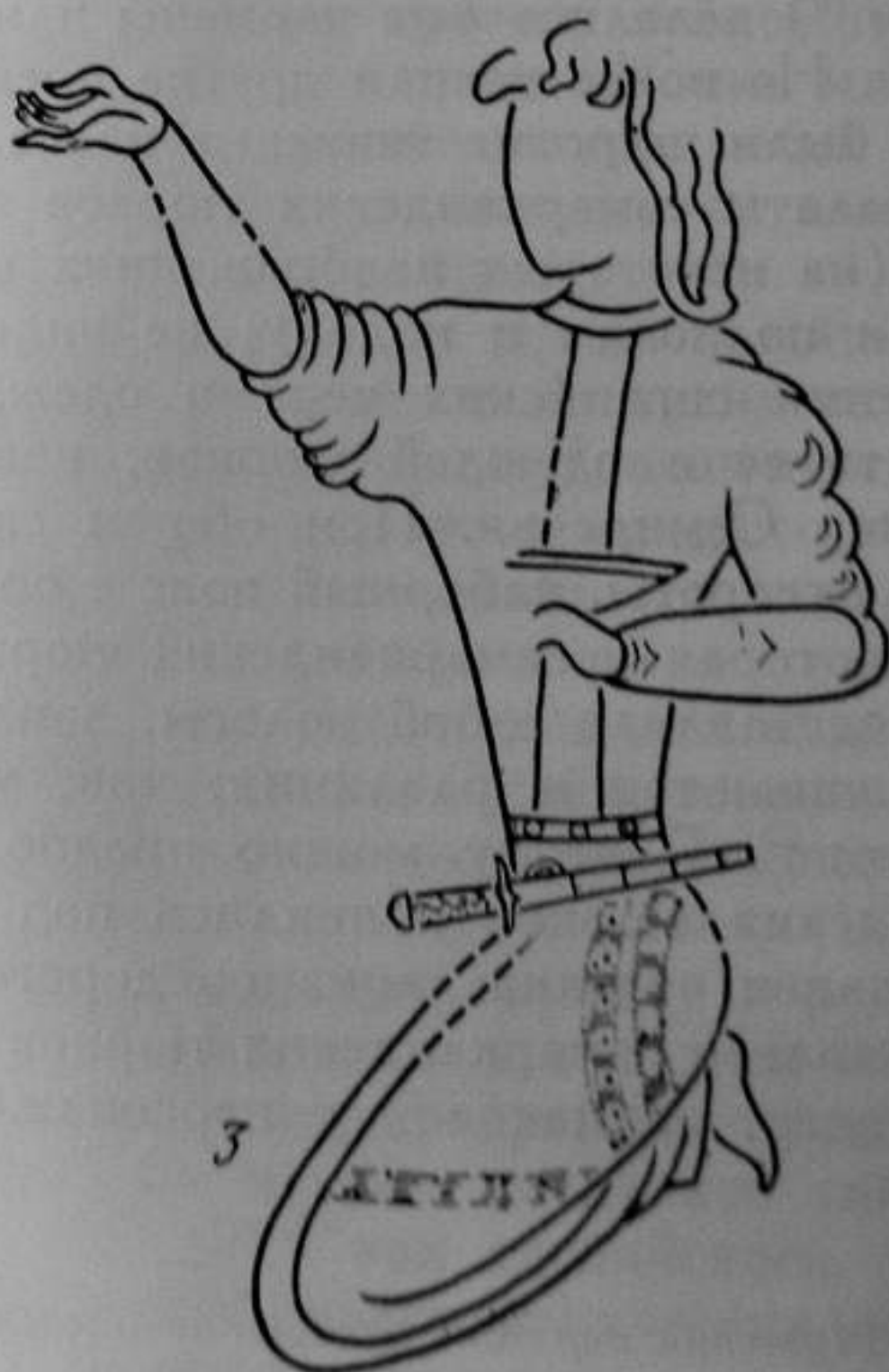
Распашную одежду подобного типа видим и на тех персонажах росписей Пенджикента, в которых можно предположить лиц несогдийского происхождения (объект III/17; VI/41, 3-й ярус). А. М. Беленицкий в одной из работ высказывал даже мнение, что пенджикентская живопись отражает три этнических типа: согдийский, тюркский и кушано-эфталитский¹⁵. Выразительнее всего их внешность характеризуют росписи объекта VI/1 в сцене под балдахином (ее участники одеты в несколько иные одежды, на рассмотрении которых мы остановимся ниже). В отличие от согдийцев с их сравнительно короткими пышными прическами, эти персонажи с признаками монголоидности имеют гладкие длинные волосы, возможно, заплетенные в косы, перед ухом спускается длинная прядь. У них маленькие, узкие усы и только над губой, а бороды представляют собой один или два небольших клочка волос на подбородке в отличие от длинных клинообразных бород персонажей, относимых к согдийцам.

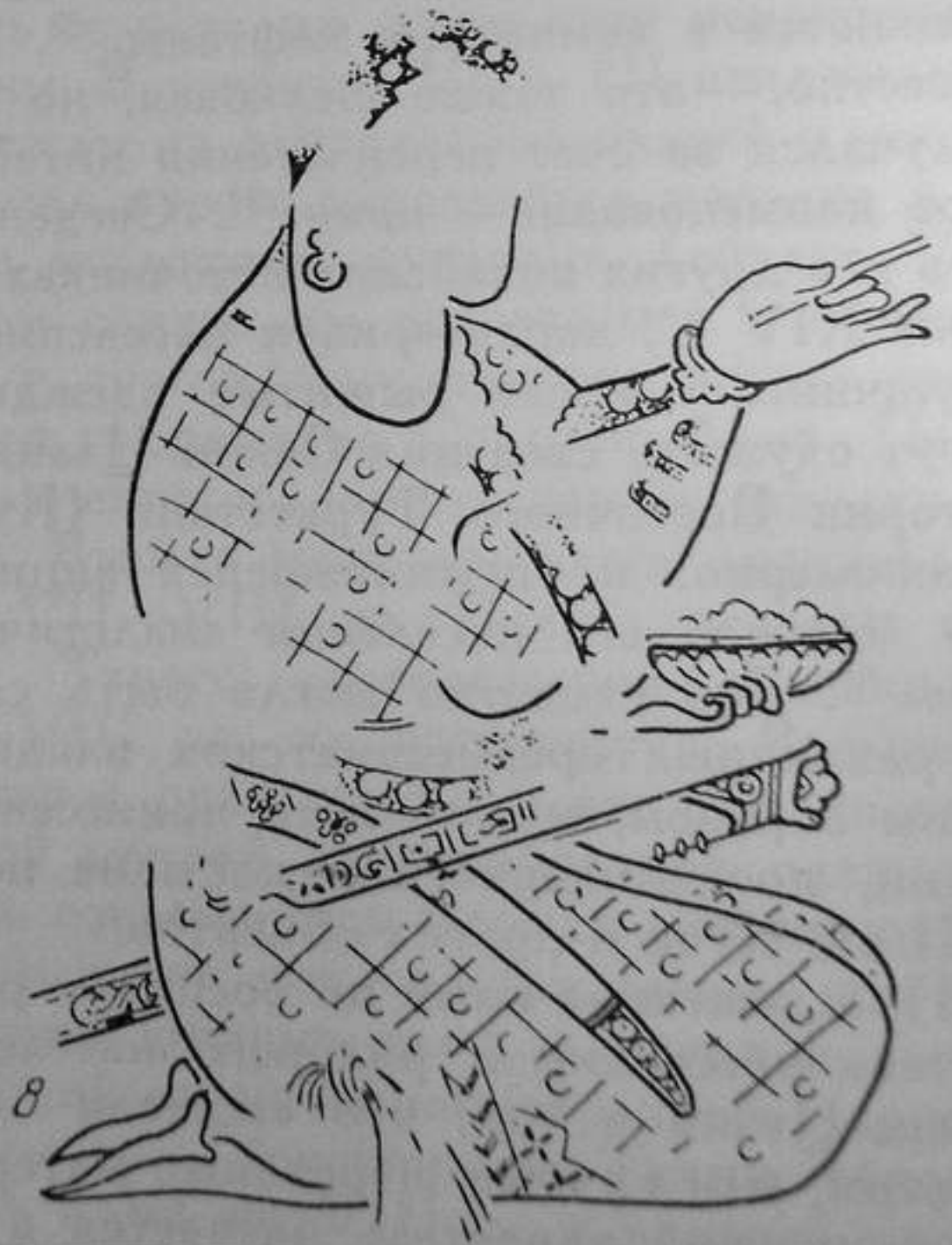
Историческая обстановка того времени позволяет предположить, что в этих персонажах следует видеть тюрков: Согдиана в то время входила в состав Тюркского каганата, правитель Пенджикента — Диваштич считал себя вассалом кагана, в его окружении были тюрки, а предшественник Диваштича был из тюрков. Таким образом, между согдийцами и тюрками в то время, несомненно, происходили разнообразные контакты. Иными словами, у нас есть основания считать, что персонажи монголоидного облика изображают лиц тюркского происхождения. Однако форма верхней распашной одежды у некоторых из них такая же, как у согдийцев. Это может служить косвенным показателем сближения к началу VIII в. этнических традиций в культуре разных этнических групп у городского населения, что достаточно убедительно проявляется в костюме высших слоев согдийского общества. Следовательно, к этому времени произошла известная нивелировка костюма и, может быть, уже создались синтезированные формы одежды, сложившиеся на базе как согдийского, так и тюркского костюма. Процесс постепенной нивелировки этнических особенностей в костюме согдийской и тюркской знати выявляется при сравнении костюмов собственно согдийцев и лиц несогдийского происхождения с пенджикентских росписей и из живописи Афраснаба, где, по мнению

Л. И. Альбаума, в свите самаркандского правителя изображены тюрки или тюрк-согдийцы¹⁶. Такая этническая характеристика этих персонажей на основании наблюдений и исследований Л. И. Альбаума вытекает, с одной стороны, из сходства костюма и причесок афрасиабских тюрков и тюрков, изображенных на иных памятниках изобразительного искусства, с другой — определяется процессом культурных взаимовлияний между согдийцами и тюрками, во всяком случае, на уровне высших сословий согдийского общества, как, впрочем, и смешением их в этническом плане, что достигалось путем заключения смешанных браков¹⁷. О процессе взаимопроникновения культур согдийцев и тюрков на примере поясных наборов Согда говорит их исследователь В. И. Распопова¹⁸.

Чтобы подтвердить высказанное предположение о нивелировке этнических особенностей в одежде, обратимся теперь непосредственно к сравнительному рассмотрению одежды «пенджикентцев» и афрасиабских тюрков. В отличие от одежды «пенджикентцев», описанной выше, одежда тюрков из свиты самаркандского правителя представляла собой длинный халат из одноцветной, очевидно, шелковой ткани туникообразного покроя с двусторонними отворотами из узорной ткани, с запахом полы на левую сторону (рис. 2, 7). Рукав, заканчивающийся высокой манжетой, также из узорной ткани, широкий у плеча и сужающийся к запястью, видимо, был значительно длиннее руки (это особенно хорошо видно на фрагменте росписи, изображенной в книге Л. И. Альбаума на таблице XLIX). У них из узорной ткани (по характеру орнамента она может быть отнесена либо к сасанидским тканям, либо к местным подражаниям сасанидским образцам¹⁹) делались еще карманы или кисеты, прикрепленные к наборным поясам. На поясе носили другие предметы и оружие. У отдельных персонажей были широкие тканевые пояса. В отличие от одежды «пенджикентцев» халаты самаркандских тюрков застегивались у пояса или несколько выше (на некоторых изображениях видна крупная пуговица) и не имели отделки по полам и подолу; не видно на них и боковых разрезов. Для выявления согдийских черт в одежде самаркандских тюрков интересно сравнить ее с одеждой тюрков, изображенной на каменных изваяниях, например Семиречья. При общем сходстве (сужающийся рукав, двусторонние отвороты, наборный пояс с оружием и аксессуарами; общность прически, которая у самаркандских тюрков и у персонажей каменных изваяний представляла собой волосы, заплетенные в косы, лежащие на спине), обнаруживаются и различия: так, у тюрков Семиречья нет на рукавах манжетов²⁰. Поэтому можно предполагать, что манжеты на халатах самаркандских тюрков появились под влиянием местного согдийского костюма, как и отделка лацканов дорогой цветной тканью. Продолжая сравнение халатов самаркандских тюрков с верхней распашной одеждой «пенджикентцев», одинаковой у персонажей как согдийского, так и тюркского

Рис. 2. Мужская верхняя распашная одежда. Согд, VII—начало VIII в. н. э. —————>
 Пенджикент. Согдийцы: 1 — представитель знати, 2 — купец, 3 — жрец, 4 — музыкант; несогдийцы: 5, 6 — представители знати; Афрасиаб. 7 — приближенные самаркандского царя — тюрки; Варахша. 8 — представитель знати бухарского Согда

происхождения, при сходстве общего облика отмечается следующее различие: хотя «пенджикентцам» тоже известна одежда с треугольными двусторонними отворотами (объект VI)²¹, у них преобладает глухая одежда с полосой отделки из другой ткани вокруг ворота, вдоль полы, боковых разрезов и на высоких манжетах.

Таким образом, на несколько более ранних афрасиабских росписях (VII в.) представлена тюркская знать в костюме, который приобрел лишь некоторые черты костюма местного согдийского населения; на пенджикентских росписях (в сравниваемой части относящихся к началу VIII в.) он уже слился с согдийским костюмом.

Ткани на верхней распашной одежде «пенджикентцев» обычно имеют сложный рисунок. Орнаменты тканей пенджикентских росписей пока еще не изучены, во всяком случае, нет специальных публикаций на этот счет. Но орнаментальные мотивы тканей с других памятников живописи Средней Азии достаточно внимательно исследованы²². Было установлено, что эти орнаменты характерны для узорных шелков Ирана и Средней Азии. Поскольку рисунки пенджикентских тканей (имеются в виду росписи) в какой-то мере перекликаются с уже изученными орнаментами тканей Балалык-тепе, Афрасиаба, Варахши, можно предположить, что и на пенджикентских росписях изображены так называемые сасанидские узорные шелка или, что еще вероятнее, местные согдийские шелковые ткани типа *занданачи*, ставшие предметом широкой торговли в период раннего средневековья. Возможно, узорчатая ткань на костюмах была вышитая. Сделать такое предположение позволяют китайские источники. Хроники Бейши и Суйшу сообщают, что «одеяние (владельца Кана — самаркандский Согд) из [вы]шитых шелковых тканей, камки и белого полотна... Мужчины одеваются в камчатные кафтаны»²³. Камка (от китайского *ким-хва*), как известно, — это также шелковая, но одноцветная узорчатая ткань. Узор получался за счет переплетения нитей основы и утка. В Согде она имела свое наименование — *принг*²⁴. Сведения о тканях на одежде согдийцев есть и в других китайских источниках. Китайская энциклопедия Ма Дуан-линя XIV в., характеризуя население Согда, также свидетельствует, что «мужчины... носят вышитые одежды»²⁵. Дополнением к этим данным могут служить сведения Сюань-Цзая, автора VII в., относящиеся к территории Восточного Туркестана (Кучи). Привлечение этих материалов закономерно: в упоминавшейся энциклопедии говорится о Тохаристане, что «одежда его населения аналогична той, которая встречается в Хотане»²⁶. Это сходство могло быть следствием направления колонизации из различных среднеазиатских владений в Восточный Туркестан, куда, таким образом, могли быть принесены согдийские и тохаристанские традиции, проявляющиеся в костюме персонажей стенной живописи VII—VIII вв. Кучи и других объектов.

Прослеженная нами по росписям разница в тканях на одеждах высокопоставленных лиц и рядового населения подтверждается свидетельством Сюань-Цзая о том, что «жители одеваются в шелковые ткани, шитые золотом, или грубые шерстяные материи»²⁷. В хронике Таншу говорится: «...кучарский владелец одевается в штофный кафтан, носит пояс с дорогими камнями»²⁸.

Таким образом, мы можем сказать, что верхняя распашная одежда у разных слоев населения и у разных этнических групп в древнем Пенджикенте имела примерно один и тот же облик — закономерность, характерная и для современной Средней Азии. Социальные различия в одежде выражались главным образом в качестве поясов и характере прикрепленных к ним предметов. Особенно показательным при этом — было ли на поясе оружие и какое. О социальных различиях в одежде говорит и качество тканей. Феодальная знать, богатое купечество одеты в костюмы из тканей с очень сложным рисунком, тканым или вышитым. Мы отмечали в верхней одежде «пенджикентцев» некоторые вариации в покрое ее деталей: рукава могли быть разной ширины, превышать длину руки или совпадать с ней; с отделкой из ткани другой расцветки или без нее; с широкой или узкой полосой отделки у ворота, высокими или низкими манжетами и т. д. Варьировали и способы ношения: одежда то закрывала грудь, то ее носили, расстегнув у ворота, так что получались односторонние или двусторонние отвороты. Так носили верхнюю одежду, видимо, редко (есть 4—5 изображений, на которых видим лацканы). Но такой способ ношения, очевидно, предусматривался, так как на отворотах с внутренней стороны видна такая же отделка, как на полах и подоле. Возможно, варьировала и длина халата, но всегда он был ниже колен. Не исключено, что различные социальные круги имели приверженность к определенным вариантам одежды (все диканы и все купцы изображены в однотипных одеждах).

Возникает вопрос: как широко была распространена одежда описанного типа, известна ли она за границами Согда? Второй вопрос: как давно существовал этот вид одежды?

Некоторую возможность раскрыть ее историю дают сами пенджикентские росписи, которые неодновременны. В росписях VI в. (II пенджикентский храм) мы видим распашные одежды из одноцветных тканей с открытой грудью; такой вариант оформления ворота встречается изредка и на росписях VIII в., но на одежде с короткими рукавами (объект VI/1 и др.). Возможно, что уже в данном случае мы встречаемся с приемом дополнительного скашивания ткани у ворота, характерного впоследствии для кроя халатов традиционной одежды народов Средней Азии. Полы, рукава одежд персонажей II пенджикентского храма имели отделку из ткани другого цвета, но не узорной. Высота манжеты здесь значительно меньше, чем на одеждах росписей VII—VIII вв. Полоса отделки спускается также немного ниже плеча. Такого расположения отделки на одежде персонажей росписей VII—VIII вв. не встречается. Возможно, она закрывает шов, соединяющий стан с рукавом. Если это так, то здесь можно предположить несколько иной покрой туникообразной одежды — кимонообразный, также известный по современным формам традиционного костюма народов Средней Азии. При таком покрое стан халата широкий (может быть, сшивной), превышающий ширину плеч, и рукав пришивается ниже плеча. Боковин нет, но общий облик кимонообразного варианта туникообразной одежды тот же, что и с боковинами. Таким образом, можно предположить, что за период с VI по VIII в. в верхней одежде согдийцев произошли некоторые изменения, хотя общий облик одежды

остался прежним. Определенно можно говорить, что изменилось оформление ворота — грудь стала закрытой. Можно предположить распространение кроя с боковинами.

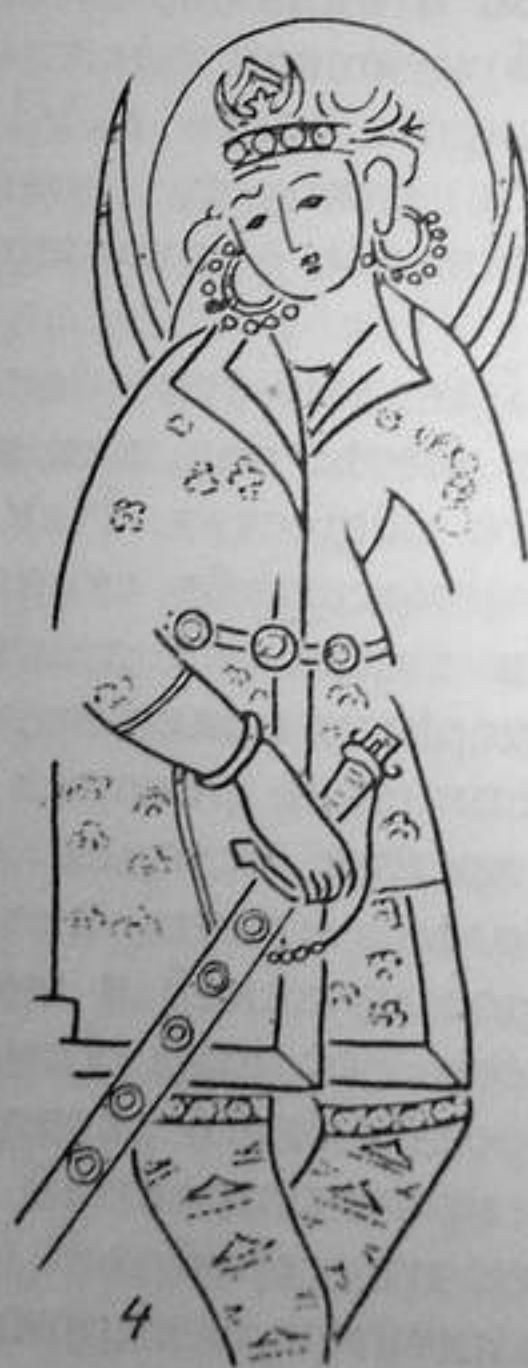
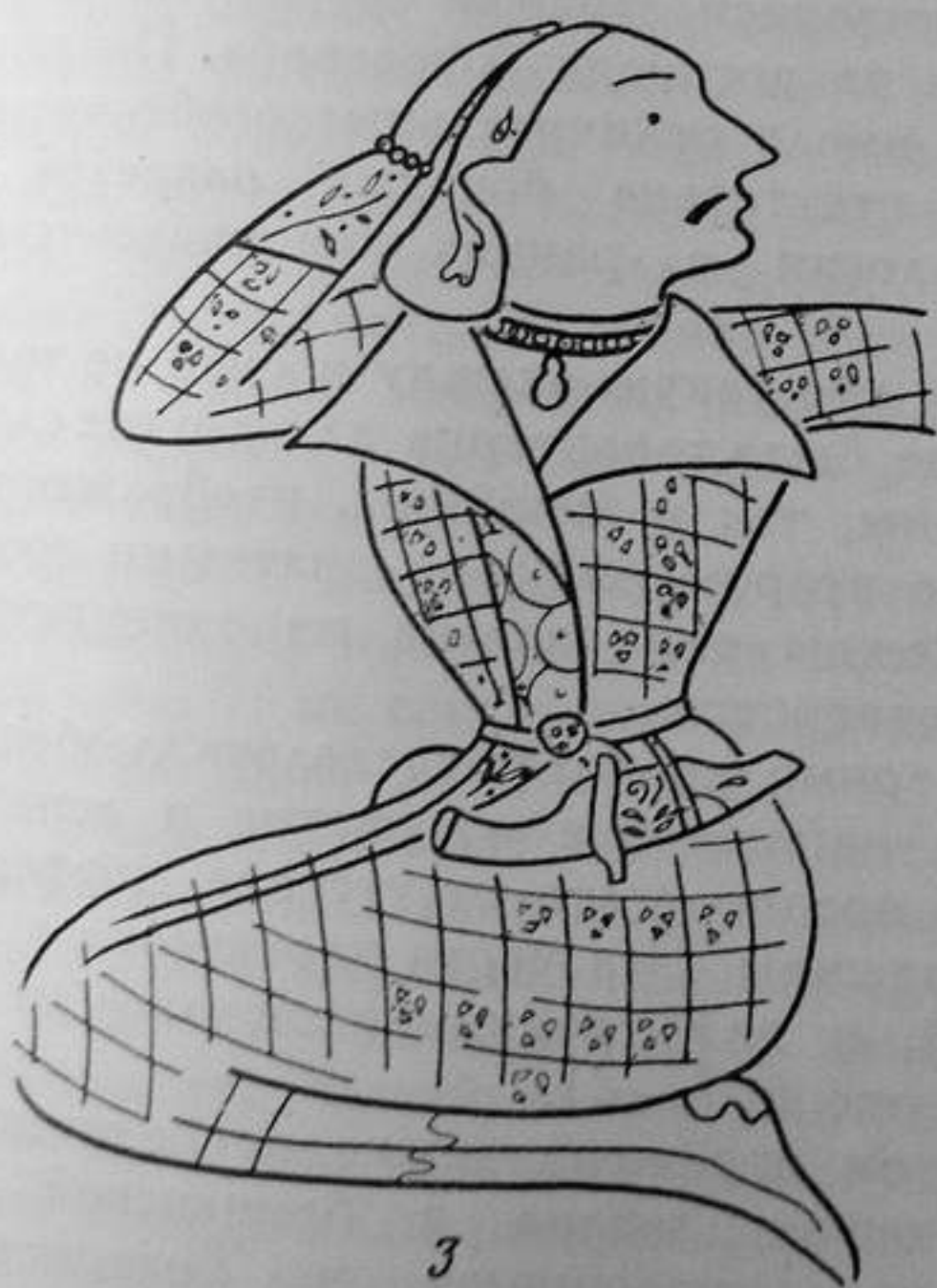
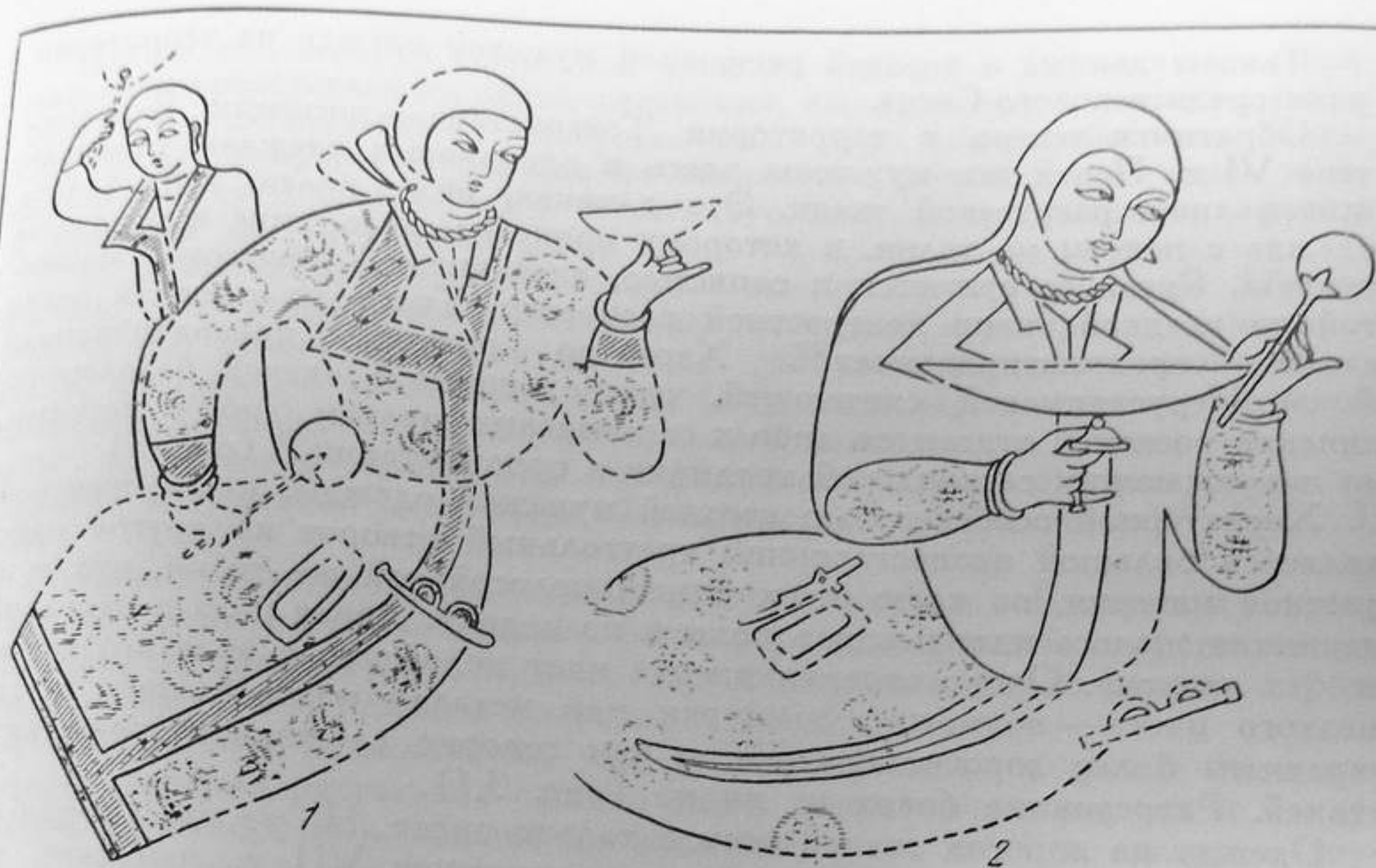
Чтобы судить о широте бытования верхней одежды типа халата, обратимся к росписям других мест.

Варахша (VII—начало VIII в.) находилась на территории бухарского Согда, составлявшего другую культурно-историческую область. Дошедшие до нас варахшинские росписи немногочисленны, и сохранившихся изображений костюма на них немного — отчетливо просматриваются лишь три фигуры. Верхнюю распашную одежду типа халата мы видим только на одном персонаже в сцене у курильницы на южной стене восточного зала. В. А. Шишкин, исследователь Варахши, считал, что костюм на росписях этого памятника наиболее близок к костюму Согда, отраженному в живописи Пенджикента. Вместе с тем он отметил, что костюмы Варахши «существенно отличаются... покроем и общим видом», что «одежды с глубоким вырезом, открывающим шею и верхнюю часть груди, как у мужчин в живописи восточного зала Варахши, в росписи Пенджикента нет». Он высказал предположение, что верхняя одежда персонажа у курильницы (Варахша) имела короткие рукава, поскольку у запястья видна ткань другой расцветки³⁰. Однако сравнение одежды варахшинского мужчины с одеждой персонажей пенджикентских росписей позволяет предположить, что и в Варахше изображен рукав с манжетой из другой ткани, так часто встречающийся на росписях Пенджикента. Нам думается, что принципиально одежда «варахшинца» не отличалась от одежды такого же типа у «пенджикентца», т. е. она имеет тот же крой и примерно тот же облик в целом, разница лишь в некоторых деталях (рис. 2, 8). Несмотря на плохую сохранность росписи восточного зала Варахши, можно говорить, что в сцене у курильницы изображена мужская фигура в одежде из узорной ткани, стянутой наборным поясом, к которому прикреплено оружие в богатых ножнах — меч и кинжал с резными рукоятями. Аналогия с пенджикентским костюмом позволяет считать эту одежду также распашной, отделанной по полам и подолу тканью той же расцветки, что и на высокой манжете. Одежда у шеи, видимо, не застегивалась, а носилась с широко открытой грудью. Не исключено, что она имела лацканы: с одной стороны проглядывает его отделка, другого не видно, его закрывает поднятая рука. Возможно также, что одежда имела боковые разрезы. Об этом говорит рисунок ткани у подола, совпадающий с орнаментом ткани на манжете и отделке полы, следы которой видны посередине груди.

Сопоставление всех черт одежд «варахшинца» и «пенджикентца» убеждает, что они очень похожи, отличия заключаются либо в оформлении ворота, либо в манере ношения (в одном случае полы на груди расплачивались, в другом скреплялись у шеи).

Р и с. 3. Мужская верхняя распашная одежда

Тохаристан. Балалык-тепе, VI в. н. э.: 1 — представитель знати и слуга (в меньшем масштабе) в одежде с односторонним отворотом; 2 — представитель знати в одежде с двусторонними отворотами; 3 — Бамиан, VII в., одежда с двусторонними отворотами; 4 — Фундукистан, VII в., одежда с двусторонними отворотами

Таковы данные о верхней распашной мужской одежде на территории раннесредневекового Согда.

Обратимся теперь к территории Тохаристана — росписям Балалык-тепе VI в. Почти все мужчины здесь в одинаковых одеждах, отличающихся лишь расцветкой ткани. Это длинная, ниже колен, типа халата одежда с поясом на талии, к которому прикреплены оружие и предметы туалета. Рукав ее сужается к запястью, заканчиваясь невысокой манжетой из гладкой ткани контрастной расцветки. Ткань на одеждах часто сложно орнаментированная³¹. Характер рисунка проанализирован А. А. Иерусалимской, считающей, что большинство тканей балалык-тепинских росписей относится либо к сасанидским шелкам, либо к местным, но подражающим сасанидской традиции в орнаментации³² (рис. 3).

Характерной особенностью верхней мужской одежды, как и женской, является большой правосторонний треугольный отворот из другой одноцветной материи, по краю отороченный полосой той же ткани, что и на манжетах; полоса идет и вдоль полы и по подолу. Левая пола с отделкой, но без лацкана. Около отделки иногда идет полосочка в виде кружочков желтого цвета — возможно, вышивки или металлических бляшек³³. Так украшены более дорогие одежды, о чем говорит сложная орнаментация тканей. Разрез на боках не видно (рис. 3,1).

Одежду из дорогих тканей носила только знать. Но на нее употреблялись и простые ткани: китайский путешественник VII в. сообщает, что «... большинство жителей [Тохаристана] одеваются в хлопчатобумажные [платья] и только немногие носят [платья] из шерстяных тканей»³⁴. Таким образом, в балалык-тепинской живописи отражен тот же тип верхней распашной мужской одежды, что и на росписях Афрасиаба, Пенджикента, Варахши, но здесь в VI в. она имела отличительные особенности: правосторонний отворот, возможно, отсутствие боковых разрезов и невысокие манжеты, находящие аналогии в ранних пенджикентских росписях.

Живопись Балалык-тепе показывает, что такую одежду носила не только феодальная знать: она, как и в Согде, была характерна для других слоев тохаристанского общества. Как мужчины, так и женщины, изображенные в уменьшенном масштабе стоящими во втором ряду, за знатными господами, одеты в такие же длинные одежды типа халата из одноцветной ткани с характерным правосторонним отворотом.

Балалык-тепинские росписи очень зримо позволяют сделать любопытное с точки зрения истории одежды наблюдение — мужские и женские костюмы настолько едины, что можно предполагать отсутствие дифференциации в покрое мужской и женской одежды. Эта черта характерна и для пенджикентского костюма (см. ниже), и для традиционной одежды современных народов этого региона (см. рис. 6, 1—2).

Одежда с правосторонним отворотом отражена также в среднеазиатских изделиях из серебра³⁵. Она зафиксирована в бамнанской живописи³⁶ — памятнике, территориально относящемся к Тохаристану, а также в живописи Восточного Туркестана (район Кучи) и свидетельствует о древних связях Средней Азии с этой областью. Там эти одежды короче балалык-тепинских и имеют особенности в отделке.

Другой вид верхней распашной мужской одежды в балалык-тепинской живописи представлен на одном персонаже, выполненном в самом крупном масштабе — следовательно, изображающем лицо самого высшего ранга. Одежда этого мужчины сделана из ткани двух цветов (либо здесь надо видеть куртку и шаровары) и имеет двусторонние треугольные лацканы и высокую манжету (рис. 3,2).

На упоминавшемся тохаристанском памятнике — в Бамиане (Афганистан)³⁷ тоже встречается изображение одежды с двусторонними отворотами, это облегающий фигуру халат, стянутый поясом, с полосой отделки, проходящей по середине груди (т. е. по полё), с довольно высокой манжетой. Отличие от балалык-тепинского заключается в том, что лацканы не имеют по краям отделки. Подобная одежда зафиксирована на росписях и глиняной скульптуре Фундукистана (Афганистан)³⁸ (рис. 3, 3—4).

Одежда с двусторонними отворотами встречается в Восточном Туркестане, где она имеет значительно больше разновидностей и среди них — варианты, которых нет в Средней Азии (отличия в форме рукава, характере отделки, длине боковых разрезов и т. д.).

Не исключена возможность, что для Тохаристана в целом была характерна верхняя распашная одежда как с односторонними, так и с двусторонними отворотами. Можно предположить, что в VI в. одежда с двусторонними отворотами только входила в моду, а в VII в. распространилась шире. В Бамиане и Фундукистане она засвидетельствована для VII в. Может быть, в различных районах Тохаристана преобладал тот или иной вариант одежды с отворотами. Чтобы закончить о Тохаристане, упомянем росписи Аджина-тепе (VII—VIII вв.), относящейся к правобережью этой области. Здесь тоже бытовала облегающая распашная одежда, однако ворот наглухо закрытый. На росписи видна идущая наискосок линия полы, возможно, за счет отвернутого лацкана, имевшего особый крой (нечто подобное есть на Афрасиабе и в Пенджикенте, но пока по одному неполному изображению). На этом изображении виден очень широкий в плечевой части рукав, отмеченный нами в одежде пенджикентских купцов³⁹.

Одежды с двусторонними отворотами для этого времени отмечены в Хорезме: они изображены на серебряном блюде⁴⁰, на росписях оссуария с Ток-калы⁴¹; на согдийских изделиях из серебра и на керамике⁴², на декоративной вазе из Мерва⁴³.

Подводя некоторые итоги нашего исследования, можно сказать, что распашная одежда типа халата, единая по принципам кроя, имела локальные различия, выражавшиеся в специфических деталях и манере ношения. Для Согда VII—начала VIII в. наиболее характерна глухая одежда. Для отдельных его частей, в частности для Бухары, наоборот — с открытой грудью или левосторонним отворотом, а в Тохаристане в этот и более ранний период были распространены односторонние и двусторонние отвороты. Можно подметить некоторую линию развития фасона этих одежд: в VI в. для Согда (Пенджикент) была характерна одежда с открытой грудью, с неширокой полосой отделки по полам и на рукавах; в этот же период в Северном Тохаристане (Балалык-тепе) тоже бытовала неширо-

кая отделка на рукавах. К началу VIII в. одежда несколько меняется; в Самарканде (Афрасиаб), Пенджикенте, Бамиане (Тохаристан) появились высокие манжеты.

В Восточном Туркестане, куда, видимо, была направлена как согдийская, так и тохаристанская колонизация, господствовал очень сходный со среднеазиатским мужской костюм (в кучинском костюме наблюдаются те же особенности, что и в Балалык-тепе, сходные с пенджикентскими формы есть в росписях Хотана⁴⁴). Следует добавить, что похожая одежда была распространена и в Иране (см. наскальные рельефы сасанидского времени⁴⁵). Таким образом, весь Средний Восток знал эту одежду. Некоторые материалы дают возможность предположительно установить время появления такого вида одежды. В живописи дворца хорезм-шахов Топрак-калы, датирующейся III в. н. э., сохранились фрагментарно изображения юношей в черных с красной отделкой по полам и у ворота длинных одежд (правда, без пояса) и дворцового писца в облегающей, перепоясанной по талии одежде красного цвета с белой отделкой, идущей посередине груди (т. е. по полам) и на рукаве, немного отступающей от края. Облегающая, но не очень длинная одежда отмечается на хорезмском статуарном оссуарии в виде мужской фигуры из района Кой-крылган-калы II—III вв. н. э.⁴⁶ В предшествующую кушанской кангюйскую эпоху в Хорезме, судя по терракотовым статуэткам мужчин, характерной была очень короткая куртка, также опоясанная по талии⁴⁷.

С территории Бактрии известно скульптурное изображение кушанского принца из Сурх-Котала (II в. н. э.) в длинной, стянутой в талии поясом (к которому прикреплено оружие) одежде с широкой, показанной рельефом, отделкой посередине груди, как на росписях. Поверх нее накинута более длинная одежда, очевидно, типа халата, неопоясанная. Судя по статуе Канишки из Матхуры, эта одежда имела застежку у шеи. Статуя кушанского принца из Шотарака дает основания определенно говорить, что эта верхняя одежда была халатом, который в данном примере был застегнут на груди брошью или специальной застежкой. (На двух последних статуях из-под верхней одежды видна менее длинная нераспашная, с поясом на бедрах.)

Если обратиться к скульптурным изображениям Гераичей — сородичей родоначальника династии кушан из Халчаяна (I в. до н. э.), то одежда их при известном сходстве с описанной (облегающая, стянутая поясом) имеет отличия⁴⁸, в частности, она значительно короче, едва закрывает торс, однако длиннее хорезмской куртки.

Таким образом, материалы обеих историко-культурных областей свидетельствуют, что временем появления прототипа реконструируемой нами верхней распашной одежды типа халата на данной территории можно предположительно считать эпоху Великих Кушан (I—III вв. н. э.). Возможно, что эта эпоха была временем распространения данного вида одежды и на других территориях, входивших в состав Кушанской империи. К данному виду одежды может восходить современный среднеазиатский халат, у которого в результате дальнейшего развития появились пришивной воротник, более глубокий запах, образующийся за счет пришивных к полам клиньев, исчезла широкая полоса отделки, ее заменила

укая плетеная тесьма, почти обязательная в современных халатах. Такие изменения произошли, видимо, не так давно, поскольку на миниатюрах, дающих массовый материал, изображена верхняя распашная одежда без клиньев спереди и обычно без пришитого воротника. Как реликтовые формы в Средней Азии и сейчас встречаются халаты без воротников или без передних клиньев.

На изучаемых нами росписях, в первую очередь пенджикентских, кроме распашной, встречается еще и верхняя мужская нераспашная одежда. О том, что эта одежда, напоминающая современную мужскую рубашу традиционного покроя, является не нательной, а верхней, свидетельствует ряд признаков: сделана она из сложно орнаментированных тканей, таких же, как те, которые мы видим и на распашной одежде; имеет, так же как и на халатообразной одежде, отделку из ткани другой расцветки, идущую по вороту, подолу, по боковым разрезам и на высоких манжетах. Показательно, что нераспашная одежда тоже стянута наборным поясом с оружием; персонажи в подобных одеждах находятся либо в торжественной обстановке, либо в сражениях. Существование в прошлом верхней нераспашной мужской одежды подтверждается бухарской мужской одеждой XVII в.

Наиболее выразительные изображения такой одежды встречаем в Пенджикенте на росписях объекта VI/1. В сцене под балдахином около царственной особы видим трех молодых людей в перепоясанных по талии нераспашных одеждах из одноцветной ткани с отделкой по вороту, плечам, на рукавах и подоле. Одежда, возможно, ниже колен, с разрезами по бокам, что говорит о небольшой ширине в подоле, так как назначение разрезов — обеспечить удобство при сидении и верховой езде. Рукава, сужающиеся к кисти, заканчиваются манжетами. Вырез ворота — по шее, в этнографической практике его принято называть горизонтальным. Отделка по вороту и на плечах напоминает тесьму на современных традиционных мужских рубашах старинного образца с горизонтальным воротом и продолженными разрезами на плечах (на одном или обоих).

Характер складок на рукавах и здесь свидетельствует о туникообразном покрое. И, коль скоро одежда этого вида на всех персонажах пенджикентских росписей и других памятников имеет схожий облик, есть основания думать, что в то время она, как и распашная одежда, повсеместно имела туникообразный покрой и была распространена в Согде (рис. 1, 3—4). Мы можем говорить о существовании такой одежды в Варахше. Обильный материал о ней дает живопись Афрасиаба (рис. 4, 1—6).

На представителях придворной знати тюркского происхождения в живописи Афрасиаба такие одежды не встречаются. В то же время чаганианская знать разных рангов и возрастов одета именно в нераспашные одежды⁴⁹ из одноцветных и узорных тканей с характерной отделкой вокруг ворота, на высоких манжетах, по подолу и боковым разрезам из материи иной расцветки, чем сама одежда, но всегда узорной и, видимо, более дорогой, поскольку она использована как украшение. Орнаментация тканей на отделке указывает, что они принадлежали к шелкам сасанидских образцов, как, возможно, и материи, из которых сделаны сами одежды. В последних можно предположить и согдийские ткани, орнамен-

тированные в сасанидской манере, что было особенно характерно для начального периода развития согдийского шелкоткачества.

Л. И. Альбаум называет одежды чаганианцев либо кафтанами, либо халатами, с чем нельзя согласиться: по росписям не видно, что это распашная одежда; та линия, которую Л. И. Альбаум принял за полу кафтана, видимо, является глубоким боковым разрезом. Трудно согласиться с ним в том, что «левая пола его (кафтана) глубоко заходит на правую» (см. Живопись Афрасиаба, с. 39—40). Это скорее глубокий боковой разрез. Боковые разрезы обычно бывают с двух сторон, но на одежде чаганианцев мы видим их с левой или правой стороны, потому что фигуры персонажей чаганианского посольства изображены вполоборота. Насколько известно по современной народной одежде, направление запаха — признак постоянный, и линия полы поэтому проходит всегда с одной и той же стороны.

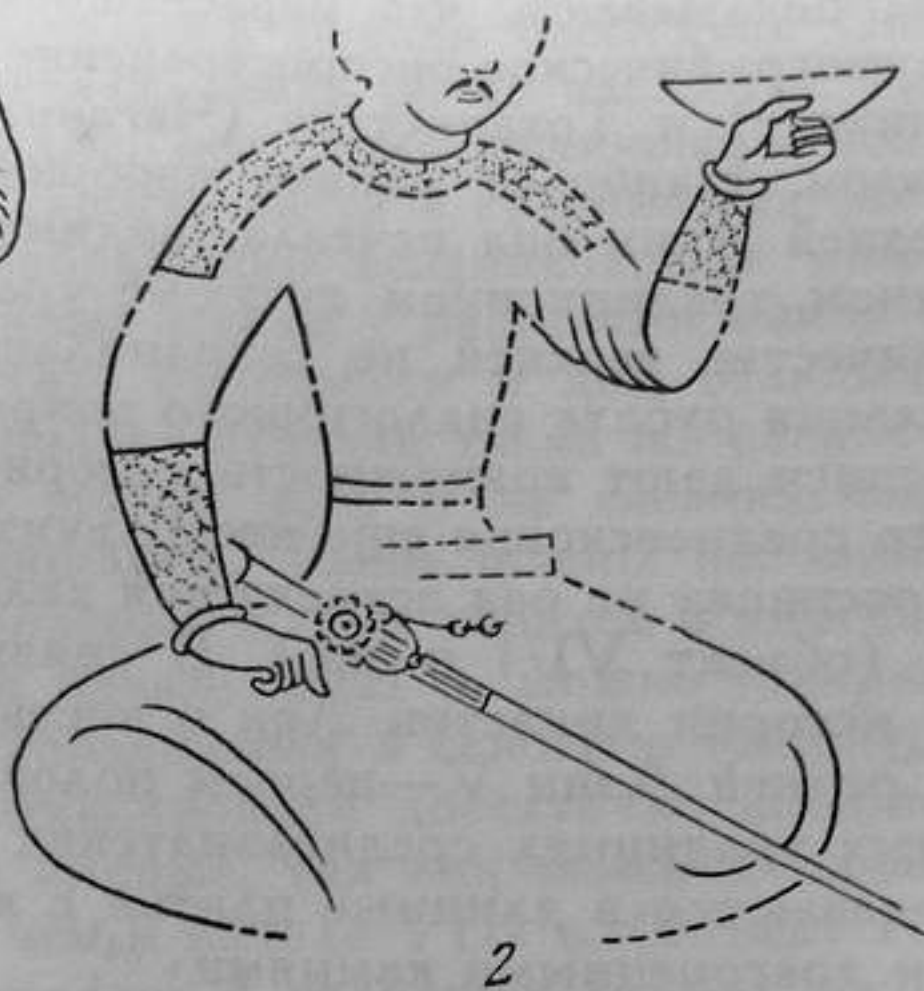
В отличие от пенджикентской чаганианская нераспашная верхняя одежда имеет некоторое своеобразие: на ней отделка вокруг ворота не переходит на плечи. Судя по афрасиабским росписям, в Чаганиане она была широко распространенной, поскольку других вариантов одежды на персонажах чаганианского посольства не представлено (рис. 4,6). Это не исключает, разумеется, возможности существования в Чаганиане и распашной одежды.

О бытовании нераспашной верхней одежды в Тохаристане свидетельствует упоминавшееся серебряное блюдо с изображением сцены венчания царя, один из персонажей которой одет в такую одежду.

Нераспашную одежду носили не только высшие слои общества: в такой же одежде на росписях Пенджикента изображен мужчина в очень маленьком масштабе. Данный вид одежды, судя по этим росписям, встречается на персонажах как несогдийского, так и согдийского происхождения. Пример последнего встречаем на объекте XXI, где изображена поклоняющаяся чета согдийцев, в которой А. М. Беленицкий и Б. И. Маршак склонны видеть изображение почитаемых предков⁵⁰. В Чаганиане этот вид одежды характерен для местного населения.

Верхняя нераспашная одежда на территории Средней Азии, очевидно, более древняя, чем распашная типа халата. Изображения ее в Пенджикенте встречаются и на ранних росписях (объект II). В VI в. она была короче, чем в VIII в., немного ниже колен (особенно длинной она была в VII в. в Чаганиане). На плечах отделки не было, она шла по линии соединения стана с рукавом, что, возможно, свидетельствует о кимонообразном покрое. Нераспашную одежду засвидетельствовала и роспись Топрак-калы (Хорезм, III в.)⁵¹. Терракотовые фигурки из древнего Самарканды с изображениями музыкантов говорят о существовании ее там

Рис. 4. Мужская верхняя нераспашная одежда
Пенджикент, VII—начало VIII в.: 1 — царь; 2 — приближенный царя; 3 — слуга (?)
на росписи изображен в уменьшенном масштабе
Варианты оформления ворота; 4 — Согд (Пенджикент); 5 — бухарский Согд (Варахша);
6 — Тохаристан — Чаганиан (Афрасиаб)

еще до н. э.⁵² Аналогичная одежда зафиксирована в скульптуре Халчаяна (Бактрия), в скульптурных изображениях кушанских правителей Шотарака и Матхуры⁵³ и др. Такая же примерно одежда на бактрийце персепольских рельефов (Ахемениды).

Приведенные факты показывают, что нераспашная верхняя мужская одежда имела широкое географическое распространение — в Согде (Самарканд, Варахша, Пенджикент) и Тохаристане (Чаганиан), в Хорезме — и хронологический диапазон. Наиболее раннее изображение ее относится к V в. до н. э. В Средней Азии она исчезла, видимо, не ранее XVII—XVIII вв. В современном традиционном костюме среднеазиатских народов такая одежда в качестве верхней не сохранилась, но до недавнего времени бытовала нательная рубаша аналогичного покроя.

Пенджикентские росписи дают возможность говорить о существовании в Средней Азии раннего средневековья еще нескольких видов верхней мужской одежды. На этих росписях не раз встречается халатообразная одежда с короткими рукавами (объект VI/1 и др.). В связи с этим интересно сообщение в китайской истории династии Лян о костюме эфталитов — политических гегемонов Средней Азии V—первой половины VI в., оставивших след и в культурных традициях среднеазиатских народов. Там говорится, что эфталиты «одеваются в длинные платья с короткими рукавами, украшенными золотом и драгоценными камнями»⁵⁴.

Распашная одежда с короткими рукавами сшита обычно из одноцветных тканей, но имеет отделку из богато орнаментированных материалов (вышивки или тесьмы), проложенную по подолу, полам, концам рукавов. По покрою она напоминает рассмотренную выше халатообразную одежду, от которой отличается коротким рукавом и глубоким выемом на груди. Одежда с коротким рукавом надета обычно поверх кольчуги в сочетании со шлемом, т. е. является принадлежностью костюма воина. Укажем, что на пенджикентских росписях широко представлен другой костюм воина — своеобразный халат, покрытый сплошь, видимо, металлическими пластинками (объекты III/6, VI/1 и др.), которые не раз встречались в археологической практике. Изображения примерно такого панцирного доспеха встречаются на росписях из других регионов Среднего и Дальнего Востока — в Иране, Восточном Туркестане.

На стенных росписях архитектурных памятников средневековья встречается (правда, в единичных случаях) еще один вид верхней мужской одежды — верхний халат или халатообразная накидка. В пенджикентских росписях она сделана из узорных тканей, имеет двусторонние отвороты из другой ткани. Носят ее (в одном случае поверх халатообразной, в другом — нераспашной одежды) внакидку, хотя предполагаются и рукава. Такая манера ношения верхнего халата встречается в росписях Восточного Туркестана (Кириш)⁵⁵, позволяющих с уверенностью говорить, что одежда имела рукава. Подобную одежду можно видеть и в балалык-тепийской живописи — на мужских фигурах, изображенных в уменьшенном масштабе. Эта одежда мужчин напоминает женские накидки, в которые облачены все знатные дамы — участницы культового пиршества на росписях Балалык-тепе (см. ниже). Об одежде, носившихся внакидку, известно с глубокой древности, пример тому — серебряная статуэтка мужчины ахе-

менидского времени⁵⁶. Таким образом, этот вид одежды и способ ношения были широко распространены территориально и имели большой хронологический диапазон.

В комплекс мужского костюма входили нательная рубаша, штаны, головной убор, обувь и т. д. О них мы можем сказать немного.

Существование нательной рубашки бесспорно. Она проглядывается из-под халата в тех случаях, когда он не застегнут. Покрой ее можно лишь предполагать. Очевидно, она была туникообразной. Штанов обычно не видно, видны лишь сапоги, часто с голенищами до колен. Однако встречается несколько изображений всадников, где проглядывается этот элемент костюма — длинные штаны с разрезами внизу из ткани одного цвета с верхней одеждой (это отмечается и для балалык-тепинских росписей). По краю они имели полосу отделки такой же расцветки, как и на «рубашке» (объект VI); такие штаны есть и на сасанидском металле. Возникают этнографические ассоциации. Такие штаны напоминают замшевые, богато расшитые шелком парадные штаны казахов и киргизов.

Таким образом, к началу VIII в. можно говорить о двух манерах ношения штанов — заправленными в сапоги и навыпуск. Для VI в. пенджикентские росписи зафиксировали достаточно широкие заправленные в сапоги штаны, хорошо видные, так как верхняя одежда того времени была значительно короче, чем в начале VIII в. (объект II).

Немного можем сказать о головных уборах того времени. В китайских письменных источниках упоминается, что владетель Кана носил валяную шляпу, украшенную золотом и золотыми камнями⁵⁷. Пенджикентская живопись сохранила нам несколько изображений головных уборов. Наиболее часто встречается мягкий колпак, причем на персонажах, видимо, различной социальной принадлежности. Эта шапка ассоциируется с островерхими хорезмскими чимекли-тахья. Есть несколько изображений металлических шапочек, облегающих голову, на персонажах с выраженными монголоидными чертами. Эти шапочки напоминают серебряные наверхия на туркменских девичьих тюбетейках. На согдийцах I пенджикентского храма также встречаются облегающие с наверхием из твердого материала шапочки, но из-за отсутствия аналогий им трудно дать определение. Из головных уборов в росписях широко представлены шлемы. Афрасиабские росписи дают пример головных уборов чаганианцев из узорной ткани или расшитых, натянутых, видимо, на твердый каркас.

Костюм мужчины дополнялся комплексом украшений, состоявшим, кроме наборных поясов, из браслетов (витых и дутых), гривн (часто витых), ожерелий, перстней и серег. Полный комплект их представлен на персонажах из феодальной знати. Анализ этих украшений в сопоставлении с вещественными археологическими находками и этнографическими данными должен составить самостоятельную работу.

Рассмотрение мужской одежды раннего средневековья на основании росписей позволяет сделать заключение, что развитие ее в различных областях Средней Азии протекало достаточно синхронно и шло в одном направлении. Несмотря на сохранение областных различий, новые принципиальные элементы кроя, новые образцы отделки (например, появление широких манжет и др.) распространялись по всей Средней Азии, свидетельствуя о широких взаимных связях среднеазиатских народов.

Для изучения женского костюма монументальная живопись раннего средневековья дает меньше материала. Лучшее всего женская одежда представлена на балалык-тепинских росписях. Большая часть женских изображений — знатные дамы. Все они одеты в однотипные парадные костюмы, состоящие из накинута на плечи богатых распашных одежд, изготовленных из дорогих тканей, и нижнего платья — всегда из одноцветной материи. На уровне талии на накидках изображены по две цветные ленты. Что представляли собой эти накидки, приходится лишь предполагать. Очевидно, это была одежда типа халата, но носимого внакидку. Такой способ ношения наплечной одежды известен еще с ахеменидского времени (см. выше). Среднеазиатско-персидская миниатюра дает много примеров одежды, имеющей рукава, но наброшенной на плечи⁵⁸. И в этнографической практике известен способ ношения верхней одежды, не надевая ее в рукава. В виде накидки, правда головной, носили халаты женщины, закрываясь от посторонних мужчин. У ряда групп туркмен есть вид женского халата, у которого на уровне плеча имеются специальные прорезы, в них продеваются руки, рукава же откидываются назад. Ношение одежды внакидку встречается и у других народов, что говорит в какой-то мере об общих путях развития одежды вообще: мы имеем в виду богатые шубы русских бояр со специальными прорезями для продевания рук.

Женские накидки балалык-тепинских росписей имеют ту же характерную черту, что и мужская одежда, — большой треугольный отворот. Накидки были принадлежностью не только женщин высшего сословия; в такую же накидку одета сидящая около знатной дамы женщина, изображенная в значительно меньшем масштабе. Однако на служанках, стоящих с опахалами за спинами знатных господ, накидок нет; на них халаты, надетые в рукава и стянутые в талии поясом. Плечевая женская накидка зафиксирована и на серебряном блюде со сценой венчания царя (рис. 5, 1).

На пенджикентских росписях тоже встречаем изображения женщин в плечевых накидках (объект VI/8), сделанных из узорных тканей с отделкой на полах из другой материи (рис. 5, 2). Отличие их от балалык-тепинских состоит в том, что они имеют двусторонние отвороты иного цвета, чем накидка и ее отделка. Женщина в накидке изображена, по видимому, и в варахшинской живописи, однако роспись так повреждена, что об особенностях одежды говорить трудно (рис. 5, 3).

Даже этот немногочисленный материал говорит о том, что плечевая накидка входила в комплекс женской одежды различных историко-культурных областей Средней Азии — Тохаристана и Согда. Они зафиксированы также в Восточном Туркестане на росписях христианского храма⁵⁹ (рис. 5, 4). Материал, которым мы располагаем, разновременный, пред-

Рис. 5. Женская верхняя одежда (накидка)

1 — Балалык-тепе; 2 — Пенджикент; 3 — Варахша; 4 — Восточный Туркестан

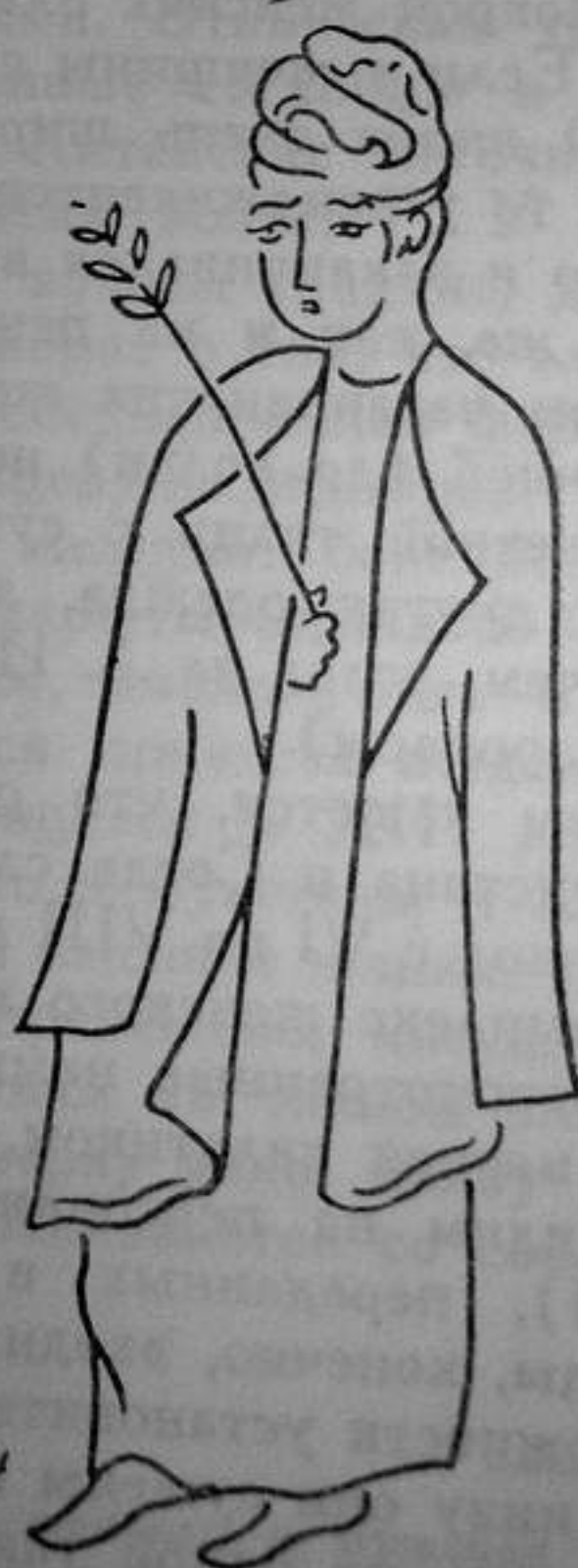
1

2

3

4

ставлен в памятниках VI и VIII вв., поэтому можно говорить о достаточной традиционности этого вида одежды у народов Средней Азии. Прототипы этих одежд надо искать, видимо, в плечевых накидках среднеазиатских богинь плодородия, терракотовые статуэтки которых, относящиеся к кушанской эпохе, во множестве находят в различных областях Средней Азии и, в частности, в древнем Согде⁶⁰. Можно предположить, что в VI—VIII вв. эти накидки надевались лишь в особо торжественных случаях, при выполнении определенных ритуалов. Балалык-тепинские дамы запечатлены во время ритуального пиршества, пенджикентские — в качестве дароносиц сидят перед изображением какого-то божества, женщина с варахшинских росписей также является участницей церемонии, находясь перед курильницей. В то же время служанки на балалык-тепинских росписях, не участвующие в ритуале, одеты в другие одежды.

Женские накидки каждой области отличались элементами, согласующимися с локальными особенностями мужского костюма. В Тохаристане в VI в. женские накидки имели правосторонние отвороты и ленты на уровне пояса; в Согде — двусторонние отвороты и без лент. Некоторые различия могли быть отнесены за счет смены моды, поскольку росписи неодновременные. По всей вероятности, этот вид одежды был распространен в различных слоях населения и имел параллели в мужском костюме. Однако мужчины, судя по росписям, надевали такие накидки редко.

Платья, проглядывающие под плечевыми накидками, — из одноцветных тканей как на балалык-тепинских, так и на пенджикентских росписях. Покрой женских платьев в разных районах имел существенную разницу. Если у женщины с балалык-тепинских росписей (у всех без исключения) виден очень широкий рукав, отделанный полосой ткани другого цвета, то у пенджикентских и варахшинских женщин рукав сужался к запястью и заканчивался высокой манжетой из орнаментированной ткани — такой же, как и на пенджикентских мужских халатообразных одеждах. Костюм чаганианских женщин, судя по росписям Афрасиаба, состоял из недлинной (до колен) нераспашной туникообразной одежды (платья) из одноцветной ткани с сужающимся к запястью рукавом, из-под которой видна другая одежда, также из одноцветной ткани, но другого цвета (впрочем, вслед за Л. И. Альбаумом здесь можно предположить и широкие шаровары).

Нам кажется, что различия в ширине рукава на женских платьях Тохаристана и Согда следует относить не за счет изменения его покроя за период с VI по VIII в.: видимо, это разные традиции покроя.

Комплекс женского костюма, очевидно, включал больше компонентов, чем рассмотренные нами два вида одежды (накидка и платье). Он мог дополняться халатиком, носившимся с поясом, подобным тому, который мы видим на персонажах Балалык-тепе и Пенджикента (объект VI/8; VI/41), переданных в уменьшенном масштабе. В комплекс женской одежды, конечно, входили и штаны, но имеющиеся изображения не дают возможности установить их покрой. Определенно можно сказать лишь то, что книзу они сужены и сшиты из цветных тканей, причем разных: верхняя часть из одной ткани, нижняя — из другой (объект XXI/1). Традиция шить верх и низ женских штанов из разных тканей держится и сей-

час: закрываемую платьем часть шьют из более дешевых, часто белых тканей.

Непременным элементом женского комплекса одежды были разнообразные украшения: браслеты, перстни, ожерелья, серьги.

Сравнение комплексов мужской и женской одежды Тохаристана и Согда приводит к убеждению, что элементы их в различных культурно-исторических областях были одними и теми же. Более того, элементы комплексов в мужской и женской одежде совпадают (рис. 6). Однако употребление отдельных видов одежды в комплексе мужском и женском различно: во время исполнения определенных ритуалов женщинам положено было быть в богатых плечевых накидках, мужчины обычно в таких ситуациях одеты в нарядные халаты, хотя в составе мужской одежды есть халатообразная накидка, а в составе женской — халат.

О головных уборах мы ничего не знаем по росписям. Китайские хроники сообщают, что согдийские женщины собирали волосы в шиньон и покрывали их черным покрывалом с золотыми цветами (Таншу)⁶¹. Однако на пенджикентских росписях женщины изображены с непокрытыми головами, с волосами, собранными в замысловатую прическу или заплетенными в несколько косичек, что сохранилось до сих пор. Чаганианские женщины изображены тоже с непокрытыми головами, как и балалык-тепинские персонажи. У последних волосы собраны в пучки, стянуты цветными лентами, развевающимися за спинами. Варахшинская женщина изображена, видимо, с двумя распущенными косами. Таким образом, в женских прическах наблюдается известная разница, определяемая, видимо, как сословными, так и этническими традициями. Этническая традиция в прическах наблюдается и у мужчин — коренные согдийцы и тохаристанцы имеют коротко стриженные волосы. Китайские источники сообщают, что мужчины в Согде коротко стригли волосы⁶². У мужчин с признаками монголоидности в том же Согде волосы гладкие, длинные, порой собраны в косы. Китайские источники говорят о том, что владетель Согда заплетает волосы⁶³. У этих персонажей специфическая форма усов и бородки в отличие от тохаристанцев (чаганианцев) и согдийцев.

Почти ничего не можем сказать об обуви женщин: большинство из них изображены в сидячем положении, ноги закрыты одеждой. Судя по двум-трем изображениям, у них были сапожки, аналогичные мужским.

Прежде чем перейти к заключению, хочется привести выдержки из описания одежды жителей Самарканда, относящиеся к XIII в., китайского путешественника Чан-Чуня. Он пишет, что и мужчины и женщины Самарканда заплетали волосы; мужчины носили высокие шапки, украшенные разноцветной тканью, к которым были привешены кисти. Рубахи у мужчин и женщин были одинаковые и состояли из тонкой шерстяной материи белого цвета, сшитой в виде мешка, кверху узко, книзу широко, с рукавами⁶⁴. Это описание в какой-то мере перекликается со сведениями

Рис. 6. Одинаковые формы женской и мужской одежды
Тохаристан: 1, 2 — женский и мужской халаты; 3, 4 — женская и мужская накидки;
Согд: 5, 6 — женский и мужской халаты; 7, 8 — женская и мужская накидки

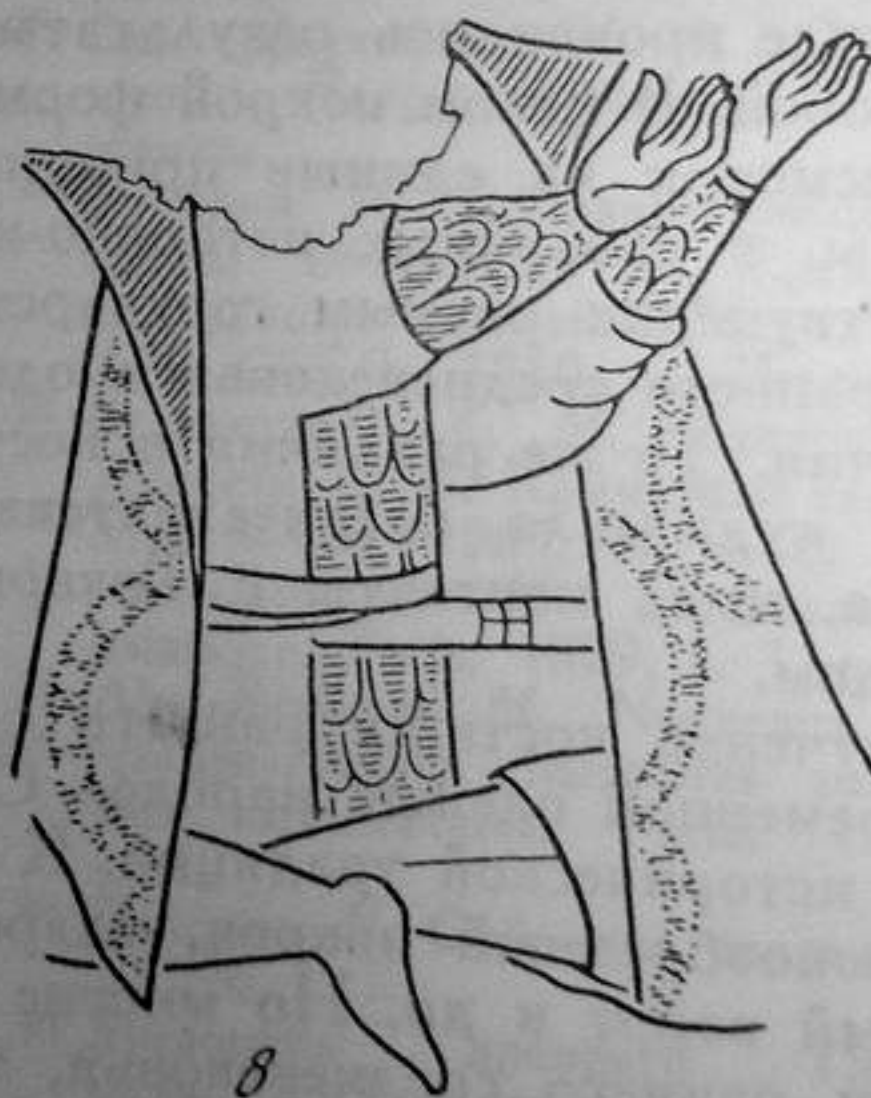
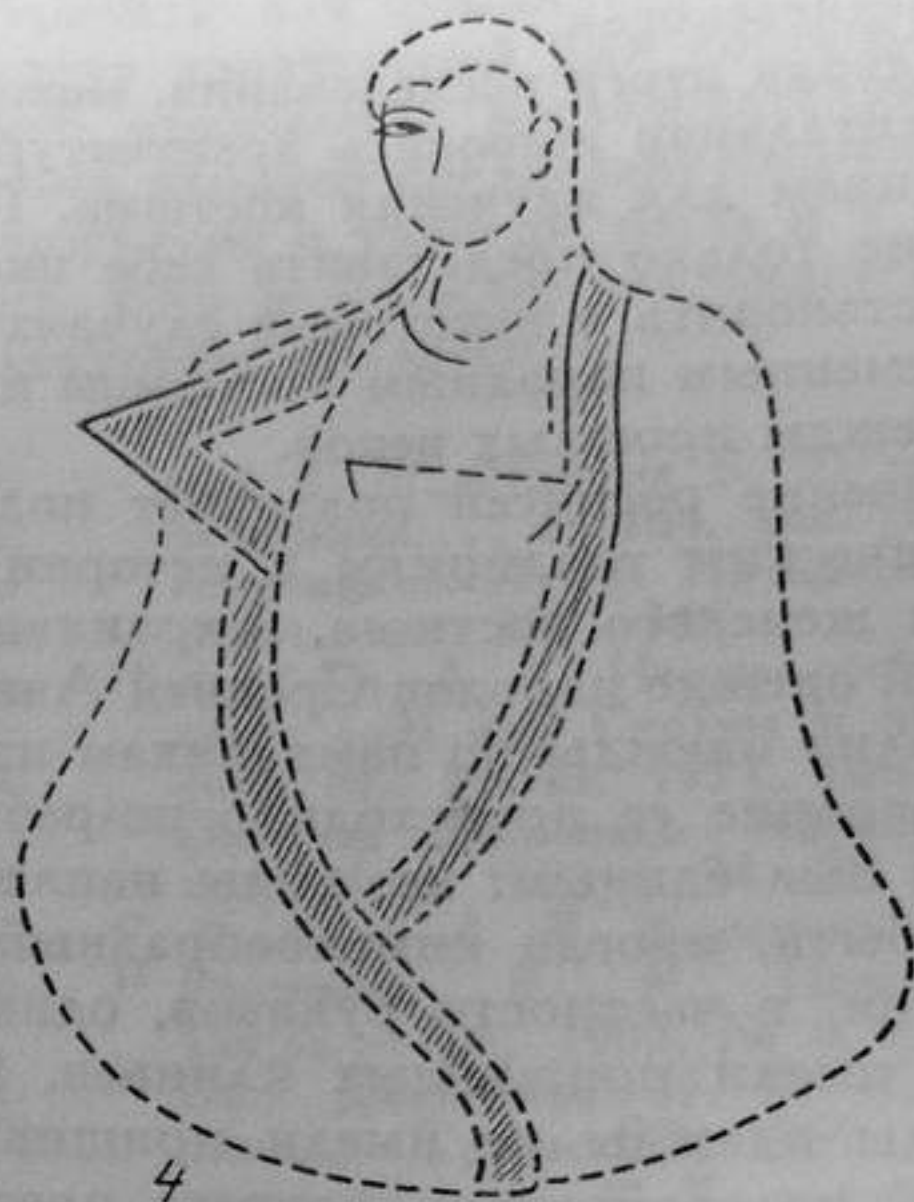
2

5

6

из китайских источников V—VII вв. и данными росписей, что свидетельствует о сохранении ряда традиций в одежде на протяжении всего периода средневековья.

Подводя итоги исследования, можно с полным основанием сказать, что монументальная живопись архитектурных сооружений является солидным источником для изучения костюма. Росписи VI—VIII вв. дают возможность не только представить себе внешний облик костюма того времени, но и установить в некоторых случаях покрой одежды. Помогают аналогии с современным народным костюмом и, хотя и единичные, находки подлинной одежды прошлых веков.

Изучение росписей позволяет подметить такие моменты, относящиеся к архаическим традициям в истории одежды, как единство формы мужского и женского костюма, сохранявшееся с глубокой древности в традиционной одежде народов Средней Азии (рис. 6, 1—8).

Анализ одежды по памятникам из разных районов Средней Азии, где формирование ее происходило по-разному, показывает, что принцип кроя одежды был единым: все виды наплечной одежды имели туникообразный, может быть, иногда кимонообразный покрой. Известно было расکاшивание ткани, в частности рукавов, однако полы верхней распашной одежды еще не имели пришивных клиньев. Одежда была без глубокого запаха. Все виды одежды не имели пришивного воротника. Полы отделялись широкой полосой ткани другого цвета, может быть, вышивкой или тесьмой. На боках обычно имелись боковые разрезы.

Данные росписей в сочетании с этнографическими материалами говорят, что развитие форм одежды у всех народов данного региона проходило примерно одинаково (но, очевидно, была некоторая разница в сроках появления тех или иных новых черт), что объясняется общим ходом истории народов этого региона, отразившимся на формировании их культуры. В одежде проявились результаты постоянного общения этих народов между собой. В целом покрой формировался по регионам, а не по народам.

Несмотря на единые принципы кроя и примерно единый комплекс одежды, в различных историко-культурных областях Средней Азии, соответствующих разным государственным объединениям древности, в период раннего средневековья в одежде населения выделяются и некоторые различия. Те же различия в костюме мы находим и в Восточном Туркестане, куда шла среднеазиатская колонизация. Район Кучи, судя по одежде, имел контакты с Тохаристаном и частично с Согдом, Хотан — с Согдом.

Изучение костюма раннего средневековья дает возможность увидеть в современной одежде народов Средней Азии черты, коренящиеся в глубокой исторической традиции. К таким чертам относится туникообразный и кимонообразный крой, разрезы на боках верхней одежды, горизонтальный ворот и др. Но многие черты одежды, зафиксированные памятниками раннего средневековья, теперь или совершенно исчезли или сохранились в отдельных областях как реликтовые формы (халаты без пришивных воротников и клиньев к полам). Исчезли отвороты на распашной верхней одежде, широкие манжеты на рукавах; реликт последних можно видеть в нашивных вышитых нарукавниках — *женгсе* и *женгуш* каракал-

пакской одежды или в пришитых вышитых концах рукавов женских рубаш в Бухаре. Отделку пол, подола, боковых разрезов тесьмой у современных халатов можно рассматривать как реминисценцию широкой полосы отделки из другой ткани, столь характерной для костюма ранне-средневековой эпохи. Интересно, что отмечаемая исследователями общность в облике традиционного костюма народов среднеазиатско-казахстанского региона, особенно в костюме таджиков и узбеков, была и у их предков — народов Согда и Тохаристана. Как и прежде, сохраняется специфика в одежде разных историко-культурных областей.

- ¹ Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М.: Искусство, 1973, с. 50, табл. 19; Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента. — В кн.: История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976, с. 83.
- ² Ершов Н. Н., Широкова З. А. Альбом одежды таджиков. Душанбе, 1969.
- ³ См. статью О. А. Сухаревой в настоящей книге.
- ⁴ Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1959, табл. XIII.
- ⁵ Беленицкий А. М. Монументальное искусство..., табл. 7.
- ⁶ Распопова В. И. Поясной набор Согда VII—VIII вв. — СА, 1965, № 4.
- ⁷ См.: Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. М.: Наука, 1968, с. 109, рис. 17 и др.
- ⁸ Наршахи. История Бухары/ Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, с. 20.
- ⁹ Немцева Н. Б. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в. — В кн.: Из истории искусства великого города. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1972, с. 243—251.
- ¹⁰ Беленицкий А. М. Из археологических работ в Пенджикенте. 1951 г. — СА, 1953, XVIII, с. 341; Живопись древнего Пенджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954, табл. 10.
- ¹¹ См.: Лившиц В. А. Юридические документы и письма: (Согдийские документы с горы Муг, вып. II). М.: Изд-во вост. лит., 1962, см. также: Бартольд В. В. Соч.: В 9-ти т. М.: Изд-во вост. лит., 1963, т. III, с. 239.
- ¹² Беленицкий А. М. Монументальное искусство..., с. 10.
- ¹³ Скульптура и живопись древнего Пенджикента, табл. XI.
- ¹⁴ Беленицкий А. М. Монументальное искусство..., табл. 15; Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения..., с. 184, рис. 16.
- ¹⁵ Беленицкий А. М. Из археологических работ..., с. 337—341.
- ¹⁶ Альбаум Л. И. Новые росписи Афрасиаба. — В кн.: Страны и народы Востока. М.: Наука, 1971, вып. X, с. 87; Он же. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975, с. 34—35.
- ¹⁷ Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба.
- ¹⁸ Распопова В. И. Поясной набор Согда. — СА, 1965, № 4, с. 86.
- ¹⁹ См.: Дьяконова Н. В. «Сасанидские» ткани. — Труды ГЭ, 1969, т. X. Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде. — В кн.: Средняя Азия и Иран. Л.: Аврора, 1972.
- ²⁰ См.: Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., Наука, 1966.
- ²¹ Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения..., с. 184, рис. 10.
- ²² См.: Дьяконова Н. В. «Сасанидские» ткани; Иерусалимская А. А. К сложению...
- ²³ Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, т. II, с. 271, 281.
- ²⁴ Беленицкий А. М., Бентович И. В., Лившиц В. А. Камчатные ткани с горы Муг. — СЭ, 1963, № 4, с. 119.
- ²⁵ Abel-Remusat M. Nouveaux mélanges asiatique. Paris, 1829, t. 1, p. 228.
- ²⁶ Abel-Remusat M. Nouveaux..., p. 245.
- ²⁷ Hiouen-Tsang. Memoires sur les contrées occidentales. Paris, 1857, t. 1, p. 4.
- ²⁸ Бичурин И. Собрание сведений..., т. II, с. 296.
- ²⁹ Живопись древнего Пенджикента, табл. XVI и др.; Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 г. на городище древнего Пенджикента. — В кн.: Сообщения ГЭ, Л., 1973, XXXI.

- ³⁰ Шишкин В. А. Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 160, 223, табл. XIV.
- ³¹ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960, рис. 116.
- ³² Иерусалимская А. А. К сложению..., с. 35—36.
- ³³ Альбаум Л. И. Балалык-тепе, рис. 116.
- ³⁴ Hiouen-Thsang. Mémoires..., t. 1, p. 29.
- ³⁵ См. блюдо со сценой венчания царя и свадебного пира (Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909).
- ³⁶ Godard A., Godard J., Hackin I. Les Antiquités Bouddhiques de Bamiyan. Paris; Bruxelles, 1928, pl. XXIII.
- ³⁷ Hackin I. Nouvelles recherches archéologiques à Bamiyan. Paris, 1933, pl. XXVIII.
- ³⁸ Hackin I. Les travaux de la Délégation archéologique française en Afghanistan. — *Révue des Arts Asiatiques*, v. XII, N 1, pl. VII, fig. 23.
- ³⁹ Стависский Б. Я. Искусство Средней Азии. М.: Искусство, 1974, с. 163, рис. 120.
- ⁴⁰ Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948.
- ⁴¹ Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент.: Фан, 1964, с. 96, рис. 27.
- ⁴² Забелина Н. Н., Ремпель Л. И. Согдийский всадник. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1948; Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л.: Изд-во ГЭ, 1962, табл. XX, 337.
- ⁴³ См.: Стависский Б. Я. Искусство Средней Азии, с. 176, рис. 131.
- ⁴⁴ Aurel Stein M. Ancient Khotan. Oxford, 1907, v. II, LXI (Ant.).
- ⁴⁵ См.: Дьяконова Н. В. «Сасанидские» ткани.
- ⁴⁶ Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.) — ТХАЭЭ, 1952, т. I, рис. 25; Он же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. — Там же, т. II, рис. 80, 99.
- ⁴⁷ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 197 и сл.
- ⁴⁸ См.: Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М.: Искусство, 1971, с. 64—65, табл. 129, 133, 134.
- ⁴⁹ Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба, табл. VI и др.
- ⁵⁰ Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения..., с. 84.
- ⁵¹ Архив Хорезмской экспедиции.
- ⁵² Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея, табл. VIII, IX.
- ⁵³ См.: Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна, табл. 68, 70, 129, 134.
- ⁵⁴ Etudes sur l'Asie Central d'après les Historiens chinois par M. E. Sprecht. — *Journal Asiatique*, 1883, N 3, p. 337.
- ⁵⁵ Le Coq A. von. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin, 1925, S. 45, Fig. 28.
- ⁵⁶ Herzfeld E. Am Tor von Asien. Berlin, 1920, pl. XV.
- ⁵⁷ Бичурин И. Собрание сведений..., т. II, с. 310.
- ⁵⁸ См.: Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV—первой половины XVI в. по данным миниатюр. — Труды/ САГУ, 1956, вып. XXXI.
- ⁵⁹ Le Coq A. von. Chotscho. Berlin, 1919, pl. 7a.
- ⁶⁰ Мешкерис В. А. Терракоты..., с. 24 и др.
- ⁶¹ См. Бичурин И. Собрание сведений..., т. II, с. 310 и др.
- ⁶² Бейши, Суйшу: Бичурин И. Собрание сведений..., т. II, с. 271, 281; Abel-Remusat M. Nouveaux..., t. 1, p. 228.
- ⁶³ См.: Бичурин И. Собрание сведений..., т. II, с. 271, 281.
- ⁶⁴ Цит. по: Бартольд В. В. Соч., т. III, с. 240—241.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ МУЖСКОЙ КОСТЮМ НА МИНИАТЮРАХ XV—XIX вв.

М. В. Горелик

Тот факт, что мусульманская миниатюра является первоклассным и при правильном подходе достоверным источником по материальной культуре, в том числе и по истории костюма, уже давно отмечен многими исследователями. Миниатюры успешно использовались для освещения некоторых моментов истории костюма Ирана, Индии, Турции, в меньшей степени — Средней Азии¹.

Задачей данной статьи является систематическое описание элементов мужского костюма, отраженного в миниатюрах Хорасана и Мавераннахра XV—XIX вв. Исследование основано на изучении хорасанских миниатюр Гератской школы конца XV—начала XVI в. и мавераннахрской миниатюры в основном Бухарской школы XVI—XVII вв. В меньшей мере удалось использовать памятники XVIII—XIX вв. Миниатюры изучались как в подлинниках — по рукописям из собраний Москвы и Ленинграда², так и по публикациям³.

При изучении среднеазиатского костюма по миниатюрам конца XV в. нельзя обойтись без привлечения гератских образцов этого искусства, так как в то время Герат был культурным центром всего Среднего Востока. Его моды становились модами Бухары, Самарканда, Ташкента, Андижана, Кабула и Тебриза. Традиция костюма, каким он отражен на миниатюре по крайней мере со второй половины XIV в., была единой для всего Среднего и частично Ближнего Востока — от Месопотамии и Азербайджана до Семиречья и Восточного Туркестана. В основе этой общей традиции лежали, с одной стороны, местные элементы одежды, воспринявшие некоторые черты тюркского костюма, с другой — ирано-месопотамские и монгольские черты костюма, в котором мы предполагаем китайские или китаизирующие элементы. Сложению данной общности наряду с определяющим значением давних и длительных культурных связей способствовало и то, что Тимур объединил в единое государство большие территории Ближнего и Среднего Востока. С его распадом эта единая традиция продолжала развиваться по общему пути. Основными ее центрами в XV в. можно считать, с одной стороны, Герат, с другой — Тебриз; каждый из них имел локальные различия. К сожалению, мавераннахрская миниатюра до XVI в. нам практически неизвестна⁴, но, учитывая роль Герата XV—начала XVI в. в культурной жизни всего региона, использование для нашей темы гератских памятников можно считать закономерным: они могут дать представление об одежде всей Средней Азии.

Со второго десятилетия XVI в. значение тимуридского Герата падает, художники переселяются оттуда в Иран или в Мавераннахр. С этого времени переживает расцвет миниатюра Мавераннахра. Поэтому с XVI в. именно бухарская миниатюра дает наиболее полное и точное представле-

ние о костюме Средней Азии, а гератская миниатюра как источник по истории костюма уже не представляет большого интереса.

Материал среднеазиатской миниатюры крайне неравномерен. С наибольшей полнотой представлены памятники конца XV—XVII вв. Миниатюры XVIII—XIX вв. известны в единичных экземплярах. По этому источнику лучше поддаются изучению комплексы мужской одежды, женская одежда отражена гораздо хуже. Так как на миниатюрах представлены все слои населения (хотя и не в одинаковой пропорции), источник позволяет судить о социальных различиях в costume. Но изучение миниатюр показало, что покроем мужской одежды не был разнообразным — скорее наоборот: разные социальные и этнические слои населения носили одежду одних и тех же видов, хотя каждая группа отдавала предпочтение определенному способу ее ношения, разным сочетаниям с теми или иными аксессуарами (рис. 1, 2). На миниатюрах отображена в основном верхняя одежда, хорошо видны головные уборы, обувь и аксессуары. Нателная одежда обычно только выглядывает из-под верхней, но и она поддается изучению; иногда персонажи миниатюр изображены в одной нателной одежде, либо она изображена отдельно, например в сценах с просушкой стиральной одежды, что дает возможность судить даже о ее покрое.

Несмотря на единство покроя, общая картина среднеазиатской мужской одежды, как она представлена на миниатюрах, поражает своим разнообразием, достигаемым за счет варьирования в деталях и отделке.

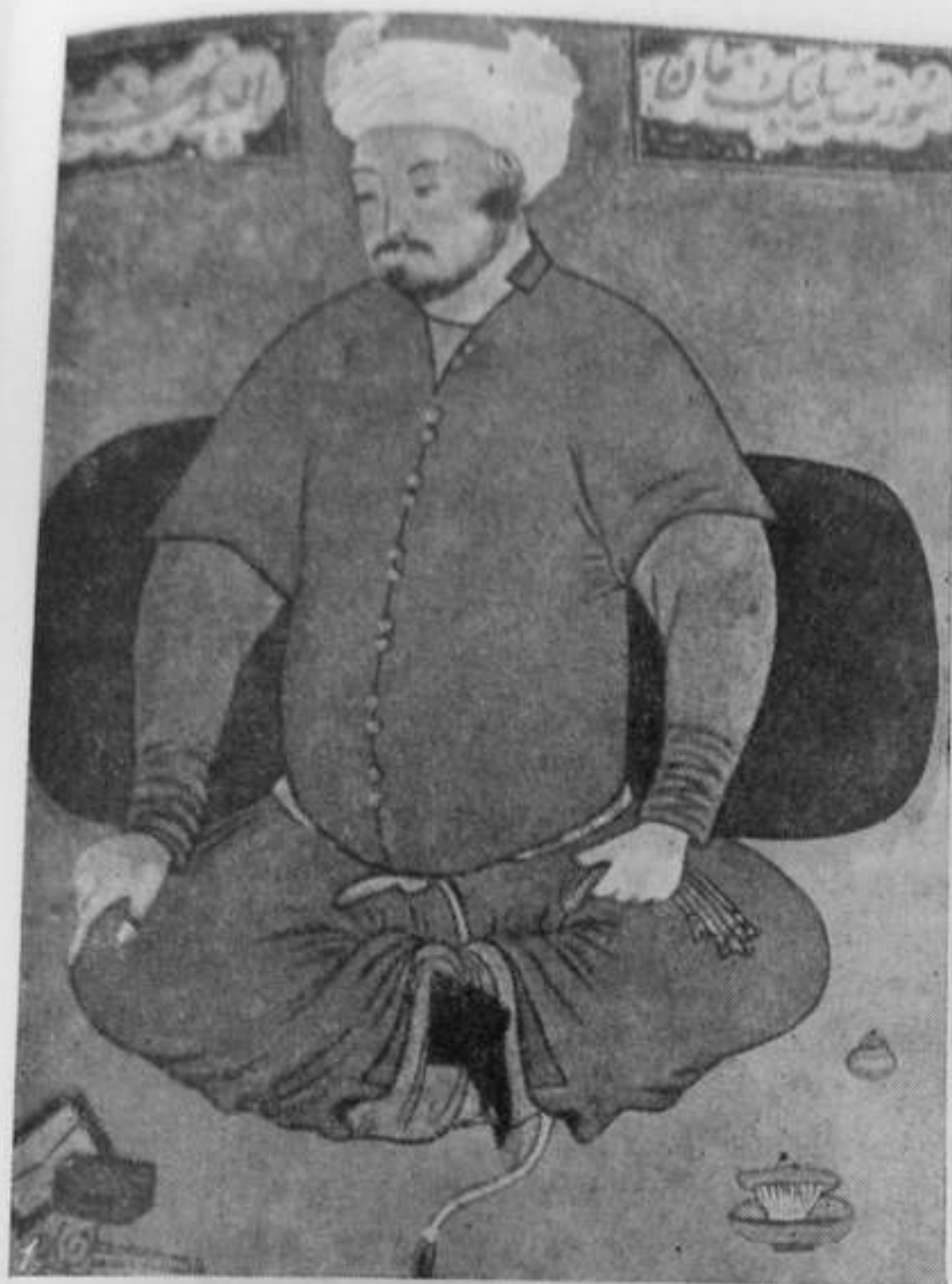
При изучении костюма по миниатюрам следует учитывать условность изображений. Если характер материалов, из которых изготовлялась одежда, отражен довольно точно, то расцветки тканей и их узоров в натуре и на миниатюрах были, вероятно, не идентичны, так как краски для живописи и для крашения тканей употреблялись разные и давали неодинаковый эффект. Судя по миниатюрам, в XV—XVII вв. в Средней Азии носили одежду преимущественно из гладких тканей белого, голубого, синего, серого, черного, различных оттенков красного, коричневого, зеленого, желтого, иногда фиолетового цветов. Узорные ткани, типичные для иранских памятников XVI—XVII вв., на среднеазиатских миниатюрах XV—XIX вв. очень редки, а полосатые ткани, которые можно видеть на хорасанских миниатюрах XV в. (см. рис. 4, 22, 23) и которые характерны для миниатюр Ирана и Индии XVI—XVIII вв., в среднеазиатских миниатюрах XVI—XVII вв. почти не встречаются⁵, появляясь лишь в конце XVIII в. (см. рис. 5, 20).

Рассмотрим мужскую верхнюю одежду. Она представлена в основном одеждой типа халата или кафтана нескольких видов.

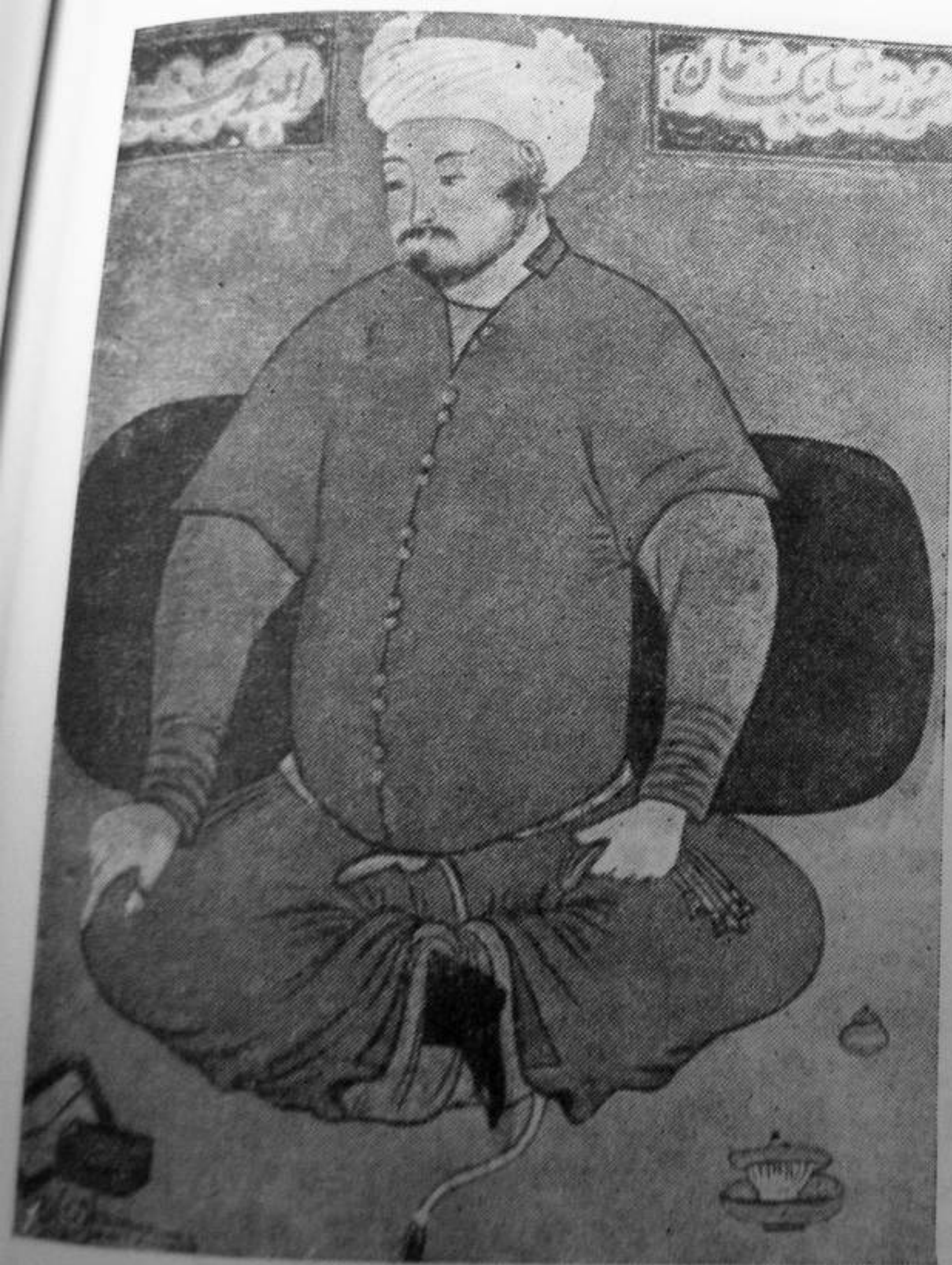
Пожалуй, самым распространенным вариантом распахнутой верхней одежды гражданского населения Средней Азии XV—XIX вв. был халат, варианты которого отличались деталями, отделкой, длиной, манерой но-

Рис. 1. Костюм знати

1 — «Портрет Шейбани-хана», Герат или Бухара, 1-я четверть XVI в., частное собрание, США; 2 — «Портрет Абдулла-хана», Бухара, 1572 г.; 3 — «Знатный пленник», Бухара, середина XVI в., библиотека П. Моргана, Нью-Йорк; 4 — Ходжа Мухаммад Мусаввир. «Портрет Имамкули-хана», 1642 г., ГМИНВ

шения, что диктовалось зачастую социальным положением владельца (рис. 3,4). Распашная одежда с прямым осевым разрезом представлена в трех вариантах: с длинными, короткими рукавами и без рукавов. Эти варианты отличались и отделкой, но их основа — покрой, который в этнографии принято называть «туникообразным»⁶, у всех вариантов был одинаков. Эта одежда была прямая, несколько расширяющаяся к подолу. Лишь по одной гератской миниатюре конца XV в. можно предположить, что хорасанские портные умели подгонять распашную одежду по фигуре, зауживая спину осевым швом от затылка до талии, так что на месте крестца образовывалась веерная складка (рис. 3,2). Халат чаще имел воротник, но иногда был и без воротника (рис. 3,11,13—15,18,19). Чаще всего воротник был относительно широкий, трапециевидный, с более или менее скошенными кверху краями. Узкие воротники могли носиться и как стоячие, и как отложные. Воротники и отвороты всегда были другого цвета: одежда этого вида имела подкладку, которая заходила на воротник и отвороты. Обычно воротники были черными, а в Бухаре XVI в. часто расшивались золотыми звездами (см. рис. 4, 11). Воротники этого типа встречаются вплоть до начала XIX в. Крайне редко на миниатюрах конца XV в. можно видеть и воротник, сшитый, очевидно, из двух клиньев, который в конце XIX—начале XX в., судя по этнографическим данным, сделался очень распространенным. На одежде знати в V в. воротники почти всегда меховые (рис. 3,4; 4,10). Халаты могли иметь меховую подкладку или быть крыты мехом, в таких случаях на подкладку и на верх шел мех разного сорта (рис. 3, 10).

Довольно часто, хотя и не всегда, одежда описываемого вида застегивалась на пуговицы и петельки⁷. Застежка шла от груди до чресел, пуговицы пришивали через равные промежутки, иногда попарно, с той и другой стороны. В таких случаях застежка оформлялась петличками из накладного металла или вышитыми золотом, шнуром. Со второй половины XVI в. в моду входят крупные, редко расположенные пуговицы-бляшки в виде розеток (рис. 3,13; 4,19). Застегивание на пуговицы было характерно для высших слоев населения, у людей физического труда пуговицы встречаются редко, лишь у кочевников. Пуговицы исчезают на одежде, изображенной на миниатюрах, с начала XIX в. Вместо пуговиц на одной из среднеазиатских миниатюр XVI в. можно видеть застежки-крючки. В XV в. одежда иногда не застегивается, а скрепляется завязками.

Важной деталью оформления распашной одежды как с длинными, так и с короткими рукавами являлась орнаментальная вышивка одежды высшей знати. Вышивка, собственно, и была основным ее украшением, потому что, как уже отмечалось, на среднеазиатских миниатюрах в отличие от иранских одежда сделана из гладких, неузорных материалов. Вышивка

Рис. 2. Костюмы различных социальных групп: трудовых слоев (1—3 — строители, 4 — дровосек, 5, 6 — пастухи), людей умственного труда и духовенства (7—9)
1, 2 — «Зафар-намэ» Йезди, Герат, середина 90-х годов XV в., Э; 3, 8, 9 — «Хамсэ» Навои, Герат, 1485 г., ББ; 4 — «Мантик ат-тайр» Аттара, Герат, 1483 г., ММ; 5, 6 — «Бустан» Саади, Герат, 1488—1489 гг., ГТ; 7 — «Лисан ат-тайр» Навои, 1553 г., ПНБ

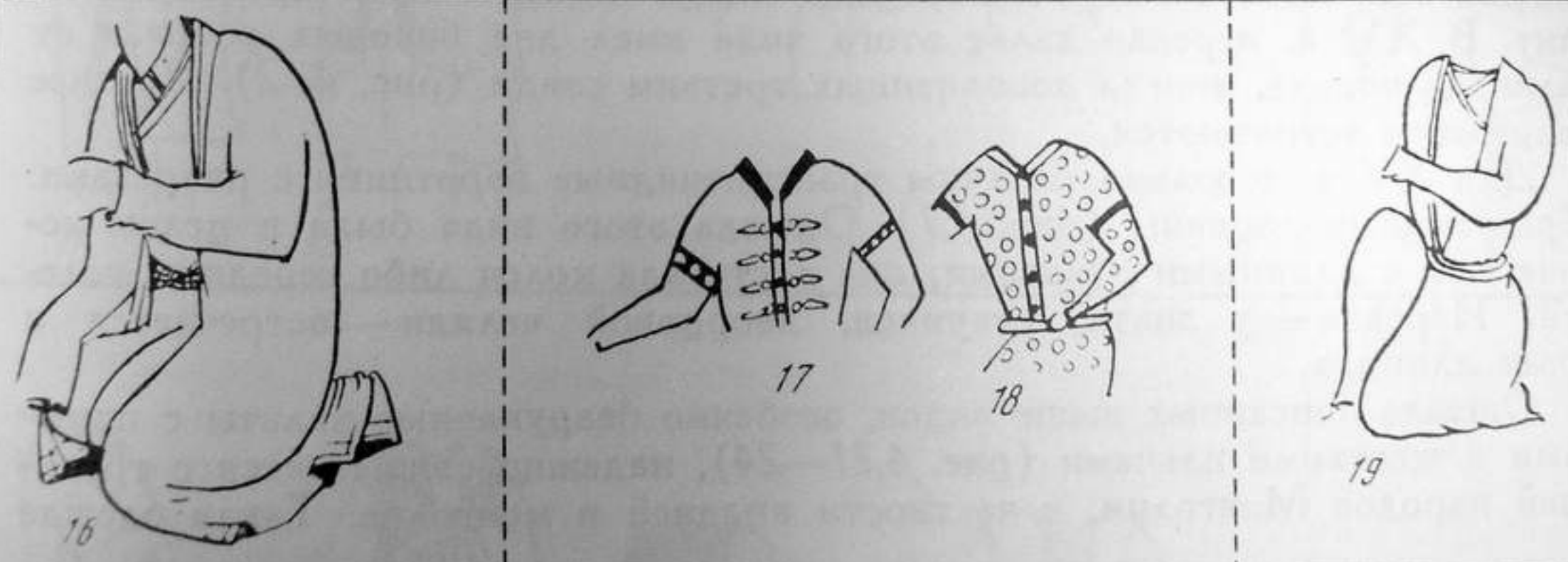
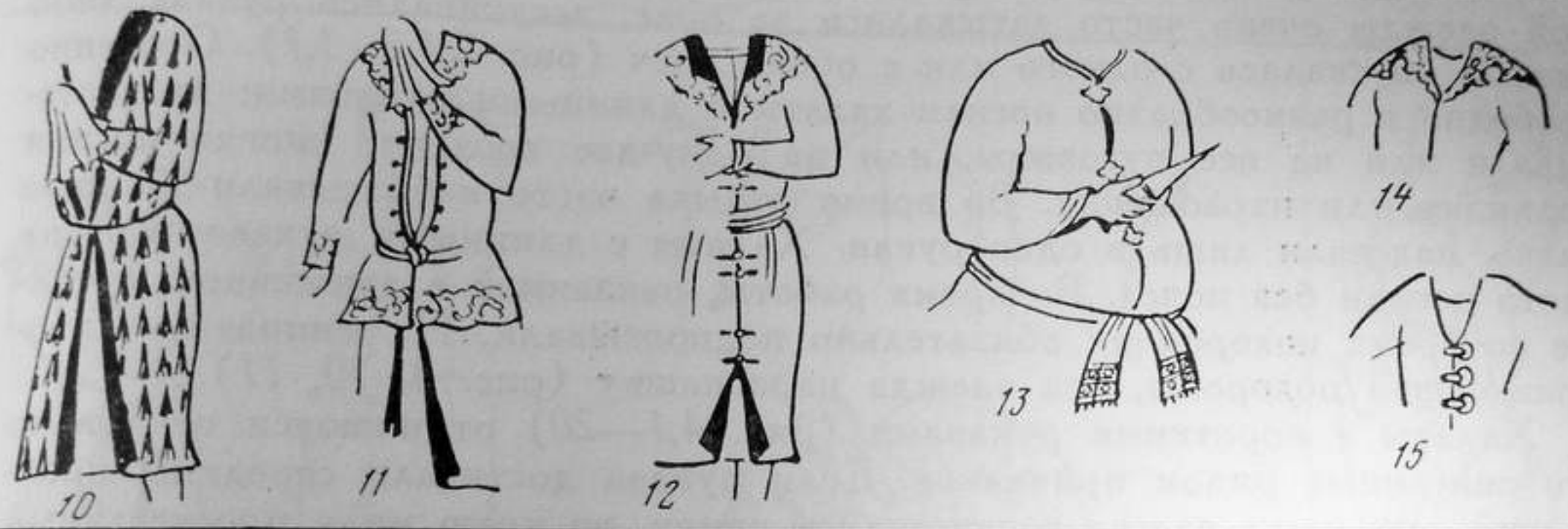
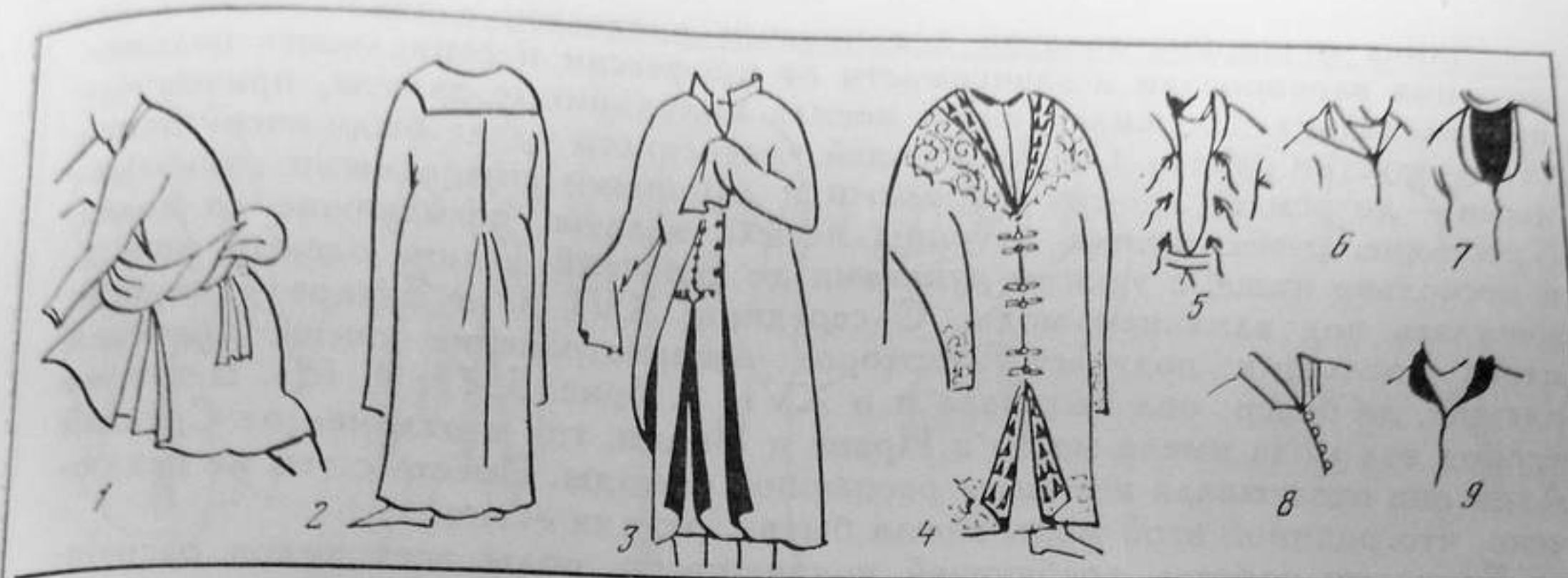
сосредоточивалась на определенных местах: она покрывала плечи и верхнюю часть груди и спины (рис. 3, 14; 4, 16, 19). Эта композиция орнамента характерна для китайской одежды, а в Средней Азии такая деталь может рассматриваться как «китаизм», появившийся на мусульманском Востоке вместе с монголами. С тех пор в описываемом регионе она сделалась почти обязательным способом отделки костюма знати.

Происхождение данного украшения (рис. 3, 20—24), на наш взгляд, следует связывать с четырехлопастной «пелериной» (пончо), которая развивалась из кушанского чешуйчатого панциря (рис. 3, 20); мы видим ее в качестве драгоценного облачения на фигурах буддийских боддисатв посткушанского времени (рис. 3, 21). С территории Северной Индии эта деталь одежды, сделавшаяся, видимо, ритуальной, попадает в Восточный Туркестан, где к VII—VIII вв. она трансформируется и превращается из оеальной детали одежды в ее имитацию-аппликацию (рис. 3, 22, 23), к XIII в. замененную вышивкой, сохранившей, вероятно, магическое охранительное значение (рис. 3, 24). Украшение доживает в народном костюме до XX в.⁸, когда от него остается нередко лишь однофигурный элемент на спине. Модификацией этого украшения является, вероятно, иная вышивка с аналогичным узором, но без фигурных краев, покрывающая верх спины и наискось спускающаяся к середине груди (рис. 3, 4, 11, 12; 4, 11; 5, 9). В XV в. данный вариант встречается крайне редко и имеет характер широкой каймы, а в XVII в. он широко распространяется и почти вытесняет первую модификацию. Вышивка становится значительно уже. В XV в. узорной вышивкой в виде широкой каймы изредка оформлены и рукава, и подол распашной одежды с длинными или короткими рукавами. К середине XVI в. такое оформление распространяется в Бухаре весьма широко (рис. 4, 11, 12), сохраняясь на золотошвейной одежде в XIX—начале XX в.

Локальной особенностью одежды XVIII в., изображенной на рукописи из Дарваза, является украшение рукавов на предплечьях тканой полосой (рис. 3, 17, 18), что можно рассматривать как пережиток традиции, распространенной от Северной Африки до Центральной Азии с середины I тысячелетия н. э. до XIII—XIV вв.⁹

Рис. 3. Верхняя одежда — халат с осевым разрезом и длинными рукавами, его детали и отделка (1—19); генезис и развитие оплечной вышивки (20—24)

1—3, 5, 6, 8, 9 — «Зафар-намэ» Йезди, Герат, середина 90-х годов XV в., Э;
4 — «Хамсэ» Навои, Герат, 1485 г., ББ; 7 — «Хамсэ» Низами, Герат, 1494 г., БМ;
10, 11 — «Хамсэ» Навои, Бухара, 1558 г., ББ; 12 — «Тухфат ал-ахрар» Джами, Бухара, 60-е годы XVI в., ГПБ; 13 — «Портрет Абдулла-хана», Бухара, 1572 г.;
14 — «Юсуф и Зулайха» Джами, Бухара, 1595 г., ББ; 15 — «Бустан» Саади, Бухара, середина XVI в., ММ; 16 — Ходжа Мухаммед Мусаввир. «Портрет Имамкули-хана», 1642 г., ГМИНВ; 17, 18 — «Газели» Бедиля, Дарваз (?), 1797—1798 гг., ГЭ;
19 — Ахмед Келле. «Поэт и художник», Средняя Азия, середина XIX в., ТИВАН;
20 — деталь изображения донатора на статуе бога Куберы, Таксила, первые века н. э.;
21 — статуя Будды из Фундукистана, VII в.; 22 — фигурный налп на кувшине, Хобезеклик, VIII—IX вв.; 23 — деталь настенной росписи храма 9. около 1300 г., музей Топкапу, Стамбул

Длина и ширина халатов с длинными рукавами, а также манера их ношения варьировали в зависимости от профессии и социального положения владельца. Служилая знать носила полудлинные халаты, причем часто — опустив рукава. Одежды людей умственного труда были очень длинными — до земли, с очень широкими и длинными спущенными рукавами. Крестьяне, ремесленники и воины носили халаты, доходившие до колен и несколько ниже, с узкими рукавами до запястий. Длина одежды иногда менялась под влиянием моды. С середины XVI в. в Бухаре у высших слоев населения получает некоторое распространение очень короткая одежда, до бедер; она бытовала и в XVII в. (рис. 3, 11; 4, 18). В тот же период эта мода имела место в Иране и Индии, где в отличие от Средней Азии она охватывала все виды распашной одежды. Вместе с тем не исключено, что родиной этой моды могла быть Средняя Азия.

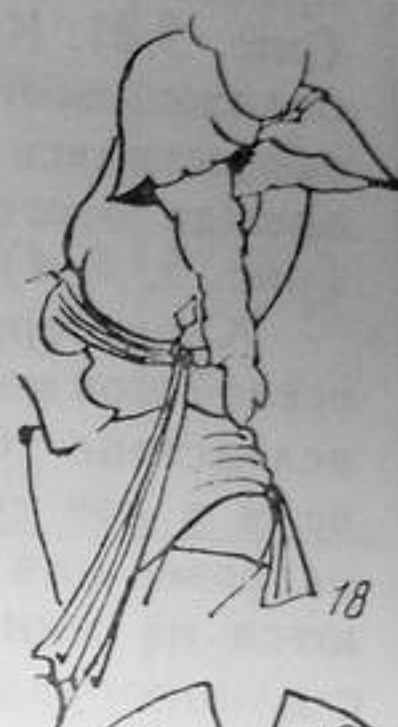
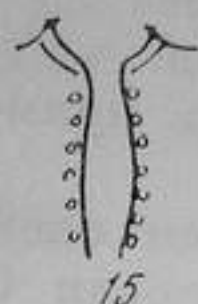
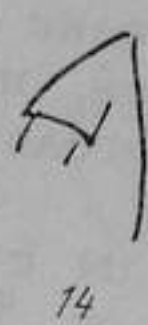
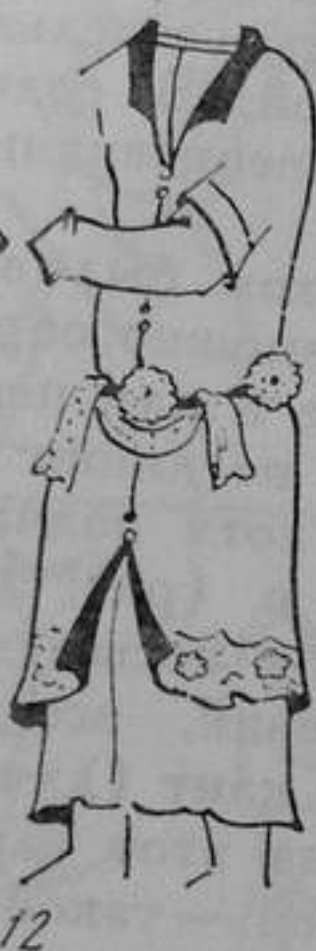
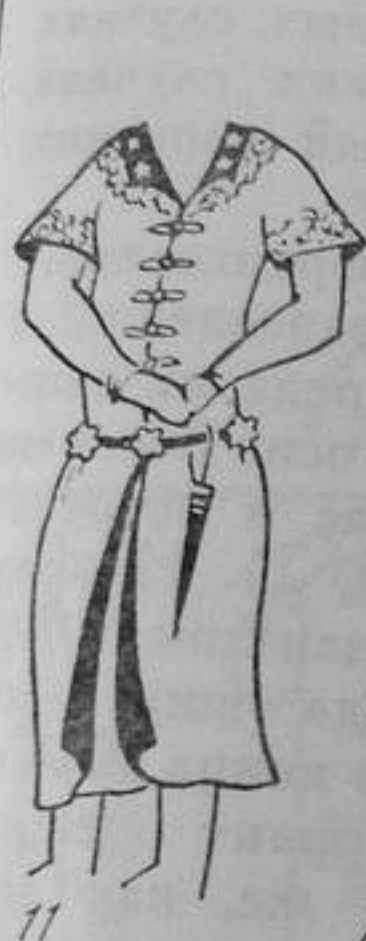
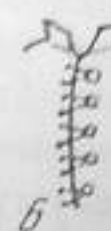
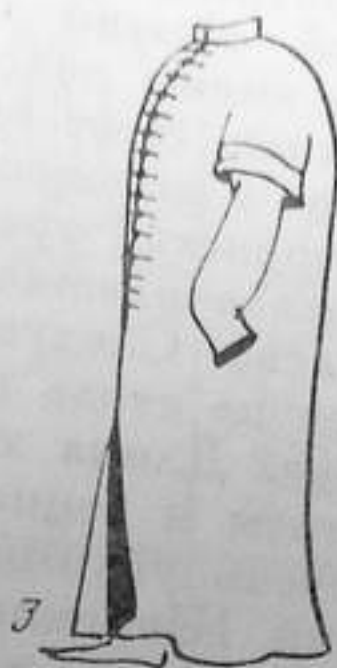
Во время работы, требующей подвижности, полы всех видов распашной одежды очень часто затыкались за пояс, засучивались рукава либо одежда спускалась с одного или с обоих плеч (рис. 2, 1, 2; 3, 1). Особенно свободно и разнообразно носили халаты с длинными рукавами: их застегивали или на все пуговицы, или на одну-две верхние, иногда носили внакидку или нараспашку. Во время отдыха часто набрасывали на одно плечо, надевали лишь в один рукав. Халаты с длинными рукавами очень часто носили без пояса. Во время работы, связанной с движением, а также во время похорон их обязательно подпоясывали. На миниатюре, изображающей похороны, вся одежда нараспашку (рис. 3, 10, 11).

Халаты с короткими рукавами (рис. 4, 1—20) отличаются от только что описанных рядом признаков. Если рукава достигали середины предплечий, они часто слегка расширялись снизу, по краю имея простеганный кант. В XV в. нередко халат этого вида имел два боковых разреза от талии до подола, иногда дополненных третьим сзади (рис. 4, 2). Позднее разрезы не встречаются.

Для XV в. довольно типичны трапециевидные воротники с разрезами, образующими лацканы (рис. 4, 7). Одежда этого вида была в целом короче, чем с длинными рукавами; она достигала колен либо середины голей. Изредка — у знати, стариков, дворцовой челяди — встречается и более длинная.

Одежда описанных выше видов, особенно безрукавные халаты с широкими и жесткими плечами (рис. 4, 21—24), надежно связывается с традицией народов Монголии, в частности киданей и монголов. Такая одежда

Рис. 4. Верхняя одежда — халат с осевым разрезом и короткими рукавами
1, 2, 5—7, 9, 21 — «Зафар-намэ» Йезди, Герат, середина 90-х годов XV в., Э; 3, 10 — «Хамсэ» Навои, Герат, 1485 г., ББ; 4, 24 — «Хамсэ» Низами, Герат, 1494 г., БМ; 8 — «Хамсэ» Низами, Герат, 1481—1482 гг., ГПБ; 11, 13—15 — «Хамсэ» Навои, Бухара, 1553 г., ББ; 12 — Абдулла. «Влюбленные», Бухара, 2-я половина XVI в., собрание Вевера; 16 — «Портрет Султан-Хусайна», Герат, начало XVI в. (?); 17 — Махмуд Музаххиб. «Сокровищница тайн» Низами, Бухара, 1545 г.; 18, 19 — «Зафар-намэ» Йезди, Бухара, 1628 г., ТИВАН; 20 — «Газели» Бедия, Дарваз (?), 1797—1798 г., ГЭ; 22 — «Маджнун и Лайли» Дихлави, конец XV в., ГПБ; 23 — «Мантик ат-тайр» Аттара, Герат, 1483 г., ММ

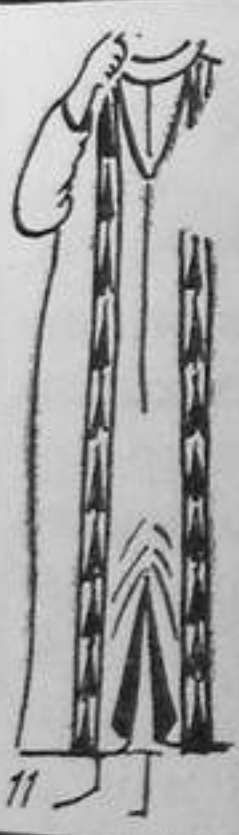
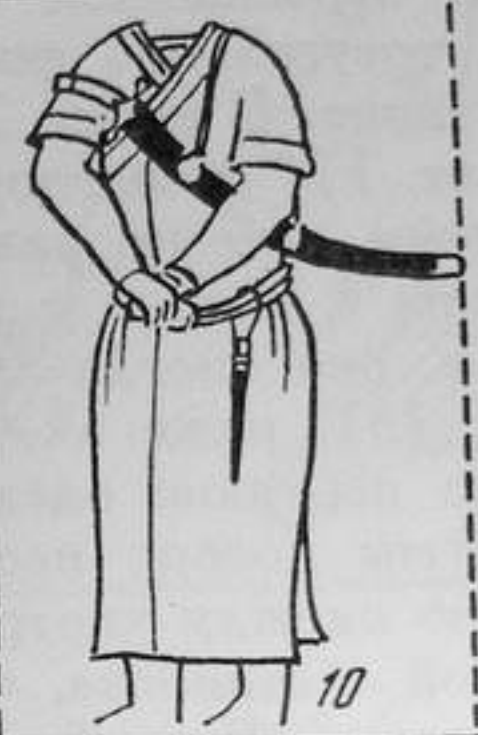
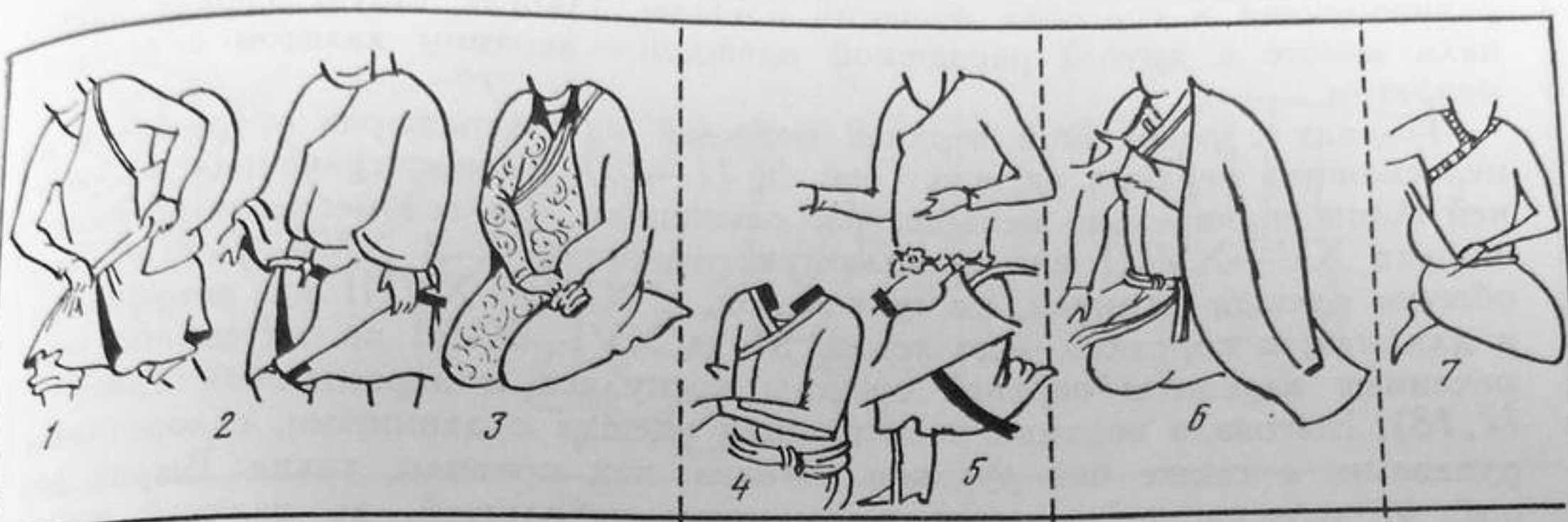
изображена на памятниках китайской и киданьской живописи, а также отражена археологическим материалом Золотой орды¹⁰.

Особым видом верхней распашной одежды был халат или кафтан с косым запахом (рис. 5,1—10). Мы видим подобное платье на воинах, знати, кочевниках, изредка на горожанах. Этот вид одежды был хорошо известен на мусульманском Востоке еще в домонгольское время¹¹. Он связан с кочевнической, монгольской и тюркской традициями, которые отличались направлением запаха: монгольская одежда запахивается слева направо, тюркская — обычно справа налево. Следует отметить, что направление запаха у тюрков выдерживается не столь постоянно, оно может не только варьировать, но и совмещаться. Длина халатов с косым запахом была различна и определялась занятием и социальным статусом ее владельца. Рукава почти всегда были очень узкими, доходили до середины ладони, иногда до середины предплечий. Широкие рукава на такой одежде представляли исключение и известны только для Герата конца XV в. (рис. 5,2). Косая левая пола скреплялась на правом боку завязками, расположенными от подмышек до талии (рис. 5,8), и в отдельных случаях оформлялась простеганной каймой, иногда двойной. В редких случаях одежда этого вида имела прямоугольный или трапециевидный воротник (рис. 5, 3, 4).

Характерным отличием одежды с косым запахом был вертикальный осевой шов или стежка спереди (рис. 5, 5, 8, 10), возможно, образовавшийся вследствие того, что ткани имели узкое полотнище и для передела их сшивали в две точки, так что шов приходился как раз по линии оси. Боковые разрезы для одежды этого типа не характерны, хотя подчас и встречаются на миниатюрах конца XV—середины XVI в. (рис. 5, 2). Наряду с длиннорукавным существовал и вариант одежды с косым запахом, с более короткими рукавами, до середины предплечий, всегда широкими (рис. 5,8—10). Края рукавов имеют простеганный кант (для конца XV в. это необязательно). Воротник отсутствует. Иногда этот вариант одежды с косым запахом украшался оплечной вышивкой — такой же, как вышивка на халатах с осевым запахом (рис. 5, 9). Вышивка на одежде с косым запахом была распространена у монголов Ирана в XIII—XIV вв.¹² и, несомненно, у монголов Средней Азии, однако таких изображений на дошедших до нас среднеазиатских миниатюрах не встречено. За редкими исключениями, в конце XV—середине XVI в. подобная одежда почти всегда сделана из однотонных тканей. Ее носили завязанной и подпоясанной, что, возможно, связано с отмеченным выше уменьшением свободы и

Рис. 5. Верхняя одежда — кафтан с косым запахом (1—10) и нераспашная одежда (11—20)

1, 14 — «Хамсэ» Низами, Герат, 1494 г., БМ; 2, 3, 9, 15 — «Хамсэ» Навои, Герат, 1485 г., ББ; 4 — Махмуд Музаххиб. «Сокровищница тайн» Низами, Бухара, 1545 г., ПНБ; 5 — Мухаммад Мурад Самарканди. «Шах-намэ» Фирдоуси, Бухара, 1556 г., ТИВАН; 6 — «Зафар-намэ» Йезди, Бухара, 1628 г. ТИВАН; 7, 19, 20 — «Газели» Бедиля, Дарваз (?), 1797—1798 гг., ГЭ; 8 — «Хамсэ» Низами, Герат, 1493 г., БМ; 10, 17 — «Хамсэ» Навои, Бухара, 1553 г., ББ; 11, 12 — «Хамсэ» Низами, Герат, 1481—1482 г., ГПБ; 13 — «Бустан» Саади, Герат, 1489 г., ГТ; 16 — «Антология», Бухара, 1529 г., ЛО ИВ АН; 18 — «Хамсэ» Дихлави, Бухара, 1603—1604 г., ГПБ

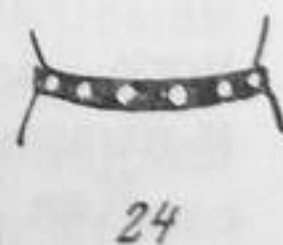
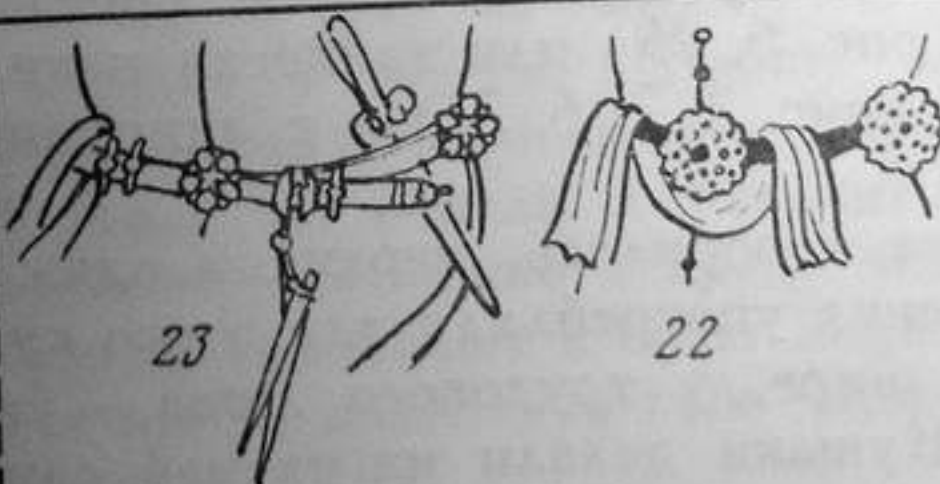
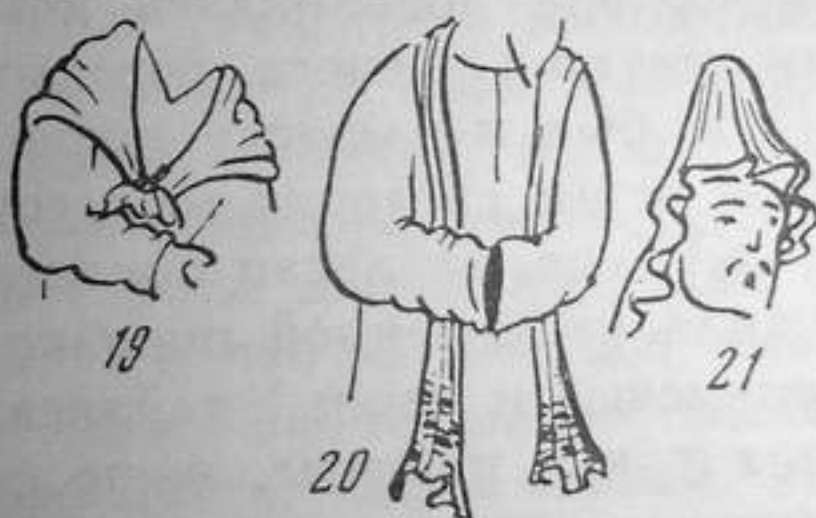
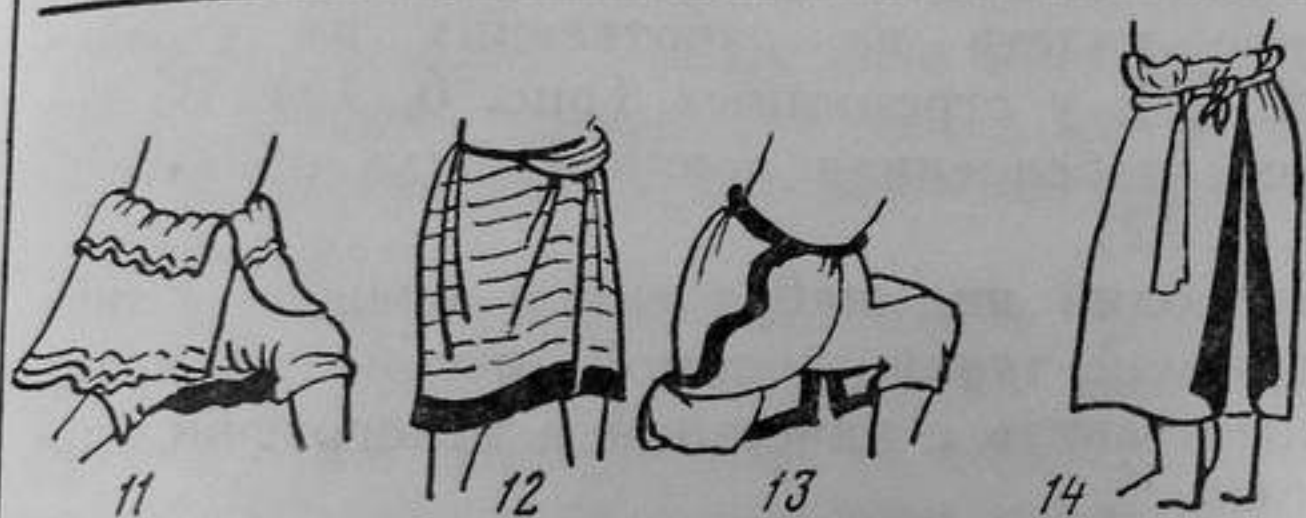
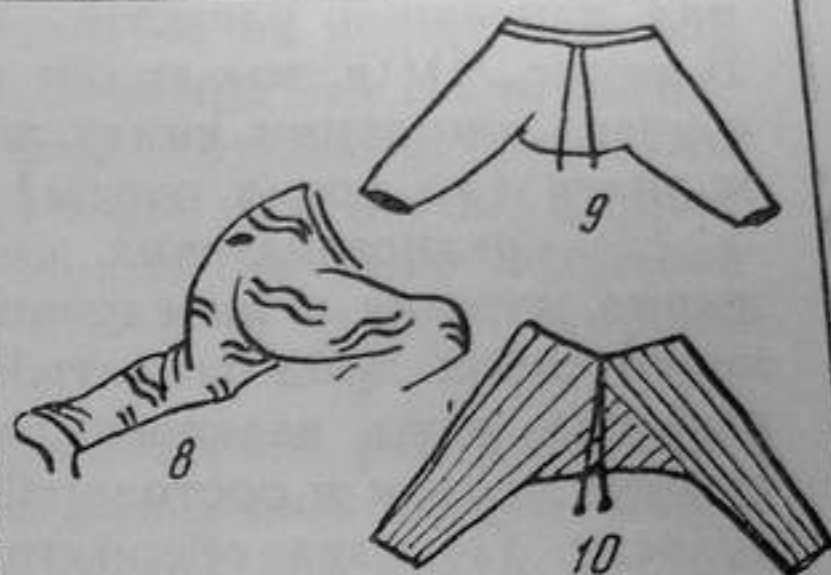
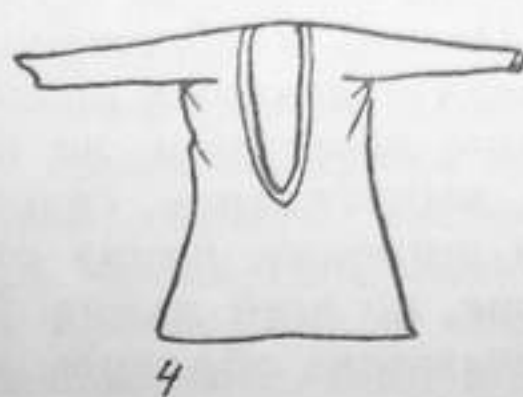
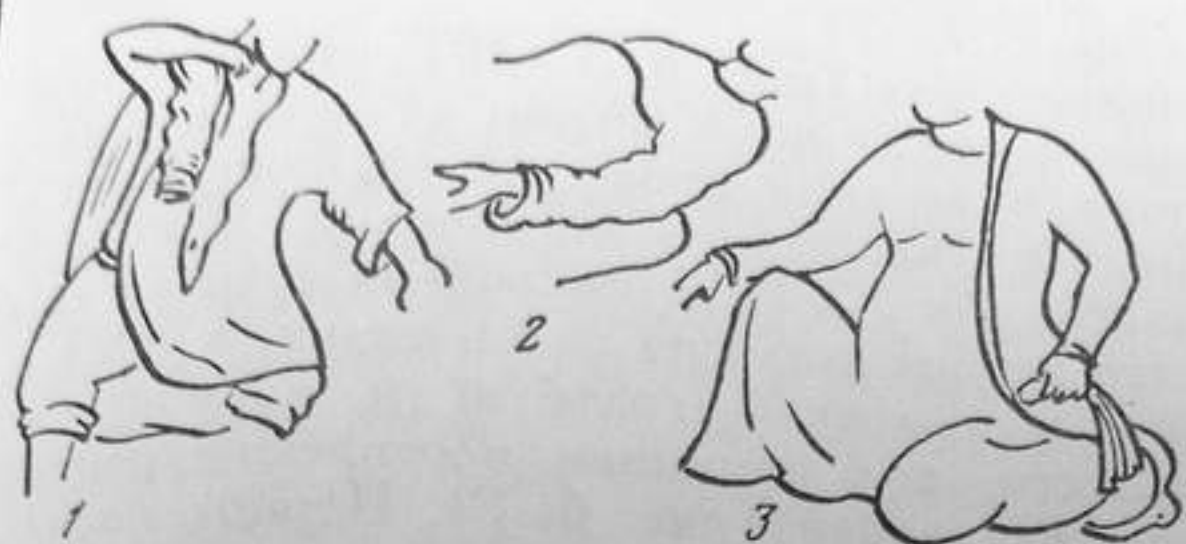

разнообразия в способах ношения одежды. Иногда такую одежду надевали вместе с другой распашной одеждой — верхним халатом с осевым разрезом.

Наряду с распашной верхней одеждой на миниатюрах встречается и нераспашная верхняя одежда (рис. 5, 11—20). Распространенная в Средней Азии значительно меньше, чем распашная, она тем не менее на миниатюрах XV—XVIII вв. не является редкостью¹³. В XV—XVI вв. это обычно одежда длинная, до щиколоток, в XVII—XVIII вв. встречается и длинная, и короткая — до колен. Мода XVI—XVII вв. на сильно укороченные варианты верхней одежды коснулась и нераспашной (рис. 5, 17, 18). Бытовала верхняя нераспашная одежда с длинными, с короткими рукавами, а также без рукавов. Рукава, как правило, узкие. Вырез ворота в нераспашной одежде в основном небольшой, до верхней части груди, треугольной формы; часто имеется воротник одного из описанных выше типов. В конце XVIII в. воротник на нераспашной верхней одежде исчезает. На миниатюрах конца XV в. нераспашная одежда изображена с прямым осевым разрезом от горла до живота, часто застегнутой на пуговицы¹⁴, иногда с петличками (рис. 5, 12, 13). В конце XV—начале XVII в. она иногда имела разрезы снизу спереди на подоле (рис. 5, 11, 12, 17, 18), реже в XV—XVI вв. — на боках (рис. 5, 13, 17). Нераспашную верхнюю одежду всегда шили на подкладке. Иногда ее носили с надетым поверх нее распашным халатом (рис. 5, 11). Нераспашную верхнюю одежду употребляли люди всех сословий, как правило, в неофициальной обстановке, чаще всего на отдыхе. У слуг во время исполнения обязанностей (рис. 5, 13, 19, 20), а у знатных людей во время развлечений (рис. 5, 16, 17) она обычно подпоясывалась.

Под верхнюю одежду надевались различные рубахи (рис. 6, 1—4). Есть основания полагать, что одновременно могли носить по две рубахи. Нательная рубаха, которая служила и во время сна (рис. 6, 1, 2, 9), всегда белого цвета, ее часто шили из самой тонкой ткани, верхние рубахи — из цветных тканей (рис. 6, 3), чаще холодных, спокойных оттенков — голубых, серых, синих, зеленых. Рубаха имела длинные неширокие рукава. Ворот мог быть либо в виде узкого длинного овала, оставляющего открытой грудь, либо закрытый, по шее, иногда дополненный вертикальным прямым разрезом до живота. Ворот рубах окаймлялся стежкой, иногда застегивался на пуговички. Рубаха обычно достигала колен, верхняя рубаха была длиннее нательной, доходя до середины голени или до

Р и с. 6. Рубахи (1—4), штаны (5—10), фута (11—21), пояса (22—24) —————▶
1, 2 — «Хамсэ» Низами, Герат, 1481—1482 гг., ГПБ; 3 — «Бустан» Саади, Герат, 1489 г., ГТ; 4, 9, 10 — «Сильсилат аз-захаб» Джами, Казвин, 1589 г., ГЭ; 5, 16—18 — «Хамсэ» Навои, Герат, 1485 г., ББ; 6, 14 — «Зафар-намэ» Йезди, Герат, середина 90-х годов XV в., Э; 7 — «Битва в горах», Герат, середина 90-х годов XV в., ММ; 8 — «Хамсэ» Низами, Бухара, 1579—1580 гг., ГПБ; 11, 12 — «Хамсэ» Низами, Герат, 1494 г., БМ; 13 — «Гулистан» Саади, Герат, 1486 г., собрание Моргана; 19—21 — «Лисан ат-тайр» Навои, Бухара, 1553 г., ПНБ; 22 — Абдулла. «Влюбленные», Бухара, середина XVI в.; 23 — «Портрет Султан-Хусайна», Герат, начало XVI в. (?); 24 — «Газели» Бедиля, Дарваз (?), 1797—1798 г., ГЭ;

щиколотки, у трудовых слоев — до колен. Мужчины ходили в рубахах только в домашней обстановке (рис. 6, 1—3).

Штаны, изображенные на миниатюрах (рис. 6, 5—10), имели покрой из двух отдельных штанин и вшитой между ними мотни; разреза не было. Штаны держались на продернутом в верхний рубец шнуре, концы которого выпускались спереди и подчас украшались кисточками. Штанины были широкие, книзу они сужались, а к XVII в. покрой их сузился еще больше, по всей длине. Чаще всего штаны шили из белой ткани, в XVI в. встречаются образцы из ткани в полоску — голубую и коричневую. К концу этого века, вероятнее всего, под влиянием персидско-турецкой моды штаны стали шить из узорных тканей (рис. 6, 8). Штаны носили под наплечной одеждой. У воинов они отличались по ряду признаков. В конце XV в. мы видим на них алые, оранжевые, или вишневые штаны, с очень широкими внизу штанинами (рис. 6, 5, 6). В такие штаны воины и знать (во время охоты) заправляли наплечную одежду (рис. 6, 5, 6).

На среднеазиатских миниатюрах XV—XVI вв. встречаются изображения мужчин в набедренной повязке *фута* (рис. 6, 11—15), представляющей собой продолговатый кусок довольно широкой ткани голубого, синего или, реже, зеленого цвета, как правило, с продольной каймой, идущей с обеих сторон и состоящей из одной широкой и нескольких узких черных полосок. Повязка обернута вокруг бедер в один оборот и держится на узком пояске.

Набедренную повязку можно видеть на работающих на стройке (рис. 6, 11), на борцах (рис. 6, 13), у стремянных (рис. 6, 15). Во все времена для людей всех сословий набедренная повязка была обязательной во время мытья в бане (рис. 6, 12).

В конце XV в. бытовал еще один вид набедренной одежды — типа распашной юбки из плотной цветной ткани, носимой знатью во время охоты (рис. 6, 14). Ее можно сопоставить с известной в этнографии киргизской женской одеждой *бельдемчи*¹⁵.

Мужская одежда дополнялась некоторыми характерными деталями. Компонентом костюма ученого, богослова, суфия в Средней Азии в XV—начале XVII в. был наплечный шарф *тайласан* — традиционная и старая деталь одежды этого сословия на мусульманском Востоке¹⁶ (рис. 6, 16—21). В XV—XVI вв. тайласан представлял собой такую же футу, как та, которая служила набедренной повязкой. С середины XVI в. появляются широкие коричневые и черные тайласаны, а наряду с ними все более распространяются узкие цветные, чаще белые с каймой на конце. Носились тайласаны накинутыми на плечи, иногда их концы завязывались узлом на груди (рис. 6, 19) или тайласан накидывался на голову поверх головного убора (рис. 2, 7; 6, 21) — традиционный способ ношения его суфиями и имамами¹⁷.

Как уже говорилось, верхнюю одежду мужчины подпоясывали. Все слои населения употребляли для этого кушаки, которые у богатых и знатных были шире, у трудового люда — уже и часто заменялись простым шнурком. Кушаки делали из тканей самых разных расцветок, часто кушаком служила *фута*. С начала XVI в. особенно распространяются кушаки, орнаментированные продольными полосками. С этого же времени

кушаки становятся все более широкими и пышными — вероятно, под влиянием иранской моды. Часто они закручивались жгутом, иногда их завязывали узлом спереди, иногда просто подтыкали концы сбоку (рис. 1, 2). Военные и знать предпочитали кушаку черный кожаный ремень (рис. 6, 22, 24), довольно узкий, украшенный, как правило, тремя-четырьмя круглыми металлическими бляхами, под передними была скрыта застежка. В XV в. бляхи были небольшими, ремень украшался, кроме того, несколькими узкими металлическими обоймами, в которые просовывался свободный конец ремня (рис. 6, 23). С середины XVI в. в Средней Азии в моду входят очень крупные плоские бляхи, у знати часто усыпанные драгоценными камнями (рис. 6, 22). Обоймы больше не применяются, так как ремень теперь делают точно по талии, и он застегивается на пряжку, имеющую с одной стороны петлю, с другой — крючок. В конце XVIII в. встречаются ремни, украшенные часто расположенными круглыми бляшками (рис. 6, 24). Почти неизменным аксессуаром одежды мужчин в Средней Азии XV—XVII вв. был узкий платок, заткнутый за пояс с правой стороны, реже (в основном с середины XVI в.) и с левой стороны (рис. 6, 23).

Головные уборы были весьма разнообразны. Наиболее распространены, судя по миниатюрам XV—XIX вв., были различной формы шапки из ткани (рис. 7, 1—10). Один из вариантов — шапка без полей, состоящая из околыша и макушки, выкроенной, вероятно, в виде круга с выбранным сектором¹⁸. Вариации кроя давали различную форму и высоту шапки. Обычно шапки без полей имели подкладку, макушка простегивалась по вертикали, а околыш — по горизонтали; околыш мог и не простегиваться.

Реже встречаются маленькие шапочки без околыша, нестеганные (рис. 7, 1). Стеганные шапки из ткани бытовали еще с домонгольской поры¹⁹. Они сохранились на миниатюрах вплоть до XIX в. Шили их из однотонных тканей разного цвета. Шапки из ткани носили все слои общества и во всех случаях жизни. Они служили и выходным, и домашним, и ночным головным убором. Трудящиеся слои, особенно во время работы, предпочитали маленькие гладкие шапочки, высшие слои — высокие стеганные шапки, макушка которых иногда увенчивалась шариком (рис. 7, 3). К этому варианту очень близки шапки из ткани с околышем и стеганой макушкой, отличающиеся тем, что их околыш имеет два разреза и отогнут кверху (рис. 7, 7—10). Такие шапки были из ярких цветных тканей с подкладкой другого цвета, часто черной. Изображения шапок описываемого типа известны еще с XIV в. Носили их в основном представители знати, иногда кочевники и воины. Шапки этого типа у знати украшались в XV—XVI вв. металлическими навершиями и эгретами (рис. 7, 7—9). В Средней Азии их носили в отличие от Индии всегда без чалмы или повязки, отвороты, особенно в среде знати, строго и однообразно подняты, разрезы почти совпадают с осью лица. Люди более низкого социального положения могли позволить себе несколько большую свободу ношения этого убора (рис. 7, 10).

Широко были распространены шапки из войлока (рис. 7, 11—33).

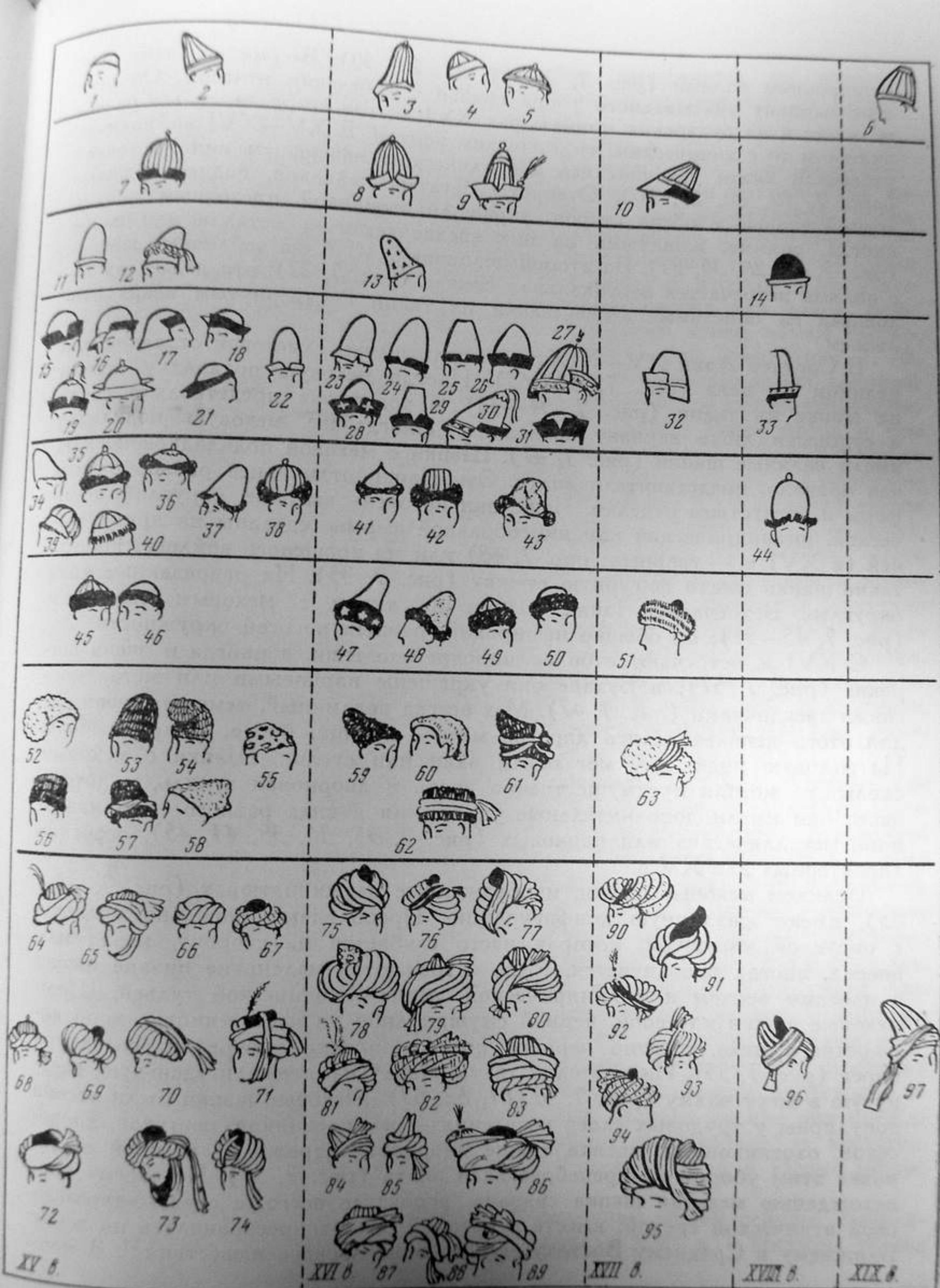
Плотная валяная шапка без полей из тонкого войлока — традиционный иранский головной убор²⁰ — в Средней Азии бытовала, судя по миниатю-

рам, в XV—XVIII вв. в среде ремесленников, охотников, челяди, жителей горных районов. Под влиянием тюркских колпаков она приобрела коническую форму, хотя в отдельных случаях, особенно у горцев, сохраняла древние округлые очертания (рис. 7, 14). Войлок, из которого изготовляли шапки, иногда белый, иногда окрашен в различные цвета. В XVI в. войлочные шапки челяди иногда украшались звездочками, возможно вышитыми (рис. 7, 28). В некоторых случаях края шапки слегка отгибались наверх (рис. 7, 11, 14), иногда на нее навязывали узкий, свернутый жгутом тюрбанчик (рис. 7, 12). Нередко на миниатюрах изображен колпак с разрезанными полями (рис. 7, 15—33). Это центральноазиатский традиционно кочевнический головной убор. Со времени монгольских завоеваний он распространился за пределы Центральной Азии и стал с тех пор самым популярным убором кочевнической знати и ее челяди, осевших в городах Средней Азии²¹. Среди коренных горожан он был распространен гораздо меньше.

Судя по изображениям, верхушка колпака была цельновалающей, а поля пришивались к ней (рис. 7, 15, 16, 18—33), хотя встречаются и образцы, поля которых составляют одно целое с верхушкой (рис. 7, 17). Наиболее ранним вариантом, преобладавшим еще в конце XV в., был низкий круглый, вероятно, монгольский вариант этого убора²² с довольно широкими полями, как правило, черными или темно-синими (рис. 7, 15—21, 31). В самом конце XV—начале XVI в. распространяются, а на раннейбакидских миниатюрах доминируют высокие колпаки с округлым верхом и

Рис. 7. Головные уборы

1, 19, 34, 39, 45 — «Хамсэ» Низами, Герат, 1494 г., БМ; 2, 72 — «Хамсэ» Низами, Герат, 1481—1482 гг., ГПБ; 3, 87 — «Лисан ат-тайр» Навои, Бухара, 1553 г., ПНБ; 4, 8, 23, 49 — «Шах-намэ» Фирдоуси, Герат или Бухара, начало XVI в., ЛО ИВ АН; 5, 9, 62, 79, 80, 82, 83 — «Салман и Абсаль» Джами, Казвин, 1581 г., ГПБ; 6, 97 — Ахмед Келле. «Поэт и художник», Средняя Азия, XIX в., ТИВАН; 7, 11, 15—17, 22, 35, 37, 38, 40, 52—54, 56, 64—66, 69—71 — «Зафар-намэ» Йезди, Герат, середина 90-х годов XV в., Э; 10, 32 — «Тимур-намэ» Хатефи, Средняя Азия, 1683 г., ЛО ИВ АН; 12, 20, 36, 46, 55, 57, 68 — «Мантик ат-тайр» Аттара, Герат, 1483 г., ММ; 13, 28, 47, 59, 84, 85 — «Хамсэ» Навои, Бухара, 1553 г., ББ; 14, 33, 44, 96 — «Газели» Бедия, Дарваз (?), 1797—1798 гг., ГЭ; 18, 73, 74 — «Хамсэ» Навои, Герат, 1485 г., ББ; 21 — «Гулистан» Саади, Бухара, 1566—1567 гг., ГПБ; 24, 41 — «Тарих-и Абул-хайр», Бухара, 40-е годы XVI в., ТИВАН; 25 — «Фатх-намэ» Шади, Бухара, 1502—1507 гг., ТИВАН; 26, 29, 48, 60 — Махмуд Музаххиб. «Сокровищница тайн» Низами, Бухара, 1545 г., ПНБ; 27 — «Пленный тюрк» (узбек?), Иран, 2-я половина XVI в., ГЭ; 30 — «Пленный тюрк» (узбек?), Иран, начало XVI в., собрание Дюсэ, Париж; 31 — Абдулла. «Гулистан» Саади, Бухара, 1543 г., частное собрание; 42 — «История Хызр-хана» Дихлави, Бухара, 1598 г., ГПБ; 43, 61 — «Сильсилат аз-захаб» Джами, Казвин, 1587 г., ГЭ; 50 — «Маджлис в саду», миниатюра из альбома Султан-Мурада, Бухара, 2-я половина XVI в., ВНБ; 51, 63, 90, 92—94 — «Зафар-намэ» Йезди, Бухара, 1628 г., ТИВАН; 58, 67 — «Бустан» Саади, Герат, 1489 г., ГТ; 75, 76 — Мухаммад Мурад Самарканди. «Шах-намэ» Фирдоуси, Бухара, 1556 г., ТИВАН; 77 — Мухаммад Мурад Самарканди. «Красавица», Бухара, 2-я половина XVI в., частное собрание, Париж; 78 — «Портрет Абдулла-хана», Бухара, 1572 г.; 81 — «Антология», Бухара, 40-е годы XVI в., ЛО ИВ АН; 86 — «Портрет Султан-Хусайна», Герат, начало XVI в.; 88 — «Бустан» Саади, Бухара, 40-е годы XVI в., ВГ; 89 — «Портрет эмира» (Барак-хана?), Бухара, середина XVI в., собрание Арно; 91 — «Шах-намэ» Фирдоуси, Бухара, 1602—1603 гг., ГПБ; 95 — Ходжа Мухаммад Мусавир. «Портрет Имамкули-хана», 1642 г., ГМИНВ

неширокими полями (рис. 7, 23, 24, 27, 28, 30). Весьма вероятно, что этот вариант описываемого убора связан с узбекским этносом. Он преобладает и на бухарских миниатюрах XVI в., где встречаются его разновидности то с коническим, то с плоским верхом. В XV—XVI вв. колпаки узбекской знати увенчивались металлическим навершием или кисточкой (рис. 7, 19, 20, 27, 30). Отвороты богатых колпаков, подчас обшитые черной тканью с обеих сторон, украшали вышивкой, цветочным узором, иногда, видимо, нашитыми на них звездочками из металла или парчи (рис. 7, 27, 28, 30, 33). Во второй половине XVI в. на войлочных шапках с полями встречается вертикальная стежка (рис. 7, 27), это делает их похожими на описанные выше шапки из ткани с отвернутым вверх околышем.

В Средней Азии XV—XIX вв. носили шапки с меховой отделкой или целиком из меха (рис. 7, 34—63). Иногда меховую подкладку делали на шапке из ткани (рис. 7, 34—44), и тогда она представляла собой в сущности лишь вариант последних. Иногда же меховую подкладку имели валяные шапки (рис. 7, 47). Шапки с меховой подкладкой носили, как правило, представители знати. Эти шапки отличались разнообразием форм и богатством отделки. Чаще они не очень высокие, округлой, конической, цилиндрической или яйцеобразной формы, сделаны из ярких тканей (в XVI в. — узорных; рис. 7, 48) или из крашеного войлока. Иногда такие шапки имели фигурную стежку (рис. 7, 35). Их разрезанные края округлые. Встречались также шапки из ткани с меховым околышем (рис. 7, 45—51); он обычно неширокий, ровный по всей окружности.

С XVI в. встречаются более широкие околыши, а иногда и очень широкие (рис. 7, 51); в Бухаре они украшены парчовыми или металлическими звездочками (рис. 7, 47). Мех всегда недлинный, темный: очевидно, для этого использовались дорогие меха — куница, бобр, выдра, соболь. На меховую подкладку мог пойти заяц или суслик. Шапки с меховым околышем носили преимущественно знать и дворцовая челядь, и потому часто они имели дополнительные украшения в виде разного рода наверший, металлических или парчовых (рис. 7, 35, 36, 38, 44, 45), особенно характерных для XV в.

Целиком меховые шапки, изображенные на миниатюрах (рис. 7, 52—63), имеют различную конфигурацию. Преобладают довольно большие с округлой макушкой, которая часто сгибается на сторону, назад или вперед, иногда вдавливается. Реже встречаются маленькие низкие шапки с плоским верхом и цилиндрической, редко — конической тульей. Шили меховые шапки из серой, черной смушки либо из какого-нибудь короткошерстного меха, обычно черного цвета. Изредка употреблялась шкура барса (рис. 7, 55). Иногда на меховую шапку наматывали узенькую, свернутую в жгут чалму (рис. 7, 57, 61, 62, 63). Меховые шапки были весьма популярны у трудовых слоев населения — ремесленников, пастухов, дровосеков, охотников, их носила также дворцовая стража. В частной обстановке этим убором не пренебрегала и знать (рис. 7, 58). По своему происхождению меховая шапка связана, вероятнее всего, с огузско-туркменской этнической средой, вместе с которой она распространилась по всему Ближнему и Среднему Востоку еще до монгольского нашествия²³. В мон-

гольское время меховая шапка временно вытесняется из обихода, но в XV в. вновь широко распространилась и встречается на среднеазиатских миниатюрах до середины XVII в.

Однако основным головным убором мужчин в конце XV—XIX вв. в Средней Азии можно считать чалму. Ее носили все слои населения, в основном городского, лица, связанные с умственным трудом. Она же была официальным парадным убором знати. Среднеазиатская чалма конца XV—середины XVI в. всегда средних размеров, с небольшими отклонениями в ту или другую сторону. Наматывалась она двумя-тремя способами, не очень сложными. Один из концов ее нередко выпускался сверху с левой стороны и укладывался веером вперед или набок, реже назад. Изредка в конце XV—XVI вв. свободный конец чалмы выпускался снизу с левой стороны и падал на плечо или на спину (рис. 7, 70, 73, 74, 96, 97). В кругах духовенства и у лиц умственного труда длинный конец обматывался один раз поверх чалмы, пропускался под подбородком, просовывался под витками чалмы с другой стороны снизу вверх и там выпускался с левой стороны, низко свешиваясь (рис. 7, 65, 73). Иногда выпускали оба конца чалмы — один сверху, другой снизу, с противоположной стороны (рис. 7, 79, 80, 83, 88). С середины XVI в. конец чалмы выпускается с обеих сторон (может быть, узбекская традиция), в XVIII—XIX вв. — только справа. В XV—XVII вв. высшая знать украшала чалму эгретом (рис. 7, 86), менее знатные лица — просто пером (рис. 7, 64, 71, 92). В конце XV—начале XVI в. знать предпочитала белый цвет; ученые, поэты, религиозные деятели, суфии — белый, голубой, серый, зеленый; люди физического труда — более яркие расцветки. Обычно ткань чалмы была однотонной, реже — полосатой. Последнее становится все более распространенным с XVI в. В конце XV в. в Герате, особенно у воинов, чалма иногда дополнялась голубым платком «алишери»²⁴, проходящим от горла к макушке (рис. 7, 71).

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать следующие выводы. На среднеазиатских миниатюрах XV—XIX вв. представлен чрезвычайно разнообразный мужской костюм. На протяжении рассматриваемого времени в нем происходили изменения, которые касались всех видов одежды. Можно отметить определенные тенденции этих изменений. Прежде всего следует указать на некоторое обеднение форм, уменьшение своеобразия в способах ношения тех или иных видов одежды. Уменьшается тонкость отделки и вместе с тем увеличивается ее пышность, роскошь. Среднеазиатская одежда XVI—XVIII вв. в основном продолжает традиции XV в. Она связана с традициями иранского костюма, с которым имеет общее происхождение, причем многие различия зависят от различий в стиле иранской и среднеазиатской миниатюр. Разумеется, иранский костюм XVI—XVII вв. несколько отличается от среднеазиатского, но это в основном локальные отличия, в деталях. Однако именно они прежде всего бросаются в глаза и определяют общее впечатление от костюма. Во взаимоотношениях традиций костюма Средней Азии и Ирана можно отметить следующие этапы.

1. В XV в. костюм характеризуется наличием общей основы, сложившейся на базе культуры Хорасана. 2. С начала XVI в. в костюме Ирана

возрастает роль западноиранских элементов, костюм же Средней Азии развивается на прежней основе. 3. В конце XVI в. имеет место довольно ощутимое и продолжающееся на протяжении всего XVII в.²⁵ влияние иранской моды на среднеазиатский костюм. 4. С XVIII в. мы видим обратное воздействие мод и традиций Средней Азии на иранский костюм. К сожалению, материал известных нам пока миниатюр слишком ограничен для того, чтобы осветить ситуацию XVIII—XIX вв., когда в среднеазиатском костюме произошли большие перемены, сформировавшие картинку, которую застали изучающие традиционный народный костюм этнографы.

¹ Единственная работа, специально посвященная нашей теме (Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV—первой половины XVI в. по данным миниатюр. — Труды/ САГУ, 1956, вып. XXXI), важна и интересна, но в ней в значительной степени недостаточно обосновано отнесение большого числа рассматриваемых миниатюр к Мавераннахру. Кроме того, обилие охваченного материала и тесные рамки работы обусловили некоторую беглость, поверхностность описания. В других работах, посвященных миниатюре, в частности в разделе по истории искусства Узбекистана, Г. А. Пугаченкова также касается костюма, уже в более широких хронологических рамках, но использует костюм только как основу для атрибуции и датировки (Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М.: Искусство, 1965). Более подробно рассматривает среднеазиатский костюм О. И. Галеркина. Но последние работы этого автора еще не изданы. Наиболее основательной, хотя и ограниченной для нашей темы по материалу, к настоящему моменту является работа О. А. Сухаревой «Древние черты в формах головных уборов Средней Азии» (ТИЭ, 1954, т. XXI). Однако типология О. А. Сухаревой, основанная на этнографическом материале, далеко не всегда применима для классификации головных уборов, изображенных на миниатюрах, из-за несовпадений покроя или внешнего вида.

² Хамсэ Амира Хосрова Дихлави, 950/1495 г., ГПБ, Дорн 395; Маджнун ва Лайли Аргира Хосрова Дихлави, коп. 156, ГПБ, Дорн 394; Муракка, ГПБ, Дорн 489 и др.

³ Дьяконова Н. В. Среднеазиатская миниатюра XVI—XVIII вв., М.: Наука,

1964; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана; Акимускин О. Ф., Иванов А. А. Персидские миниатюры XIV—XVII вв. М.: Наука, 1968; Сулейман Х. Миниатюры к поэмам Алишера Навои. Ташкент, ФАН, 1970; Arnold T. V. Bihzad and his painting in the «Safar-namah» MS. London, 1930; Lorey E. de. Le Gulistan Rothschild. — Ars Islamica, 1937, v. IV, p. 1; Stchoukine I. Les Peintures des manuscrits Timurides. Paris, 1954; Gray B. Persische Malerei. Geneve, 1961; Grube E. The classical style in islamic Painting. New York, 1968.

⁴ Отнесение памятников миниатюры до XVI в. рядом исследователей к Мавераннахру спорно и неопределенно; как правило, рассматриваемые ими миниатюры относятся к Ирану.

⁵ Отсутствие полосатых тканей на миниатюрах Средней Азии XVI—XVII вв. представляется нам пока непонятной художественной условностью. — Они изображались и до, и после этого времени. На бытование одежды из полосатых тканей в Средней Азии того времени косвенно указывает картина А. И. Альтдорфера «Битва Александра» (1530 г.) из Мюнхенской пинакотекы. На картине изображены татарские всадники в колпаках, аналогичных узбекским, и в полосатых халатах. Узбеки же в XVI в. этнически теснейшим образом были связаны с татарами западных областей.

⁶ Об этом покрое см. с. 79—80.

⁷ Пуговицы имеются и на детском халатике из склепа (XV в.) в мавзолее Эмира Юурундука в Шах-и Зинда в Самарканде. См.: Немцева Н. Б. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в. — В кн.: Из истории искусства великого города. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1972, с. 245.

- ⁸ Rosenfield J. M. The dynastic arts of the Kushans. Berkely; Los Angeles, 1967, pl. 62; Aouboyer J. Afghanistan und seine Kunst. Prague, 1963, S. 2; Дьяконова Н. П., Сорокин С. С. Хотанские древности, Л.: Изд-во ГЭ, 1960, табл. 4, № 15, 18, 23; Le Coq A. von. Chotscho. Berlin, 1913, Taf. 22; Галимбаева А., Есова С., Оразбаева Н. Казахская национальная одежда. Алма-Ата: Жалын, 1976, с. 84; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана, рис. 377, 379; Hrbas M., Knobloch E. The art of Central Asia. London; Prague, 1965, pl. 135.
- ⁹ Горелик М. В. Ближневосточная миниатюра XII—XIII вв. как этнографический источник (опыт изучения мужского костюма). — СЭ, 1972, № 2, с. 40.
- ¹⁰ Греков Б., Якубовский Я. Золотая орда. Л.: Соцэкгиз, 1937, рис. 6; Grousset R. Les civilisation de l'Orient. Paris, 1930, v. III, Fig. 243.
- ¹¹ Горелик М. В. Ближневосточная миниатюра..., рис. 3, 4.
- ¹² Ipsiroglu M. S. Das Bild im Islam. Wien; München, 1971, Abb. 23, 24.
- ¹³ Подлинная одежда этого типа опубликована О. А. Сухаревой (Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. — В кн.: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л.: Наука, 1970).
- ¹⁴ Вероятно, эти особенности рубахи в начале XVI в. были связаны с узбекским этносом. Кстати, точно такая же рубаха была надета под халатом у среднеазиатского тюрка с картины китайского художника Ли Лун-мяня (1040—1130). См.: Чжоу У. Ли Лун-мянь. Шанхай, 1959 (на кит. яз.).
- ¹⁵ Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962, с. 243—244.
- ¹⁶ Горелик М. В. Ближневосточная миниатюра..., с. 39, рис. 1.
- ¹⁷ Мец А. Мусульманский ренессанс. М.: Наука, 1966, с. 233; Марр С. М. Мохаррам. — В кн.: Традиционная культура..., с. 329.
- ¹⁸ Этот убор аналогичен куляху XVII в., принадлежавшему Мавлоно Шарифу. См. Сухарева О. А. Уникальные образцы..., рис. 3, с. 110.
- ¹⁹ Горелик М. В. Ближневосточная миниатюра..., с. 42, рис. 3, 1; 4, 9.
- ²⁰ Валяная округлая войлочная шапка, известная еще по сасанидским рельефам, дожила до нашего времени. См., например: Люшкевич Ф. Д. Одежда жителей Центрального и Юго-Западного Ирана первой четверти XX в. — В кн.: Традиционная культура..., с. 303—304, рис. 20.
- ²¹ В домонгольское время на мусульманском Востоке бытовал тюркский войлочный остроконечный колпак с неразрезанными полями. См.: Горелик М. В. Ближневосточная миниатюра..., рис. 2, 5, 10; 3, 18, 27.
- ²² Для монголов и монголоязычных киданей в X—XIII вв. были характерны именно низкие круглые колпаки (Le Coq A. von. Chotscho, Taf. 12; Trpsiroglu M. S. Saray-Alben. Wiesbaden, 1964, Taf. VI, VII, X, XIII; Grube E. J. The world of Islam. London, 1967, p. 28).
- ²³ Горелик М. В. Ближневосточная миниатюра..., с. 42, 44, рис. 3, 2; 4, 9.
- ²⁴ Такой платок однажды надел Алишер Навои, когда у него болело ухо, а так как он был законодателем мод в Герате, все переняли у него этот обычай, назвав платок «алишери». См.: Бабур-Наме/ Пер. М. Салье. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958, с. 209.
- ²⁵ Правда, в некоторых случаях можно предполагать не влияние моды, а влияние иранской миниатюры. Так, в ряде миниатюр конца XVI—начала XVII в. встречаются халаты с откидными рукавами и прорезями для рук в верхней части. Эта деталь совершенно не характерна для Средней Азии, зато типична для Ирана и Турции. Так как миниатюры в некоторых изображениях этой одежды стилистически подражают иранским, можно предположить, что костюм в них может быть привнесен во многом из иранской миниатюры.

КОСТЮМ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ XVI в.

Р. Г. Мукминова

Значительный интерес для истории костюма среднеазиатского населения представляют сведения, имеющиеся в текстах письменных памятников. С этой точки зрения указанный вид источников анализировался исследователями костюма народов Средней Азии очень мало. Между тем в исторических хрониках, мемуарной литературе, дневниках путешественников, в документах порой встречаются любопытные сведения. Ниже мы приводим некоторые данные об одежде населения Средней Азии конца XI—XVI вв.

Предлагаемая статья не претендует на исчерпывающее исследование среднеазиатского костюма даже на непродолжительном этапе истории, поскольку она основана на изучении письменных источников, относящихся к сравнительно короткому отрезку времени. Многие из рассмотренных ниже элементов костюма, судя по археологическим и этнографическим данным, живописи и другим источникам изобразительного искусства, использовались местным населением как в более раннее время, так и позже. Однако здесь речь в основном пойдет лишь о костюме указанного периода, к которому относится преобладающее большинство просмотренных нами источников. При этом следует учесть, что данные памятников письменности по интересующему нас вопросу носят случайный характер и не позволяют описать костюм в целом даже для одного столетия. Обычно элементы костюма упоминаются в связи с описанием какого-либо эпизода, либо они привлекли внимание авторов сочинений, отметивших необычность, богатство, яркость расцветки, своеобразие форм.

Рассмотренные нами материалы относятся в основном к Самарканду, Бухаре, Герату. Костюм гератцев, хотя в деталях несколько и отличался, все же во многом был схож с самаркандским и бухарским¹, и это позволяет использовать соответствующие материалы о гератцах для характеристики среднеазиатского костюма. При слабой изученности костюма привлечение этих данных очень полезно.

Внимание придворных писателей было обращено прежде всего на представителей высшего общества; их костюм чаще всего упоминается в цитируемых нами источниках. Следует отметить, что и книжные миниатюры, как правило, тоже изображают представителей феодальных кругов. Тем более ценны краткие упоминания деталей одежды рядовых жителей, изредка встречающиеся в просмотренных нами текстах. В силу господствующего на феодальном Востоке обычаев крайне редко встречаются сообщения о костюме женщин, крестьян. В этих источниках нашел отражение главным образом костюм городского населения.

Как одна из основных частей костюма среднеазиатских народов в письменных источниках довольно часто называются халаты и другие виды верхней одежды. Они отличались не только тканью, из которой

были изготовлены, но и внешней формой, о чем косвенно свидетельствуют разные их наименования.

Мужской халат в нашем тексте — жалованный, называется хал'ат (خلعت). Довольно часто упоминается слово джаме, под которым могла подразумеваться и одежда вообще. В отдельных случаях уточняется, что джаме был сшит из ткани карбас, т. е. из хлопчатобумажной материи в основном грубой выделки или из катана (کتانی), под которым, по всей вероятности, подразумевалась льняная ткань. Об одном из таких халатов говорится, что он был украшен золотым шитьем и драгоценными камнями². Мы не располагаем конкретными данными о выработке в XVI в. катана на территории Средней Азии. Среди имущества, передаваемого в пользу мавзолея Ишрат-хана (Самарканд), называется надгробное покрывало из египетского катана³. Возможно, в отличие от других тканей местного происхождения, из которых изготовлялась одежда населения, катан привозился из другой страны, быть может из Египта.

Из других видов верхней одежды упоминается каба (قبا). Согласно словарю Л. З. Будагова, это верхняя одежда, надеваемая на рубашку⁴. По нашим данным, каба мог быть хлопчатобумажным и парчовым (قبای پارچاگی). Цена последнего определена в 20 танга (Герат, конец XV в.). Фераджи (فرجی) также надевался поверх одежды, например, поверх каба. Фераджи, видимо, был выходным костюмом. К верхней одежде относился также чекмень (چکمن, چکمان). Он мог быть с вышивкой и без нее, с пуговицами لیگه تگمه и, видимо, без них. В некоторых текстах указывается, что чекмень был из сакарлата (سقولات) (обычно это переводится как «красное сукно»). В большинстве случаев не уточняется, из чего был сшит чекмень. Дорогие халаты высших слоев аристократии вышивали шелком и украшали драгоценными камнями.

В холодное время года надевали меховые шубы (ستین موبنده) и бараньи тулупы (پوستین بره) — пустин, тун. В отдельных случаях у аристократической части населения шубы шились из соболя (کیشی تون) и других дорогих мехов⁵, иногда покрывались сверху атласом (например, ابره آن اطلسل خطای بود). Слово «тун», судя по сообщению Захир ад-дина Бабура, применялось и для обозначения другой верхней одежды — вероятно, халата. По его словам, Омар Шейх-мирза носил очень узкие халаты тун (تون) и, «стягивая пояс, убирал живот внутрь; если же, стянув пояс, он давал себе волю, то завязки часто лопались»⁶. Из этого сообщения видно, что халат подпоясывался.

Халаты, чекмени и шубы, как и комплект костюма — сарупа, служили предметами дарения. Главы феодального правительства и другие высокопоставленные лица имели специальные фонды халатов разной ценности для пожалования приближенным, дарения послам или почетным гостям в знак внимания к ним. Стоимость некоторых таких халатов составляла огромную сумму: один из них, например, оценивался в 30 тыс. танга⁷. Такого рода халаты, как это наблюдалось и в более позднее время, превращались в своего рода денежный эквивалент⁸. Особым проявлением

внимания государя считался обычай дарить одежду с «царского плеча».

Кроме халатов, в просмотренных нами письменных источниках упоминаются и платья — *кунглак* (کنگلک، وونگالاک) (современное *куйлак*), *пирахан* (پراهن), *курте* (کرته), *суб* (в тексте: ثياب و لباس), кафтан (*хафтан* خفتان), в нашем тексте — атласный; *дакале* دکاله; короткая одежда, до половины тела, — *нимче* (نیمته); штаны — *эзар* и *танбан* (ازار، تنبان).

К сожалению, мы не располагаем данными, которые позволили бы выявить внешний вид и формы перечисленной одежды. Вместе с тем такого рода упоминание, как чекмень с пуговицами, позволяет сделать определенное заключение в спорном вопросе: употреблялись ли в Средней Азии пуговицы до конца XIX в. Следует, однако, отметить, что упомянутые чекмени с пуговицами принадлежали к гардеробу Захир ад-дина Бабура в период его пребывания в Индии. В числе других даров они были преподнесены им послам узбекского султана Абу Саида, невестки Мухаммед Шейбани-хана Мухр-султан-ханум и сына последней Пулад-султана при возвращении их из Индии в Среднюю Азию.

К более позднему времени относится источник, в котором называются части одежды ремесленника. Из рисала набойщиков «Рисала-и читгари» мы узнаем, что, приступая к работе, ремесленник — *читгар*, набивавший узоры на ткань и, следовательно, имевший дело с красками, надевал рабочую одежду, а именно: рабочий халат (جامه کار), рабочий кушак (فوطه کار), рабочую нательную рубашку (کرتۀ کار) и соответствующую шапку (طاقیه کار)⁹. Однако здесь вряд ли речь идет о специальной профессиональной одежде. Более вероятно, что при определенных видах работы (в данном случае при крашении) ремесленник надевал старую поношенную одежду, чтобы предохранить свой костюм от порчи. Цитированная рисала дошла до нас в списке XIX в., однако можно полагать, что смена обычного костюма на рабочий существовала и в XVI в.

В вакфной грамоте Хусейна Хорезми, составленной в Самарканде в первой половине XVI в., мы находим сведения о костюме дервиша. Согласно условию, выставленному учредителем вакфа, в случае, если его потомки разорятся и вынуждены будут поселиться в ханак данного вакфа, мутавалли вакфного учреждения должен ежегодно выдавать им одежду, приличествующую дервишу: четыре обычных (общеупотребительных, распространенных) халата, причем два из них должны быть зимние и два — летние (دو تا بسنانی و دو زمستانی); две рубашки (جامه جاری دو زمستانی و دو تا بسنانی); двое штанов (ازار); одну чалму из тафты длиной в 5 зар' — мерой карбаса г. Самарканда, т. е. «карбасным локтем» г. Самарканда, (یک دستار تافته پنج ذرعی بذرع کرباس سمرقند); две пары кафш из вывернутой кожи (کفش اختری) рыжего цвета (فوطه مله); две пары

Определенный интерес представляют данные авторов XVI в. о верхней одежде кочевых и полукочевых народностей. Согласно сообщению Мухаммада Салиха, ополченцы и султаны даштикыпчакских узбеков были одеты в шубы из меха лисиц (تولکی ایطای), красных лисиц (تولکی کی اطای), куницы

(هووساد), горноста́я (آس), белки (تییین), собо́ля (کیشتی). Вместо матерчатой рубашки на них была меховая одежда (کونگلیک اورنی دا ایدی آس و تییین); в зимние холода поверх нее они надевали, кроме того, тулуп, на голову — меховые шапки¹¹. Данный костюм позволяет говорить о занятии указанной группы населения охотничьим промыслом. Вместе с тем Фазлаллах ибн Рузбихан считает, что основная часть платья (ثیاب) и одежды (لباس) Дешта сделана из карбаса. «Ведь одежда и саван для людей необходимы», — добавляет он. Рубашки (пиракан) изготавливались ими и из овечьей шерсти¹².

А вот некоторые детали костюма моголов: люди Алача-хана (Ахмед-хана) — дядья Захир ад-дина Бабура со стороны матери — были одеты по-могольски, в «могольские шапки и халаты из вышитого китайского атласа» (مغلیچہ بورکی خطای اطلس و سانچمه تیگگان تونلار). Такой же костюм был преподнесен Захир ад-дину Бабуру, о чем сам он пишет следующее: «Наутро мой дядя, Младший хан, пожаловал мне платье могольского образца, кушак и оседланного коня из своей личной конюшни, а также могольскую шапку, вышитую кручеными нитками, халат из китайского атласа, расшитый блестками, и китайский пояс с мешочком старинного образца для кремня. Мешочек повесили с левой стороны [пояса] и еще повесили три-четыре безделушки, которые вешают женщины на воротник (باقاسیغه), вроде коробочки для амбры и пудры. С правой стороны тоже повесили три-четыре такие вещички». И, когда Захир ад-дин Бабур переоделся в этот костюм, близко знавший его Ходжа Абулмакарим не узнал его¹³. Это косвенно свидетельствует, насколько внешний вид описанного костюма отличался от одежды местных жителей Средней Азии.

Обязательной частью мужского костюма являлся пояс, который соответственно принадлежности его владельца к той или иной социальной группе мог быть из простой дешевой хлопчатобумажной или дорогой золототканой материи. Источник сообщает, что в отдельных случаях вместо кушака использовалась банная повязка (فوطة حمامی) — специальный кусок ткани, который моющиеся в бане обвязывали вокруг бедер. Дerviши, возможно и бедняки, подпоясывались веревкой. Историк Ходжа Самандар Термези (XVII в.) в период уединенного образа жизни, напоминавшего образ жизни derviша, «никогда не облачался в приличную одежду и подпоясывался веревкой»¹⁴. Кушаки могли быть роскошными. В эпизоде, описанном Васифи, один из гератцев должен был купить «йездскую золототканую футу» (فوطة زربغت یزدی), которая в Герате того времени оценивалась в 50 танга — приблизительно столько же, сколько в то время стоил чекмень. Применялись также, особенно среди военных, пояса с металлическими бляхами. Известно, что в начале XX в. в Бухаре ткались широкие пояса — тагбанд, украшавшиеся бляхами, имелся квартал Тагбандбафан, где было сконцентрировано это ремесло. Частные лица надевали такие пояса под верхний халат (отсюда название «тагбанд»), а сам эмир, высшее чиновничество и военные носили их поверх одежды¹⁵.

В просмотренных нами письменных источниках сравнительно часто называются головные уборы — калпак, бурик, такийе (قلپاق, بورکی, طاقیه).

Как можно полагать на основании некоторых данных, мужчины, возможно лишь определенная часть их (чиновная знать, гвардейцы, султаны), носили меховые шапки из шкурки черного курчавого барашка (قراقوزی بوری) или черного каракуля (طاقیه بره سیاه زنگوله موی). Черную мерлушковую шапку, или колпак, носил Султан Хусейн. Упоминается также горностаевая шапка (آمی بوری) и др. Правитель Ферганы Омар Шейх «летом везде, кроме дивана, большей частью ходил в могольской шапке (مغولی بوری)». А Зайн ад-дин Васафи говорит о шапке (такийе) фасона «ходжа-убайди»¹⁶.

Головные уборы могли украшаться вышивкой. В источниках упоминаются шапки (طاقیه — вероятно, тибетейки) с узорной вышивкой, в одном случае — с узором «цветок персика» (گل شفتالو)¹⁷.

Образец документа (Бухара, XVI в.), предназначенный для юридического оформления отношений между мастером-шапочником и его учеником, которого первый обязывался за три года обучить шить шапки (طاقیه) и всему, что касается этого ремесла, показывает, что в Бухаре XVI в. изготовление такойе было особым ремеслом и им занимались мужчины¹⁸.

Большое распространение в Средней Азии получила чалма. В средневековье, как и позже, чалма имела ряд вариантов. Для ее обозначения в источниках используются термины *дастар* и *футе* (دستار، فوطه). Автор «Рашахат айн ал-хайат» рассказывает, что, когда Ходже Ахрару доложили о приходе его старшего сына Ходжа Калона, Ахрар приказал принести ему другую одежду и облачился в выходной халат и сапоги. Сняв с головы чалму (футе), он заменил ее дастаром. После ухода сына Ходжа Ахрар вновь вместо дастара надел футу¹⁹.

Форма чалмы и ее размеры, как и длина использовавшейся ткани, в разные времена и в зависимости от местности и принадлежности данного лица к той или иной социальной категории могли быть разными. Поэт Джами, одевавшийся подчеркнуто скромно, наматывал на шапочку фасона «ходжа-убайди» чалму самых ничтожных размеров (بگرد وی پیچیده)²⁰. (طاقیه خواجه عبیدی بر سر و دستار در کمال خردی). Представители высшего духовенства носили огромную чалму, многократно закрученную. В такой чалме изображен на миниатюре правитель Индии Султан Бабур. В богатых домах и при дворе для наворачивания чалмы имелись особые слуги. В складки чалмы могли засовывать цветок, а царствующие особы — перо в виде эгрета (قرقره اوتاغده سی سانچیب)²¹. Концы дорогих шелковых чалм вышивались золотом. Девять таких «чалм кисейных, шелковых, концы с золотом» числятся в списке товаров балхского посла Ходжа Ибрагима²². Студенты медресе, как и рядовое население, носили чалму с висящими вниз концами. «Они были в чалмах с висящими вниз концами, наподобие студентов», — пишет современник событий, когда приближенные тимуридов, скрываясь от преследований ставленников новой правящей династии, вынуждены были сменить свою одежду²³.

Из наименований обуви встречаются: кожаные калоши — *кафш* (کفش), сапоги — *музе* (موزه), меховые сапоги (موزه های موین), вид сапог

араби с пуговицами (عربی تگمه داری), мягкие башмаки с острым загнутым носком, называвшиеся *папуш* (پاپوش)²⁴. В Самарканде в XVI в. имелся квартал Папушдузан, что указывает на значительное развитие этой отрасли сапожного ремесла.

Производство обуви, халатов и шапок носило торговый характер. Одно из свидетельств того — наличие в Бухаре и Самарканде торговых рядов для продажи одежды, шапок и обуви.

Как видно из вакфной грамоты Хусейна Хорезми, а также из упоминаний Мухаммада Салиха, Али ибн Хусейна Ваиз ал-Кашифи и Фазлаллаха ибн Рузбихана, различались летние и зимние халаты, сапоги, колпаки, т. е. одежда была сезонной. В то же время отдельные замечания авторов рассмотренных нами памятников письменности позволяют считать, что трудовые слои городского населения зимой и летом использовали одну и ту же одежду (надо полагать, за исключением теплого халата).

Одежда хранилась в сундуках (صندوق، صندوق), больших и маленьких. В богатых домах обычно было множество сундуков, в каждом из которых могли размещаться разные вещи: халаты, дорогое оружие, в маленьких сундуках хранились драгоценности.

В домах зажиточных горожан одежду гладили утюгом — *уту* (اوتوئی). Зайн ад-дин Васифи описывает один из эпизодов, связанных с бурными событиями смены власти в Герате 1507 г., и в связи с этим упоминает об утюге. Эмир Шахвали, скрывавшийся от представителей новой власти, был схвачен в результате крика служанки, которую он приказал наказывать раскаленным утюгом²⁵. Отсюда ясно, что утюги были металлическими и раскалялись огнем. Утюг упоминается также в грамоте на пожалование должности главного портного Шахрухийе. В г. Бухаре (XVI в.) имелись гладильные заведения (دوكان اوتوچی).

Основная часть одежды изготовлялась местными мастерами. Термины *джамедузан*, *дарзийан*, *такийедузан*, *пустиндузан*, *муйнедузан*, *папушдузан* и другие, служившие для обозначения этих мастеров, встречаются в цитированных источниках.

Некоторые виды одежды предназначались для реализации внутри города, другие, например халаты и тулупы, — изготовлялись в Бухаре и Самарканде в расчете на сбыт в степных районах. В то же время в городах носили и привозную одежду. Историк XVI в. Сейфи сообщает, что казахские мастера выделывали кафтаны из мягкой овечьей кожи, окрашенной в разные цвета, которые «привозят в Бухару и продают по той цене, что и кафтаны из атласа», — настолько они изящны и красивы. Фазлаллах ибн Рузбихан говорит, что в туркестанские города доставлялись собольи и беличьи шубы из Астрахани, куда они, очевидно, попадали из России.

В прошлом костюм везде, в том числе и в средневековой Средней Азии, всегда отражал экономическое и социальное положение человека. Халаты, расшитые золотом и драгоценными камнями, от воротника до подола окаймленные золотым шитьем, резко выделяли высокопоставленных особ феодального мира из общей массы городского населения. Один из таких халатов, хранившийся в сундуке гератского эмира Ядгара, оцени-

вался в 30 тыс. танга, что приблизительно равнялось общей сумме податных сборов с населения целой области.

Приход к власти Шейбанидов сопровождался захватом материальных ценностей, и, как рассказывают источники, представители старой династии и их приближенные вынуждены были скрываться от преследования, переодевшись в одежду своих слуг и рядовых жителей. В связи с описанием этих событий мы находим на страницах исторических сочинений упоминания «халата бродяги», «грязной одежды слуги», рваной чалмы и шапки (وجامه غریبی فوطه پاره پاره بروی پیچیده)²⁶, т. е. одежды, которая при обычных условиях вряд ли могла стать предметом внимания придворных писателей той эпохи.

Из кратких сообщений авторов рассматриваемых источников можно заключить, что цвет одежды зависел от возраста. Одежда молодежи обычно отличалась яркостью, хотя бывали случаи, когда лица почтенного возраста также облачались в одежду сочных тонов. «Хотя он прожил долгие годы и стал седобородым, — пишет Захир ад-дин Бабур о Султани Хусейне, — он все же одевался в одежды красного и зеленого шелка»²⁷. Шелк красного цвета считался молодежным. В произведениях Алишера Навои встречаются упоминания об одежде девушек алого цвета, цвета тюльпанов и роз. Между тем каршинский судья (XVII в.), «надев на себя одежду алого цвета и обмотав голову шелковой чалмой, нарядился наподобие редкой красавицы»²⁸.

Источники упоминают детали погребальной одежды. В знак траура голову повязывали синим и надевали синий халат (جامه كبود). В указанном случае в синюю одежду облачались в первые дни после смерти близкого человека. Траурная одежда могла быть и «цвета фиалки»²⁹.

Приведенные нами материалы и попытка анализа их в плане истории костюма позволяют описать лишь отдельные детали одежды людей прошлых веков. Но при малой изученности данного вопроса выявление даже отдельных элементов костюма, так же как и терминологии, использовавшейся в то время для обозначения этих элементов, представляет несомненный интерес для изучения костюма населения Средней Азии как одного из источников, раскрывающих историю культуры народа.

¹ Пугаченкова Г. А. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. по данным миниатюр. — Труды САГУ, 1956, вып. XXXI, с. 96, 116.

² Зайн ад-дин Васафи. Бадай' ал-вакай': Критический текст/ Введение и указатели А. Н. Болдырева. М.: Изд-во вост. лит. 1961, т. I, с. 553.

³ Вяткин В. Л. Вакуфный документ Ишратхана. — В кн.: Мавзолей Ишратхана. Ташкент: Гос. изд-во худож. лит. УзССР, 1958, с. 126.

⁴ Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869, т. II, с. 35.

⁵ См., например: Али ибн Хусейн Ваиз ал-Кашифи. Рашахат айн ал-хайат. СПб., 1890, с. 318; Зайн ад-дин Васафи. Бадай' ал-вакай', т. I, с. 136, 555—556; Мухаммад Салих. Шейбани-намэ. Посмертное изд. Мелиоранского. СПб., 1908, с. 87.

⁶ Бабур-намэ (Записки Бабура). Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958, с. 17. Здесь и дальше термины и тексты из «Бабур-намэ» приводятся по: The Babar-nama (fac-simile). Gibb Memorial. v. 1, A. S. Beveridge. London, 1905.

⁷ Зайн ад-дин Васафи. Бадай' ал-вакай', т. II, с. 1127.

⁸ Сухарева О. А. Позднефеодальный го-

- род Бухара конца XIX—начала XX в. Ремесленная промышленность. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962, с. 112. Некоторые из халатов описаны в указанной выше работе Г. А. Пугаченковой. См. также: Сухарева О. А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. — В кн.: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л.: Наука, 1970; Немецва Н. Б. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в. — В кн.: Из истории искусства великого города. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1972.
- ⁹ Рисала-и читгари: Рукопись ИВ АН УзССР, № 5003, л. 136—14а.
 - ¹⁰ Вакфная грамота Хусейна Хорезми: Рукопись Центр. гос. архива УзССР, ф. М-323, д. 1412, л. 27а—27б.
 - ¹¹ Мухаммад Салих. Шейбани-намэ, с. 86.
 - ¹² Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-намэ-ий Бухара (Записки бухарского гостя)/ Пер., предисловие и примечания Р. П. Джалиловой. М.: Изд-во Наука, 1976, с. 101, 103.
 - ¹³ Бабур-намэ, с. 121.
 - ¹⁴ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, с. 623; Ходжа Самандар Термизи. Дастур ал-мулук (Назидание государям): Пер. с персидского/ Предисловие, примечания и указатели М. А. Салахетдиновой. М.: Наука, 1971, с. 5.
 - ¹⁵ Сухарева О. А. Позднефеодальный город..., с. 115.
 - ¹⁶ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, с. 542, 623; Бабур-намэ, с. 17, 114, 190; Мухаммад Салих. Шейбани-намэ, с. 87.
 - ¹⁷ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, с. 553.
 - ¹⁸ Хутут-и каза: Рукопись ИВ АН УзССР, № 8586, л. 179б.
 - ¹⁹ Али ибн Хусейн Ваиз ал-Кашифи. Ра-шахат айн ал-хайат, с. 318.
 - ²⁰ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, с. 623.
 - ²¹ Бабур-намэ, с. 17, 190.
 - ²² Торговые сношения Московского государства с народами Средней Азии XVI—XVII вв. — В кн.: Материалы по Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1932, ч. I, с. 150.
 - ²³ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, с. 1116; Болдырев А. Н. Очерки из жизни гератского общества на рубеже XV—XVI вв. — Труды/ Отдел Востока, 1947, т. IV, с. 346.
 - ²⁴ Вакфная грамота Хусейна Хорезми, л. 27а—27б; Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-намэ-ий. Бухара, с. 118; Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. I, с. 541—555.
 - ²⁵ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, с. 1138.
 - ²⁶ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, с. 1128, 1129.
 - ²⁷ Бабур-намэ, с. 190.
 - ²⁸ Ходжа Самандар Термизи. Дастур ал-мулук, с. 170.
 - ²⁹ Зайн ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи', т. II, с. 1246; Ходжа Самандар Термизи. Дастур ал-мулук, с. 168.

ОПЫТ АНАЛИЗА ПОКРОЕВ ТРАДИЦИОННОЙ «ТУНИКООБРАЗНОЙ» СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ОДЕЖДЫ В ПЛАНЕ ИХ ИСТОРИИ И ЭВОЛЮЦИИ

О. А. Сухарева

Одной из важнейших задач, которые должны быть решены при изучении одежды в плане ее истории, является вопрос о принципах конструирования, т. е. покроя. Покрой — это основа одежды, технологическое решение задачи приспособления материала, прежде всего наиболее распространенного — ткани, к формам человеческого тела. В том, как решается

эта задача, проявляется специфика культурных традиций каждого народа или нескольких народов одного региона, отражаются культурные связи между ними. Конечно, покрой традиционной одежды, сложившейся еще в те времена, когда не существовало переменной моды, обрел свои черты далеко не сразу, на это потребовалось долгое время. От момента, когда для одежды была впервые использована ткань, и до того времени, когда каждый этнос оказался обладателем своего собственного красочного, своеобразного костюма, прошло много веков. История этого костюма отложилась, в частности, в покрое, анализ которого в плане его эволюции представляется необходимым шагом в исследовании истоков народного костюма.

Хотя сведений о покрое различных видов среднеазиатской одежды недостаточно, их накопилось столько, что назрела нужда в обобщении и осмыслении, необходимых при постановке широких работ по изучению народной одежды для историко-этнографического атласа. Привлекая литературу и используя свои многолетние наблюдения, а также изучение музейных коллекций, автор высказывает в качестве рабочей гипотезы свои соображения о том, как следует представлять историю традиционных для Средней Азии и Казахстана покроев, пути сложения тех форм старинной одежды, которые дошли до нашего времени. Нет нужды говорить, что, как и всякая гипотеза, она подлежит критическому рассмотрению в свете новых, постоянно накапливающихся фактов, которые могут дать материал для углубления и расширения исследования или для пересмотра выдвинутых положений.

При выяснении генезиса старинной традиционной одежды народов Средней Азии как в целом, так и в отдельных деталях, в частности в ее покроях, нас ждет немало трудностей. Недостаточная изученность, с одной стороны, современного национального костюма, с другой — костюма эпохи древности и средневековья препятствует выделению общих черт и различий. Особенно затруднено сравнение покроев одежды: художники древности отнюдь не задавались целью отразить конструктивные особенности изображаемой ими одежды — эти особенности могут быть выявлены только специальным анализом при учете условности изображений. В этом отношении отметим интересный опыт реконструкции покроев древнего костюма народов Ирана, сделанный иранскими учеными: показывая одежду, изображенную на памятниках прошлого, они как бы развертывают ее, расправляют складки¹. Подобных попыток в отношении Средней Азии пока не предпринималось, и вопрос о покрое одежды, изображенной на памятниках, по существу, еще не поставлен. Первая попытка такого рода сделана Н. П. Лобачевой в настоящей книге.

Характерной чертой старинной одежды народов Средней Азии и Казахстана было свойственное ей единство или близость покроев одежды разных полов и возрастов. Эта черта была отмечена путешественником XIII в. Чань-Чунем, по наблюдению которого в Самарканде «рубашки у мужчин и женщин были одинаковы»². Единообразие форм одежды разных полов было присуще многим народам. Рубрук и Плано Карпини, наблюдавшие народный быт монголов в XIII в., сообщили, что «одевание как у мужчин, так и у женщин сшито одинаково». Если монгольских жен-

щин выделяли головные уборы, то «девушек и молодых женщин с большим трудом можно было отличить от мужчин, так как они одевались во всем так, как они»³. Эта черта, наблюдаемая у многих народов, побуждала ее осмысления и объяснения. Такую попытку сделал Н. Харузин. «Странное, на первый взгляд, явление — что одежда мужчин почти не отличается по своему покрою от женской», — он правильно объяснил не сложностью ранних форм одежды, полагая, что «дифференциация одежды мужской и женской наступает лишь постепенно, по мере развития народности»⁴. Н. Харузин, однако, не учитывал, что у народов с достаточно высокой культурой, сохранявших традиционные формы одежды, последняя долго не утрачивала этого единства. Издавна выработанные покроя сохранялись, так как простота их не препятствовала проявлению в ней социальных различий — они выражались в материале для одежды и в ее украшении. Покрой, удачно найденный, приспособленный к бытовым привычкам и к климату, не менялся веками.

Единство покроев должно рассматриваться как черта архаическая, и общие для обоих полов формы следует считать наиболее древними. В отношении Средней Азии и Казахстана в исследованиях исторического и теоретического плана именно такие формы одежды представляют перво-степенный интерес. При этом следует рассматривать прежде всего покроей в целом без подразделения на женскую и мужскую одежду, отмечая черты, присущие одежде разных полов как признак второстепенный. Без сомнения, различия в женской и мужской одежде появились позднее, в ходе ее эволюции.

Среднеазиатская плечевая одежда, как распашная, так и нераспашная, — одежда того покроя, который в этнографии данного региона принято условно называть туникообразным, хотя она не имеет ничего общего с греческой туникой⁵. Покрой этот для Средней Азии описывался неоднократно, однако здесь нельзя не дать его общую характеристику, чтобы у читателя не оставалось сомнений, о чем конкретно идет речь.

Среднеазиатская одежда туникообразного покроя делается из прямого куска ткани, перегнутой вдвое на плечах, так что из одного куска образуется основная часть одежды — ее стан. Прямые невырезные рукава пришиваются к стану по прямой нитке; с боков, под рукавами, захватывая их, помещаются боковины⁶. Такой рукав можно назвать «входящим», так как он вводится внутрь покроя. На месте стыка рукавов с боковинами по большей части, хотя и не всегда, вшивается ластовица, предохраняющая это место от разрыва. Ластовиц не было, например, в припамирской одежде⁷. Если на одежде (обычно мужской) делали карман, то это был карман вертикальный, внутренний, его вшивали в шов, соединяющий боковину со станом.

Покрой наплечной одежды, единый в своей основе, имеет две главные разновидности: первая, более простая, — крой по прямой нитке, без всяких скосов, иногда путем разрывания ткани, без применения режущего оружия; вторая разновидность — крой со скашиванием полотнищ, из которых шьется одежда, что осуществляется за счет раскашивания боковин и рукавов. Именно такой покроей — с раскашиванием — описал для XIII в. Чань-Чунь: «... рубахи самаркандцев, и мужчин и женщин, шились из

тонкой шерстяной материи белого цвета, сшитой в виде мешка, кверху узко, книзу широко, с рукавами»⁸. Если одежда делалась из домотканой — очень узкой — ткани, так что и для стана, и для боковин приходилось сшивать по несколько полотнищ, у некоторых этнических групп (например, у припамирцев) раскашивалось каждое полотнище, в результате чего в подоле одежда, особенно женская, сильно фалдила⁹.

Очень редко в поздних образцах одежды применяется другой прием раскашивания: расширяющие клинья вставляются между прямыми станом и боковинами, а иногда и в рукава. Этот покрой появился очень поздно — кое-где, возможно, уже в советское время (он характерен для туркменских женских платьев-рубашек).

Из двух основных вариантов покроя туникообразной одежды более архаичным был, несомненно, крой по прямой нитке, без раскашивания ткани. Когда появился покрой с раскашиванием, неизвестно. Свидетельство Чань-Чуня зафиксировало его для Самарканда XIII в. Конечно, этот вариант покроя исторически представляет собой результат дальнейшего развития и усложнения покроя. Ему предшествовал покрой без раскашивания. В некоторых местах замена первого вторым прослеживается, например, в Ташкенте: эта замена произошла на памяти людей, родившихся в начале второй половины XIX в.¹⁰ В других местах, наоборот, покрой с раскашиванием заменился покроем по прямой нитке. Такую эволюцию покроя А. К. Писарчик удалось проследить по воспоминаниям пожилых людей в Нурата, где прямой покрой появился в конце XIX в. под влиянием бухарской моды¹¹. Возможно, когда-то покрой с сильным раскашиванием боковин и рукавов был распространен и в Самарканде, где в начале XX в. обычная одежда кроилась с очень маленьким скашиванием. Однако самаркандские женские халатики *мунисак* старинного покроя, уже вышедшие из обычного употребления (они остались в похоронном costume), имели сильно сужающиеся к концам рукава и расширялись к подолу. Видимо, таков был в старину (примерно в начале второй половины XIX в.) обычный покрой самаркандской одежды.

Принцип туникообразного покроя — с раскашиванием или без раскашивания ткани — проявлялся, как правило, во всех деталях: если раскашивались рукава, то были раскошены и боковины. Иногда это правило нарушалось, но, видимо, это было явлением поздним.

Характерной особенностью среднеазиатского варианта туникообразного покроя, как известно распространенного в народной одежде и других регионов, было то, что для рукавов ткань располагалась поперек, а не вдоль руки и пришивалась к стану кромкой. Таким образом, при опущенной руке ткань оказывалась на рукавах поперечной (что было особенно четко видно в одежде из полосатых тканей), а при руке, вытянутой горизонтально на уровне плеча, — продольной.

Помимо единства покроев всех полов и возрастов, древней чертой среднеазиатского костюма была ограниченность его видов — как имеющихся вообще, так и носимых одновременно. Несомненно, когда-то на заре истории одежды люди ограничивались одним-единственным ее видом. В Средней Азии еще в древности сложился обязательный комплекс из двух предметов одежды — наплечной и набедренной (штаны). Наплеч-

ная одежда во многих глухих, отдаленных от городских центров местах была в обычной жизни в начале XX в. представлена одним видом — нераспашным или распашным. Лишь при выходе «на люди», а иногда при выезде из селения считалось необходимым надевать поверх нательной одежды и халат. У богатых людей или в торгово-ремесленных центрах, где тканей было достаточно и они были недорогими, появился обычай носить при выходном костюме несколько надеваемых друг на друга одежд одного вида (у мужчин — несколько халатов, у женщин — несколько рубах или рубаха и халат).

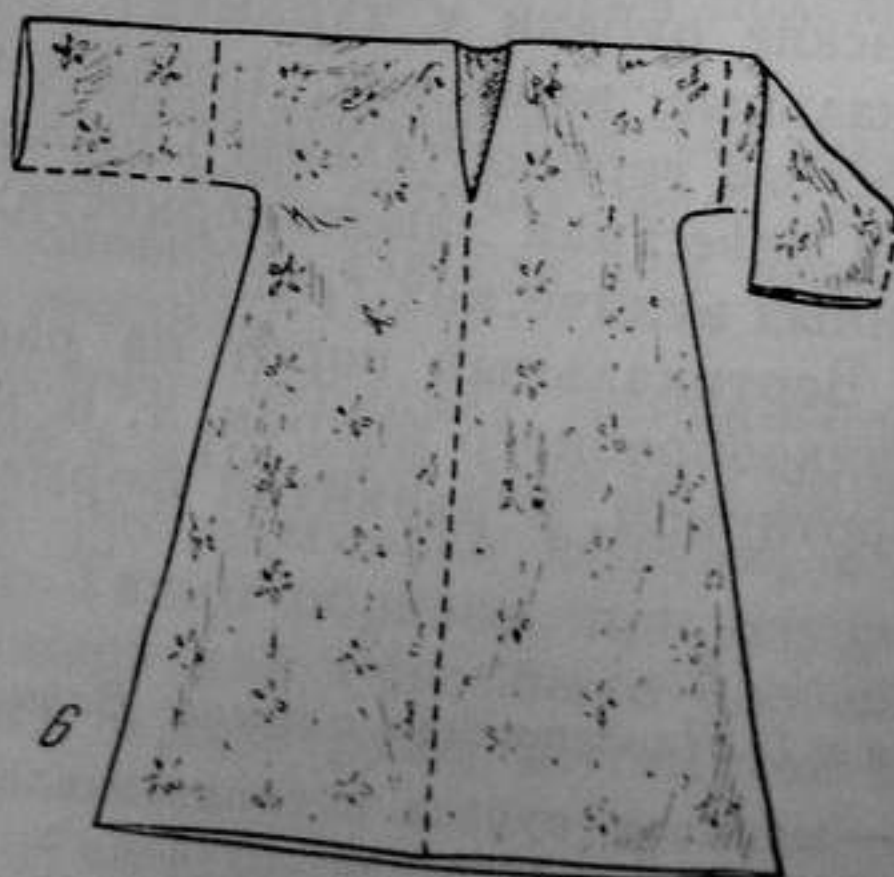
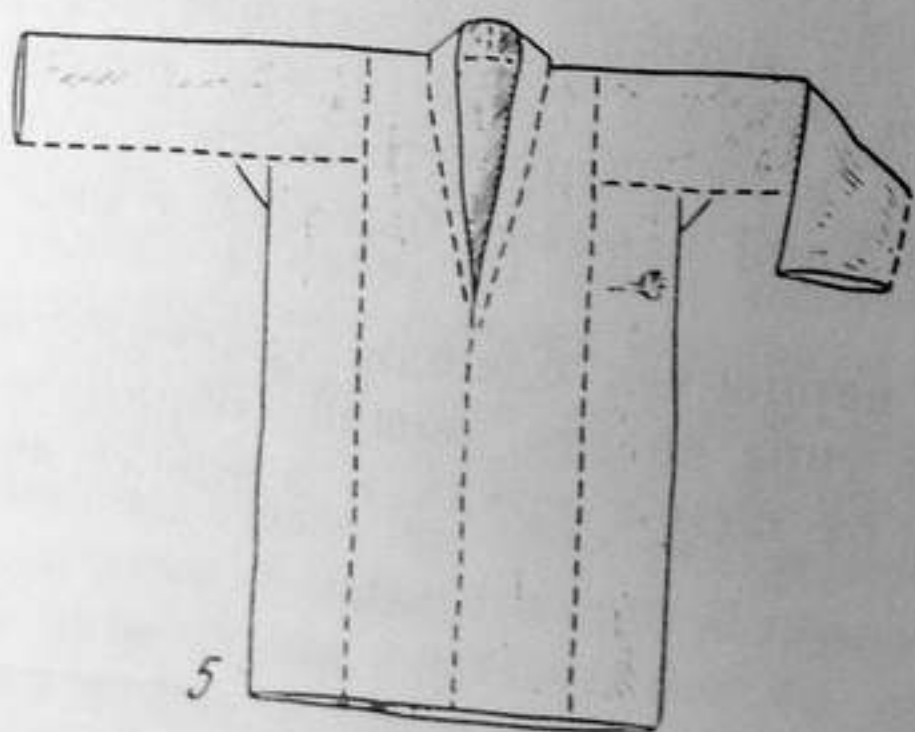
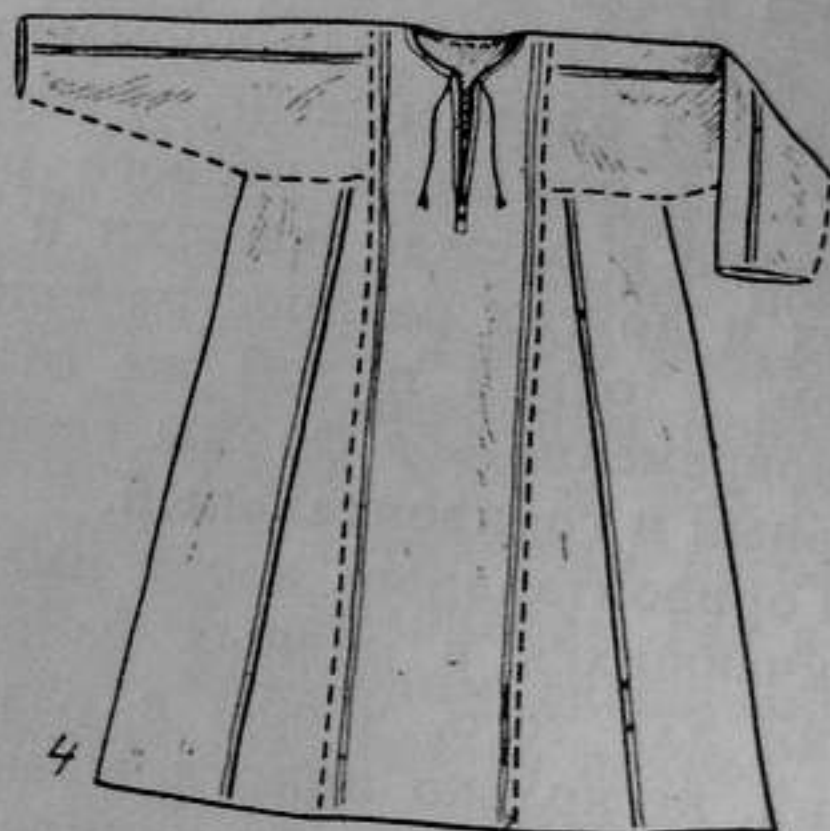
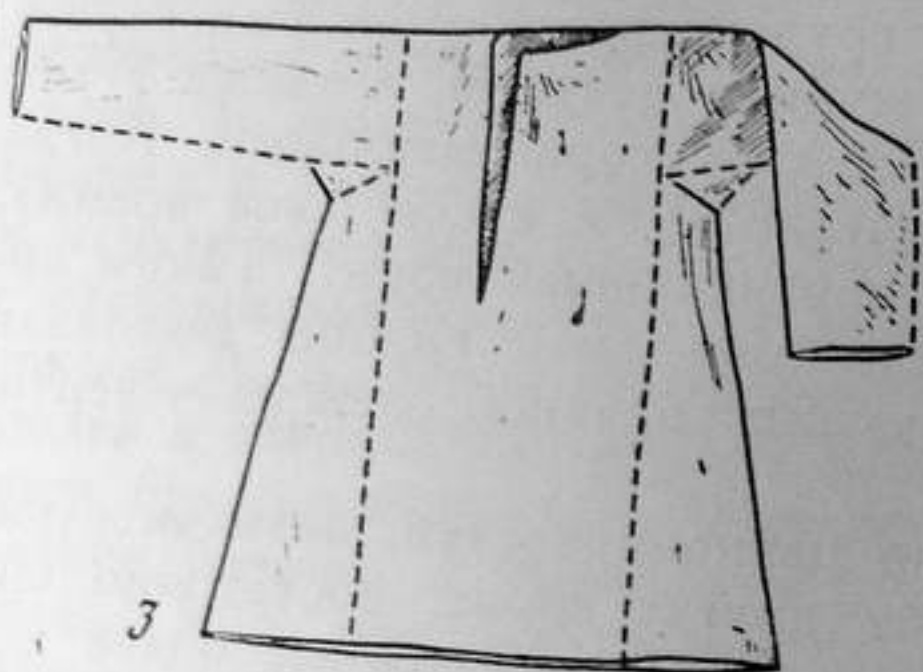
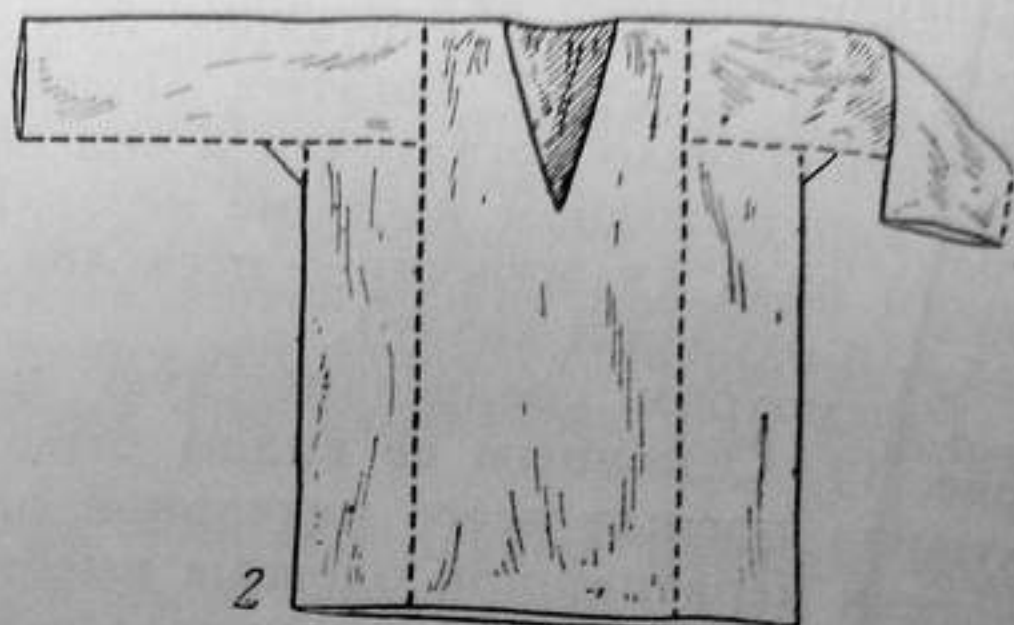
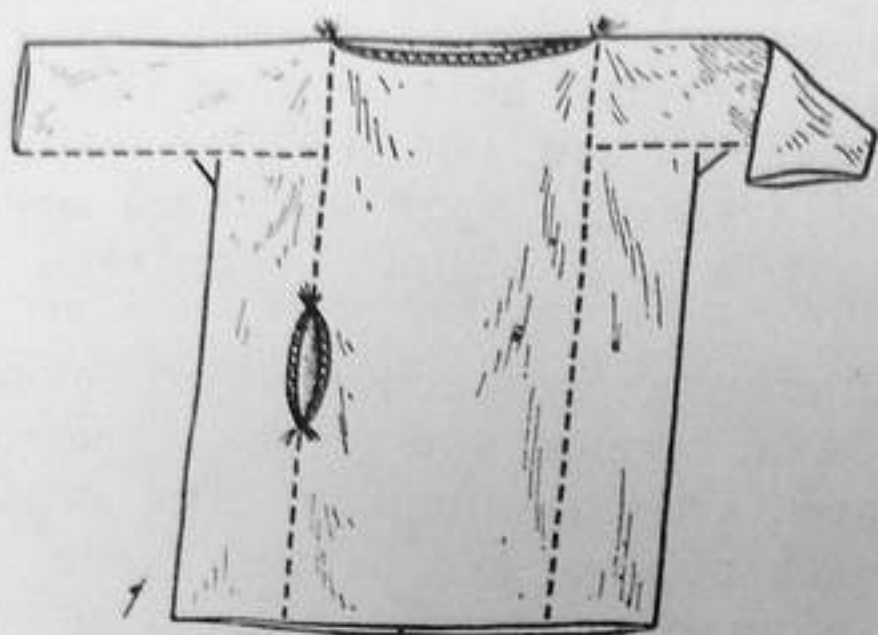
Рассмотрим среднеазиатскую нераспашную туникообразную одежду (рис. 1). Основным ее видом была рубаха, мужская и женская, которая служила прежде всего нательной одеждой. Особое значение для характеристики нераспашной одежды имеет форма ворота. В Средней Азии было два основных вида — вертикальный и горизонтальный. Анализ показал, что у подавляющего большинства этнических и локальных групп форма ворота имела не этногенетическое, а функциональное значение: вертикальный ворот делали для кормления ребенка грудью, поэтому он был характерен для одежды женщин-матерей; у мужчин и девушек, а также у молодых до рождения первого ребенка ворот был горизонтальный. Когда различие в одежде женщин и девушек исчезло (уже в советское время), у тех и других распространение получил вертикальный ворот. Таким образом, у одной и той же этнической или локальной группы бытовали одновременно обе формы ворота старой туникообразной одежды — вертикальный и горизонтальный.

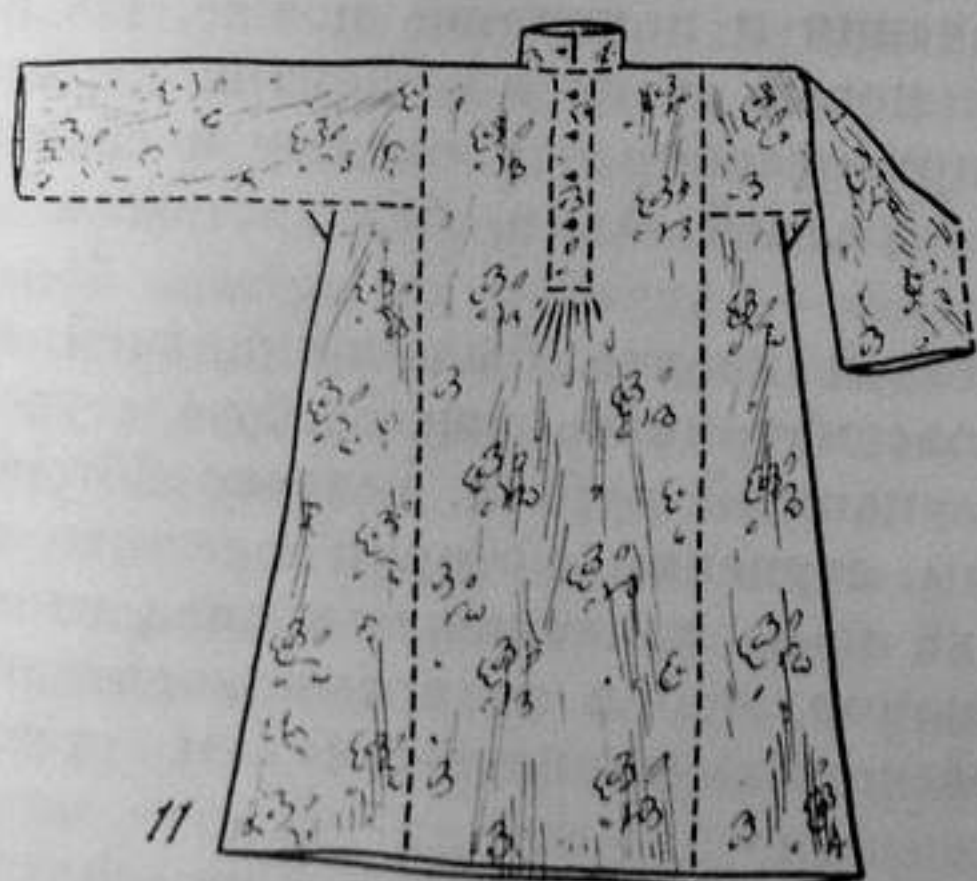
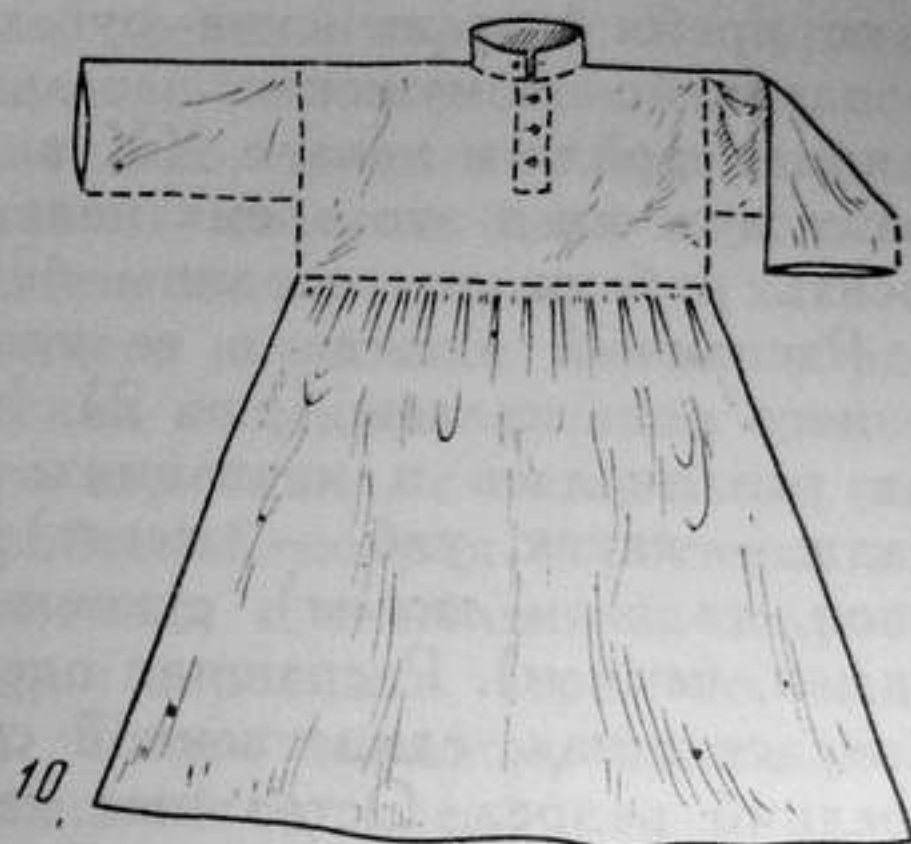
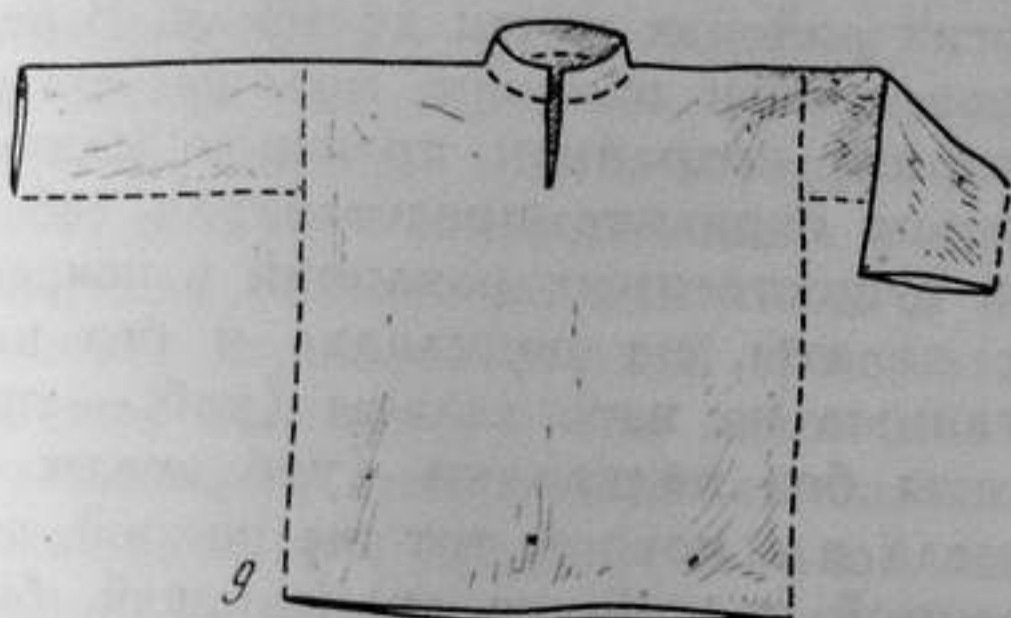
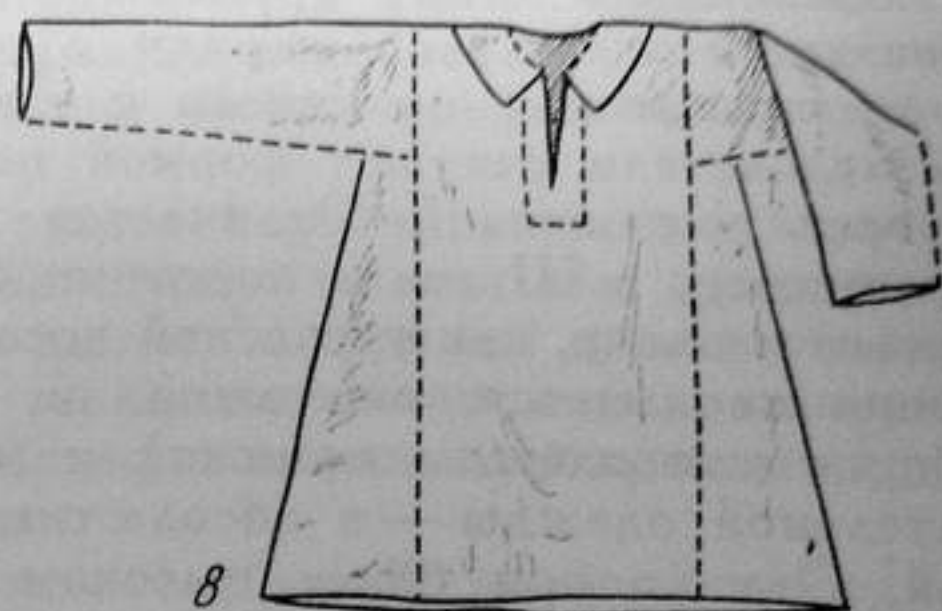
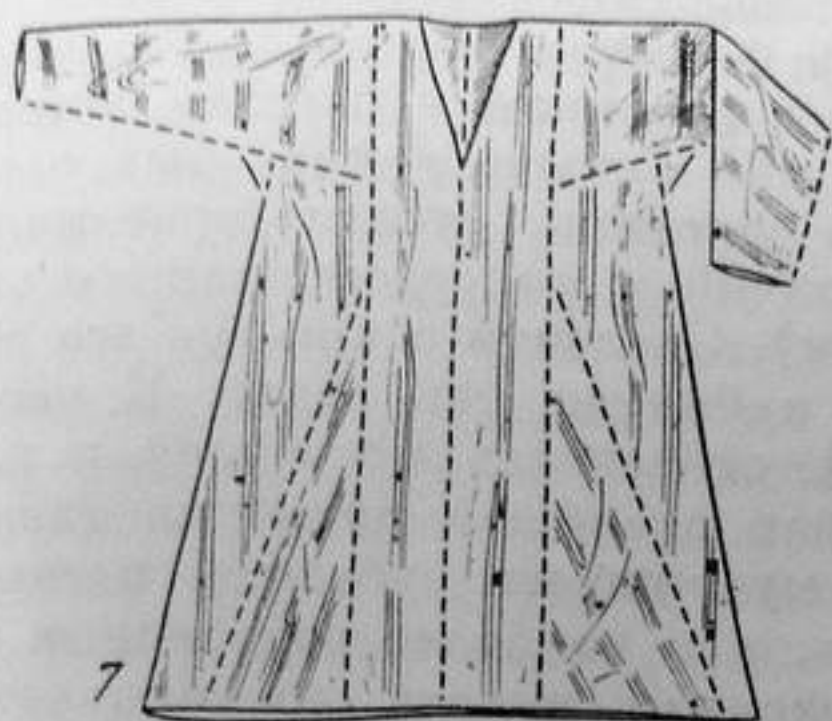
Горизонтальный ворот имел несколько разновидностей, незначительно отличавшихся в разных районах друг от друга: ворот, достаточно широкий для того, чтобы в разрез свободно проходила голова; более широкий, несколько приоткрывающий плечи (иногда спускающийся на одно плечо); с завязками у концов разреза (чаще с одной стороны); горизонтальный, с округлым вырезом на шее (такой вырез имели, например, женские рубахи у туркмен). Эти различия должны рассматриваться как локальные варианты, появившиеся в результате дальнейшего развития простого горизонтального ворота. Однако в их распространении проявляется известная закономерность: тот или иной вариант бытовал у определенных этнических групп.

Вертикальный ворот на распашных вариантах одежды традиционного туникообразного покроя, т. е. на одежде типа халата, обычно обрамляется воротником, в развитой форме идущим от шеи к груди и здесь смыкаю-

Рис. 1. Нераспашная одежда. Варианты покроев

- 1 — мужская рубаха с горизонтальным воротом; 2 — женская рубаха с вертикальным воротом; 3 — мужская рубаха с горизонтальным воротом и дополнительным вертикальным разрезом; 4 — туркменское женское платье; 5 — ферганская мужская рубаха с воротником; 6 — модифицированный покрой без входящих рукавов; 7 — женская рубаха с вставными клиньями; 8 — казахская рубаха с отложным воротником; 9 — казахская рубаха со стойкой без боковин; 10 — казахское туникообразное платье с отрезной юбкой; 11 — женская рубаха конца XIX в. со стоячим воротником; 12 — верхняя мужская одежда XVIII в.

щимся с клиньями, пришитыми к передним полам. Эволюция этой детали покроя будет специально рассмотрена ниже.

Особняком стоит круглый отложной воротник мужской рубахи, бытовавший у казахов наряду с другими формами ворота¹². Возможно, в своем генезисе он связан с таким же воротником у башкир, который исследователи считают формой поздней, ибо раньше у них «был просто прорез для шеи»¹³. Отличается также воротник рубахи припамирцев (например, в Шугнанае воротник был стоячий, с разрезом, немного сдвинутым к плечу, как у русской косоворотки). Сведений о времени его появления не имеется, возможно, он вошел в быт не так давно. К чертам, общим для одежды мужской и женской, относилась в старину и длина нательной одежды — в абсолютных цифрах она была примерно одинаковой. Однако при более высоком росте мужчин их рубахи и нательные халаты оказывались немного ниже колен, а в наиболее отдаленных кишлаках верховьев Зеравшана рубахи доходили иногда до щиколоток¹⁴, в то время как женские рубахи — до середины икры и немного ниже. В дальнейшем мужская нательная одежда стала короче, а женская — длиннее, дойдя в начале XX в. во многих районах почти до земли. В рубахах мужчин в это время появились возрастные отличия: молодые стали носить рубахи до середины бедра, старики сохраняли прежнюю длину.

Распашная одежда в ее традиционном варианте представляла собой разного рода халаты (рис. 2). Не имея существенных различий в покрое, она различалась в названиях: легкие халаты, на подкладке и без нее (тадж. — *яктар*, узб. — *джегде*)¹⁵, стеганные на вате халаты (узб. — *тун*, тадж. — *джома*), суконные халаты без подкладки (узб., тадж. — *чакман*, *чекмен*). Распашная одежда имела в основном тот же покрой, что и нераспашная, единственной существенной чертой, ее отличающей, был передний разрез. Остальные черты — пришивной воротник, клинья, пришиваемые к передней поле, отделка — для характеристики распашных вариантов не имели принципиального значения и появились позже. Их постепенное появление знаменовало собой новые шаги в развитии верхней одежды, усложнив ее покрой и лучше приспособив эту одежду к способу ношения, широко распространенному в Средней Азии, без застежки¹⁶ и неподпоясанной.

Важнейшей из дополнительных деталей халата был пришивной воротник. Появление воротника следует рассматривать как особую ступень в развитии одежды: на нательной нераспашной рубахе, генезис которой, вероятно, восходит к самым начальным ступеням истории одежды, воротник еще отсутствовал. Нет воротника и на халатике мальчика из погребения XV в.¹⁷ Это, конечно, не значит, что в то время воротников не было: они изображены на средневековых миниатюрах (см. статью М. В. Горелика в настоящей книге).

Широко распространенной формой воротника в Средней Азии являлся воротник из двух клиньев, сшитых поперечной стороной. Концы клиньев, дойдя до груди, смыкались с клиньями, пришитыми к передним полам¹⁸. Несмотря на всю простоту кроя такого воротника, он не был в Средней Азии самой ранней формой: мы знаем воротники и более примитивные. На халате из Самарканда, относимом к XVIII в. (он был реликвией,

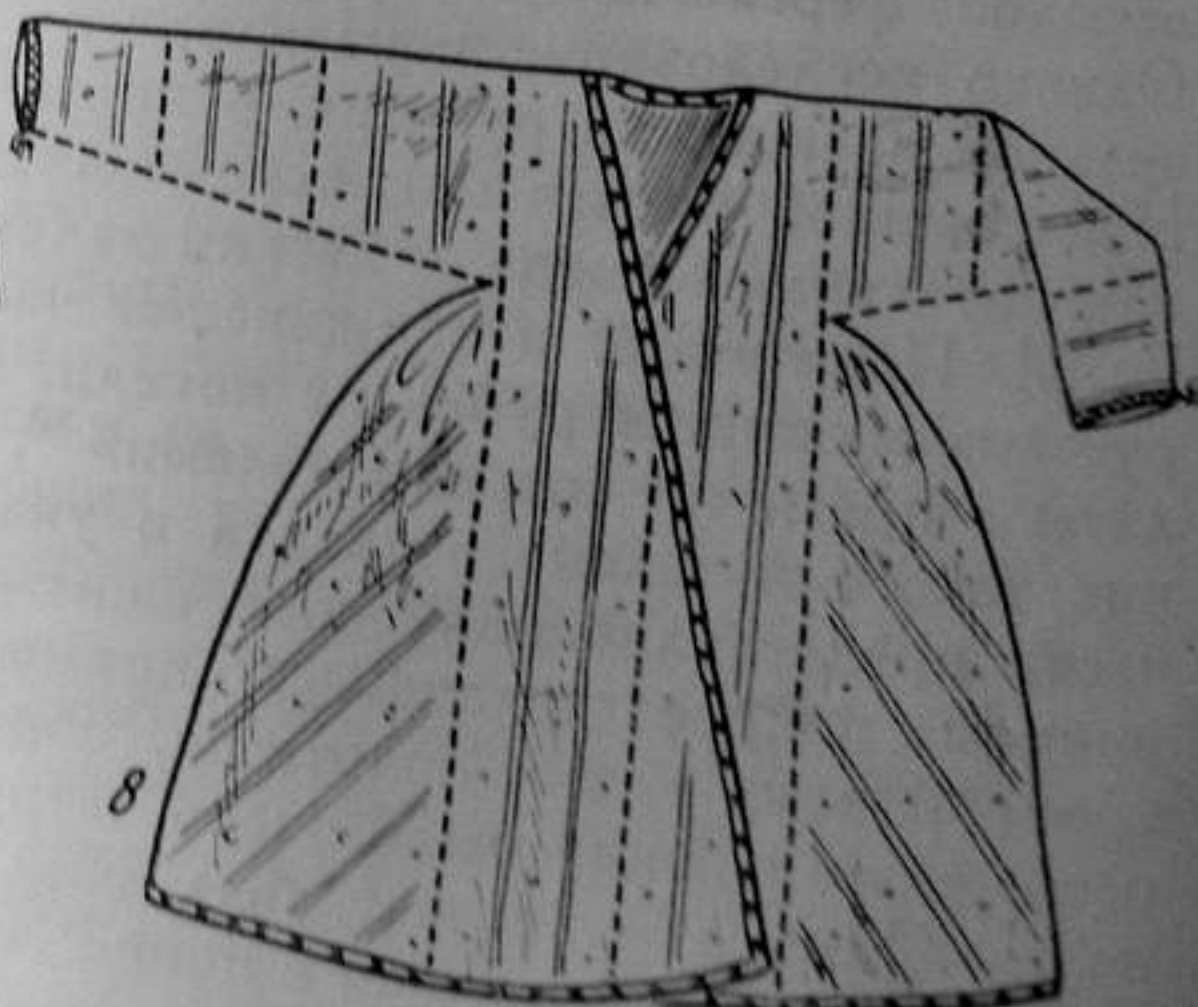
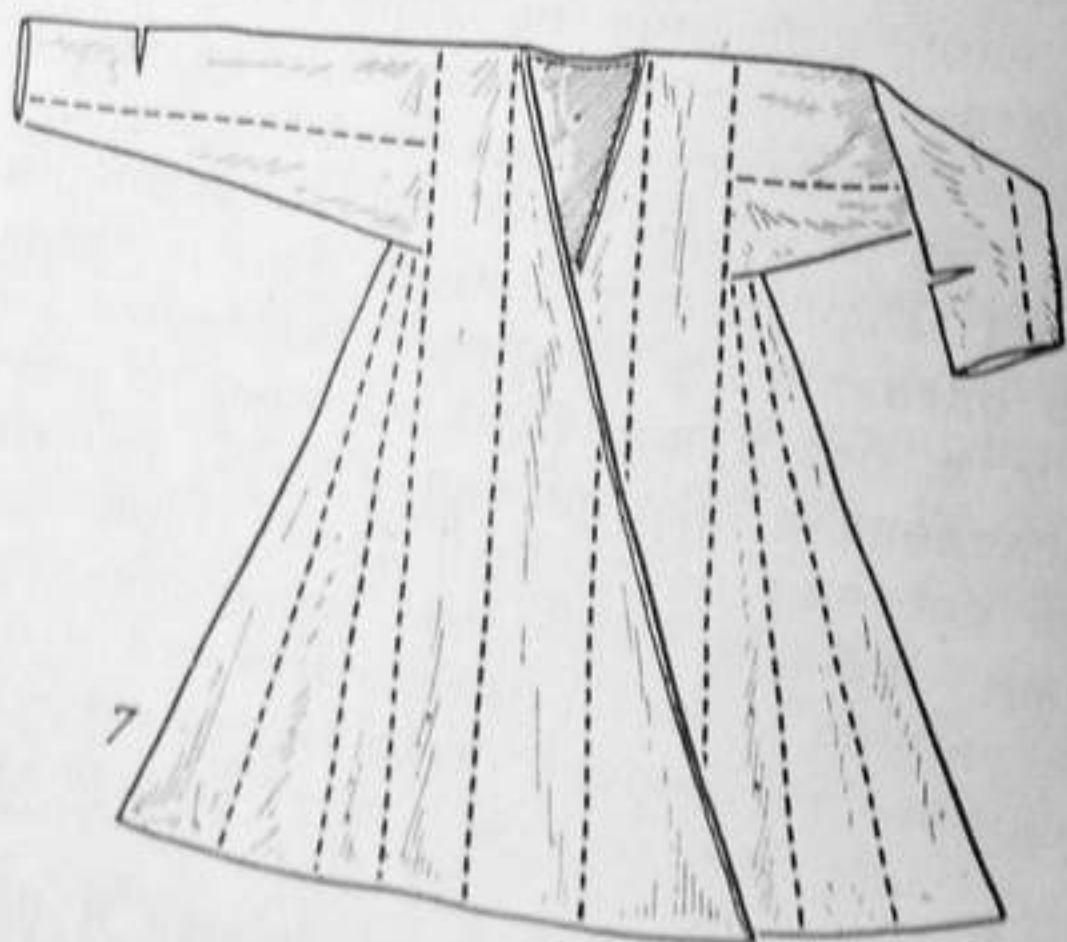
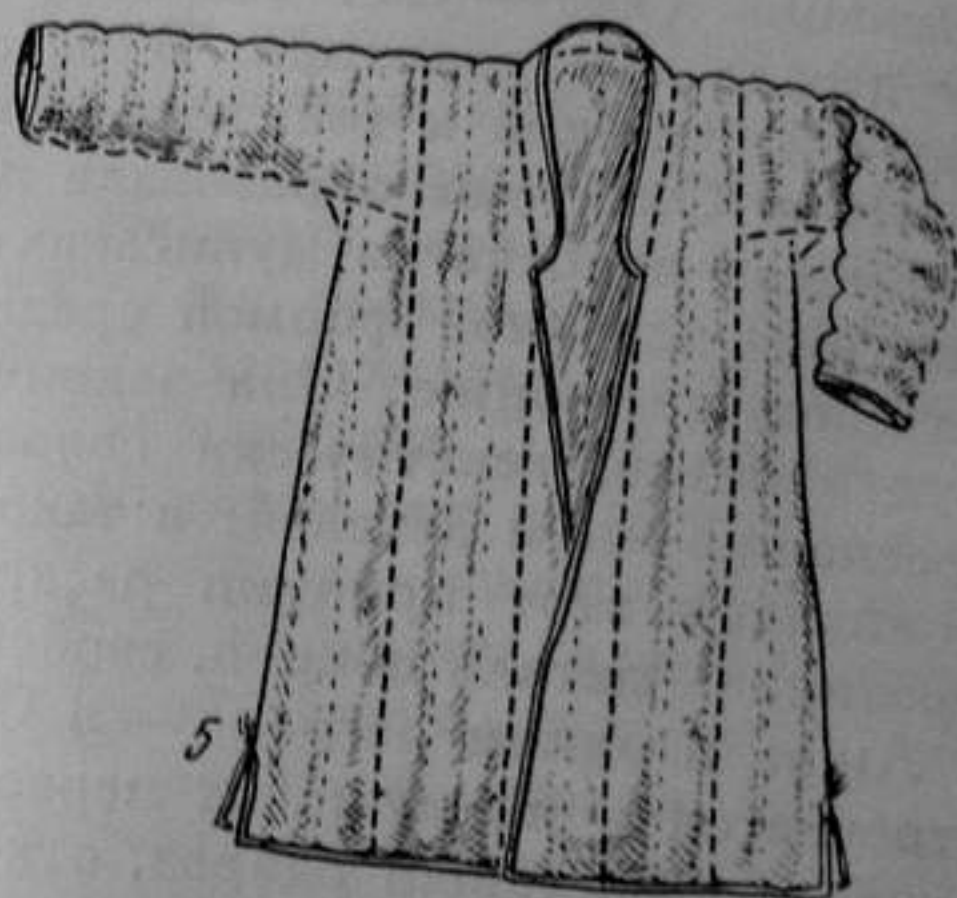
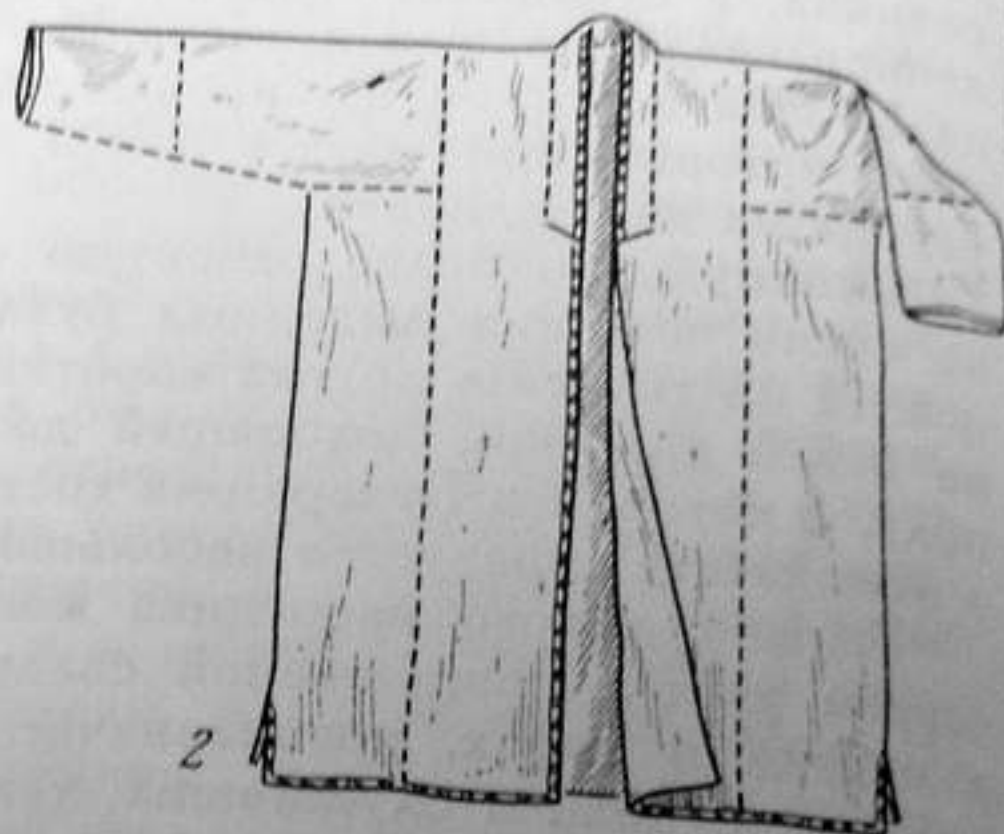
приписывался Ходжа Сафо — основателю последней каландарханы), воротника, в сущности, еще нет, его заменяет прямая полоса ткани, вставленная сзади по шее и втачанная на линии плеч в слегка подрезанные полы. Эта короткая и широкая полоса образует подобие стоячего воротника, который прилегает к шее и по внешнему виду очень напоминает воротник из двух клиньев.

Сходную, но более развитую форму такого воротника можно видеть на очень широких выходных бухарских халатах и на халатах припамирцев. И на тех и на других воротник тоже сделан из прямой полосы ткани, но более длинной, доходящей до груди. Полоса втачана в подрезанную полу, с которой в Бухаре она составляет прямую линию, а у припамирцев в этом месте образуется небольшой выступ.

Генезис такого воротника можно связать с прямой полосой, нередко совсем узкой, пришиваемой сзади к вороту женских халатиков мунисак, а иногда и рубах, предназначенных для надевания поверх другой (или других) рубахи и служивших, таким образом, одеждой верхней. В Нурата такие выходные верхние женские рубахи назывались *якканок*, т. е. «с воротником» (*яка* — узб. «ворот») ¹⁹. Следовательно, население трактовало эту деталь как воротник. В некоторых районах полоска была довольно широкой, близкой к той, которую можно видеть на самаркандском халате XVIII в. Она тоже образовала подобие стоячего воротника. Таким образом, узкая полоска на мунисаках и нуратинских выходных рубахах может считаться исходной формой среднеазиатского воротника, с которой он начал свою эволюцию. Она закончилась разработкой покроя воротника из двух клиньев, генетически связанного, возможно, с появлением покроев с раскашиванием деталей: в такой конструкции воротника, вероятно, тоже проявлялся этот принцип раскроя одежды. Таким образом, пришивной воротник — деталь покроя, свойственная распашной одежде.

Лишь в одном регионе — в Ферганской долине — пришивной воротник встречается и на мужских нераспашных рубахах, которые там имеют глубокий вертикальный разрез, открывающий грудь. Эта черта придает своеобразие ферганскому варианту туникообразной традиционной одежды. Однако исследование показало, что такой воротник на нераспашной натальной одежде, на рубахах, — явление вторичное и сравнительно недавнее. Нераспашной рубахе в мужском костюме ферганцев предшествовала распашная натальная одежда — легкий халат, без передних клиньев. По сведениям Е. М. Пещеревой, в таджикской части Ферганской долины «до прихода русских мужчины рубах не носили, а одевались в длинные натальные халаты с прямыми спереди полами» ²⁰, т. е. без пришивных клиньев. Воротник такого натального халата и унаследовала ферганская рубаха, генетически представляющая собой сшитый спереди натальный халат. При старинном покрое халата — с прямыми полами, которые заканчивались кромкой двух узких полотнищ, образующих стан, — превратить его в нераспашную одежду было очень нетрудно — достаточно было сшить спереди полы. Однако этот шаг был сделан, как свидетельствуют материалы Е. М. Пещеревой, только в конце XIX в.

Нательную рубаху с длинным вертикальным разрезом ворота и пришивным воротником носили по всей Ферганской долине. Следовательно,

в этой культурно-исторической области исконной формой мужской нательной одежды была не рубаша, а легкий халат. По описываемому признаку к тому же культурному региону относились, возможно, Казахстан²¹ и Киргизия, где традиционность нательной распашной одежды мужчин, называемой ачик койнок или джегде, проявляется в том, что надеваемая на покойника несшитая «одежда» тоже именуется джегде²² (термин джегде, где восходит к тадж. яктак — легкий халат, буквально «однослойный»).

Возможно, издревле нательная распашная одежда была свойственна и тюркоязычному населению Восточного Туркестана, где мужчины тоже носили легкие нательные халаты, а не рубахи²³. Распашная нательная одежда у мужчин бытовала также в Припамирье. М. С. Андреев считал, что там халаты были основным видом мужской одежды, так как, по его сведениям, например, во время работы на жаре надевали только нательный халат²⁴.

Следует, однако, отметить, что в горном Таджикистане при ношении мужчинами легких халатов как одежды нательной существовал обычай делать к ним особую манишку, имитирующую выглядывающую из-под халата рубашу с горизонтальным воротом²⁵. Можно думать, что здесь

Р и с. 2. Распашная одежда

1 — халат без воротника и пришивных клиньев, XVIII в., Самарканд; 2 — халат с воротником из прямой полосы, Бухара; 3 — халат с воротником из двух клиньев; 4 — женский халат с прорезями у плеча; 5 — мужской стеганный халат с воротником и пришивными клиньями; 6 — легкий халат с пришивными клиньями и воротником; 7 — женский припамирский шерстяной халат; 8 — женский халат мунисак; 9 — туркменская короткая распашная одежда

более правильной с точки зрения традиции признавалась одежда из двух компонентов: натальной нераспашной рубахи и надетого сверху халата. По сообщению З. А. Широковой, именно так одевались люди более состоятельные, остальные довольствовались халатом с манишкой. Таким образом, эта форма одежды имела ярко выраженный социальный оттенок. Следует заметить, что ношение натального халата с манишкой было распространено среди малосостоятельных слоев населения во многих районах Средней Азии²⁶. Это может свидетельствовать о традиции ношения мужчинами рубахи с горизонтальным воротом, замещать которую и была призвана манишка. Вопрос о времени появления манишки в горном Таджикистане, как и в других местах, нуждается в дальнейшем выяснении.

В свете всех приведенных материалов можно думать, что в процессе эволюции распашной наплечной одежды воротник был самой главной и первой дополнительной деталью, появившейся в ходе усложнения покроя — раньше, чем клинья, и что халат когда-то не имел ни того, ни другого, отличаясь от рубахи только наличием осевого разреза. Если для мужских халатов воротник сделался обязательным, то клинья появились позже и не на всех видах халатов. Что касается самых ранних из известных нам образцов — детского халата из погребения XV в. и халата XVIII в., приписывавшегося Ходжа Сафо (оба образца из Самарканда), то на первом воротника нет вовсе, а на втором воротник имеет неразвитую зачаточную форму. Ни на том, ни на другом нет и пришитых к полам клиньев. Последняя деталь встречалась не везде еще и в начале XX в.

Важным представляется появление в костюме мужчин верхнего халата, надеваемого поверх натальной одежды (нераспашной или распашной, в зависимости от района). Обыкновение носить одновременно два вида наплечной одежды было результатом значительного повышения культуры одежды и явилось естественным следствием историко-экономического и культурного развития в целом. Вероятно, именно тогда, когда халат вошел в комплекс костюма в качестве верхней одежды, его покрой стал развиваться и усложняться, пока не приобрел те особенности (наличие воротника и передних клиньев, оторочка из тесьмы, разрезы внизу на полах, подкладка и нарядные подполки, а в зимних вариантах — и стежка), которые отличают этот вид одежды и поныне.

Эти усложнения покроя появились не одновременно в разных районах. Как мы видели, в Бухаре — при высокой степени развития всех отраслей материальной культуры, в частности культуры одежды, — гораздо дольше сохранялся более архаический тип халатов: без передних клиньев и без воротника из двух клиньев. Вероятно, тот факт, что в Бухаре халат не перешел на следующую ступень развития, объясняется особенностями бухарского костюма, для которого характерны очень длинные и просторные одежды, сшитые из нераскошенных полотнищ. Понятно, что, если самый принцип раскашивания здесь не применялся, не мог появиться и воротник из клиньев. Бухарская одежда не стимулировала развития халатов с передними клиньями, которые были особенно необходимы там, где одежда была более узкой и облегающей (как в Фергане). Можно думать, что именно в таких районах могли прежде всего выработаться те детали халата, которые усложнили его покрой. По З. П. Небольсину, материалы

которого охватывают и Фергану и Бухару, воротник у среднеазиатских халатов был «косым»²⁷. Это сообщение не могло относиться к Бухаре, поскольку бухарские халаты имели прямой воротник. Следовательно, сведение о «косом» воротнике, относящееся к середине XIX в., могло скорее всего характеризовать покрой халатов у населения Ферганской долины.

Халат в основном был одеждой мужской: у многих групп населения женщины вообще не имели верхней одежды. Но в большинстве районов региона он вошел и в женский костюм. Трудно сказать, когда это произошло, но, вероятно, относительно недавно. В женском костюме халат не сделался такой важной его частью, как в мужском. К нему предъявлялись иные требования, так как он не был одеждой показной, нарядной, часто на нем отсутствовала присущая мужскому халату отделка. У женщин из простого народа имелся обычно один халат, часто стеганный на вате, иногда легкий. Там, где не была распространена паранджа или иные специальные головные накладки, женщины ходили, набросив на голову халат, вывернутый наизнанку, чтобы предохранить от выгорания.

Кроме рубахи и халата, в комплекс старинного традиционного женского костюма (до появления в конце XIX—начале XX в. новых видов одежды и новых покроев) входило еще два вида верхней туникообразной одежды — мунисак и паранджа. Оба они представляли собой модификацию других, несомненно более ранних, исконных форм наплечной одежды.

Мунисак²⁸ отличается от обычных халатов отсутствием пришивного воротника. На груди ворот несколько вынут, так что видна надетая внизу одежда; в большинстве образцов под рукавами имеются сборки или, вернее, собранные в один пучок складки. От подола до груди пришиты клинья, увеличивающие запах. Подобно мужским халатам, мунисак обшивался по краю тесьмой и имел яркие нарядные подполки, на боках — небольшие разрезы.

Мунисак был распространен не везде, и ареал его не вполне выяснен. Этот вид одежды зафиксирован в Ташкенте²⁹, Самарканде, Бухаре, Ургуте³⁰, в верхней части долины Зеравшана³¹, в Ферганской долине³², в Хорезме³³, у некоторой части узбеков — кыпчаков и карлуков³⁴.

Мунисак — несомненно, одежда более позднего происхождения, чем рубаха и халат, и развилась она из этих основных видов. Генетическая связь мунисака с остальными вариантами одежды туникообразного покроя несомненна: мунисак имеет ту же конструктивную основу, его отличительные детали были лишь добавлениями к деталям рубахи или халата. Назначение дополнительных черт предельно ясно: они вызваны стремлением подчеркнуть особенности женской фигуры. Хорошо сшитый мунисак — один из красивейших видов местной одежды, очень женственный, придающий фигуре стройность, красиво приоткрывающий грудь.

Таким образом, в мунисаке мы видим усложненный вариант туникообразного покроя, появление специфических особенностей которого было обусловлено специальным назначением мунисака: это одежда чисто женская, не имеющая аналогов в мужском костюме. Несмотря на то что на практике его отличия от халата не слишком велики, они означают принципиально новую веху в истории среднеазиатского костюма, знаменуя собой отход от одежды, общей для обоих полов, что было признано нами чертой

глубоко архаической, позволяющей считать универсальные для обоих полов виды одежды наиболее древними, близкими к начальной, исходной форме.

Хотя мунисак можно считать более поздней формой одежды, появление его, конечно, относится к далекому прошлому. В конце XIX в. он уже выходил из употребления. В одних местах мунисак сохранял еще значение праздничного костюма (Бухара, Самарканд — до конца XIX в.), в других — стал одеждой похоронной (Самарканд конца XIX в. и до настоящего времени) или превратился в головную накидку, не надеваемую в рукава (у узбеков-карлуков). В Ташкенте к концу XIX в. мунисак вовсе перестали употреблять как одежду: им покрывали умершую тотчас после смерти и похоронные носилки при перенесении тела на кладбище³⁵.

И отличительные черты мунисака, и сам этот вид одежды сложились не сразу. Ему предшествовал другой вид, который в большинстве районов давно исчез из быта, однако его слабые, но явственные следы обнаруживаются в записанных в 30—40-е годы сообщениях женщин, родившихся еще в конце первой—начале второй половины XIX в. В Ташкенте М. А. Бикжанова слышала о похожей на мунисак одежде, называемой *пешво*, но описать ее не смогла ни одна из пожилых женщин, так как видеть эту одежду им уже не довелось³⁶. Об одежде, называемой *пешво*, мне пришлось слышать и в Самарканде: таджичка из пригородного селения Ходжа Ахрор, которая в 40-х годах считала, что ей исполнилось «четыре по двадцать и еще пятнадцать», т. е. 95, лет и, следовательно, родившаяся в 1845 г., сообщила, что в ее приданом было *пешво* из адраса. К сожалению, особенности этой одежды остались невыясненными. Знали *пешво* и в Бухаре. Мною было записано сообщение о том, что бухарские женщины на похороны шли в *пешво*, а на свадьбу полагалось надевать *кальтача* (второе название мунисака). Таким образом, *пешво* был более старинным видом одежды, чем мунисак.

Слово *пешво* (открытый спереди) имеет в самаркандском говоре и в говоре некоторых других мест аналог *пешкушо* с тем же значением и близкой этимологией. Однако слово *пешкушо* употребляется как прилагательное (*куртайи пешкушо* — «рубаха, открытая спереди»), а *пешво* имеет характер термина и во всех сообщениях употреблено как имя существительное. Следует заметить, что входящее в термин *пешво* слово *во* (открытый) — старое, исчезнувшее из живого языка; оно употребляется лишь в поэзии³⁷ (в частности, в фольклоре), а в разговорной речи — только как составная часть сложных слов, одним из которых является термин *пешво*.

Поскольку мунисак, как и его предшественник *пешво*, являлись специальными женскими видами одежды, отличающимися этим от основных видов туникообразной одежды, общих для обоих полов, встает вопрос, от какого же из этих основных и генетически более ранних видов — от рубахи или от халата — они отдифференцировались.

С халатом мунисак сближают (помимо того, что оба они — одежда распашная и верхняя) наличие передних клиньев (как мы видели, для халата необязательных), отделка тесьмой и разрезы на боках, с рубашкой же — отсутствие воротника. Последняя черта имеет особое значение:

именно пришивной воротник был первой и важнейшей деталью, пополнившей традиционный покрой распашной одежды. Поэтому отсутствие воротника можно считать решающим для выяснения генезиса и мунисака, и предшествовавшего ему пешво. Пешво как вид одежды — в сущности переходная форма между рубахой и халатом. Главной его чертой (может быть, единственной, отличавшей его от рубахи) являлось именно то, что спереди пешво был не сшит и таким образом превращен в распашную одежду. Этот первый в истории традиционной туникообразной одежды женский распашной вариант, вероятно, еще не обрел к середине XIX в. всех украшающих и усложняющих мунисак деталей: передних клиньев, выреза у ворота, складок под рукавами, обшивки тесьмой и разрезов на боках. Описанные черты мунисака, несомненно, появились не все сразу, а постепенно и, вероятно, в не столь отдаленные времена: в Самарканде, например, еще во второй половине XIX в. старушечьи мунисаки не имели ни подкладки, ни тесьмы, они окантовывались лишь узкой косой полоской другой ткани. Нас не должно смущать, что в этом сообщении речь идет о мунисаках старушечьих: как уже говорилось, специфическая старушечья одежда выделилась сравнительно недавно, раньше ее отличал только цвет ткани; черты раннего и более простого мунисака, вероятно, были раньше свойственны всем мунисакам вообще. Дополнительные же детали, сближающие его с халатом, появились в результате переноса на мунисак тех особенностей, которые уже были выработаны для халата и придавали ему, как затем и мунисаку, специфический облик верхней одежды.

Предположение о том, что специфические формы женской верхней одежды развились не из халата, а из рубахи, подтверждается рядом фактов.

Развитие распашной женской одежды на базе нераспашной хорошо прослеживается на примере туркменского костюма. Один вид женской головной накидки, сохраняющей все черты одежды наплечной, у туркмен называется *курта* — таджикским термином, означающим нераспашную рубаху³⁸. Курта, как головная накидка, приобрела эту специфическую функцию только на памяти наших пожилых современников — раньше она носилась как обычная наплечная распашная одежда, надеваясь в рукава. У другой группы туркмен — човдоров термин *курта* употреблялся в его прямом значении: так называлась нарядная дорогая рубаха из красного сукна³⁹. Таким образом, у туркмен нераспашная одежда проделала весь дальнейший путь развития: сначала она превратилась в распашную, для чего понадобилось только сделать осевой разрез, и она стала служить наплечной одеждой, вероятно, временами накидываясь на голову, как накидывался иногда на голову халат и у других среднеазиатских народов, а затем эта функция сделалась единственной — наплечная одежда превратилась в головную накидку.

Термин *курта* обозначает головную накидку также у узбеков-карлуков⁴⁰. Видимо, у них произошла та же эволюция нераспашной одежды, и происхождение накидки отразилось в ее названии. Следует отметить, что и у туркмен, и у карлуков курта не имеет ни пришивного воротника, ни передних клиньев, т. е. обеих конструктивных особенностей, свойственных халату.

Почему же нужно было превращать рубаху в распашную одежду, которую можно носить и в рукава, и как головную накидку? Ответ на этот вопрос мы находим в распространенном кое-где обычае отсутствия у женщин верхней одежды. Очень прочно сохранялась эта традиция в горном Таджикистане, где была распространена поговорка: «Бог наказал мужчин носить халат, а женщинам не наказал»⁴¹. Даже у припамирских народов, которые жили в еще более суровых природных условиях, чем жители других горных районов, верхняя одежда сделалась обязательной частью женского костюма только в советское время. Правда, раньше вся их одежда была преимущественно из шерсти, но, конечно, одна шерстяная рубаха не спасала от зимних холодов⁴².

Следы этой традиции прослеживаются и на равнинах. Несмотря на то что в Бухаре женщины располагали не одним видом верхней одежды (халат, мунисак, пешво), там было в обычае ходить зимой в одном платье, под которое, однако, поддевалась теплая стеганая рубашечка куртача, выделившаяся в особый вид одежды. Эта традиция особенно ясно наблюдалась в костюме среднеазиатских евреев, сохранявших некоторую культурную общность с населением Бухары. В Самарканде, например, зимой можно было видеть идущих по улице евреек в развевающихся на ветру широких шелковых рубахах, под которыми, конечно, была надета теплая рубашечка. По данным К. Ниязклычева, такая же теплая нижняя одежда имелась у туркмен-човдоров⁴³. Это значит, что и у них женщины зимой ходили без верхней одежды. Вспоминается, как в 20-х годах девушки предгорного селения Бричмулла хвастались, что они всю зиму проходили в одной рубахе из кустарной бумажной маты. Вероятно, при дальнейших поисках следов этой древней традиции они обнаружатся и в других местах (эта традиция уже зафиксирована в пунктах, удаленных друг от друга на большие расстояния).

Приведенные факты, как и формальный анализ покроя, доказывают, что мунисак (и предшествовавший ему пешво) произошел из рубахи. Когда появился обычай (и возможность) носить в некоторых случаях одновременно две рубахи, одна из них приобретала, таким образом, функцию одежды верхней. Это создало условия, позволяющие приспособить ее к такой роли, и первым шагом было превращение ее в одежду распашную. Однако для этого потребовалось, вероятно, много веков и не везде верхняя одежда как особый вид успела сформироваться. Целая культурно-историческая область — Южный Таджикистан — такого шага не сделала. Не была окончательно изжита старая традиция и в таком городском центре, как Бухара.

Четвертым видом одежды, генетически связанным с исходными туникообразными формами, были различные женские накидки, происходящие из накидываемого на голову халата. Широко распространенные в мусульманских странах женские покрывала, накидываемые на голову и скрывающие всю фигуру, превратились в специфический вид женской выходной одежды. Головные накидки были двойного происхождения: одни развились из большого платка (плата) — так появилась чадра (чодур) персиянок и накидка белуджек; вероятно, таков же генезис афганской паранджи, в которой плат соединился с надетой поверх него шапочкой типа

тюбетейки. Второй вид головных накидок, который нас и интересует, происходит из халата, накинутаго воротником на голову. Этот вид головных накидок распространен у народов Средней Азии, за исключением белуджей.

Халат, накидываемый на голову, имел здесь много вариантов и представлял собой разные ступени превращения его в особый вид одежды — начиная от халата, который носили то на голове, то как обычную наплечную одежду, в рукава, и кончая паранджой и туркменскими накидками (*пуренджек* и *чырпы*), служившими только накидками. Если накидываемый на голову халат в рукава не надевался, он в большей или меньшей степени деформировался; изменились главным образом рукава, которые откидывались назад и в одних вариантах удлинялись и сужались, в других — просто скреплялись за спиной. Самым развитым видом таких накидок была узбекско-таджикская паранджа, а также туркменский пуренджек, в то время как головные накидки у некоторых других групп почти не отличались от халатов, надевавшихся в рукава. Как бы сильно ни был изменен покрой накидок, происходящих из халатов, мы без труда узнаем в них ту же распашную туникообразную одежду, со всеми особенностями ее покроя: длинные и узкие рукава паранджи так же сшиты из поперечных кусков ткани; так же, как на обычном халате, сделан воротник; карманы, имеющиеся на некоторых вариантах паранджи (Ташкент, Ферганская долина), такого же устройства, как и на халатах, — они вертикальные, сделаны в шве. Но в силу их превращения в декоративную деталь карманы стали отделывать более пышно, а отверстия карманов либо исчезли совсем, либо стали сквозными, используя для продевания рук.

Паранджу носили преимущественно в городах, и там ее изготовляли по заказу и для продажи. В сельские районы паранджа проникала с городских рынков — ее покупали жители многих сельских районов главным образом для приданого невест из состоятельных семей. Того же происхождения — из халата — различные головные накидки полукочевых узбеков и многих групп таджиков, называемые *джеляк* (в Шахризьбсе, в узбекских сельских районах Самаркандской обл.), *джегде* (узбеки Хорезма), *курта* (узбеки-карлуки, туркмены) или *пешво* (узбеки Южного Узбекистана).

Предыдущим этапом в истории накидок, которые сформировались на основе наплечной одежды, было накидывание на голову женщинами при выходе из дома обычного халата — своего собственного или мужа, сына. Этот этап еще не миновал во многих сельских районах. Например, в Шахристане (Северный Таджикистан) в 1926 г. женщины, выходя из дому,

Рис. 3. Женские головные накидки

1 — накидка-платок горных таджичек (вид спереди и сзади); 2 — узбечка в накинута платке; 3 — белуджская накидка; 4 — свадебная тюлевая накидка самаркандских таджичек; 5 — ношение в качестве головной накидки обычного халата; 6 — накидка *пешво* или *джегде* (узбечка); 7 — туркменская головная накидка *чырпы*; 8 — паранджа (вид спереди и сзади); 9 — головная накидка *курта* (узбеки-карлуки); 10, 11 — головная накидка самаркандских таджичек, вошедшая в употребление после исчезновения паранджи

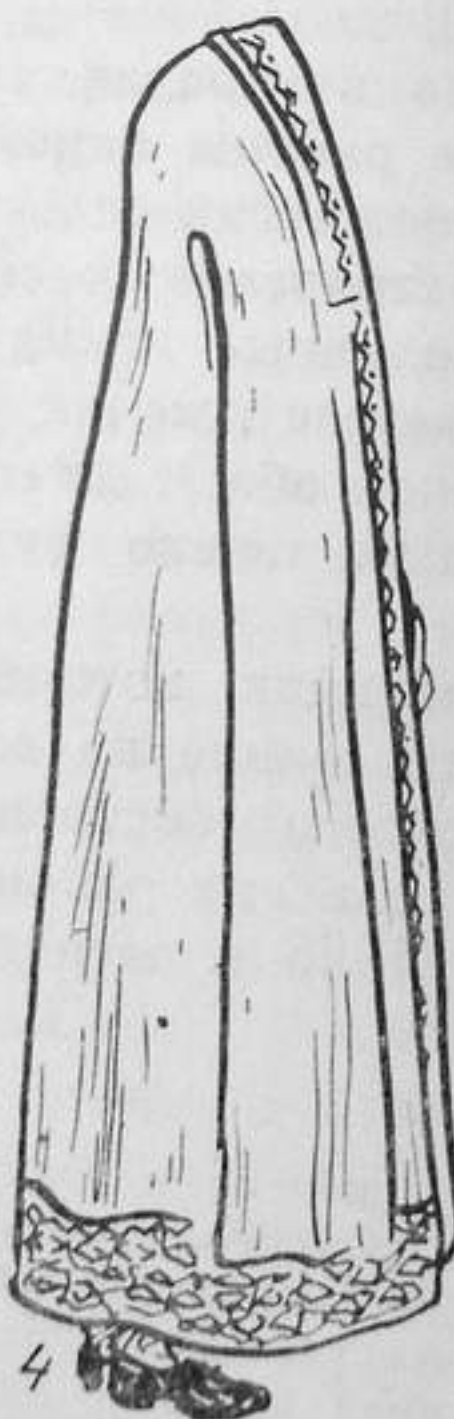
1

2

3

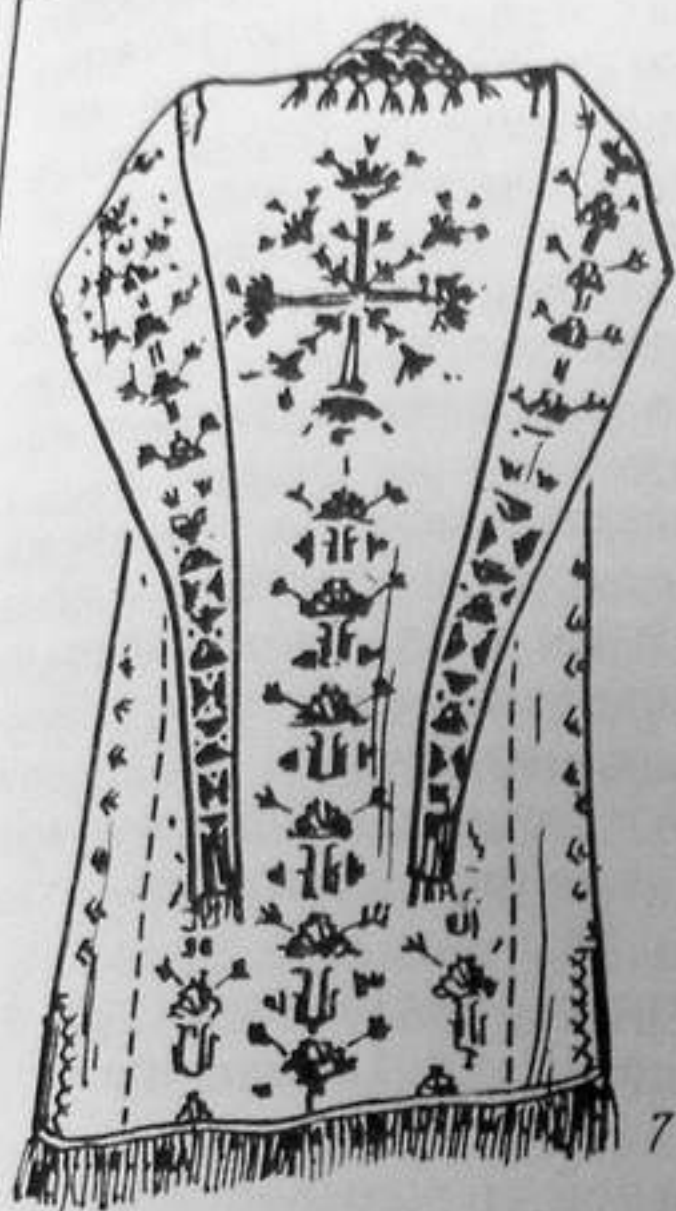
4

5

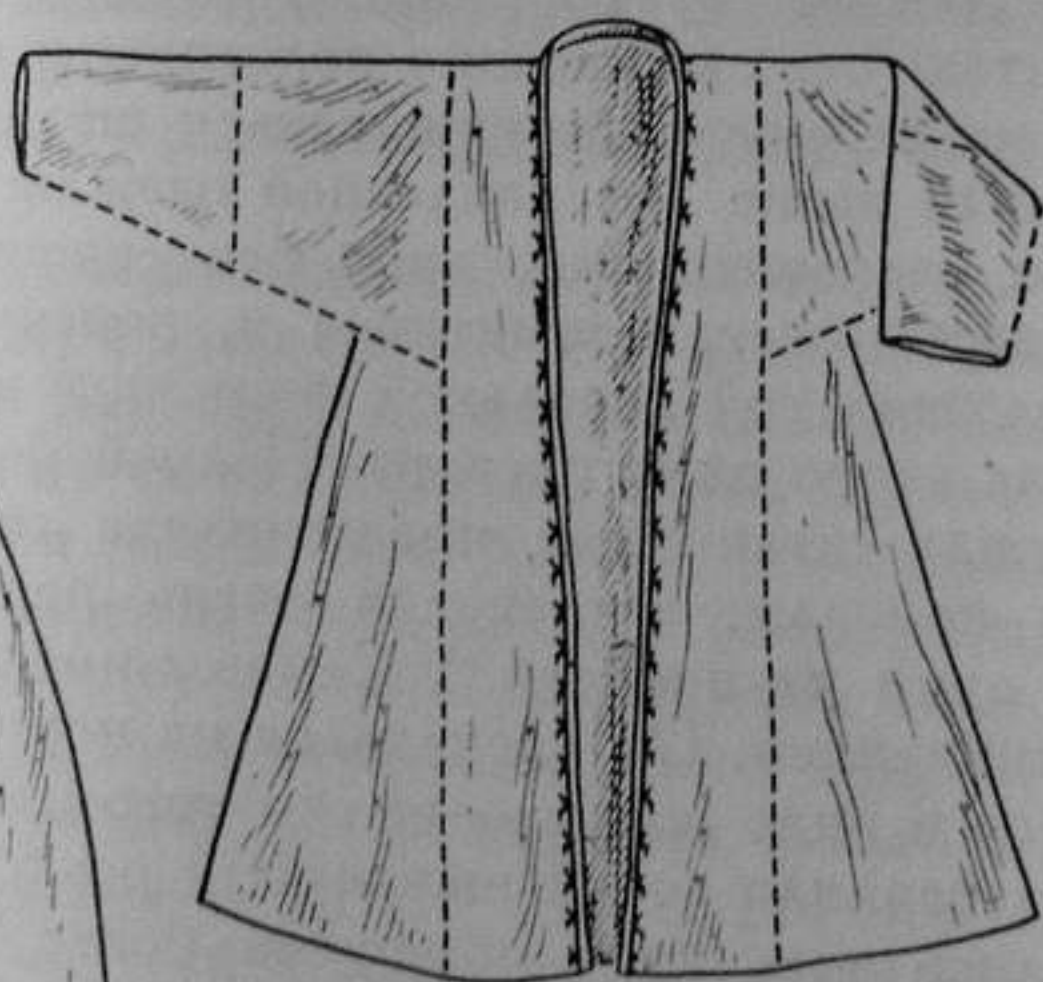
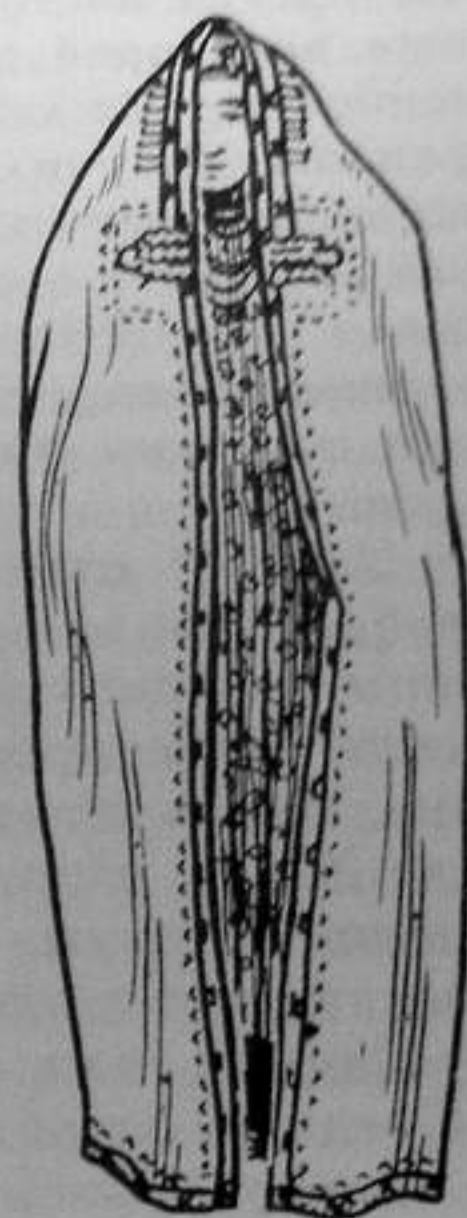
6

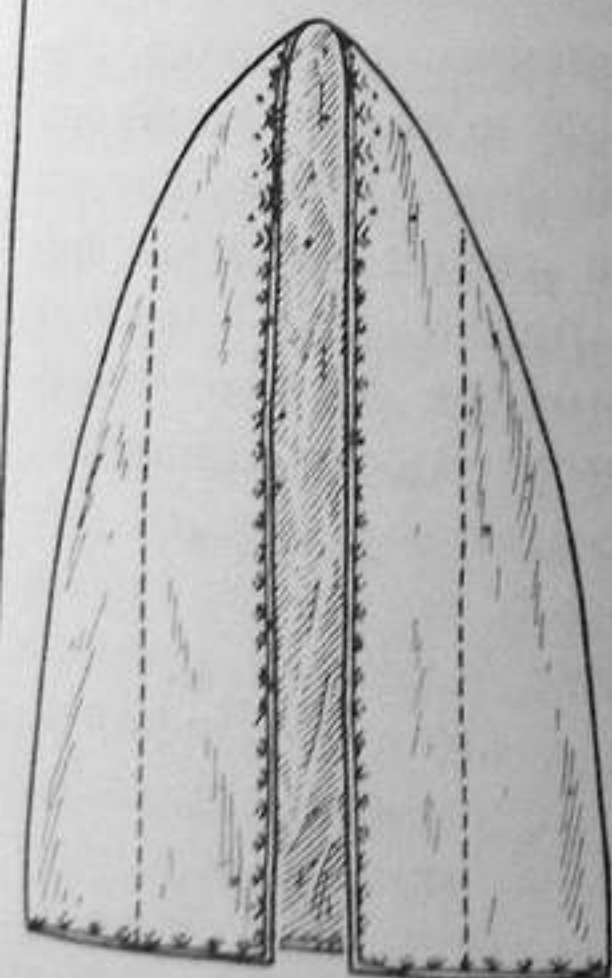
7

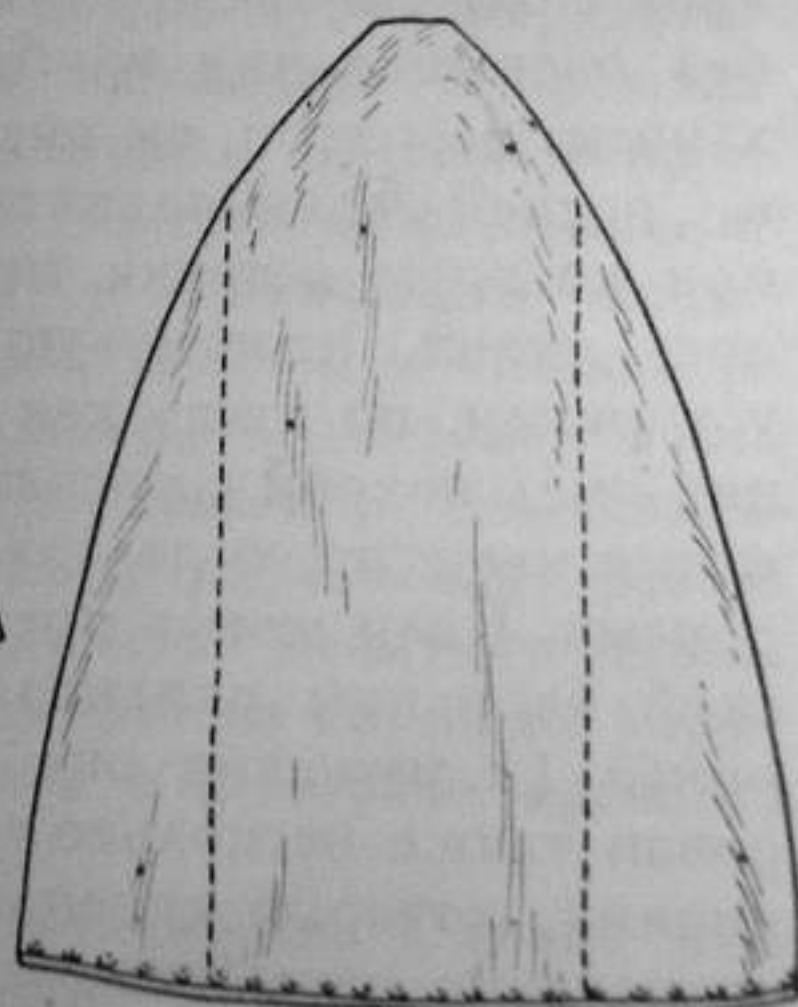
8

9

10

11

накидывали на голову свой носильный халат, вывернутый наизнанку. Во многих местах, даже в таком крупном городском центре, как Ташкент, еще во второй половине XIX в. носили на голове мунисак, употреблявшийся и как обычная наплечная одежда. Только к концу XIX в. паранджа получила в Ташкенте широкое распространение⁴⁴. Вероятно, и во многих других местах только к этому времени или немного раньше паранджа стала особым видом общеобязательной женской выходной одежды. Были выработаны все ее своеобразные, строго определяемые в каждом районе традицией черты. Источник XVI в. засвидетельствовал, что термин *фараджи* употреблялся еще для обозначения мужских парадных халатов⁴⁵.

Следует отметить, что на памятниках древности халаты с рукавами изображены накинутыми только на плечи⁴⁶. Ни одного изображения женщины в накинutom на голову халате мы не видим ни в древних росписях и еще более древней скульптуре, ни на средневековой миниатюре. Вероятно, паранджа и другие виды головных накидок, носимые в XIX—начале XX в. и происшедшие из халатов, с древней традицией ношения распашной одежды внакидку никак не связаны и предположение об этом, высказанное в литературе, вряд ли правильно⁴⁷.

Одежда для нижней части тела — набедренная — была представлена в Средней Азии и Казахстане двумя формами: штанами (шароварами) и распашной юбкой (*бельдемчи*).

Штаны — обязательная часть одежды и мужской и женской. Их начинали носить с очень раннего детства, а девочки нередко с младенчества. Штаны были широкие на вздержке, их носили низко на бедрах, так что живот оставался свободным.

Принцип, лежащий в основе покроя среднеазиатской разновидности штанов, в полной мере соответствует принципу конструкции наплечной одежды в ее двух вариантах: без скашивания полотнищ и со скашиванием. Но иногда при прямой мотне могли раскашиваться штанины, т. е. нарушался принцип, отмеченный выше для наплечной одежды (все части раскроя должны быть либо раскошенными, либо без скашивания). Покрой без раскашивания наиболее прост, примитивен и, конечно, наиболее архаичен: вероятно, он послужил той начальной формой, с которой началось в Средней Азии развитие этого вида одежды. Покрой без раскашивания, при котором вставка между штанинами представляла собой прямую полосу ткани, перегнутую пополам, встречался очень редко. Он бытовал у туркмен, но лишь как один из покровов⁴⁸. Самое широкое распространение имел покроем с раскашиванием. Он распадался на несколько вариантов: мотня чаще всего делалась в виде ромба — вытянутого или с равными сторонами. Если мотня представляла собой вытянутый ромб, мужской и женский варианты различались тем, куда обращена более длинная сторона ромба (в мужских она обращена кверху, в женских — книзу). Зафиксирован также несколько усложненный вариант покроя — с вставными ластовицами, которые скрепляют место сшивки мотни со штанинами и имеют назначение повысить их прочность при носке (Самарканд). Был широко распространен обычай делать в женских штанах верхнюю часть, не видную из-под рубахи, другого цвета — обычно белого. Порожденный, веро-

ятно, стремлением экономить более ценную цветную ткань, этот прием превратился в прочную традицию, охраняемую суеверием: считалось, что шить штаны из одного материала — грешно, а белой вставке придавалось значение магического средства обеспечить плодородие — белый цвет считался привлекающим счастье⁴⁹.

Характерной особенностью штанов у разных этнических групп являлся способ оформления низа штанин. Они бывали или очень широкие (в крайних вариантах настолько, что производят впечатление юбки⁵⁰), или очень узкие и притом в некоторых местах (Припамирье) настолько длинные, что ложились на стопу поперечными складками⁵¹, подобными тем, которые можно видеть на некоторых древних изображениях. Если концы штанин широкие, они могли ниспадать свободно или собираться у ступни в сборки. Женские шаровары (в качестве исключения и мужские — у среднеазиатских арабов) чаще всего обшивались внизу тесьмой.

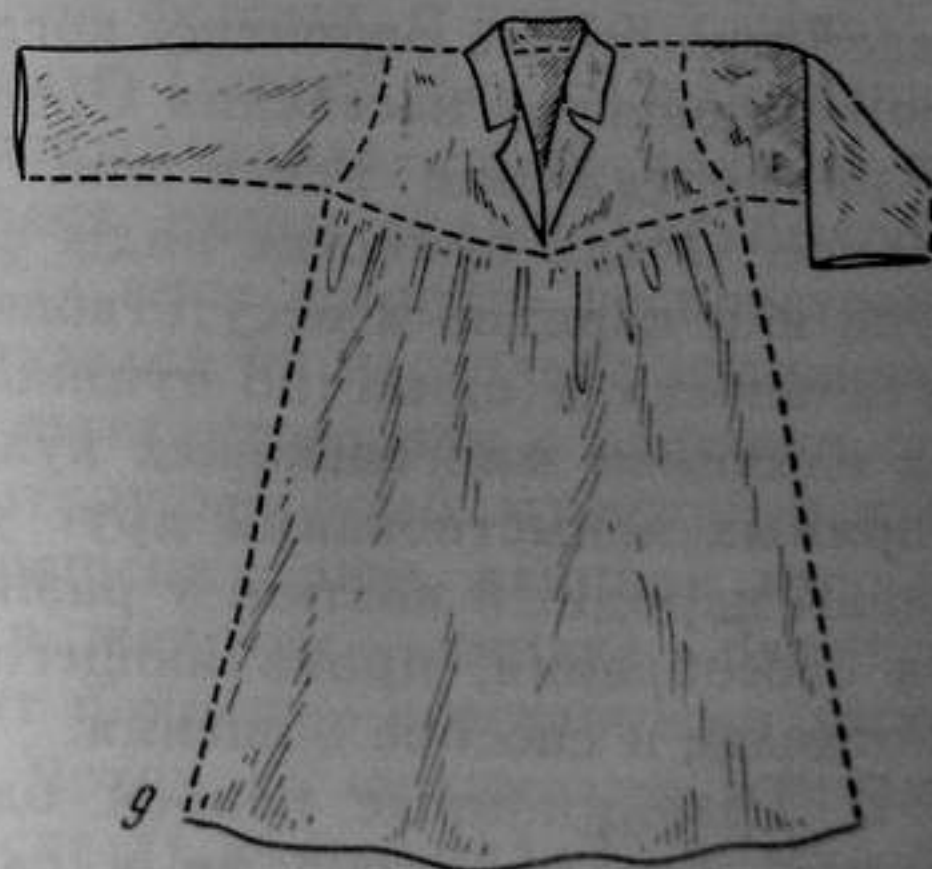
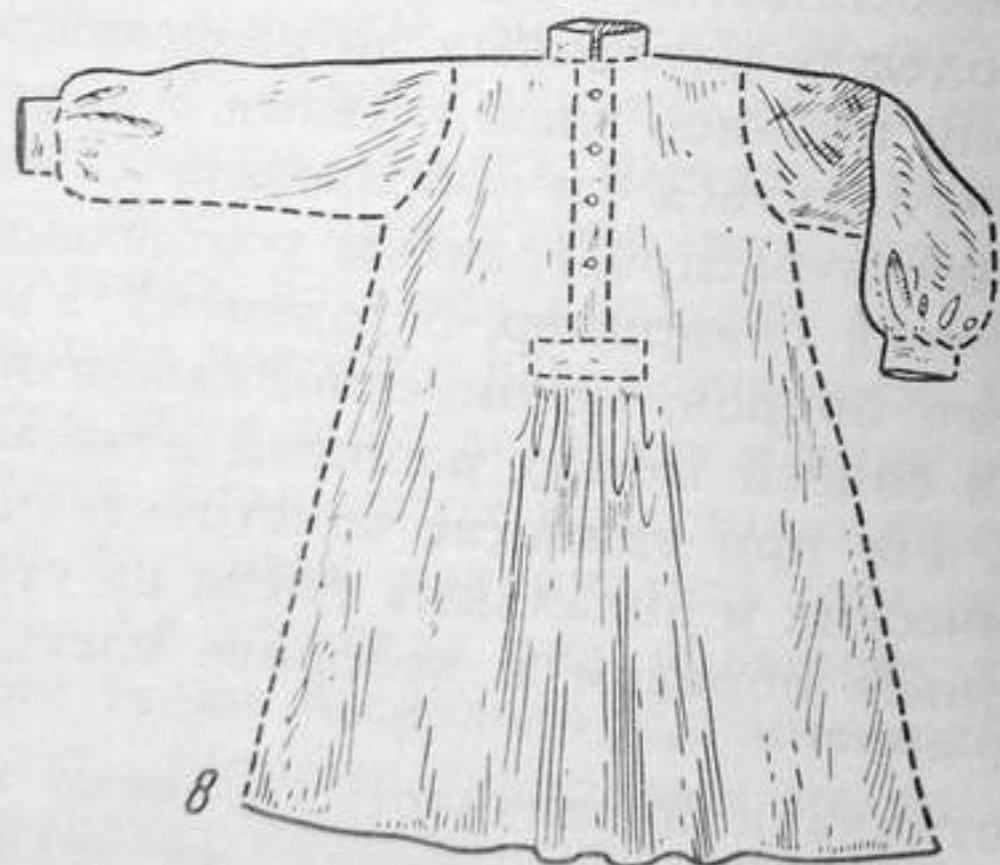
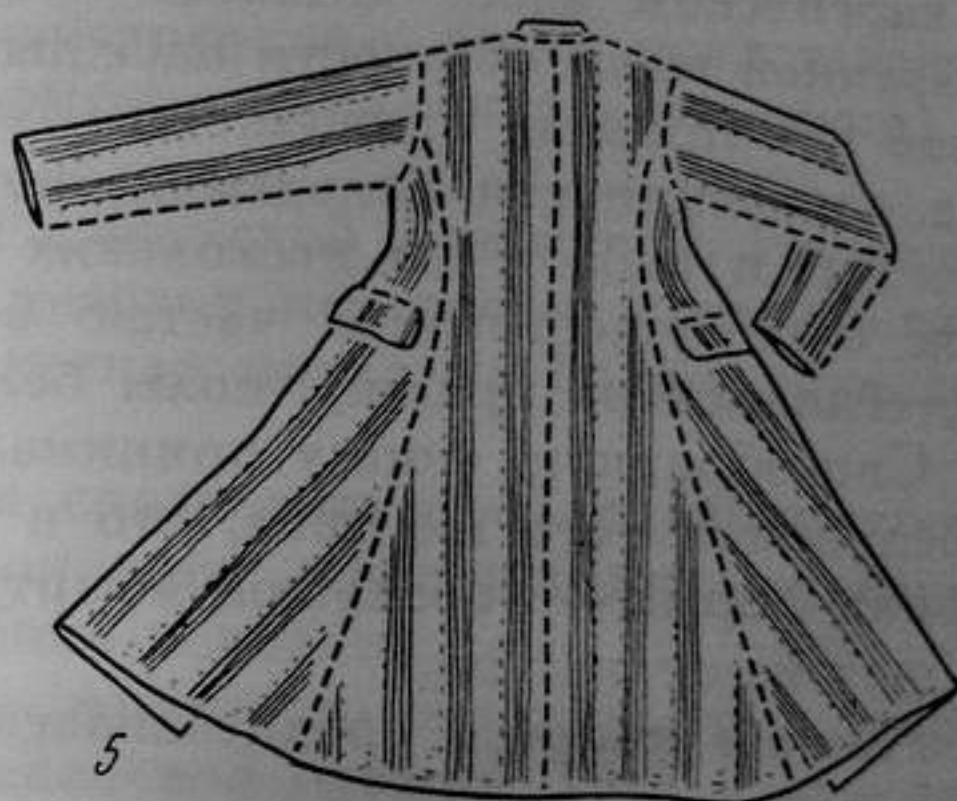
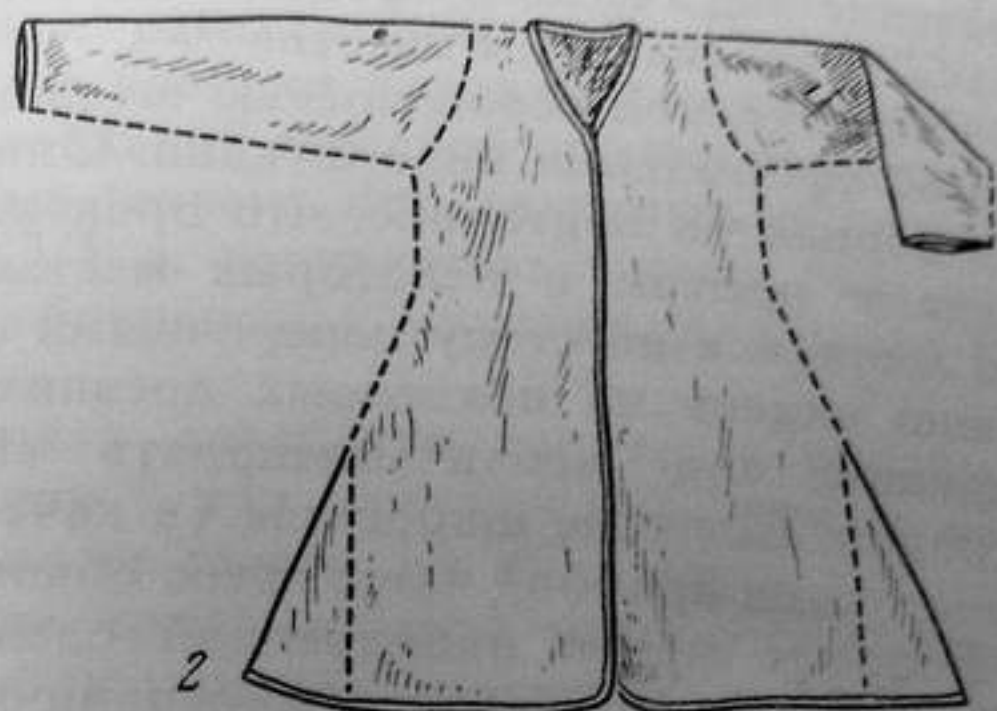
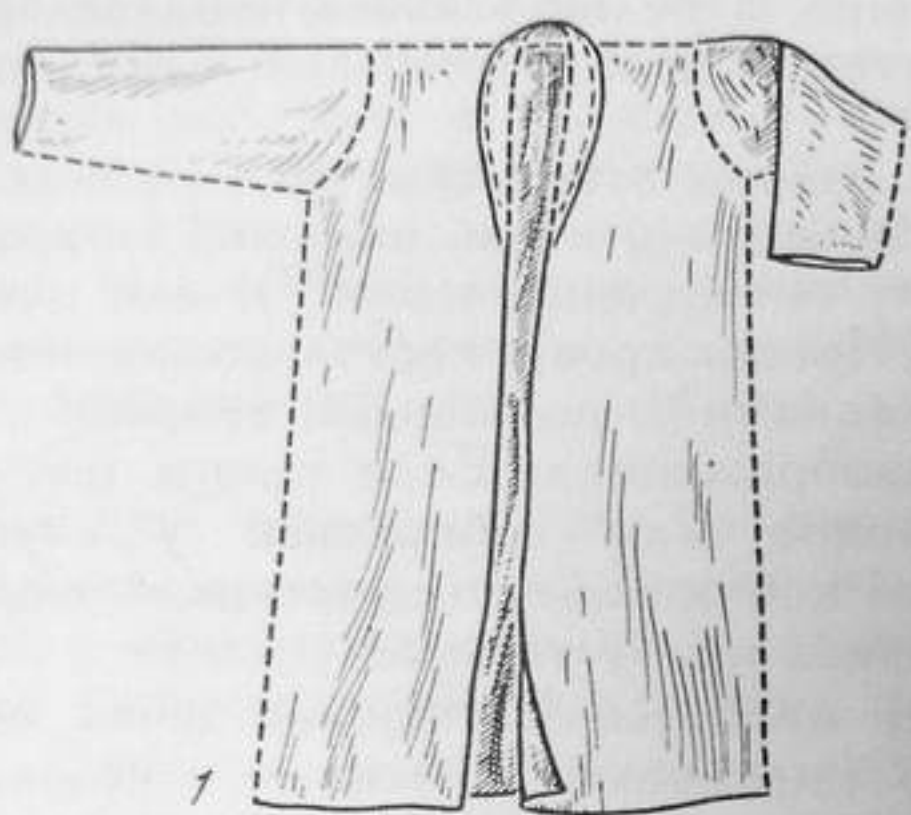
Вторым видом набедренной одежды является распашная юбка бельдемчи. Ее распространение ограничено киргизами и меньше — казахами. В конце XIX—начале XX в. она служила женской одеждой, но в прошлом была и мужской: в качестве боевой одежды воинов она упоминается в киргизском эпосе «Манас»⁵². В этом тоже можно видеть проявление указанной выше общности одежды разных полов, которая рассматривается мной как признак архаичности. Как у казахов, так и у киргизов имелись две разновидности бельдемчи: из прямой полосы ткани, присобранной в поясе, и сшитое из нескольких раскошенных полос. Широкий плотный пояс был существенной частью бельдемчи. Спереди он завязывался или застегивался на пряжку, полы бельдемчи слегка расходились⁵³.

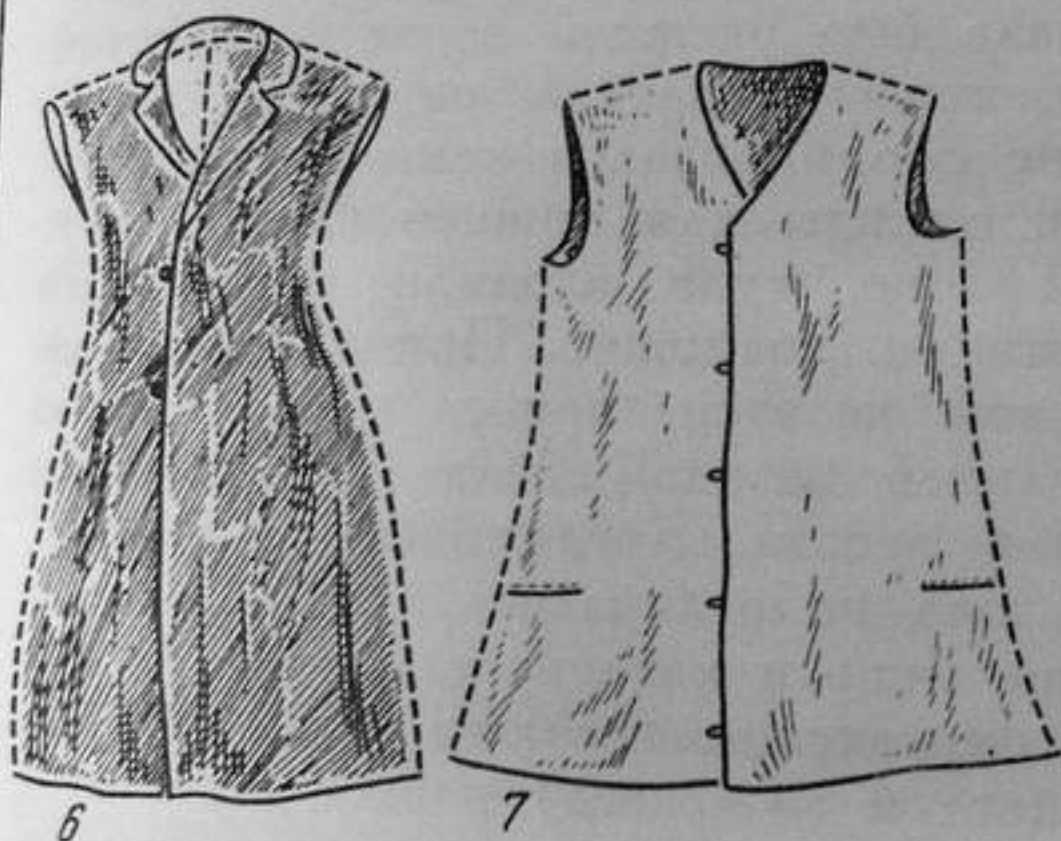
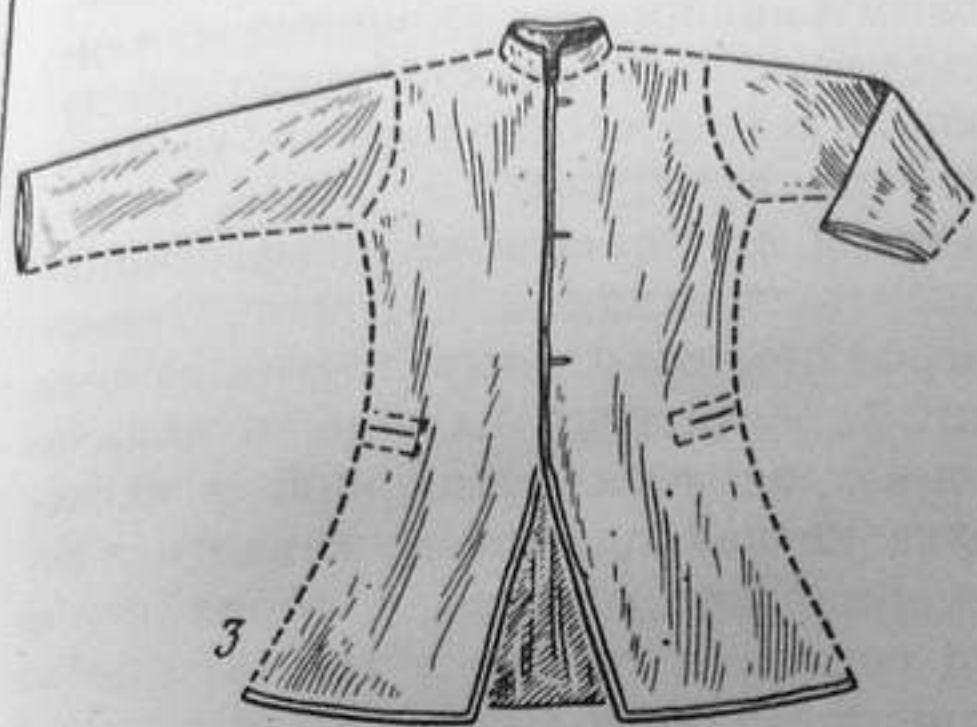
Своеобразную форму принимала иногда эта одежда у казахов: наряду с бельдемчи того же типа, что и киргизское, у них встречалась рудиментарная форма — небольшой «фартук», который надевался на поясицу, защищая ее от холода.

Анализ покроев среднеазиатской одежды позволяет сделать ряд важных выводов.

1. В основе одежды среднеазиатских народов лежал туникообразный покрой. Традиции, определявшие его особенности, сложились в рамках единой культуры. Вероятно, когда-то в одежде различных по происхождению компонентов населения Средней Азии имелись значительные отличия, но на протяжении веков они успели сгладиться и образовать нечто цельное. Очень немногие виды одежды были распространены у отдельных групп или народов и отсутствовали у других (например, бельдемчи). Универсальность и единство туникообразного покроя, несомненно, сложились под влиянием многовековых культурных связей между разными этносами и прямых заимствований друг у друга. Но при единстве конструктивной основы народный костюм у разных этнических и локальных групп не утратил своеобразия, проявляющегося главным образом в колорите одежды, ее отделке и способе ношения.

2. Традиционные крои одежды отличала архаичность. Однако эти крои стояли далеко не у самых истоков истории одежды из тканей. Самый начальный этап характеризовался одеждой из несшитых тканей, представлявшей собой куски ткани, обертываемые вокруг тела. Так оде-

вались древние греки, к такой одежде близко японское кимоно, а также дхоти и сари — компоненты национального индийского костюма, сочетающиеся с уже очень развитыми формами сшитой одежды и представляющие собой пережитки глубокой древности. Конечно, в свое время этот этап прошла и Средняя Азия. Возможно, он оставил свой след в устройстве савана, который можно считать реликтом несшиваемой (или слегка сшиваемой) одежды (устройство савана не везде одинаково. У некоторых этнографических групп саван сшивается и более или менее близок к обычной одежде)⁵⁴.

Превращение ткани в одежду осуществлялось в разных странах различными путями. Но на ранних ступенях истории одежда из тканей имела в силу своей примитивности много общего. Это порождалось не заимствованиями, а диктовалось, с одной стороны, особенностями ткани как материала для одежды, а с другой — пропорциями человеческого тела. Таковы были наиболее простые покрое среднеазиатской туникообразной одежды. В них, однако, мы обнаруживаем следы эволюции, несколько усложнившей эти покрое, но не изменившей их основы.

3. Очень древней, хотя и не архаичной, была традиция отсутствия верхней одежды у женщин. Как пока-

Р и с. 4. Одежда новых покроев

1 — халат переходного типа (румча) со слегка вырезанной проймой; 2, 3 — полудлинная казахская одежда типа «камзол»; 4, 5 — камзол вырезного покроя (вид спереди и сзади); 6 — казахская женская безрукавка вырезного покроя; 7 — мужская безрукавка; 8 — платье припамирских таджиков (1940-е годы); 9 — платье на короткой кокетке со сборками; 10 — вариант платья на кокетке со сборками (современное платье)

зывают приведенные факты, эта традиция обуславливалась не климатическими особенностями Средней Азии: наиболее распространенной оказалась эта традиция в горном Таджикистане, где климат достаточно суров. Конечно, она не связана и с мусульманским законом затворничества женщины. Эта традиция была порождена исконным разделением труда между полами: на женщине лежали работы, выполняемые в основном на усадьбе и в доме, тогда как мужчины работали вне дома.

4. Выделились два пути развития одежды в процессе ее дифференциации. В одной культурно-исторической зоне, куда входили Ташкент, Самарканд, Бухара, Кашкадарья, Хорезм и, вероятно, некоторые другие районы (предстоит выяснить, какие именно), дифференциация одежды и появление разных ее видов привели к выделению одежды распашной и нераспашной, которые отличались друг от друга не как одежда мужская и женская, а как верхняя и нательная. Нательная же одежда у обоих полов была одинакова (нераспашная); разница состояла только в том, что после рождения ребенка ворот рубахи женщины приспособлялся для кормления грудью. Халат, выделившийся в процессе дифференциации как второй вид наплечной одежды, с самого начала был одеждой верхней, носимой одновременно с нательной рубахой и, видимо, сначала он был только мужским. Таким образом, в этой зоне сформировался комплекс одежды из двух предметов (не считая особой одежды для нижней части тела).

Во второй культурно-исторической зоне, куда входили Ферганская долина, Киргизия, Восточный Туркестан и, возможно, Припамирье, процесс дифференциации одежды на первом же этапе привел к разделению ее по полам: у мужчин основной, нательной одеждой сделалась распашная типа халата, у женщин — нераспашная рубаха. Когда здесь появилась, кроме нательной, и верхняя одежда, она не отличалась своим покроем от мужской нательной — разница была лишь в материале и второстепенных деталях. Эта важная особенность ферганского костюма (наличие двух вариантов нательной одежды — женского и мужского) нашла отражение в письменном источнике XII в. — своде мусульманских законов шариата, составленном маргиланцем Бурханеддином-Али Маргинани. В его труде, известном под названием «Хидая», где регламентируются правила поведения мусульман, дано указание, как должны одеваться гермафродиты, у которых преобладают признаки того или другого пола: «Если он мужчина, то ношение платья со швом для него непристойно, если он женщина... ему следует носить платье со швом, как женщине»⁵⁵. Нет сомнений, что в этой сентенции отразилась повседневная практика ферганского населения, к которому принадлежал автор «Хидаи». Значит, дифференциация нательной одежды по полам в Ферганской долине сформировалась в еще более ранний период, к XII в. превратившись в глубокую традицию. Но этой традиции не существовало в другой зоне региона. Хотя автором «Хидаи» половые различия в одежде были возведены в ранг религиозного закона, а «Хидая» получила признание не только у среднеазиатских мусульман, но и у всех мусульман вообще, для большинства населения Средней Азии за пределами Ферганской долины наиболее распространенной была именно сшитая спереди нательная мужская рубаха, которую автор «Хидаи» признал для мужчин «непристойной». А с конца

XIX в. мужскую нательную одежду стали сшивать спереди и в Фергане. Так был завершен путь развития нательной распашной одежды мужчин — она превратилась в нераспашную, распространившуюся, таким образом, в разных вариантах по всему региону. Старая, распашная, нательная одежда продолжала и продолжает бытовать (но уже как пережиток) в костюме пожилых людей.

5. Изучение конструктивной основы среднеазиатской одежды выдвинуло вопрос о культурных заимствованиях. В условиях Средней Азии, население которой формировалось в процессе постоянных включений новых этнических компонентов, а область входила на разных этапах своей истории в разные государства (древнеиранское, арабское, монгольское, русское), возможностей для взаимовлияний и прямых заимствований было особенно много. На протяжении истории раннеклассовых формаций заимствования тормозились властью традиций, которые должны были соблюдаться неукоснительно, а отклонение от них рассматривалось как нарушение жизненных основ общества, хотя бы эти изменения касались внешних сторон культуры, в частности одежды. При поступательном характере развития общественных институтов категоричность таких запретов ослабевала, но пока сохранялся патриархальный бытовой уклад, не исчезала и власть традиций. Однако, несомненно, заимствования бывали и на ранних этапах истории. Но в прошлом чуждые формы проникали в основном в костюм знати, закономерно включавшей в себя иноплеменные компоненты, например пришедшие в страну при завоеваниях. Такие ситуации для Средней Азии бывали, как известно, нередки. Судьба заимствованных форм одежды различна: по большей части с изменением исторической обстановки они исчезали без следа, но иногда могли проникнуть постепенно и в народный костюм, преобразовываясь под влиянием местных традиций.

6. Появление в костюме новых форм происходило неравномерно. Сначала они утверждались в административных, торговых и культурных центрах, значительно позже проникали в отдаленные районы, в сельский быт. Вследствие этой неравномерности костюм разных районов мог иметь (и нередко имел) большие различия, которые, однако, не были обусловлены старыми этническими традициями: это были различия хронологические, получившиеся в итоге отставания одних районов и более быстрого развития других. Особенно сильно эта неравномерность проявилась с началом перехода среднеазиатских народов на путь капитализма.

Возникновение капиталистического уклада в конце XIX в. открыло для заимствований широкий путь, и, несмотря на противодействие ревнителей старины, опиравшихся на авторитет религии, в народный быт вошло много нового. Это коснулось — по-видимому, впервые — и самой основы народной одежды — ее покрою, т. е. самого принципа ее конструирования. Появились принципиально иные покрои, со швом на плечах, вырезной проймой и рукавом, они мало-помалу вытесняли старые покрои и, постепенно преобразуясь в соответствии с местными вкусами, превратились в национальные формы одежды. На этой основе она развивалась и в советское время, все больше сближаясь с общесоветской одеждой, воспринимая ее элементы.

- ¹ Зиянпур Джалил. Одежда древних иранцев (на персид. яз.). Тегеран, 1964.
- ² Бартольд В. В. Соч.: В 9-ти т. М.: Изд-во вост. лит., 1963, т. III, с. 240—241.
- ³ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957, с. 27, 99.
- ⁴ Харузин Н. Этнография. СПб., 1901, вып. 1, с. 223.
- ⁵ Греческая туника — одежда несшитая, она представляла собой кусок ткани, обертываемой вокруг тела и набрасываемой на плечи.
- ⁶ Многие авторы называют боковины (тирез) клиньями (З. А. Широкова, К. И. Антипина). Так же переводится этот термин в некоторых словарях (И. Д. Ягелло). Но клинья — это дополнение к основным частям покроя; как правило, клин кончается острым углом и может быть исключен, отчего покррой не исчезнет. Боковина же бывает и прямой, и в виде усеченного клина, она составляет неотъемлемую часть покроя.
- ⁷ Андреев М. С. Таджики долины Хуф, 2/ Примеч. и доп. А. К. Писарчик. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1958, с. 407.
- ⁸ Бартольд В. В. Соч., т. III, с. 240—241.
- ⁹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф, 2, с. 400, рис. 84.
- ¹⁰ См. статью М. А. Бикжановой в настоящей книге.
- ¹¹ См. статью А. К. Писарчик в настоящей книге.
- ¹² Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда. Алма-Ата: Наука, 1964, с. 38.
- ¹³ Руденко С. И. Башкиры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 165; Назаров П. С. К этнографии башкир. — Этнографическое обозрение, 1890, № 1, с. 181.
- ¹⁴ Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе: Дониш, 1973, с. 233.
- ¹⁵ Яктак — тадж. «в один слой»: легкий халат без подкладки или без стежки. От этого слова происходят термины джегде, йегде во многих тюркских языках.
- ¹⁶ О застегивании одежды на пуговицы см. статью М. В. Горелика в настоящей книге.
- ¹⁷ Немцева Н. Б. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в. — В кн.: Из истории искусства великого города. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1972.
- ¹⁸ Такой воротник некоторые авторы называют узким, стоячим.
- ¹⁹ Наблюдение, сделанное А. К. Писарчик при изучении нуратинской одежды. За сообщение приношу ей благодарность.
- ²⁰ Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 136.
- ²¹ Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская..., с. 34—35.
- ²² Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962, с. 219—221.
- ²³ Захарова И. В. Уйгуры. — В кн.: Народы мира. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Народы Средней Азии и Казахстана, II. с. 510—512.
- ²⁴ Андреев М. С. Таджики долины Хуф, 2, с. 244.
- ²⁵ Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 2, с. 125.
- ²⁶ См., например: Дынин В. В. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана. — Изв. Туркестанского отд-ния РГО, Ташкент, 1914, вып. 1.
- ²⁷ Небольсин З. П. Очерки торговли России со странами Средней Азии. СПб., 1865, с. 13.
- ²⁸ Термин мунисак был распространен в долине Зеравшана; в большинстве других мест, где бытовала эта одежда, употреблялись модификации этого термина (мурсак, минсак и др.). В Самарканде и Бухаре употреблялся его синоним калтача, по сведениям, появившийся позднее.
- ²⁹ Бикжанова М. А. Мурсак — старинная верхняя одежда узбеков Ташкента. — В кн.: Памяти Михаила Степановича Андреева. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1960.
- ³⁰ Сведения по Самарканду, Бухаре, Ургуту приведены здесь и в других местах статьи по полевым записям автора.
- ³¹ Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе: Дониш, 1973, с. 188, рис. 3; с. 200, рис. 8.
- ³² Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины туземного оседлого населения Ферганской долины. Казань, 1886, с. 97.
- ³³ Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи. — В кн.: Археологические и этнографические работы Хорезмской

- экспедиции 1945—1948 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
- 34 Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент: Наука, 1964, с. 117—119; Он же: К этнической истории узбеков. Ташкент: Фан, 1974, с. 26.
- 35 Бикжанова М. А. Мурсак..., с. 51—52.
- 36 См. статью М. А. Бикжановой в настоящей книге.
- 37 Фарханги забони тоҷики. М., I, с. 237 (приводятся примеры из стихов авторов XV и XVIII вв.).
- 38 Народы Средней Азии и Казахстана, II, с. 90.
- 39 Васильева Г. П. Социалистические преобразования и этнические процессы в Северном Туркменистане. М.: Наука, 1969, с. 208.
- 40 Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки, с. 117—118.
- 41 Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976, с. 71.
- 42 Андреев М. А. Таджики долины Хуф, 2. Доп. А. К. Писарчик, с. 409.
- 43 Ниязклычев К. Туркмены-човдуры. Дисс. Рукопись, 1968.
- 44 Бикжанова М. А. Мурсак..., с. 51.
- 45 Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960, рис. 100, 109 и др.
- 46 Пугаченкова Г. А. К истории паранджи. — СЭ, 1952, № 3; Лобачева Н. П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накладки-халаты). — СЭ, 1965, № 6.
- 47 Народы Средней Азии и Казахстана, II, с. 88, рис. 3.
- 48 Широкова З. А. Традиционная..., с. 60 (раскрой одежды см. с. 6).
- 49 Гафферберг Э. Г. Белуджи Туркменской ССР. Л.: Наука, 1969, с. 120.
- 50 Андреев М. С. Таджики долины Хуф, 2, с. 245. Доп. А. К. Писарчик, с. 409.
- 51 Абрамзон С. М. Черты военной организации и техники у киргизов. — Труды/ Ин-т языка, литературы и истории АН КиргССР, 1945, с. 174.
- 52 Антипина К. И. Особенности..., с. 241—242.
- 53 Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская..., с. 98—100, рис. 28.
- 54 См. статьи Н. Бабаевой, Л. Бахтоваршоевой, М. Рузиевой в настоящей книге.
- 55 Хидая. Комментарии мусульманского права: Пер. с англ./ Под ред. Н. И. Гродекова. Ташкент, 1893, т. IV, с. 31. За указание на этот важный для исследования текст приношу благодарность О. Д. Чехович.

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ (Проблема типологии на примере таджикских серег)

Л. А. Чвырь

Классификация исторических объектов — одна из актуальных задач науки, постоянно находящихся в поле зрения исследователей. С накоплением материала, с постановкой новых проблем в той или иной отрасли исторической науки нередко возникает потребность подтверждения, уточнения, пересмотра предшествующей классификации или создания новой. Сейчас и за рубежом и в нашей стране археологи, чаще других имеющие дело с массовым материалом, успешно разрабатывают различные принципы формальных классификаций с применением статистических и мате-

матических методов¹. Понимание этих довольно сложных систем описания и классификации требует специальной серьезной подготовки. Но, даже находясь на стадии начальной разработки, они дают возможность делать важные исторические выводы, недостижимые при обычных, традиционных методах классификации².

В советской этнографии применение формальных методов классификации делает лишь первые шаги. Работа над «Этнографическим атласом народов СССР» выявила настоятельную потребность в новых принципах обработки части материала. Это стало необходимо потому, что к настоящему времени накоплен огромный материал, внешне единообразный³, требующий специфического подхода. Кроме того, с развитием науки перед исследователями встают новые задачи, выполнимые лишь при наличии более точных и тонких методов обработки материала. Приблизительно расклассифицировать массовый материал, конечно, можно, но это недостаточно надежно. Например, на начальной стадии накопления материала по ювелирным украшениям классификация их по месту ношения (головные, нагрудные и т. п.) была вполне оправдана и достаточна, поскольку давала общее представление о сумме украшений, зафиксированных у того или иного народа или этнографической группы. Однако для более глубокого анализа, например для выяснения закономерностей распространения ювелирных украшений внутри какого-либо региона или для выявления художественных стилей изделий, этого мало, необходимы более детальная группировка материала, выделение единообразных типов, подтипов и т. п. Обычная, традиционная классификация не дает единых критериев для систематизации. Исследователи нередко базируются на разных принципах: один тип выделяется по ярко выраженным орнаментальным особенностям изделий, другой — на основании своеобразной техники изготовления или даже какой-то одной весьма характерной и яркой детали группы однородных изделий. Порой этнографы при выделении типов идут вслед за мнением информаторов, носителей украшений, выделяющих некоторые группы изделий исходя из своих критериев и целей, с нашими целями не совпадающих. Разнобой в принципах классификации, естественно, ведет к ряду логических и исторических ошибок.

Создание единообразной и достаточно лаконичной системы описания материала, которая даст более строгое и четкое основание для аргументированного сопоставления разных предметов и их групп, а затем и для классификации всего материала, становится необходимым. Именно в этом направлении и был ориентирован материал в статье автора, посвященной вопросу выделения подтипов внутри одного типа серег⁴. Основным итогом первой попытки можно считать полное совпадение результатов формальной группировки материала и конкретно-исторических данных по бытованию разновидностей анализировавшихся крючковых серег у определенных территориальных групп населения Южного Таджикистана. Это совпадение подтвердило правомерность и эффективность применения подобного способа обработки этнографического материала.

Задача настоящей статьи несколько сложнее: выделение типов и подтипов изделий и выявление закономерностей распространения серег по районам, населенным таджиками⁵. С этой целью все анализируемые

серьги организуются по так называемой открытой системе описания по признакам, довольно широко используемой археологами⁶; здесь же эта система применяется для обработки этнографического материала. Она предполагает несколько последовательных ступеней анализа. Прежде всего выделяются признаки (свойства) всех рассматриваемых серег и составляется их иерархический список (по принципу частоты встречаемости и корреляции разных признаков между собой). Затем составляется сводная таблица, в которой каждая серьга в соответствии с ранее составленным списком признаков описывается условными обозначениями (цифрами). Третий этап — анализ этой таблицы, определение устойчивых групп изделий, близких друг другу по нескольким признакам, т. е. процесс типовыделения. Заключительный этап формального анализа — сравнение выделенных типов и подтипов, выявление степени их близости друг другу. Прodelав все это, можно перейти к исторической интерпретации источника — к локализации выявленных формальным путем групп изделий, к их картографированию и установлению таким образом закономерностей их распространения.

Прежде чем перейти к конкретной классификации таджикских серег, следует оговорить несколько общих, но важных моментов.

Любая классификация, соответственно своей конкретной цели, имеет определенный аспект, с которым связано выделение признаков (в данном случае таким аспектом является форма серег). Количество выделяемых признаков в принципе не ограничено. Из них необходимо выбрать прежде всего те, которые могут оказаться достаточными для отчленения друг от друга типов, т. е. групп изделий, определенного качественного и количественного масштаба. При этом следует иметь в виду, что выделение типов является лишь средством, необходимым для анализа и группировки конкретного материала, — оно должно соответствовать конечной цели всего исследования.

Особо следует отметить, что выделение типов по одному (даже важному) признаку в принципе возможно, но ненадежно, так как структурно типы бывают разными: одни представлены множеством довольно однообразных экземпляров, другие — немногими изделиями, каждое из которых очень специфично. Только сходство серег по нескольким важным признакам является достаточным критерием близости этих серег друг другу и в то же время отделения их от всех остальных аналогичных изделий. Поэтому типами целесообразно считать группы изделий, характеризующихся устойчивым сочетанием нескольких важных признаков. Соответственно такие признаки мы называем типовыделяющими; сами эти признаки и их число непостоянны, их определяют в связи с задачами конкретной классификации. Предварительный анализ показал также, что типовыделяющими признаками часто оказываются отнюдь не самые заметные или более интересные эстетически признаки серег. Сопоставляемые предметы или явления по сути своей совсем разные, нередко внешне очень «похожи», и, наоборот, изделия, имеющие мало внешнего сходства, по структуре оказываются вариациями одного вида. Выявление этой внутренней структуры изделия часто возможно как раз лишь через признаки незаметные, ординарные, но закономерно повторяющиеся в разных эк-

земплярах серег. Поэтому составление иерархического списка признаков анализируемых изделий — безусловно, наиболее ответственный момент предлагаемой системы классификации. Если этот список составлен правильно (и, в частности, учтены упомянутые выше замечания), то тогда общие для больших групп серег признаки оказываются в самом начале, на верху списка; ниже, друг под другом, идут признаки, встречающиеся реже, характерные для более мелких групп анализируемых серег.

Для классификации выбран один из самых распространенных среди таджиков и оседлых узбеков (и в настоящее время, и в конце XIX — начале XX в.) вид серег — кольцевые серьги с подвесками — наиболее подходящий для показательной процедуры формального описания. Автором зафиксировано более 100 экз. таких серег, внешне довольно похожих, но все же различающихся между собой, причем в разной степени.

Признаки, встречающиеся у кольцевых серег с подвесками, перечислены в табл. 1. Слева в вертикальной колонке обозначены названия выделенных признаков; справа даны различные варианты их воплощения (реализации) в разных экземплярах серег. Как принято в подобных исследованиях, эти реализации признаков условно передаются цифрами (причем цифра 2 означает, что данного признака серьга не имеет; 0 свидетельствует об отсутствии части серьги, с которой этот признак связан у рассматриваемого экземпляра).

Покажем принцип описания условными цифрами конкретной серьги, изображенной на рис. 1, 1. Признак I показан как 1. Это значит, что серьга кольцевая. Признак II (тоже) передан цифрой 1, т. е. у описываемого экземпляра есть подвески. Признак III у описываемой серьги не реализуется — на ней нет нанизанных на кольцо серьги мелких деталей (обозначается как 2). И так далее. Таким зашифрованным способом мы описываем все 100 кольцевых серег с подвесками, рассматриваемые в статье.

В табл. 2 сведены все описания всех анализируемых серег. Каждая вертикальная цепочка цифр описывает одно изделие, что дает возможность наглядно представить сразу все интересующие нас изделия и сравнивать друг с другом любые экземпляры кольцевых серег с подвесками. Общность нескольких признаков объединяет группы похожих изделий (тогда на табл. 2 несколько цепочек составляют пучки). Таким образом, помимо сводного описания, табл. 2 показывает место каждого экземпляра в общей массе серег, их взаимосвязи, степень близости и отчасти «качество» этой близости. Но, кроме этого, на табл. 2 графически представлен процесс постепенного распада всей совокупности рассматриваемых серег на группы сходных по нескольким признакам изделий: в верхней части таблицы оказываются самые крупные группы, ниже — более мелкие. При этом наблюдается как бы три основных этапа расчленения всего массива кольцевых серег с подвесками. Первые четыре признака являются общими для всех анализируемых серег и отделяют их от остальных видов таджикских серег (крючковых и кольцевых без подвесок). Начиная с пятого признака, появляются различия: признаки V—VIII позволяют выделить сравнительно крупные группы изделий, в свою очередь (по признакам IX—XIII) делящиеся на более мелкие, но также устойчи-

вые подгруппы. Наша задача — вычлениить из иерархически соподчиненных групп серег (представленных на табл. 2), каждая из которых характеризуется устойчивым набором признаков, такие группы, которые можно считать типами. Однако принимать за тип такую крупную группу, как кольцевые серьги с подвесками, нецелесообразно для картографирования — подобные серьги слишком широко распространены по всей Средней Азии, они бытуют у разных этнических и локальных групп населения.

Таблица 1
Кольцевые серьги с подвесками

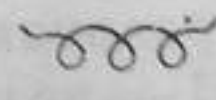

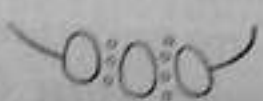

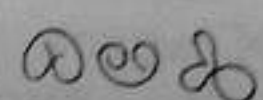

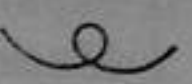
№ признака	Название признака	Условные обозначения реализаций признака	
I	Разновидность замка серьги	1 — кольцо	2 — нет
II	Наличие подвесок на серьге	1 — есть	2 — нет
III	Наличие нанизанных на кольцо серьги мелких деталей	1 — есть	2 — нет
IV	Наличие пластинчатых деталей на серьге	1 — есть	2 — нет
V	Наличие элемента внутри кольца серьги	1 — есть	2 — нет
VI	Наличие петель для подвесок	1 — есть	2 — нет
VII	Сравнительная длина подвесок на серьге (между собой)	1 — подвески одной длины	3 — подвески разные
VIII	Относительная длина подвесок на серьге (к величине в 1,5 диаметра кольца)	1 — длина подвесок меньше 1,5 диаметра	3 — длина больше 1,5 диаметра
IX	Состав подвесок	1 — подвеска может состоять из цепочки, спирали, коралла, зерни, ажурного шарика, большого камня	3 — подвеска может состоять из цепочки, спирали, „листика“, шарика, „колокольчиков“, куполка
		4 — подвеска может состоять из бусин и спирали	5 — подвеска может состоять из всевозможных элементов в любом сочетании
X	Разновидность петель на серьге	1 — простые	
		3 — сложные	
		4 — смешанные	
		5 — из проволоки кольца серьги	

Таблица 1 (окончание)

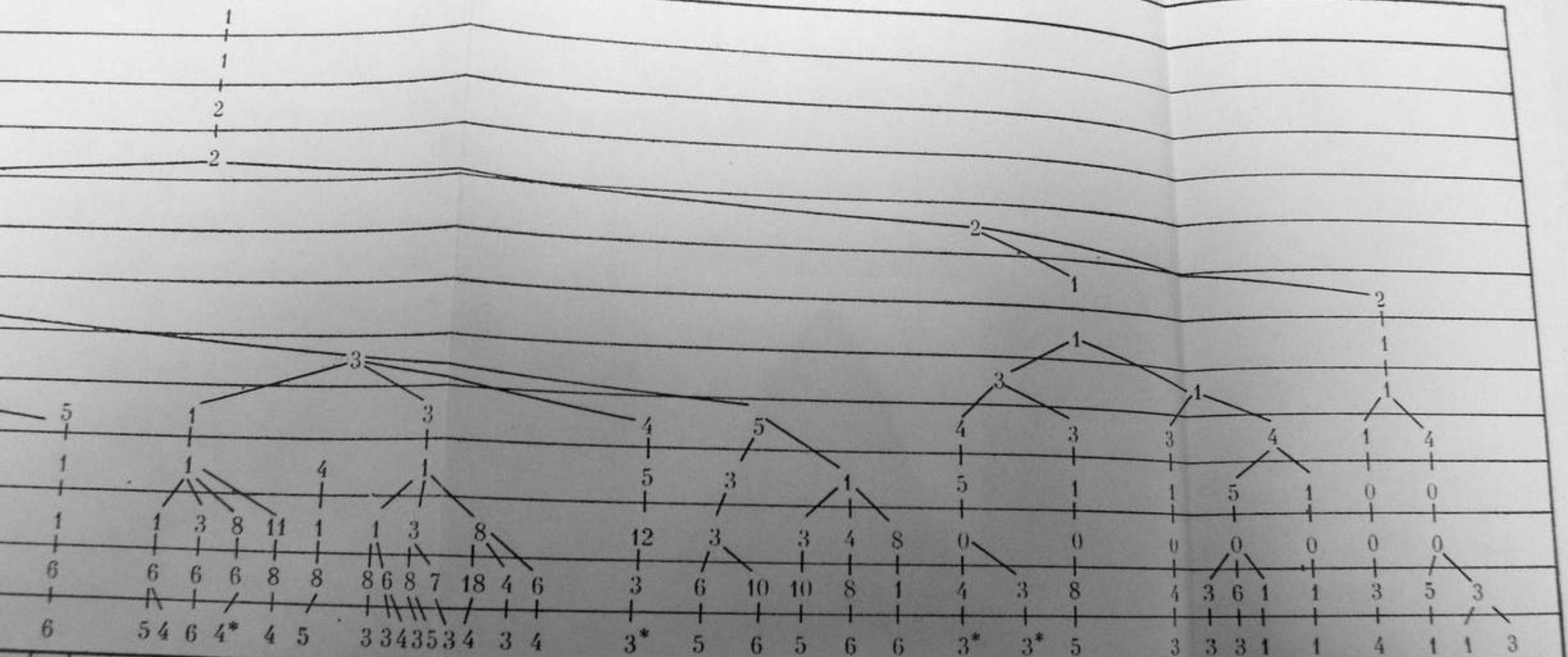
№ признака	Название признака	Условные обозначения реализаций признака
XI	Формы элемента внутри кольца серьги	1 — 7 — 3 — 8 — 4 — 9 — 5 — 10 — 6 — 11 — 12 —
XII	Количество подвесок на серьге	1 — одна подвеска 3 — две подвески 4 — три подвески и т. п.
XIII	Сложность состава подвесок	1 — подвеска состоит из одного элемента 3 — подвеска состоит из двух элементов 4 — подвеска состоит из трех элементов и т. п.

Имея в виду выяснение закономерностей распространения серег у таджиков, целесообразнее считать типами более мелкие подразделения — группы серег, выделяющиеся по признакам V—VIII, которые в данном случае и являются типовыделяющими. Кстати, выделенные типы кольцевых серег с подвесками по иерархическому уровню признаков соответствуют типам, выявленным в других видах таджикских серег, что немаловажно для создания общей систематики⁷.

На табл. 2 на уровне признаков V—VIII видны четыре большие группы изделий, которые можно считать типами таджикских кольцевых серег с подвесками. Тип первый (рис. 1, 1—4) — кольцевые серьги с подвесками, в нижней части кольца которых, внутри него, всегда помещается ажурный проволочный элемент разнообразных форм (о разновидности последних см. табл. 1, признак IX); так же разнообразны по форме петли подвесок, которые состоят из 4—7 деталей в любых сочетаниях; число подвесок нечетно, длина их значительна (1,5 диаметра кольца серьги), центральная подвеска всегда длиннее остальных. Тип второй (рис. 2, 1—8) — кольцевые серьги с подвесками, длина которых одинакова, число непостоянно (от 2 до 7), состав может быть простым и сложным; форма элемента внутри кольца серьги и форма петель разнообразны, но в сумме

Таблица 2

а ц н я п р н з в а к о в

”Γ”

„Д“

„e“

„Ж“

“3”

„a“

”6”

1

второй

третий

четвертый

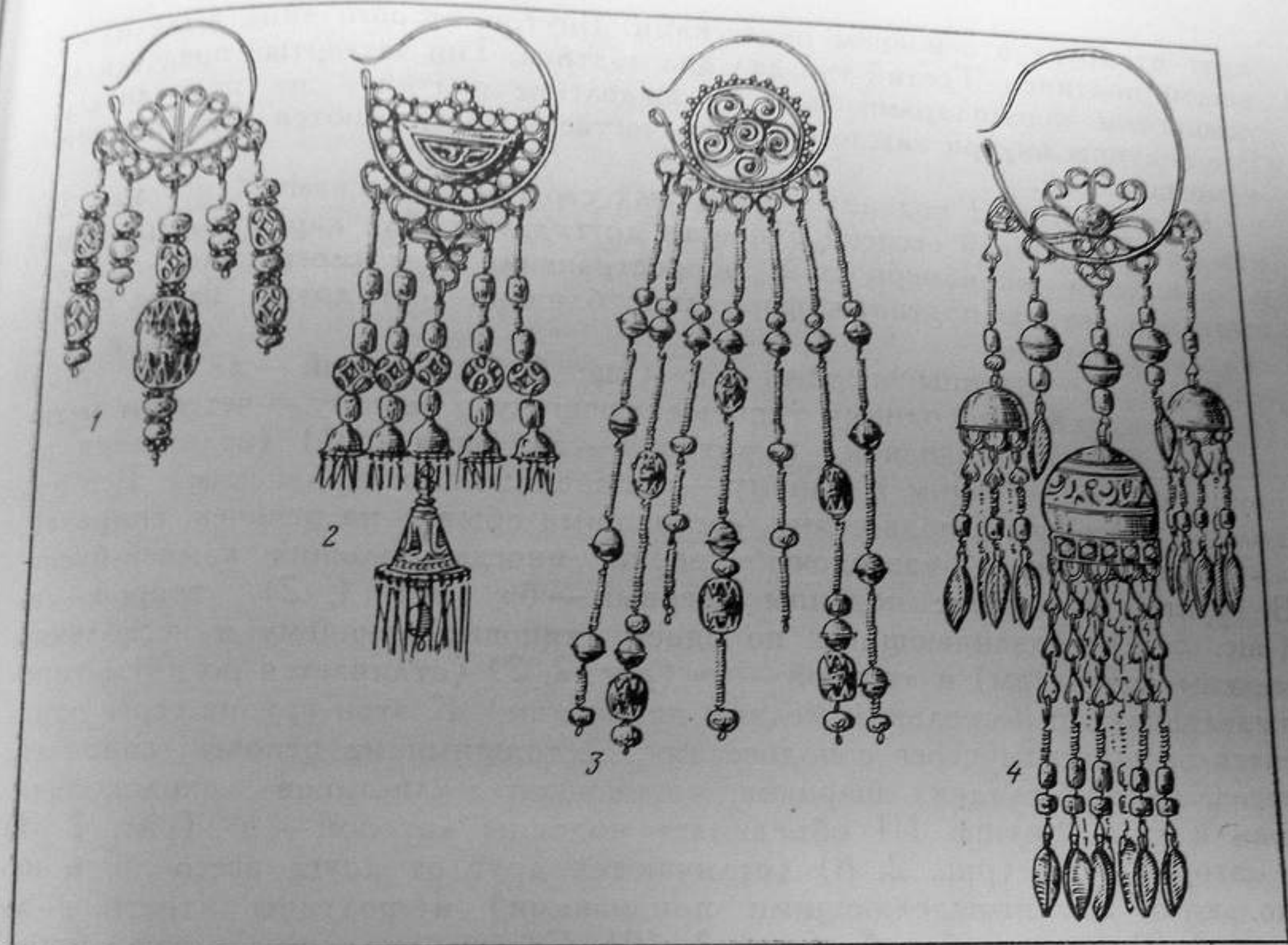

Рис. 1. Кольцевые серьги с подвесками (тип первый)

1 — подтип первый — а; 2 — подтип первый — б; 3 — подтип первый — в; 4 — подтип первый — г

отличаются от аналогичных деталей предыдущего типа. Тип третий (рис. 2, 9—10) — кольцевые серьги с петлями для подвесок, сделанными из той же проволоки, что и кольцо серьги. Элемент внутри кольца отсутствует. Подвески (одна—три) небольшие, состоят из бусин и отрезков спирали. Тип четвертый (рис. 2, 11) — кольцевые серьги с немногими подвесками одинаковой длины, состоящими из бусин, спиралей и цепочек. Элемент внутри кольца серьги и петли отсутствуют.

Картографирование типов таджикских серег (особенно не рассматриваемых здесь крючковых и кольцевых без подвесок) очень эффективно для выявления закономерностей их распространения⁸. Однако для кольцевых серег с подвесками выделение типов изделий оказывается недостаточным, поскольку локализация всех выделенных типов на территории Северного Таджикистана совпадает. Поэтому в настоящей классификации совершенно необходимо выделение более мелких подгрупп (характеризуемых признаками IX—XIII), представляющих собой подтипы.

На табл. 2 видно, как, начиная с признака IX, первый тип кольцевых серег с подвесками разделяется на четыре подтипа, отличающихся

друг от друга в основном подвесками. Внутри второго типа выделилось восемь подтипов. Третий тип дал два подтипа. Тип четвертый представлен немногими экземплярами, поэтому выделение подтипов не проводилось. Все подтипы внутри каждого типа качественно различаются характеристиками подвесок.

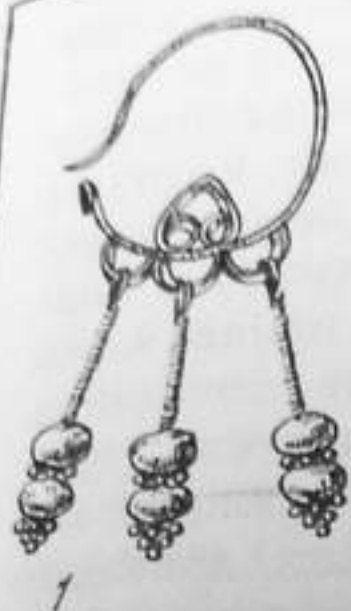
Выделенные 12 подтипов кольцевых серег с подвесками (см. табл. 2) находятся в разной степени близости друг другу. Для картографирования и выявления закономерностей распространения этих серег целесообразно выделить группы подтипов, формально близких друг другу. Таких групп оказалось четыре.

Группа I: подтипы «первый — а» (рис. 1, 1), «второй — д» (рис. 2, 5) (различающиеся по одному типовыделяющему и одному — четырем нетиповыделяющим признакам) и «второй — а» (рис. 2, 1) (отличается по двум типовыделяющим и одному — четырем мелким признакам). Все это кольцевые серьги с подвесками, состоящими обычно из цепочек, спиралей, ажурных шариков, «звездочек» зерни, иногда больших камней-бусин. В группу II входят: подтипы «первый — б» (рис. 1, 2), «второй — е» (рис. 2, 6) (различающиеся по одному типовыделяющему и нескольким мелким признакам) и «второй — б» (рис. 2, 2) (отличается по двум типовыделяющим и нескольким мелким признакам). К этой группе серег относятся экземпляры серег с подвесками, состоящими из цепочек, спиралей, металлических гладких шариков, «звончков», «листочков», «колокольчиков» и т. п. Группа III объединяет подтипы «второй — в» (рис. 2, 3) и «второй — ж» (рис. 2, 8) (отличаются друг от друга всего лишь несколькими нетиповыделяющими признаками) и подтипы «третий — а» (рис. 2, 9) и «третий — б» (рис. 2, 10). Серьги, входящие в эту группу, имеют подвески из одних бусин или бусин и отрезков спирали. Группа IV включает подтипы «первый — в» (рис. 1, 3), «первый — г» (рис. 1, 4), «второй — г» (рис. 2, 4), «второй — з» (рис. 2, 7). Подвески на серьгах группы IV состоят из нескольких элементов, но определенного, устойчивого набора их установить не удалось — видимо, эта группа смешанная.

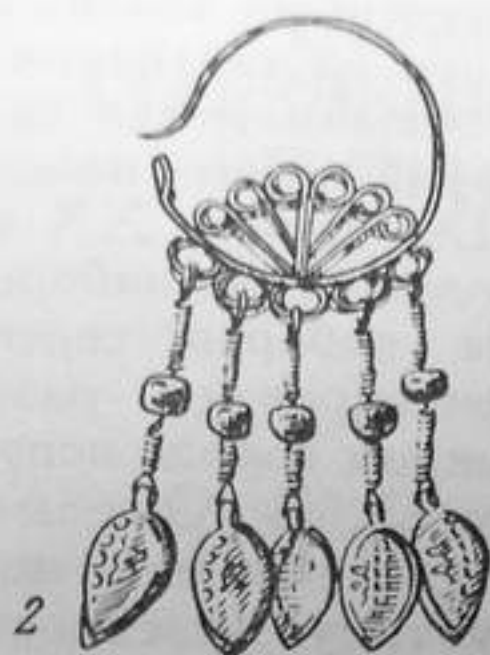
Выделенные формальным путем группы подтипов кольцевых серег с подвесками локализуются вполне определенно: изделия группы I были распространены главным образом в районе Бухары и Самарканда, группы II — в районе Ура-Тюбе, Ганчи, Шахристана, группы III — в долине Верхнего Зеравшана, группы IV — по всему Таджикистану.

Итак, проведенный анализ четко и ясно, вплоть до деталей, выявил основные закономерности распространения таджикских кольцевых серег с подвесками. Оказалось, что в разных городах и сельских местностях Северного Таджикистана и прилегающих районов Узбекистана бытовали фактически одни и те же типы кольцевых серег с подвесками (и это устойчивое единство отличает указанный регион от других районов Средней

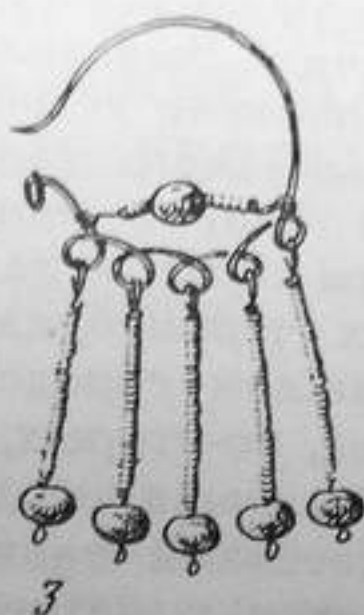
Рис. 2. Кольцевые серьги с подвесками (тип второй, третий и четвертый) —
1 — подтип второй — а; 2 — подтип второй — б; 3 — подтип второй — в; 4 — подтип второй — г; 5 — подтип второй — д; 6 — подтип второй — е; 7 — подтип второй — з; 8 — подтип второй — ж; 9 — подтип третий — а; 10 — подтип третий — б; 11 — подтип четвертый

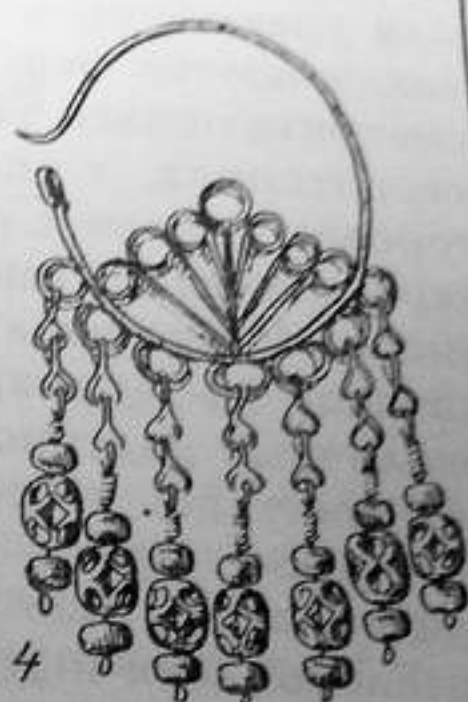
1

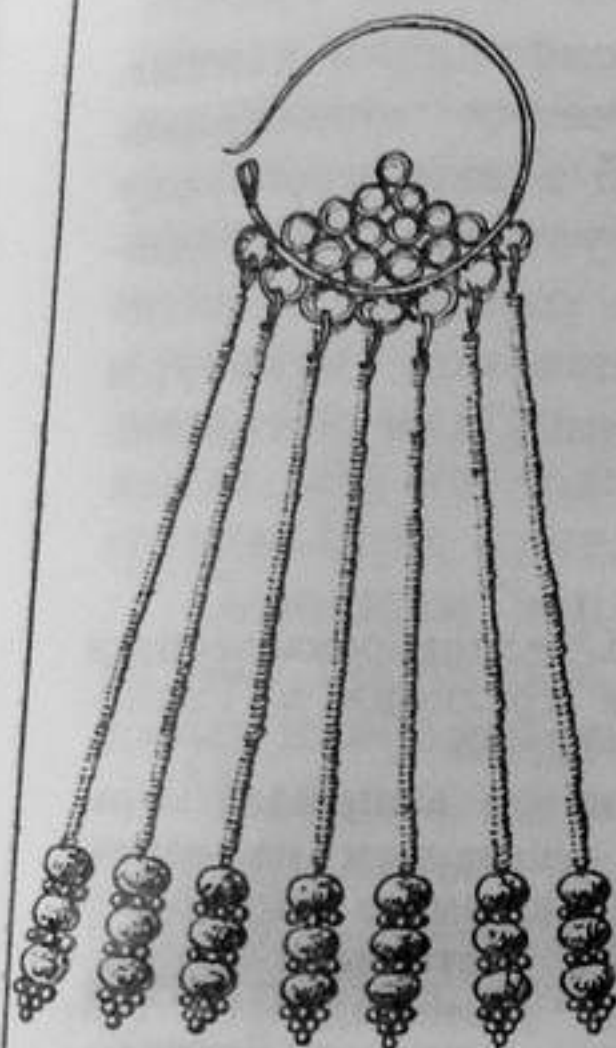
2

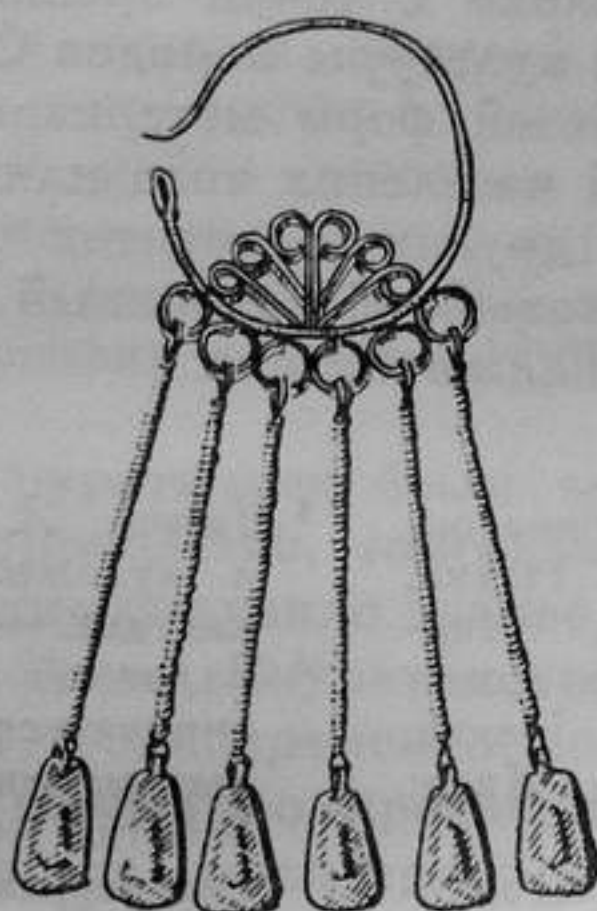
3

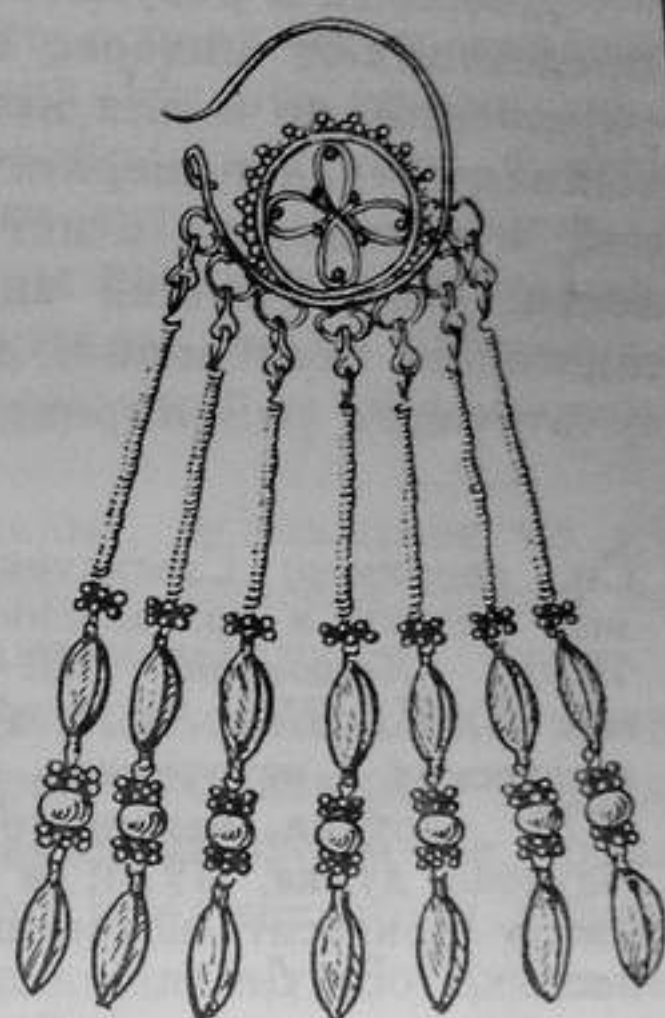
4

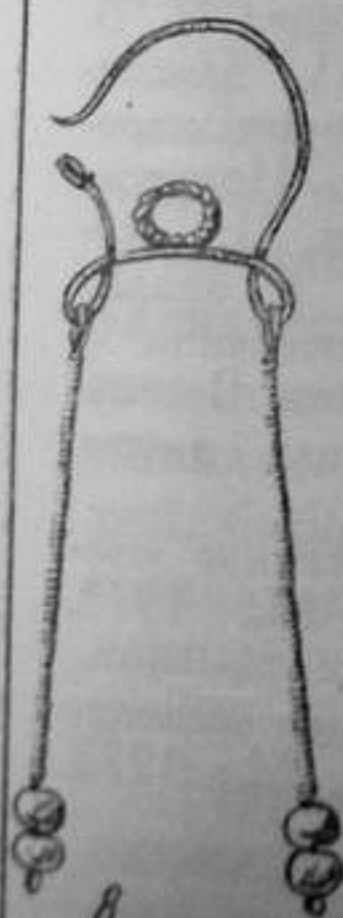
5

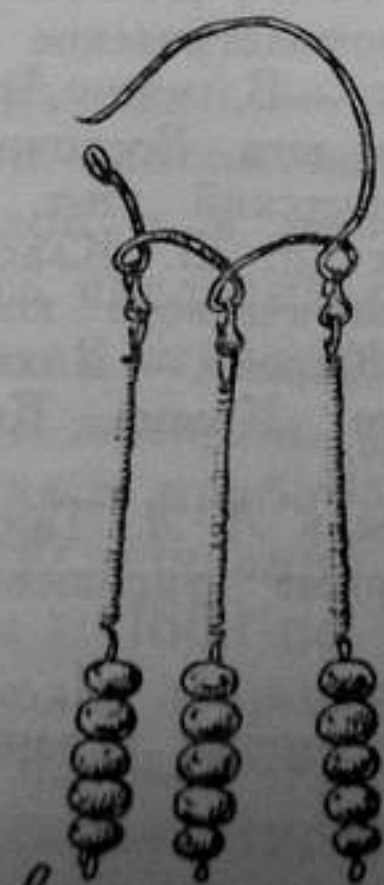
6

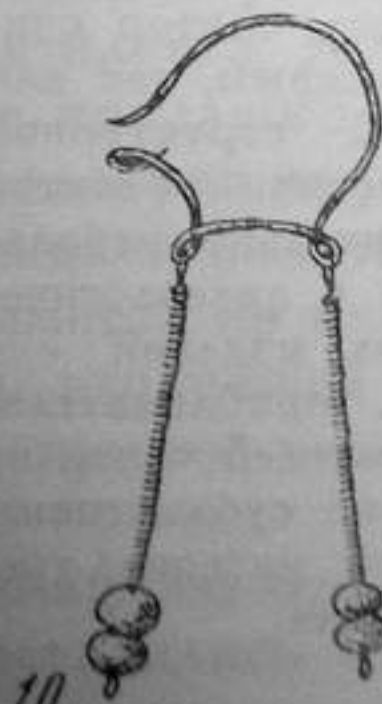
7

8

9

10

11

Азии). Однако широко известно, что серьги самаркандцев, ходжентцев или уратюбинцев все же различались. Проведенный анализ показал, в чем заключаются эти различия. Выяснилось, что определенные подтипы рассматривавшихся серег довольно устойчиво локализуются на определенных территориях, т. е. для оседлого таджико-узбекского населения крупных городов центра Средней Азии в конце XIX—начале XX в. были характерны не единичные типы серег, а целые устойчивые наборы типов и подтипов. Специфика таких территориальных наборов серег проявлялась двояко: во-первых, в каждом городе зафиксированы разные сочетания различных подтипов серег, во-вторых, в каждом городе популярность серег разных типов и подтипов была неодинаковой. В Южном Таджикистане кольцевые серьги с подвесками также зафиксированы, но они довольно однообразны (все относятся к четвертому типу), распространены незначительно, хотя и довольно равномерно.

Добытые в результате проведенной формальной классификации данные представляют интерес не только с точки зрения изучения ювелирных украшений, но и для истории культуры народов Средней Азии, поскольку выявляют закономерность связей форм материальной культуры (украшений, в частности) с историей населения того или иного района или мест-таджиков, безусловно, даст новый обоснованный материал для историко-культурного районирования Таджикистана.

- ¹ См. например: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970; Каменский И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М.: Наука, 1975; Орудия каменного века. Киев: Наукова думка, 1978; и др.
- ² Автор приносит искреннюю благодарность Д. В. Деопику за многочисленные консультации и щедрую помощь в работе над настоящей статьей.
- ³ Что можно считать массовым материалом в этнографии? Например, 50 почти одинаковых домов или 70 серег — много это или мало? Можно приводить аргументы и «за» и «против». Автор считает такой материал массовым, так как при довольно большой структурной сложности этнографических объектов разбивка всего (сравнительно небольшого при сопоставлении с археологическими сериями) массива изделий «на глазок» весьма трудна, приблизительно на и у разных исследователей часто не совпадает, т. е. чрезмерно субъективна. Следовательно, подобный материал требует иных способов анализа.
- ⁴ Чвырь Л. А. Ювелиры-ремесленники и художественная традиция в Таджикистане. — СЭ, 1972, № 1.
- ⁵ В данной статье автор вынужден ограничиваться лишь указанием на основные моменты предлагаемого способа обработки массового материала и рассмотрением одной разновидности таджикских серег.
- ⁶ Подробнее о принципах и истории этого метода см.: Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П., Деопик Д. В., Леонова Н. Б. Морфологическое описание пластинок. — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Иркутский ун-т, 1974, вып. 1; Деопик Д. В. Классификация и анализ керамического комплекса поселения у с. Кирова. — В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наукова думка, 1970.
- ⁷ Чвырь Л. А. Таджикские женские ювелирные украшения: Дис. М., 1972.
- ⁸ Чвырь Л. А. Таджикские женские ювелирные украшения: Дис. М., 1972.

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ОДЕЖДЫ ТАДЖИКОВ НУРАТА. СТАРИННЫЕ ЖЕНСКИЕ ПЛАТЬЯ И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ¹

А. К. Писарчик

Нурата — крупное таджикское селение, расположенное у северных отрогов Нуратинских гор, на южной окраине пустыни Кызылкум. Это бывший центр Нуратинского бекства Бухарского ханства и один из древнейших очагов таджикской культуры. Таджики Нуратинского хребта по образу жизни и антропологическому типу сходны с горными таджиками верховьев Зеравшана, и это позволяет думать, что основу их составляет исконно таджикское население. У жителей селения Нурата таджикские традиции сохраняются очень прочно². Хотя окрестные кишлаки и весь прилегающий пустынный район заселены представителями различных тюркских народов (узбеками, казахами), нуратинцы считают себя таджиками. Во многих семьях еще в начале XX в. совсем не знали узбекского языка. До последнего времени таджики Нурата делились на родственные группы (туп, уруг, эл).

Основным занятием нуратинцев были земледелие, основанное на кяризом орошении, животноводство, торговля, а также ремесла, среди которых наибольшее развитие получило тканье бумажной алачи.

Материал по истории одежды нуратинских таджиков собирался в очень благоприятных условиях — одновременно со сбором коллекции одежды в 1939 и 1940 гг. Это позволило проследить развитие форм не только в тот период, к которому относился приобретаемый предмет, но и в более ранний и более поздний. Были подобраны целые комплекты одежды новобрачных для начала 90-х годов XIX в. и для 1915 г. (последний относился к тому периоду, когда в одежде уже появились многие новые черты³).

Для выявления вещей, которые должны входить в подбираемые комплекты, составлялся список вещей из приданого тех, кто выходил замуж в начале 90-х годов и в первые десятилетия XX в. При этом иногда удавалось получить сведения о составе приданого или отдельных входивших в него предметах, относящихся к более раннему времени. Мне посчастливилось встретить женщин, сохранивших в памяти рассказы своих матерей, бабок, а иногда и прабабок о предметах из их приданого. Всего было составлено около 30 описаний одежды, входившей в приданые, приготовленные к свадьбам с 1860 по 1927 г.⁴, причем нередко сообщались и сведения об одежде более старой.

Нуратинская одежда — это провинциальный вариант бухарской одежды: главные связи Нурата осуществлялись с Бухарой, и моды сюда шли главным образом из столицы эмирата через соседнее Кермене — резиденцию наследника бухарского престола. Несомненно, имелись и дру-

гие источники заимствований, в частности от обитателей прилегающей к Нурата степи.

Рассказы о старинной женской одежде позволили выявить бытование в Нурата в старину интересных платьев, называемых *куртаи мармар* или *куртаи пешмармар*. Две женщины сумели по семейным преданиям достаточно подробно охарактеризовать такие платья, так как их носили их бабушки, родившиеся одна в 1815, а вторая — в 1836 г. Это были платья, сшитые из обычной белой тонкой платяной ткани кустарного изделия (*хоса, сия*), в которых перед — от плеч до талии — был сделан из легкой прозрачной ткани (*кисей*) — *биёр* или *ахобониги*. Для того чтобы прикрыть грудь, надевали две чашечки, называемые *синапушак* (букв. «покрышки на грудь»), «похожие на детские тубетейки», которые удерживались четырьмя тесемочками. Эти чашечки были сплошь покрыты вышивкой, выполненной крестом. По одному сообщению, поверх таких платьев надевалась еще кофточка (*куртача*) из кисей *ахобониги*, доходившая до талии, с рукавами короче, чем у платьев. Первое сообщение о платьях пешмармар ввиду его необычности показалось не особенно достоверным, но вскоре оно получило подтверждение в рассказе другой женщины, полностью совпадающем с записями автора, позднее обнаружившего описание таких женских платьев в воспоминаниях Ф. Ефремова, побывавшего в Бухаре в 70-х годах XVIII в. Он пишет: «У рубашки перед вырезают почти до пояса, в то место вставляют самую редкую кисею; у груди привязывают маленькие мешочки, вышитые шелком»⁵. Объяснение чрезмерной откровенности такого костюма мы находим у известного кавказского исследователя А. К. Алекперова. Анализируя азербайджанскую женскую одежду с большим вырезом, открывающим грудь, он пишет, что при затворничестве женщин их одежда «принимает гаремный характер... становится нескромной, рассчитанной на чувственность мужчин»⁶. Отсюда следует, что такие рубахи не входили в повседневный народный костюм, их носили только женщины из семей знати. Нуратинские собеседницы отмечали, что платья пешмармар в Нурата носили не все, а преимущественно женщины из семей служилого сословия (*сипохо, сипо*). Конечно, Ф. Ефремов описал одежду знатных женщин, которых он мог видеть, приставленный стражем к женской половине эмирского дворца.

Имеются сообщения о ношении женщинами приспособлений для прикрывания груди (тоже называемых *синапушак* или *синабандак*), но уже иной формы. Так, бабушка и мать одной из самых старых нуратинок, вышедшие замуж первая около 1846 г., а вторая — около 1864 г., носили (осталось неясным — как) *синабандак* в виде полосы материи длиной около 38—40 см (*ду билиск*) и шириной около 35 см, украшенной вышивкой, выполненной швом *кандакдузи*. Рассказчица пояснила, что *синабандак* носили потому, что «стыдились» (*шармашон меомад*), очевидно, открытой груди. В другой семье женщина, родившаяся около 1860 г., рассказала о том, что в старину женщины носили платья из тонкой белой материи *хайдаршохи*, на которых спереди бывал нашит (*кук караги*) кусок шелка, который и назывался *синапушак*. Остается неизвестным, каков был при этом ворот платьев. Может быть, эти «нагрудники» можно сопоста-

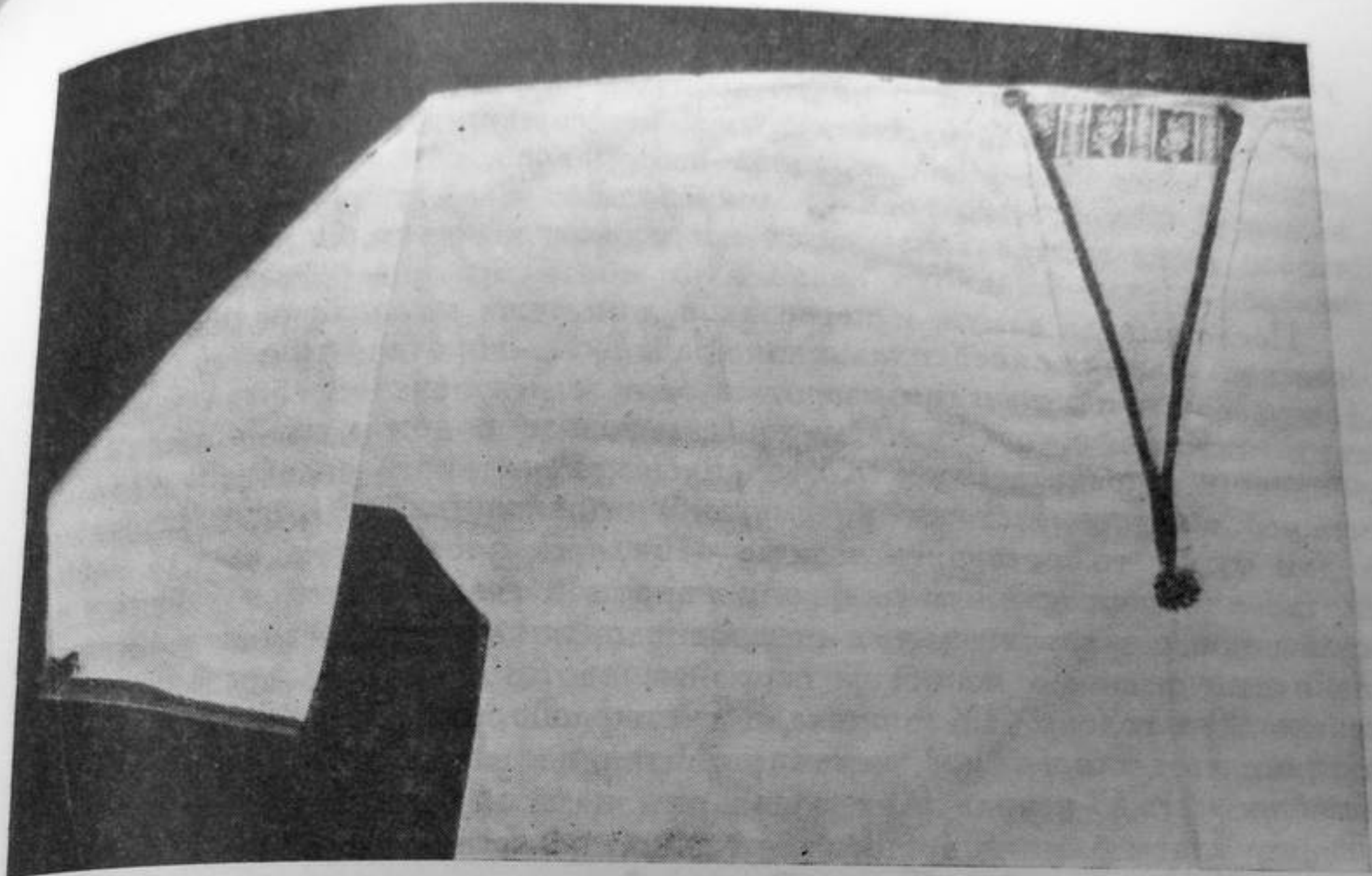

Рис. 1. Ворот женской рубахи пешьяла

вить с теми вышитыми нагрудниками *шоинак* или *пешак*, которые до последних десятилетий носили девушки в Дарвазе (горный Таджикистан), нашивая их на платья с горизонтальным разрезом ворота.

Традиционное платье туникообразного покроя (*курта*), бывшего в конце XIX — начале XX в. основной формой женской одежды не только у таджиков Нурата, но и у всех народов Средней Азии, претерпевало изменения в отношении формы ворота и рукавов, которые больше всего определяли общий стиль костюма.

Туникообразный покрой в Нурата характеризовался теми же чертами, что и в других местах. Нужно только отметить, что боковины и рукава слегка раскашивались, а квадратные ластовицы (*хиштак*, букв. «кирпичик») нередко делали из материи другого цвета, что, как считалось во многих местах, имело магическое значение и должно было обеспечить плодovitость. Однако, по другим сообщениям, в свадебном платье и в платьях, заготавливаемых для приданого (*джихизи*), ластовицы делались из того же материала (сообщено Момо Зохира, 1869 г. р.). Другая женщина — Онаджон (1866 г. р.) — припомнила слова своей бабушки, вышедшей замуж в 40-х годах XIX в., о том, что в белых платьях ластовица бывала из той же материи, а в цветных — из другой, это считалось магическим средством, обеспечивающим плодovitость (*эрим кара, хиштакаш джудо шавад гуфта, бача пур шавад гуфта*. — «Верили, что надо делать выделяющуюся ластовицу, чтобы было полно детей»).

Как и всюду, в Нурата девичьи платья имели горизонтальный разрез ворота (*кифтаки*, от *китф* — «плечо», или *уйма ёка* — узб. «вырезной ворот») с легкой выемкой под горлом — менее глубокой, чем выемка в горизонтальном вороте мужских рубах. От горизонтального разреза справа отходил вниз небольшой вертикальный разрез, скрепляемый у плеча завязочкой. Такой же разрез имелся сзади слева — это делалось для того, чтобы, когда платье запачкается спереди, его можно было носить задом наперед.

После выхода замуж и переезда в дом мужа молодая начинала носить женское платье с вертикальным разрезом ворота (*пешьяла*). Замена девичьего платья женским именно в этот момент связана была у нуратинских таджичек с совершением после переезда в дом мужа обряда *лачак-бандон* (повязывание лачака. Лачак составлял часть головного убора замужней женщины). Если почему-нибудь женщина не сразу переезжала в дом мужа, то, оставаясь в доме отца, она продолжала носить девичье платье с горизонтальным разрезом ворота, а если рождался ребенок, кормила его через вертикальные отверстия против груди или под мышками. На платье *пешьяла* по обеим сторонам вертикального разреза ворота до начала 90-х годов XIX в. делали густые сборки (*чин*, в местном произношении *чим* или *бурма*), и такие платья назывались *чимдор* или *бурманок* (рис. 1). С начала 90-х годов они начали выходить из моды, оставаясь в употреблении преимущественно как обрядовые — свадебные или траурные. Последний известный случай изготовления траурного платья с таким воротом относится к концу первого десятилетия XX в.

За годы, освещенные материалами исследования, т. е. с середины XIX в. до 1917 г., менялась отделка ворота. Самые старые платья обшиты по краю разреза ворота кантом (*лаблуба*) из материи другого цвета или узкой черной тесьмой, сплетенной из шерсти. Такой тесьмой в отдельных семьях на окраине селения еще в 1938—1940 гг. пожилые женщины обшивали низ шаровар.

Во второй половине XIX в. ворот стали обшивать черной, сплетенной на пальцах из шерсти тесьмой. Концы ее сшивали вместе, они шли иногда широкой двойной полосой почти до низа платья. Черная тесьма сменилась плетеной разноцветной, а с начала последней четверти XIX в. — тесьмой, вышитой крестом, которая вначале была привозной, а затем местные мастерицы научились вышивать ее сами. В начале XX в. вышитая крестом тесьма сменилась более узкой и короткой, вышитой тамбурным швом (*юрма*), выполненным крючком.

С начала 90-х годов входят в моду платья с пришитым воротником того же типа, что и воротник на мужском халате, — из двух клиньев. Такой воротник назывался *ёка* (узб.), а платья, имеющие такой ворот, — *ёканок*. С конца 90-х годов появились платья со стоячим воротником (*казоки*) нескольких видов, сменявших друг друга: вначале воротник был прямым стоячим без отделки (*казокии тугри*), потом его край и края разреза ворота стали отделять вшитой между двумя слоями материи каемкой из зубцов (*дандона*), затем — полукруглыми фестонами (*кунгра*), далее — плиссированной из мелких складочек сборкой (*парпар* или *парпари тугри*) и, наконец, оборочкой из бантовых складочек (*парпари чуш-*

пераяги — «рюшь, похожая на пельмени»). Во втором десятилетии XX в. первые два вида отделки стоячего воротника в Нурата считались «дехканскими», и горожанки их уже не употребляли.

Стоячий воротник делали обычно на белых платьях, которые при выходном костюме носили в качестве нижнего, надевая поверх второе, а иногда и несколько более богатых из ярких шелковых или адрасных тканей. Платья, надеваемые поверх белого, имели вертикальный разрез, иногда несколько вынутый, чтобы был виден нарядный плиссированный воротник нижнего белого платья.

В советское время, в 20-х годах, появились платья, которые нуратинские женщины называли платьями «татарского» покроя (*нугайбуриш*), но об этом покрое у автора сведений нет. В 30-х годах стали носить платья на отрезной кокетке (*кукракбурма*) с вырезанной проймой и выкройными рукавами; слегка изменяясь в соответствии с модой, они бытуют до последнего времени.

Значительные изменения претерпел рукав. В предреволюционные годы и в первые десятилетия советского периода рукава платьев туникообразного покроя были широкие, ровные по всей длине. Такие рукава были распространены во всем Северном Таджикистане и Узбекистане, за исключением Хорезма, и только в Припамирье и Дарвазе до последнего времени бытовали рукава, резко суживающиеся к концу. О существовании в старину таких рукавов сообщили также представители самого старшего поколения и в сопредельных южных районах Таджикистана (Каратегин, Куляб).

Из сказанного можно было бы сделать вывод, что ареал широких ровных рукавов — это северные районы Таджикистана и сопредельные районы Узбекистана, а ареал суживающихся — южные районы Таджикистана. Однако наши материалы показывают, что ровные, но широкие рукава платьев в Нурата отнюдь не были самой старой известной здесь формой: им предшествовали рукава скошенные, очень широкие у стана и узкие у кисти и очень длинные, образующие на руке обильные поперечные складки. В самых старых платьях, о которых удалось собрать сведения (первая четверть XIX в.), рукав, сложенный вдвое, внизу равнялся всего «четырем положенным рядом пальцам руки» (*чор лили*), т. е. около 8 см. Такие рукава, по-видимому, продержались долго. В приданом 1864 г. рукава платья были «к концу очень узкие, так что с трудом проходила рука». В последующие годы рукава книзу начали все больше расширяться: в приданных 1865—1889 гг. ширина рукава уже 14—15 см; в 1881—1890 гг. — 19—20; в 1890—1891 гг. — 24—25; в 1901 г. — 30; в 1915 г. — 38—40 см. С начала 90-х годов XIX в., когда концы рукавов достигли ширины 25 см, они кроились ровными по всей длине. О таких рукавах говорили: *остинои нобурид* — «нарезанные», *кайчи надигаги* — «не видевшие ножниц».

В предреволюционное время рукава стали очень широкими — 40 см, как и в Бухаре, откуда приходили моды в Нурата. В Бухаре в XIX в. рукава (в сшитом виде) достигали 45 см; но и там в старину они были менее широкими: по сообщению женщины, родившейся в Бухаре в 1888 г. и вышедшей замуж в возрасте 12—13 лет, т. е. в самом начале XX в.,

рукава платьев молодых женщин имели внизу ширину, «равную ширине точки алови», т. е. 27—31 см, у женщин средних лет они были «в четыре положенных рядом пальца», т. е. 8 см, а рукава платьев женщин старшего поколения — еще уже. Сообщившая эти сведения в силу своего очень пожилого возраста и в 40-е годы носила платья с немного скошенными к концам рукавами шириной 17—18 см. Таким образом, сообщения о форме рукавов бухарских платьев почти точно совпадают с записанным в Нурата. Это позволяет думать, что в старину форма рукава в Бухаре была такой же, как и в Нурата, т. е. что и там еще в середине XIX в. они были узкие у кисти.

Что касается восточных районов Средней Азии — Самарканда, Ферганы, Ташкента, то по этим районам автор не располагает сведениями о рукавах, бытовавших в середине или в начале второй половины XIX в. Для Ферганской долины имеется только свидетельство супругов Наливкиных, которые в начале 80-х годов XIX в. видели на женщинах платья с широкими и длинными рукавами, концы которых опускались ниже колен.

Если обратиться к параллелям у таджиков других районов, то мы находим их в горном Таджикистане, особенно в Припамирье — сокровищнице этнографических реликтов Средней Азии. До последних десятилетий там сохранялись и старинные формы одежды. Платья с рукавами шириной у кисти около 10—11 см в долине Хуф (Рушан) в 1929 и 1943 гг. бытовали довольно широко, а в 1964 г. их еще носили пожилые женщины в Вахане, Ишкашме и даже в Припанджском Шугнани и в селении Поршневе (неподалеку от Хорога), куда в годы Советской власти новые моды проникали раньше всего. В Дарвазе в 1956 г. такие платья с узкими на концах рукавами носили только в двух самых нижних кишлаках — Зыгар и Ёгид, но по данным, записанным С. П. Русяйкиной в 1947 г., в XIX в. они бытовали в Дарвазе и Каратегине.

Очень интересно сравнить этот покрой старинной одежды Нурата и горного Таджикистана с костюмом, изображенным на миниатюрах. Платья с рукавами, широкими у основания и узкими на конце, иногда плотно облегающими предплечье, иногда немного более свободными и длинными, собирающимися в густые поперечные складки над кистью, мы видим на приведенных в статье Г. А. Пугаченковой материалах Средней Азии и Ирана конца XV—середины XVI в. Можно думать, что в тот период они бытовали очень широко. К середине XVII в. относится мужская верхняя нераспашная одежда из Бухары, имеющая рукава, сильно сужающиеся к концам⁷. В ценнейшем источнике второй половины XVIII в. — записках Ф. Ефремова о форме рукавов ничего не сказано. Приведенные выше этнографические сведения (из которых наиболее ранние относятся к концу XVIII—началу XIX в.), дополненные историческими источниками, позволяют предполагать, что традиция длинных, резко скошенных, суживающихся к концу рукавов, которые собирались в поперечные сборки над кистью, продолжалась с XVI до конца XVIII в. как в Бухаре, так и в некоторых других районах Средней Азии.

Все приведенные материалы позволяют уверенно восстановить картину постепенного, но быстрого развития и трансформации рукава в Нурата

и Бухаре с середины 60-х годов XIX в. до второго десятилетия XX в. За эти 50 лет рукав из резко скошенного, широкого у основания и облегающего руку у кисти превратился в ровный и очень широкий по всей длине. Этногеографические материалы позволяют далее проследить путь распространения широкого рукава в горные юго-восточные районы (Куляб, Каратегин, Дарваз), где он появился только после Великой Отечественной войны, в 50-х годах текущего столетия.

Интересны материалы, собранные в Нурата по истории женского головного убора. Его старинной, обязательной для всех женщин формой была чалма. В годы, когда собирался материал, чалмообразный убор уже исчез из обычного костюма и сохранялся только в обрядовом, свадебном.

Чалмообразный убор нуратинских женщин состоял из трех частей: чалмы (*салла*) из длинного куска ткани, шапочки (*кулутапушак*), надеваемой под чалму, и куска ткани (*лачак*), свешивающегося под подбородком и прикрывающего шею и грудь, которая при ношении платьев с вертикальным воротом оказывалась обнаженной.

Кулутапушак в начале XX в. состоял из круглой макушки диаметром 10—12 см и пришиваемого к ней без сбор околыша. Сзади находился накосник, в виде мешочка с открытым дном, через который пропускались косы. Изучение шапочек разного времени показало, что в Нурата накосник в старину был гораздо короче. Со временем он удлинился, постепенно уменьшилась макушка и в верхней части околыша появились густые сборы. Шапочка, сшитая к свадьбе 1860 г., макушки не имела вовсе, верхний овал полосы околыша был туго собран на нитку, образуя густые сборы. Такую же форму имели в старину шапочки у узбечек Кашкадарьи и Ташкента, а также головной убор южных киргизок, у которых на висках находились вышитые наушники или нащечники, а накосник лежал поверх кос вышитой полосой.

Поверх шапочки повязывался лачак — прямоугольный кусок ткани, который подводился одной стороной под подбородок, концы его поднимались вверх, оставляя открытыми уши, и завязывались на темени. Полотнище лачака скручивалось с углов так, что он представлял собой широкий под подбородком и суживающийся книзу клин, прикрывающий разрез платья.

Поверх шапочки наматывалась чалма из белой кисеи, в старину — кустарной, позднее — фабричной. Ее длина была 5—6 м — во всю ширину точи. Носили также чалмы из ткани с козьим пухом, называемые *удана*, кустарной выработки с каймой по одному концу. Чалму повязывали очень разнообразно.

Особо выделялась чалма, которую повязывали невесте в день свадьбы: способ ее повязывания во всех сообщениях описывался одинаково и был очень прост. Возможно, в головном уборе новобрачной сохранилась наиболее старая, традиционная форма женской чалмы. Некоторые считали, что свадебную чалму повязывали «по-казахски» (*казоқыдай карда мебастанд*), но поизыщнее (*нозуктар*) — более туго, и поэтому она выглядела

меньше, чем у казашек. (К сожалению, у меня нет сведений о том, как повязывали чалму казашки из прилегающих к Нурата степных районов.)

Под свадебную чалму не надевали ни шапочки, ни лачака. Вместо последнего один конец ткани чалмы подводили под подбородок и завязывали на темени (сарба як докая печонданд як нугаша лачак карда. «На голову ей навертывали кусок кисеи, один конец ее используя как лачак»). Чалма наматывалась на голову в направлении часовой стрелки (если смотреть в лицо невесте) довольно свободными горизонтальными пасмами, конец доводился до затылка, пропускаясь под уже намотанными пасмами и свисал по спине. Повязывание впервые чалмы при совершении обряда лачакбандон называлось *касаба мондан* — возлагание касабы (в Нурата этот термин означал старинное ювелирное украшение новобрачной). Некоторые женщины считали, что без этого украшения обряд не мог быть совершен. Если своего украшения не было, его брали взаймы. Другие об этом украшении не слышали, но к наматыванию чалмы во время лачакбандона тоже прилагали выражение *касаба мондан*.

На утро после свадьбы, когда новобрачную готовили к показу гостям — обряду *рубинон*, чалму повязывали достаточно сложным способом. Под чалму на этот раз надевали шапочку и лачак из отдельного куска ткани. Способов наматывания праздничной парадной чалмы было несколько. Иногда она наматывалась немного набекрень, а поверх нее с другой стороны, тоже набекрень, повязывался шелковый платок — *пешонабандак*. Этот способ повязывания чалмы бытовал в начале 80-х годов XIX в. В других случаях наматывали горизонтально одну-две пасмы, поверх повязывали сложенный узкой полоской небольшой шелковый платок (*пешонабандак*), затем в два ряда, плотно один над другим — чалму, скрученную в тугий жгут. Конец чалмы спускали на спину. О таком способе повязывания чалмы говорили: «Салла васаджуфт карда бастаги» (чалма повязана по способу васаджуфт). Как известно, так называют открытый балочный потолок, в котором небольшие горбыльки (*васа*), перекрывающие промежутки между открытыми балками потолка, уложены плотно один около другого, образуя сплошную гофрированную поверхность. Этот способ повязывания чалмы был зарегистрирован дважды — для 1890 и 1894 гг.

Многие нуратинки носили чалмы, при повязывании которых туго свернутый жгут поднимался почти на темя. Такой способ назывался *кучкорак* (рог барана-производителя), и чалма действительно напоминала сильно закрученный бараний рог. Способ повязывания был следующий. Обматывав голову два раза горизонтальными рядами, свивали жгут, выводили вперед низко под ухом, а затем поднимали вдоль виска наверх так высоко, что он проходил почти по темени, конец чалмы спускался на спину (говорили: *саллая печак мекунем, мемонем кучкор бароварда*. — «мы свиваем чалму и укладываем ее, выводя рог кучкора»). В этом варианте «рог» получался в один виток чалмы. Во втором варианте свитый жгут подни-

Рис. 2. Способы повязывания женской чалмы

1 — обычный; 2 — с однорядным «бараньим рогом» (*кучкор*); 3, 4 — с двумя «ба-

мался на темя два раза, оба жгута лежали плотно один около другого. Наиболее интересной была чалма в виде двух рогов: жгуты укладывались на голове навстречу друг другу, сходясь на темени и образуя два рога. Во всех вариантах кучкорака поверх чалмы повязывался сложенный ко-сой полоской цветной шелковый платочек (пешонабандак). Варианты повязывания чалмы способом кучкорак в Нурата были очень распространены и зафиксированы автором в свадебном костюме, начиная с 1855 и кончая 1905 г. Старые женщины носили однорядный кучкорак еще в 40-е годы, хотя о двойном кучкораке я слышала один раз от женщины 1872 г. р. Повязывать таким способом чалму умели еще в 30-х годах, так что удалось сделать фотографию. Информаторы подчеркивали, что чалму кучкорак носили таджички.

Из всех форм головного убора нуратинок наибольший интерес представляет чалма невесты. Сообщения информаторов о том, что свадебная чалма повязывается «по-казахски», позволяют думать, что она может иметь общее происхождение или быть заимствованной от казахов, с которыми нуратинцы находились в длительном хозяйственном контакте.

Бытование женской чалмы у самаркандских и бухарских таджиков и ташкентских узбеков, а также наличие ее в головном уборе женского савана у припамирских таджиков (см. ниже статью Н. Бабаевой и Л. Бахтоваршоевой) значительно расширяет ареал чалмы и позволяет думать об общих среднеазиатских корнях этого головного убора⁸.

¹ Материалы по нуратинской одежде, легшие в основу статьи, были собраны автором во время стационарной работы в Нурата зимой 1938/39 г. и двух кратких командировок в 1940 г.

² См.: Кармышева Б. Х., Пещерева Е. М. Материалы этнографического обследования таджиков Нуратинского хребта. — СЭ, 1964, № 1; Андреев М. С. Из поездки в 1916 г. в Нуратинские горы и прилегающую к ним часть Кызыл-Кумов. — Восток, Январь, 1923, № 5 (1/5), с. 17—25 (стеклография).

³ Эта коллекция хранится в Музее культуры народов Узбекистана в Самарканде.

⁴ Реестры приданных хранятся в научном

архиве сектора этнографии Ин-та истории им. А. Дониша (Душанбе).

⁵ Ефремов Ф. Десятилетнее странствование. М.: Географгиз, 1960, с. 28.

⁶ Алекперов А. К. Женская одежда Азербайджана. — В кн.: Алекперов А. К. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку: Изд-во АН АзССР, 1960, с. 118.

⁷ Сухарева О. А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. — В кн.: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л.: Наука, 1970.

⁸ Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1954, I.

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ ЖЕНИХА У ГОРНЫХ ТАДЖИКОВ

З. А. Широкова

Издавна свадебные обряды имели цель обеспечить молодым счастливую семейную жизнь, достаток в семье, обильное потомство. В старину для этого применялись различные средства, в том числе и магические, ими был насыщен весь свадебный обряд. Не составляла исключения и одежда жениха и невесты. Поверья особенно сказывались на одежде невесты, но и свадебный костюм жениха отражал их, хотя и в меньшей мере. Одежда невесты таджиков горного Таджикистана была уже освещена в печати¹, поэтому здесь описывается костюм жениха² двух частей горного Таджикистана: южной, включающей Дарваз, Каратегин, Куляб и Гиссар, и северной — бассейн верховьев Зеравшана. В древности Южный Таджикистан входил в Бактрию — Тохаристан, Северный — в Согд.

В обрядах, сопровождавших первый цикл свадебных торжеств — сватовство и помолвку, жених и невеста непосредственного участия не принимали, поэтому костюм их был обычным, непарадным. Забота об одежде начиналась незадолго до свадьбы, когда устраивали обрядовое кроение и шитье приданого. Этот обряд (*парчабуррон*, *джомабуррон*) обставляли по возможности торжественно, приглашали близких родственников с обеих сторон и двух-трех старух, известных своей счастливой судьбой: вступивших в брак только один раз (*якникоха*), счастливо проживших со своим мужем и имевших много детей. Одной из них и поручалось кроение одежды для свадьбы — ее счастливая судьба должна была передаться и молодым. В кишлаках центральных районов Северного Таджикистана прежде всего кроили белое свадебное платье невесты, а вслед за тем из того же куска ткани — рубаху и штаны для жениха. В южных районах иногда начинали со свадебной занавески (*чимилик*) и только после этого кроили свадебное платье невесты. В районе Гарма (кишлак Навди), после того как платье невесты раскроены, перед матерью жениха клали отрез бекасаба, чтобы она сама скроила для сына жениховский халат.

Подготовка жениха к свадьбе у таджиков южных районов начиналась с обряда бритья головы (*сартарошон*), сопровождавшегося музыкой и танцами молодежи. Бритье доверяли почетному многодетному старику, долголетие и благополучие которого, по поверью, передадутся жениху. Раньше брили наголо, сейчас, если жених носит длинную прическу, волосы лишь слегка подравнивают. В платок, завязанный на шее жениха, чтобы в него падали волосы, или в снятую им тюбетейку позже, во время танцев, гости бросали деньги и мелкие подарки. Деньги шли цирюльнику и музыкантам. В Каратегине, кроме того, бросали также клочки ваты «для белизны», т. е. для благополучия, и клали яйца, чтобы брак не был бездетным.

Потом начинали одевать жениха, готовя его к поездке в дом невесты. В Дарвазе от семьи невесты присылали полный комплект одежды для жениха, состоящий из нескольких халатов, чалмы и т. д. Когда эти

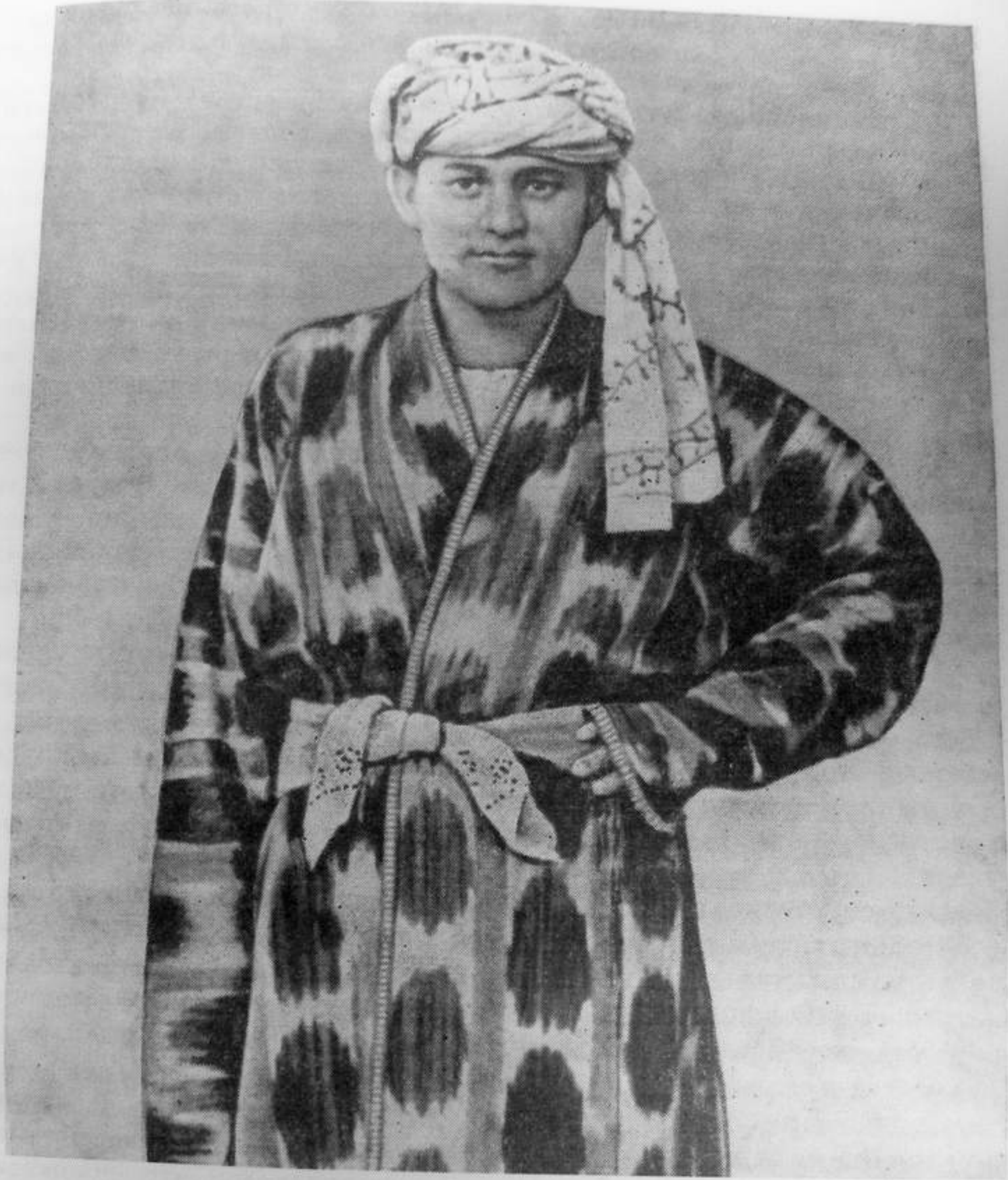
вещи подавали жениху, он накидывал один из принесенных халатов на плечи посланца в качестве дара.

Костюм жениха (рис. 1) состоял из новой белой или красной полосатой хлопчатобумажной рубашки туникообразного покроя с горизонтальным воротом, штанов национального покроя и халата (или чаще двух). В тот период, когда в костюме преобладали ткани ремесленного или домашнего производства, мечтой каждого молодого человека было получить к свадьбе привозную одежду из фабричных тканей или хотя бы покупной халат. Если на жениха надевали два халата, то нижний подпоясывали в старину длинным вышитым кушаком (*фута*), позднее стали употреблять квадратный поясной платок (*миёнбанд*). В богатых семьях жених получал вышитый пояс (*камарбанд*) в виде широкой полосы, застегивавшийся спереди на пряжку ювелирной работы. Из обуви наиболее распространенными были сапоги (*чорук*, *мукки*), под которые надевали вязаные шерстяные чулки или шерстяные портянки. Более нарядной обувью считались ичиги с кожаными калошами (*кафшу махси*) или кожаные высокие сапоги на твердой подошве (*муза*). На голову жениху надевали вышитую тюбетейку с чалмой, часто красной или желтой, с вышитыми концами. Как и положено молодым людям, выпущенный конец чалмы (*фаш*) оставляли не очень длинным — до плеча. Чалму жених повязывает иногда и в наше время, наворачтывая поясной платок. Иногда его накидывают на тюбетейку распущенным, чтобы он немного прикрывал лицо.

В руки жениху давали (а иногда дают и сейчас) вышитый платочек квадратной или прямоугольной формы. Если платок квадратный, вышиты все четыре стороны его, если прямоугольный — только противоположные. Иногда давали прямоугольные платочки в обе руки, причем часто один платочек красный, другой — белый. Такие же платочки иногда привязывали и к ушам лошади, на которой должны везти невесту в дом жениха. Сейчас во время свадебной церемонии платочками иногда украшают кабину автомобиля. Костюм жениха дополнялся вышитыми мешочками для чая (*чойхалта*), которые подтыкались ему за пояс.

В северных районах одежда жениха по своему составу была почти идентична с описанной, но обряды, сопровождавшие его одевание, были другие. Прежде всего здесь не было обряда сартарошон. Вместо этого в городах накануне свадьбы жених торжественно посещал баню (*хаммом-барон*), куда он отправлялся со своими товарищами, мылся и брился там по всем необходимым для мусульманина правилам. В кишлаках жених обычно мылся дома.

Во второй половине дня в доме жениха собирались его друзья. Устраивались угощение, песни, пляски. Когда темнело, жениха переодевали в другую одежду, в чем обязательно принимал участие многодетный состоятельный старик, и все отправлялись в дом невесты. Жених шел или ехал, уткнув нос в вышитый платочек, который он держал в руке так, чтобы видна была вышивка, иногда же просто прикрывался рукавом халата или выпущенным концом чалмы. Он прятался в толпе своих приятелей, чтобы его не видели посторонние. В доме невесты жених и его товарищи рассаживались в отдельном, специально приготовленном помещении. В Пенджикенте, по материалам Н. А. Кислякова, переодевание жениха происходило

Р и с. 1. Старинный костюм жениха

в доме невесты: когда он туда приезжал, ему выносили от родителей невесты узел с костюмом и кто-нибудь из родственников жениха надевал на него новую одежду, а себе брал старую. Этнограф М. Хамиджанова, хорошо знающая пенджикентские обычаи, добавила следующие подробности: жених приезжал в дом невесты в одежде, приготовленной его родителями. Перед обрядом бракосочетания (*никох*) он переодевался: дружки снимали с него халат и забирали его себе, а жениху на плечи накидывали халат, приготовленный родственниками невесты. В Шурмашке жених перед отправлением в дом невесты одевался у себя дома в одежду, при-

сланную от семьи невесты. Обычай обязательного переодевания жениха, как правильно отметила Н. П. Лобачева, символизировал переход его в другую возрастную группу.

Традиционный свадебный костюм жениха состоял из рубашки и шаровар национального покроя; рубашка — обязательно белого цвета — была либо со стоячим воротником, либо с вертикальным или горизонтальным воротом — в зависимости от того, что бытовало в данное время; по окончании обряда поверх белой рубашки иногда надевали еще одну — цветную, в зажиточных семьях — шелковую. Верхней одеждой жениха в северных районах служили два халата на тонкой стежке. В Пенджикенте иногда вместо нижнего халата надевали камзол, вошедший в употребление в начале XX в. Камзол или нижний халат подпоясывали так же, как в южных районах. За пояс тоже затыкали вышитые платочки и мешочки для чая.

В тех районах горного Таджикистана, которые входили в состав Русского Туркестана, были распространены фабричные ткани. Здесь иногда для свадьбы приобретался халат городской работы. На голове жениха была тюбетейка (в отличие от юга не круглая, а конусообразная), обычно тоже привозная. Поверх тюбетейки во время свадьбы повязывали чалму, иногда с вышитыми концами.

Из обуви здесь были распространены кустарные мягкие сапоги (чорук), в зажиточных семьях — ичиги с кожаными калошами или сапоги красного цвета на твердой подошве и высоком каблуке. В этот костюм жених был одет на протяжении всего свадебного обряда. Как и в других районах Таджикистана, во время обряда бракосочетания какая-нибудь близкая родственница жениха прошивала его халат на спине белыми нитками без узелка, «чтобы во всех делах ему способствовали успех, удача и счастье».

В прошлом полный комплект жениховской одежды имелся только в состоятельных семьях. Большинство семей не располагало достаточными средствами, чтобы сделать к свадьбе новый халат. Приходилось пользоваться общественным халатом. Такие халаты, а иногда, кроме того, сапоги и чалма имелись во многих крупных кишлаках, ими пользовались поочередно все нуждавшиеся.

Сейчас при общей тенденции к переходу на европейскую одежду и при изобилии в магазинах фабричных вещей, когда даже в самых отдаленных местах костюм приближается к городскому, это сказывается на костюме жениха. Однако как бы он ни был одет, считаются совершенно обязательными халат из полосатой полус шелковой ткани (бекасаб), вышитый поясной платок и тюбетейка. В последние годы, после того как в Таджикистане повсеместно распространились тюбетейки чустского фасона (токийи чусти), во время свадьбы на голове жениха тоже надета темная тюбетейка с белыми миндалеобразными узорами. Иногда в его костюме сохраняется и чалма, но ее повязывают только на момент бракосочетания и перевоза невесты; по возвращении в свой дом жених ее снимает.

Таким образом, костюм жениха до самого последнего времени, когда стала широко распространяться европейская одежда, сохранял традиционные формы. Не отличаясь принципиально от обычного мужского костюма,

одежда жениха представляла собой его наиболее полный и по возможности богатый комплекс, что соответствовало торжественности момента и могло рассматриваться как предзнаменование семейного благополучия.

¹ Широкова З. А., Ершов Н. Н. Альбом одежды таджиков. Душанбе, 1960, табл. 9, 25, 35, 37; Широкова З. А. Одежда — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе: Дониш, 1970, вып. 2. Она же. Одежда. — В кн.: Материальная культура таджиков Верх-

него Зеравшана. Душанбе: Дониш, 1973; Она же. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1976, с. 128—139.

² Костюм жениха отражен в двух таблицах указанного альбома (табл 6, 38).

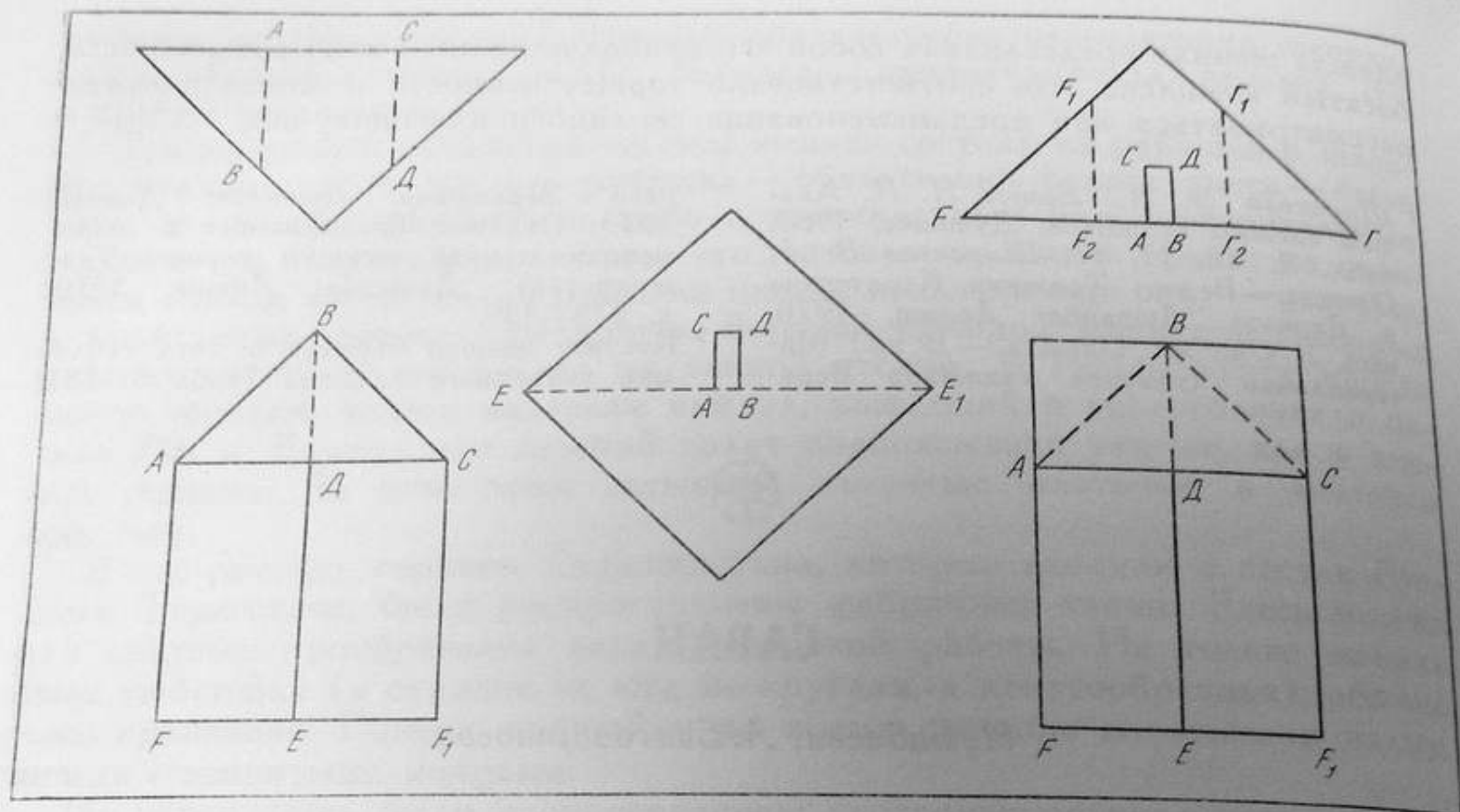
САВАН

Н. Бабаева, Л. Бахтоваршоева

Саван сохраняет архаические черты древней одежды. В Средней Азии он неодинаков не только у разных народов, но и у разных частей одного народа. Различия эти, несомненно, определены конкретной историей той или иной этнографической группы, истоками своеобразия ее культурных традиций. На данном этапе изучения объяснить эти различия и найти причину, обусловившую данную форму помертвой одежды, мы пока не в состоянии, и прежде всего потому, что не накоплено еще достаточного количества фактов для сопоставлений и выводов. В научной литературе этот вопрос до недавнего времени, можно сказать, почти не затрагивался¹. В данной статье приводятся сведения о составе похоронной одежды у двух групп, входящих в состав таджикской национальности: таджиков Кулябской обл. — одного из южных, горных районов республики — и таджиков двух районов Припамирья, сохраняющих наряду с остатками архаических черт быта свои древние языки, относящиеся к восточноиранской группе².

Кулябская обл. расположена на юго-востоке Таджикистана. Северная и восточная часть ее — горная — была территорией сплошной таджикской оседлости, южная — равнинная — заселялась (довольно редко) группами тюрко-монгольских и других племен и народностей, большей частью занимавшихся скотоводством и ведших полукочевой образ жизни. Со второй половины 40-х годов XX в. сюда начали переселяться таджики из горных районов. Сейчас они живут в Московском (б. Чубекском), Пархарском и Восейском районах юга Кулябской обл.³

В 70-х годах прошлого столетия из Афганистана, из селения Рог, сюда пришла группа таджиков, которая получила название «роги».⁴ Среди этих таджиков-переселенцев Бабаевой собран материал по похоронной обрядности, в частности по устройству савана⁵.

Р и с. 1. Варианты раскроев головных уборов для женского савана

Саван таджиков Кулябской обл. состоял из нескольких частей. Две из них были одинаковы в саване обоих полов. Сначала тело заворачивалось в полотнище ткани, которое, собственно, и называется саваном (кафан — арабское слово). В г. Кулябе и в кишлаках Йол, Анджиров, Сафедов употребляется термин того же происхождения — такфин, а в кишлаке Сари-Хасор — лифова (араб. «покрышка», «обертка»). Длина этого полотнища соответствовала росту умершего. Затем покойник заворачивался в большое полотнище ткани, называемое чодар (тадж. «покрывало»). Оно делалось такой ширины, чтобы полотнища находили одно на другое, когда в чодар завернут покойник. Длина полотнища была на 40 см больше тела, чтобы можно было, завернув покойника, перевязать концы чодара тесемочками.

Под этими двумя покрывалами находятся части савана, составляющие одежду. У мужчин и женщин на тело надевается рубаха (курта, куртаи охират, куртаи киёмат — «рубаха дня страшного суда»). Ее делают из куска ткани, сложенного по линии плеч вдвое, как на обычной рубахе туникообразного покроя, но рукавов, ластовиц и боковин нет, бока не сшиваются. Отверстие для головы имеет вид Т-образного разреза. Длина «рубахи» для мужчины ниже колен, одинаковая спереди и сзади, «рубаха» женского савана длиннее мужской. В Сари-Хасоре перед у нее несколько короче (его отмеряют в «четыре четверти» — чор ваджаб), спинка заканчивается выше ступней. В других селениях, наоборот, длиннее перед — он должен закрывать пальцы ног, тогда как спинка доходит только до икр (селение Сафедов) или до пяток.

В женский саван (не считая головного убора, о котором речь пойдет

ниже) входит также повязка на грудь. Особенно интересен головной убор умершего. Показательно, что для мужчин он необязателен: умершему голову не прикрывают; только если человек при жизни выразил желание быть похороненным в чалме, ему повязывают вокруг головы полосу ткани такой длины, чтобы охватывала голову дважды (ду печак).

Головной убор, входящий в женский саван, как показывают сравнительные материалы по Каратегину, Файзабаду, Нуреку и Ура-Тюбе, единой установившейся формы не имеет (рис. 1). В селениях Йол, Порвор, Дашти-Джум голова умершей обматывается квадратным куском ткани (примерно 1 м × 1 м), сложенным наискось, косынкой. В селениях Йол, Анджилов и Порвор захватывают платком и подбородок (фука мебан-дан — так носят платок и в обычной жизни⁶); в кишлаке Сафедов (у рог-цев) на голову накидывают сложенный наискось платок, в концы его заворачивают косы, спуская их за спину. В Дангаре волосы расплетают и, разделив на две части, также заворачивают в концы платка, один конец опуская за спину, а другой перекидывая на грудь⁷. В селении Сари-Хасор, где головной убор в составе женского савана называют лачик, лачак⁸, им служит квадратный кусок ткани того же размера. Его сначала раскладывают на полу (ромбом), на середину помещают голову покойницы, затем верхней половиной платка прикрывают ей лицо и делают длинный узкий разрез в виде буквы П, так что образуется клапан, который в спущенном состоянии доходит до конца носа, а когда приподнят, в его отверстие видны лоб и нос. В таком положении клапан находится в момент прощания с умершей ее родственников. Этот клапан называется теги ислом — «лезвие ислама». Волосы покойницы расплетают, делят на две части, заворачивают в концы платка и кладут по сторонам головы на грудь.

В Файзабаде и Нуреке покойнице надевают шапочку типа кулута⁹, от которой сзади отходит прямоугольный кусок ткани в виде несшитого накосника. Файзабадцы называют эту шапочку шавкалак (очевидно, от шаб-кулох — «ночная шапочка»). В Ура-Тюбе головной убор умершей имеет вид остроконечного капюшона, называемого лачак. Его делают из продолговатого куска ткани, два угла короткой стороны которой складывают навстречу друг другу и сшивают, так что образуется островерхий колпачок. Его надевают на голову, а оставшийся конец ткани, спускаемый за спину, разрезают по вертикали на две части и в каждую заворачивают одну из разделенных на две пряди волос покойницы, которые укладывают ей на грудь.

Во всех районах головной убор делают из той же ткани, что и саван; исключение составляют рогцы и таджики кишлака Йол, у которых для этой цели раньше употреблялась особая тонкая бумажная ткань ремесленного производства, называемая шаши¹⁰ (теперь марля).

Публикуемые в этой статье сведения об устройстве савана касаются только одной из частей Средней Азии и лишь части ее населения. Имеющиеся материалы по другим районам показывают, что при общности многих черт савана в его устройстве наблюдаются большие различия, связанные с различиями в культурных традициях, несомненно порожденных разным происхождением, раскрыть корни которых составляет одну из конечных задач изучения быта народов региона.

В Хуфе и Шугнани¹¹ в настоящее время саван делают из фабричной хлопчатобумажной ткани белого цвета (сон), в старину же он был из домотканой или привозной хлопчатобумажной ткани, но предпочтительным и даже «богоугодным» (савоб) считался саван из шерстяной ткани местной выработки (рагза).

Состав савана для каждого пола разный. Общим для них является простыня (чодар), которую, как и в Кулябе, делают такой длины, чтобы со стороны головы и ног оставалось еще 15—18 см. С двух противоположных сторон чодара по кромке проходит надрез до середины, который отделяет от ткани полосу шириной около 2 см. Этими тесемками перевязывают покойника, завернутого в чодар, по талии, а со стороны головы и ног завязывают концы полотнища, как у мешка, веревочками.

В состав савана для мужчин входит, кроме того, «рубаша» (калида), которая тоже изготавливается из куска белой ткани, сложенной вдвое. Перед делают длиннее, он доходит до колен, спинка же короче — только до талии. На месте сгиба делают вертикальный разрез для головы. Бедра обертывают куском материи (лунги). На голову покойника наворачивается небольшая в три оборота (се печ) белая чалма. Таким образом, входящая в мужской саван одежда отличается по составу и покрою от обычной, носимой при жизни. В отличие от этого саван для женщины полностью соответствует одежде, которую носят при жизни. На покойницу надевается новая, специально сшитая рубаша (курта) обычного туникообразного покроя. В старину, когда рубашки шили из узкой домотканой материи, рубаша для женского савана имела скошенные боковины (тирез), которые кроили так же, как и для женской рубашки вообще, т. е. сначала кусок материи для боковин сшивали в виде мешка, потом его складывали наискось по диагонали и разрезали по косой линии. Узкие стороны шли кверху, а широкие — к подолу¹². Рукава шили из поперечной ткани и, если материал был узкий, пришивали еще половину точи, чтобы рукав доходил до кисти руки. Книзу рукав сужался, и при его кроении употреблялся обычный прием — тот же, что и при раскрое боковин. В настоящее время, когда саван шьют из более широкой фабричной ткани, женская рубаша для савана боковин не имеет.

Штаны (танбон) для женского савана были обычного покроя. В старину их делали из 1,5 точи, а теперь — из одной точи фабричной ткани. Материал складывается вдвое, затем его кладут наискось — таким образом, чтобы получились две узкие и две широкие стороны, — и разрезают ножом или ножницами. Штаны сшивают как обычно. Для продергивания шнура в верхнем крае штанов делают несколько отверстий, в которые пропускают шнурок, теперь матерчатый (иногда просто используют бинт), а в старину шнурок был крученый из белых ниток. Таким образом, все сшиваемые части савана кроют с раскашиванием, как и обычную одежду, носимую в Шугнани (рис. 2). Это делает необходимым при раскраивании женского савана применение ножниц или ножа.

Грудь умершей покрывают узкой полосой ткани (20—25 см), называемой синабанд. Синабанд не завязывают, его концы сходятся на спине.

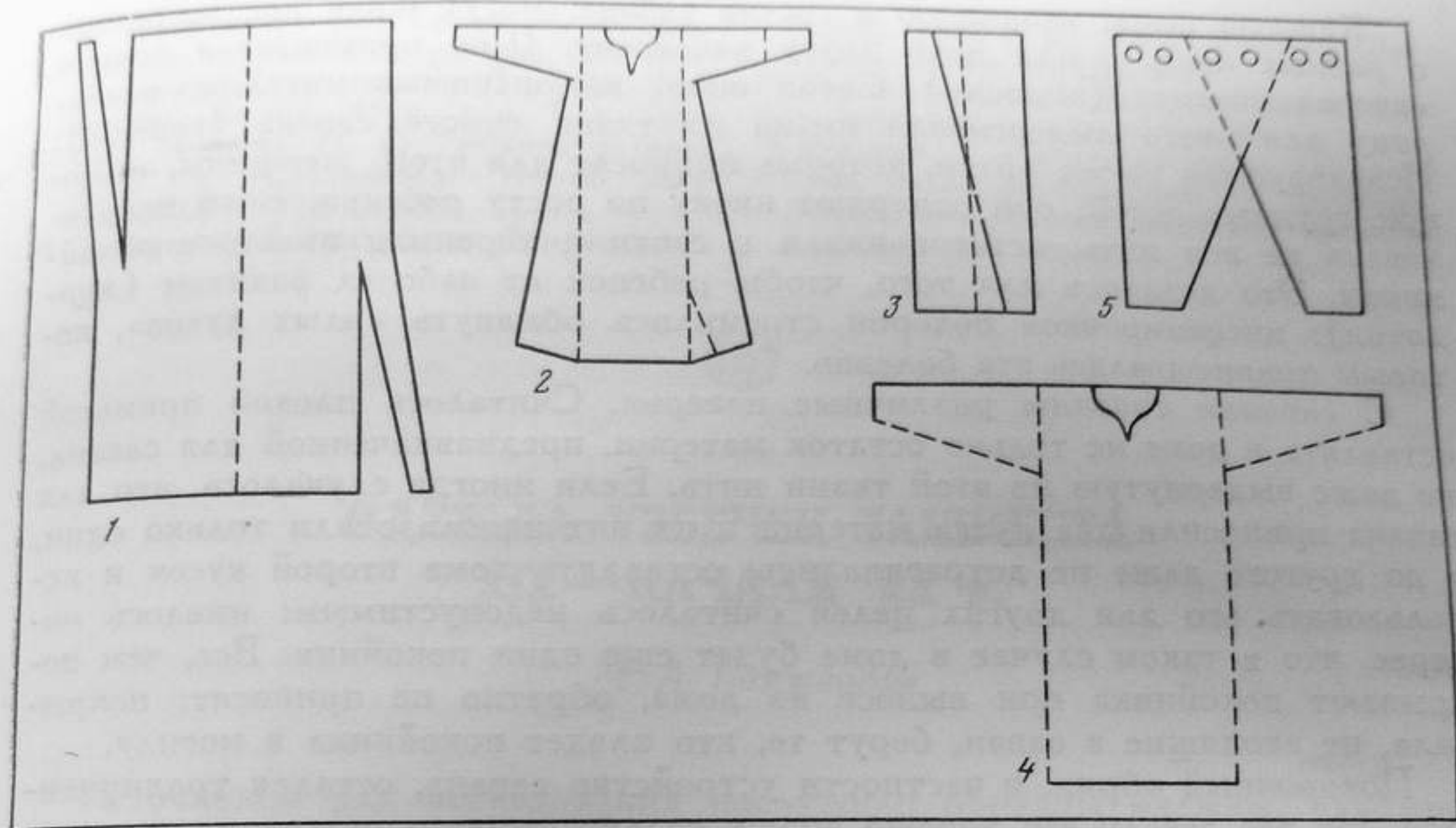

Рис. 2. Покрой савана

1 — наружное полотнище — чодар; 2 — покрой рубахи из кустарных тканей; 3 — способ раскашивания боковин; 4 — покрой рубахи из современных фабричных тканей; 5 — покрой штанов

На ноги умершей надевают матерчатые чулки (*пойтова*)¹³, которые шьют из куска ткани длиной 25 см, а ширина зависит от размера ноги; покрой их такой же, что и у штанин, т. е. скошенный. Широкая сторона «чулка» надевается на стопу, а узкая образует голенище. Для пяток оставляют отверстия. Голову умершей обертывают длинным (1,5 м) куском материи таким образом, чтобы были покрыты голова и шея: держа один конец полотнища на левом виске умершей, ткань обматывают дважды вокруг ее головы, потом спускают с правой стороны конец книзу, проводят его под подбородком, поднимают на темя и снова опускают книзу. Лицо усопшей платком никогда не закрывали: по поверью, если саван подойдет ко рту усопшего, то после него в доме будет еще покойник.

Таким образом, умершая должна быть одета полностью. Считалось, что это нужно для загробной жизни.

Саван имел и возрастные отличия, что проявлялось в количестве предметов, которые в него входили. Саван мальчиков до 12-летнего возраста состоял только из одной простыни; мальчикам 12—14-летнего возраста делали, кроме того, набедренную повязку, с 15-летнего возраста саван делали таким же, как для взрослого мужчины.

Саван девочек до 7 лет состоял только из простыни, с 7- до 14-летнего возраста полагались простыня, рубаха, штаны и платок, девушкам старше этого возраста делали такой же саван, как и женщинам¹⁴.

Каждую вещь, входящую в состав савана, могут шить две женщины с разных концов, идя друг другу навстречу. Шов применяется только «вперед иголку» (*пиросиц*). Саван шьют катушечными нитками, в старину для этого выдергивали нитки из ткани самого савана (*торкаш*). Используются также нитки, которые приносят для этого женщины, имеющие грудных детей; они отмеряют нитку по росту ребенка. Если использована не вся нить, остаток клали в саван и хоронили вместе с покойником. Это делалось для того, чтобы ребенок не заболел рахитом (*мурдачил*): инсценировкой похорон стремились обмануть «злых духов», которым приписывалась эта болезнь.

С саваном связаны различные поверья. Считалось плохой приметой оставлять в доме не только остаток материи, предназначенной для савана, но даже выдернутую из этой ткани нить. Если иногда случалось, что для савана приносили два куска материи и из них использовали только один, а до другого даже не дотрагивались, оставлять дома второй кусок и использовать его для других целей считалось недопустимым: имелось поверье, что в таком случае в доме будет еще один покойник. Все, чем покрывают покойника при выносе из дома, обратно не приносят; покрывала, не входящие в саван, берут те, кто кладет покойника в могилу.

Похоронный обряд, в частности устройство савана, остался традиционным. Но все детали его хорошо знают только старики, молодежь же, особенно связанная с городом, оторванная от сельской жизни, не имеет представления, из каких предметов состоит саван. При опросе большого числа людей разного возраста, приехавших в Душанбе из различных районов горного Бадахшана, оказалось, что они ничего не знают о саване, кроме слова *кафан*. Следы старины постепенно исчезают. Поэтому так важно успеть описать во всех подробностях традиционные ритуалы, сложившиеся в далеком прошлом и составляющие одну из особенностей древней культуры таджиков.

- ¹ В литературе имеются отдельные краткие сведения. См.: *Троицкая А. Л.* Некоторые старинные обычаи и поверья таджиков Верхнего Зеравшана. — В кн.: *Занятия и быт народов Средней Азии*. Л.: Наука, 1971, с. 238; *Писарчик А. К.* Смерть. Похороны. — В кн.: *Таджики Каратегина и Дарваза*. Душанбе, Дониш, 1975, вып. 3, с. 134—136.
- ² Н. Бабаевой написана часть статьи, посвященная таджикам Куляба, Л. Бахтоваршоевой — Шугнана и Хуфа.
- ³ *Писарчик А. К., Кармышева Б. Х.* Опыт сплошного этнографического исследования Кулябской области. — Изв. АН ТаджССР, 1953, вып. 3, с. 76.
- ⁴ Дата переселения установлена мной по семейным преданиям. Представитель этой группы Насим Касымов (1918 г. р.) сообщил, что его отец, который умер 82 лет, в 1853 г. был привезен сюда в возрасте 3—4 лет.

- ⁵ Записи производились в селениях Йол, Порвор, Анджиров, Сиун, Дашти-Джум, Джейрали, Сафедов (в последнем живут «рогцы»).
- ⁶ См. *Широкова З. А.* Одежда. — В кн.: *Таджики Каратегина и Дарваза*. Душанбе: Дониш, 1970, вып. 2, с. 173.
- ⁷ Такова же манера ношения кос молодыми женщинами в долинах Ванча и Каратегина. См.: *Пещерева Е. М.* Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков. — Сб. МАЭ, 1957, т. 17, с. 49; *Широкова З. А.* Одежда. — В кн.: *Таджики Каратегина и Дарваза*, вып. 2, с. 178.
- ⁸ О лачаке см.: *Сухарева О. А.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. М.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 305—306.
- ⁹ *Сухарева О. А.* Древние черты... с. 307.

- ¹⁰ О ткани шаши см.: Ершов Н. Н. Домашние промыслы и ремесла. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе; Дониш, 1966, вып. 1, с. 266.
- ¹¹ См.: Андреев М. С. Таджики долины Хуф, 1. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1958, с. 188.
- ¹² Сообщение Муштарбиби Мирзохусей-

- новой, 1906 г. р.; Мехралишоевой Шобону, 1902 г. р., Шугнан.
- ¹³ Термин *пойтова* в Шугнани обозначает и портянки, и матерчатые чулки.
- ¹⁴ Разница в возрастном цензе для разных полов основывалась на представлении, что девочки достигают зрелости раньше, чем мальчики.

ОДЕЖДА УЗБЕЧЕК ТАШКЕНТА XIX — НАЧАЛА XX в.

М. А. Бикжанова

Источником для исследования послужили образцы одежды, находившиеся как в ташкентских музеях, так и у населения, а также сообщения пожилых жительниц Ташкента об одежде, носимой ими в молодости или виденной ими у матерей и бабушек. Материал был собран в 20—30-е годы, пополнялся и в дальнейшем¹.

В состав костюма узбечек Ташкента входили платье-рубаша и шаровары, несколько видов верхней одежды типа халата (*мурсак*, *тун*, *бешмет* или *камзол*), уличная одежда (*паранджа* с *чачваном*). Головными уборами служили носившиеся по-разному платки; обувь состояла из *ичигов* (*махси*) и калош, кожаных или резиновых. Для определенных возрастов были обязательны многочисленные украшения, особенно с праздничным и свадебным костюмом.

Платье-рубаша (*куйнак*). В начале второй половины прошлого столетия замужние женщины носили платье традиционного покроя (*тугрикуйнак*) — очень широкое и длинное, почти касающееся земли. Подол был слегка расширенным за счет немного раскошенных боковин. Во второй половине XIX в. платья были одинаковой ширины в груди и по подолу, с ровными длинными рукавами. Они кроились без ножниц, ткань разрывали руками по прямой нитке. К концу XIX в. этот наиболее старый покрой вышел из употребления.

Женские платья имели прямой вертикальный разрез ворота до талии: по форме ворота женские рубахи назывались *олды очик-куйнак* — «платье, открытое спереди».

Для девушек и детей обоих полов платье-рубаша делали с горизонтальным воротом — от плеча до плеча, поэтому их называли *кепти*, *кептакли куйнак* («плечевое платье» — от тадж. *кифт*; лит. *китф* — «плечо»). Такие рубахи называли также *муллача куйнак* (рубаша с аналогичным воротом в городах преимущественно носили муллы — ишаны, имамы, студенты медресе).

В обоих случаях ворот обшивался тесьмой (*джияк*), у молодых тканной в узор, у старух — в полосочку или одноцветной (когда рубаху стирали, *джияк* обычно отпарывали). *Джияк* заканчивался бахромой (*папук*), так что у конца разреза (у женщин спереди, у девушек на плечах) получались кисточки. Франтихи подвешивали к кисточкам еще подвески из коралла, иногда — серебряные украшения (*пешауз*) в виде маленького кукольчика с цепочками, на которых висели шипчики для выравнивания бровей, зубочистка, флакончик для духов или ключи — настоящие от сундучка или бутафорские. Вертикальный ворот скреплялся завязками (*богыч*) из шнура или из материи; считалось, что последнее осталось от дочери пророка (Фатимы), которая, когда были убиты ее сыновья Хасан и Хусейн, оторвала от их рубах полосы и сделала завязки к своему платью.

В платьях старинного туникообразного покроя под рукавом вшивались ластовицы (*хуштак* или *кулупай*) в виде маленького квадратика, обязательно другого цвета, чем платье. Иногда ластовица другого цвета бывала и на платье ребенка, особенно если он был долгожданным, «выпрошенным» (*тилаб олган*). Вероятно, этому придавали магическое значение, как и неподшиванию подола платья молодых женщин и малых детей до рождения следующего ребенка: верили, что подшивание подола может привести к прекращению рождения детей. Из страха перед проклятием недоброго человека некоторые швы на одежде делали не внутрь, а наружу, «чтобы все проклятия, направленные на человека, оставались снаружи и не вошли в него».

В Ташкенте девичье платье сменялось на женское после совершения брачного обряда, в отчем доме. К жениху невесту привозили уже в женском платье с вертикальным разрезом ворота. В Фергане, по данным Наливкиных, молодые женщины еще некоторое время продолжали носить девичьи платья и, если у них рождался ребенок, в швах делались специальные прорехи², чтобы можно было кормить его грудью. И в Ташкенте вплоть до 10-х годов XX в. некоторые молодые женщины (*келиндчак*) после свадьбы продолжали носить «моллача куйнак», которые считались более красивыми.

С 80-х годов в среде торговой буржуазии Ташкента появляются платья со стоячим воротником (*ногай ёка* — «татарский ворот»), или, как иногда его называли, *ит ёка* — «собачий ворот» (т. е. ошейник). Вначале ношение платья с воротником вызывало осуждение, пожилые люди считали это грехом; но вскоре *ногай ёка* получил массовое распространение. Только старухи, привыкшие к открытому вороту, до конца жизни продолжали носить рубахи *оди очик*, уверяя, что стоячий воротник их душил.

В 80-х годах на короткое время вошли в моду заимствованные от татарок платья, отрезные по талии, со сборками (*бельбурма-куйнак*), с вырезной проймой и вшивными рукавами. Затем эти платья стали украшать оборками в несколько рядов по подолу. Эта мода продержалась недолго. Уже в 1900-х годах среди узбечек распространились платья с короткой кокеткой и со сборками на груди — *кукракбурма-куйнак*, с отложным воротником (*шапанг-ёка*). Старшее поколение отнеслось к новой моде еще

более неодобрительно. Однако постепенно платье кукракбурма получило массовое распространение и стало считаться национальным узбекским наряду с туникообразным платьем со стоячим воротником, которое и сейчас носят пожилые женщины. Что касается старинного платья без воротника, то в самом Ташкенте оно совершенно вышло из употребления. Его теперь можно видеть только на женщинах, приезжающих из отдаленных сельских районов (рис. 1).

Ткани для платьев-рубаш употреблялись разные. В прошлом столетии, исключая последнюю его четверть, будничная одежда большинства жителей Ташкента была преимущественно из хлопчатобумажных тканей местного кустарного производства — полосатой калями, белой маты (боз) и из более тонкой, чем мата, белой ткани, похожей на кисею (хоса). Она употреблялась главным образом на свадебное платье новобрачной, на чалмы и на женские платки. Богатые одевались в шелк — канаус (шои), атлас, адрас (полушелк) и другие дорогие ткани местного производства, а отчасти и в ткани привозные (английские, французские, индийские, турецкие). В последние два десятилетия прошлого века из России стали ввозиться в огромном количестве русские бумажные фабричные ткани, выпускавшиеся специально для среднеазиатского населения в соответствии с его вкусами. Очень ценились платья из русского кумача в рисунок (хушбог), но их могли носить только состоятельные горожанки: несмотря на сравнительную дешевизну, фабричные ткани сначала были дороже кустарных, и бедное население продолжало одеваться в более дешевые ткани местного производства. В 1900-х годах с ростом и обогащением торговой прослойки и богатых промышленников появилось стремление к роскоши, особенно в одежде. Женщины из состоятельных семей шили платья из фабричного бархата (махмал), шелка, парчи; ситец оставался на долю бедных.

На расцветку одежды обращали очень большое внимание. Для свадебных платьев должны были по традиции употребляться только белые бумажные ткани — кисея, а у богатых невест несколько позже — батист или белый шелк. Молодые женщины, девушки и девочки носили платья преимущественно красные и розовые — гладкие или в цветах. Будничные платья делали в старину из гладкого или узорчатого кумача, из ситца ярких цветов — по большей части в крупный узор. Платья для среднего возраста, к которому относили тогда женщин 30—35 лет, были более скромных цветов: голубого, светло-синего, серого. Очень любили белый цвет. Он считался самым подходящим для женщин преклонного возраста, но не возбранялся никому, и летом белую одежду носили и носят женщины всех возрастов. Черный, синий, лиловый и темно-зеленый цвета были траурными. Самым глубоким трауром считался черный, черную одежду надевали близкие родственницы, если умерший был молодым и по нему особенно горевали. Наиболее распространенным было ношение в качестве траурных синих платьев.

В комплексе с платьем-рубашой носили и носят шаровары (иштон). Они являются неотъемлемой частью одежды женщин всех возрастов, начиная с младенческого, чуть не с первых месяцев жизни и до самой смерти. Отсюда и их второе название — лозим (араб. «необходимое»).

Ходить без шаровар считалось не только неприличным, но и греховным. Шаровары не снимали даже на ночь, ложась спать.

Шаровары, очень широкие сверху, от колен книзу сужаются настолько, чтобы сквозь штанину можно было без особого труда продеть ногу. В прошлом столетии шаровары шили очень длинными, они спускались на ступню так, что не были видны щиколотки, подъем и пятка: считалось неприличным, если у женщины, обутой в *кауши* (кожаные калоши), видны босые ноги. Шаровары старого покроя носят и поныне, но сейчас у девушек и молодых женщин их делают лишь немного ниже колен. Низ штанин обшивается тесемочкой — черной полоской материи или черной тесьмой, у молодых — пестренькой, тканной в узор, у женщин 35—40 лет — черной, вышитой цветным шелком. Тесемки заканчиваются кисточками.

Верхний край шаровар отворачивается кнаружи — чему придавали значение оберега — и подвертывается широким рубцом (*липпа*) для продевания завязки (*иштон бог*).

В прошлом молодые состоятельные женщины носили шаровары из кумача, яркого ситца, полушелка, адраса или шелка, бедные — из грубой местной бумажной материи разной расцветки, соответствующей возрасту. Молодухи ходили в шелковых штанах, чаще из пестрого кустарного атласа, женщинам средних лет и пожилым полагалось носить шаровары скромной темной расцветки. Нередко, особенно в малосостоятельных семьях, шаровары шили из двух сортов ткани: верх — из дешевой хлопчатобумажной, низ (штанины) — из более дорогой ткани яркой расцветки.

Верхняя одежда. Старинными формами были пешвон, мурсак, тун (*чапан*), позже появились бешмет, камзол и безрукавка (*нимча*), а в советское время вошли в употребление жакет (*кастум*) и пальто (*палта*).

Самым старинным видом верхней одежды был пешвон, который исчез из быта еще в прошлом столетии. Образцов пешвонов не сохранилось, не осталось и людей, носивших его. Поэтому оказалось очень трудно получить его описание. Только одна из самых пожилых наших информаторов — узбечка, юность которой приходилась на 1835—1840 гг., сообщила, что пешвон того времени был такой же, как мурсак. Иными словами, название «пешвон» прилагалось к мурсаку. Однако другие информаторы считали, что пешвон отличался от мурсака отсутствием спереди клиньев (*чалгай*), а его рукава были длиннее; имелся стеганный воротник (*яка*), как на обычных мужских халатах, но он не обшивался тесьмой *джияк*. Пешвон шили из адраса и всегда без подкладки. Его носили, видимо, раньше и в рукава, и как накидку. Материал для пешвона (*пешвонлик*) обязательно присылали с приданым из дома жениха. Отец невесты, если он был состоятельный, со своей стороны тоже покупал ткани на пешвон, так что в приданое шили два-три пешвона.

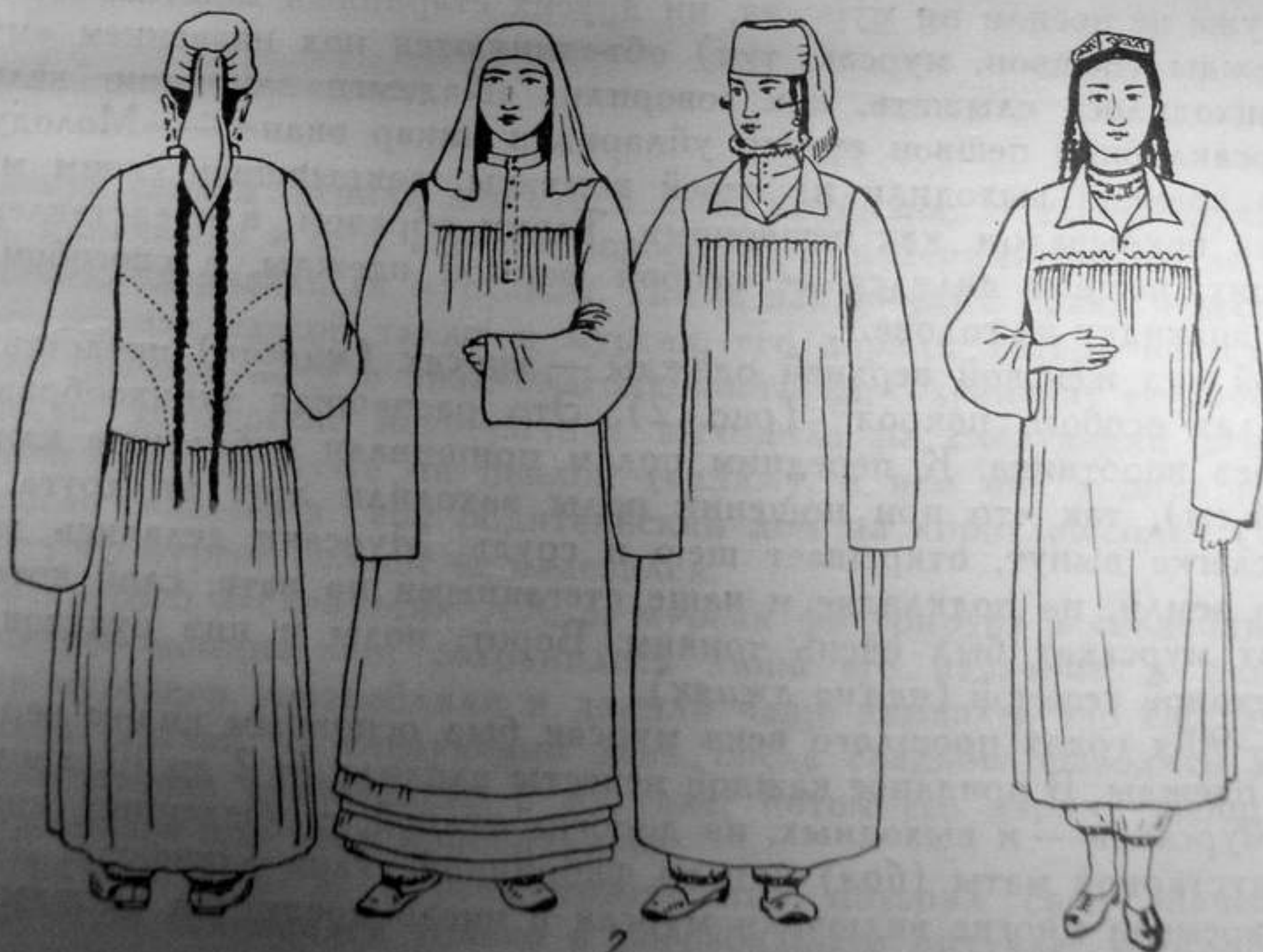
В день свадьбы невеста являлась в дом жениха в пешвоне и без него не выходила из своей комнаты в продолжение нескольких месяцев, иногда

Рис. 1. Платья-рубахи ташкентских узбечек

1 — старинные платья; 2 — платья конца XIX—начала XX в. (худ. А. Николаев — Усто Мумин)

1

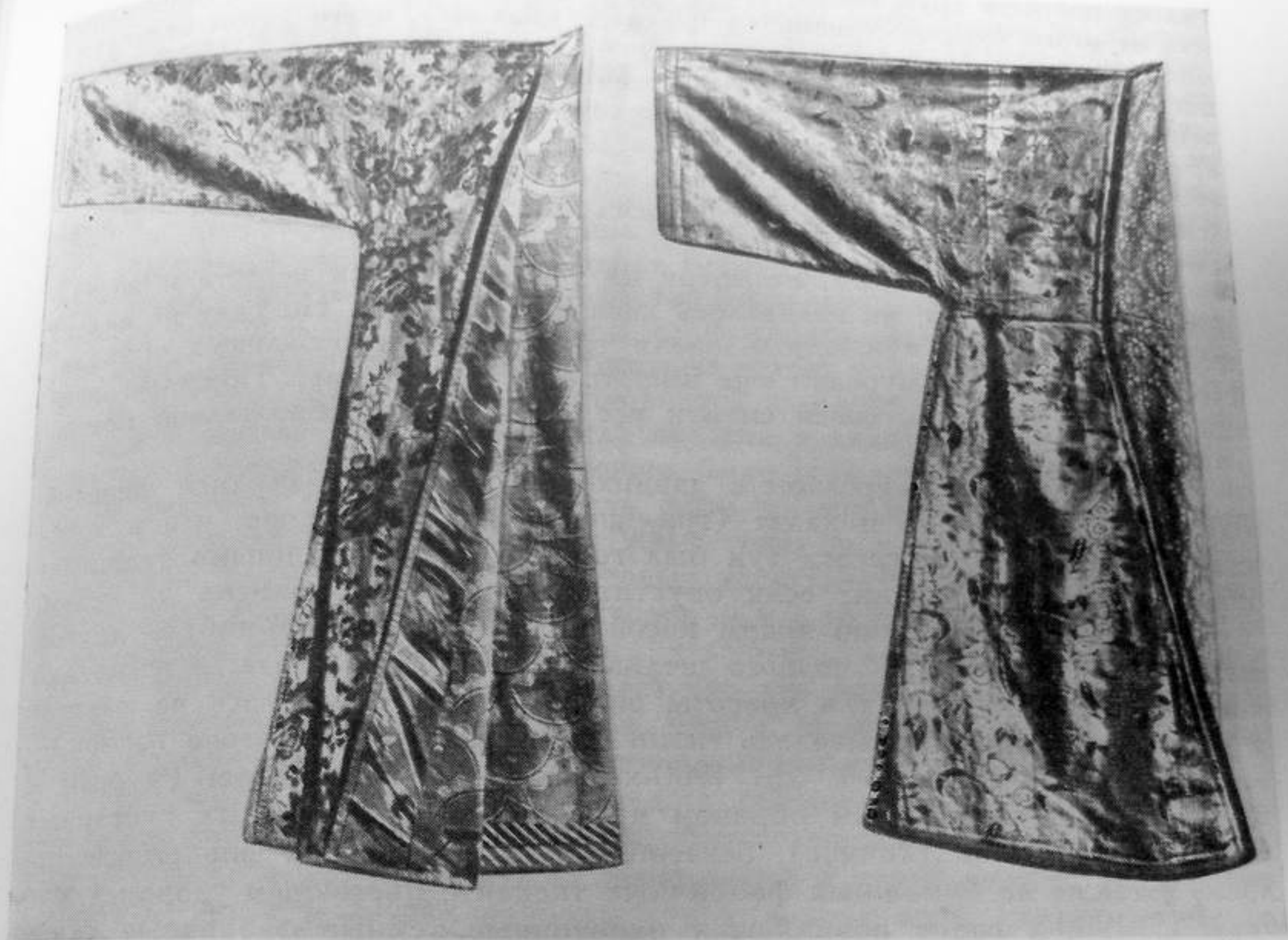
2

до рождения ребенка. Как говорили глубокие старухи, его носили, пока он не износится (*тишилмагунча*). Со временем срок ношения пешвона сократился до 30—15 дней. Укрываясь пешвоном от свекра и от братьев мужа, молодая выполняла в нем все домашние работы, прихватывая его рукава зубами, чтобы он не сползал с головы. Она не снимала его даже во время еды. Встречая родных и гостей и приветствуя их, она прикрывалась пешвоном. В период, охватываемый данным исследованием, название «пешвон» обозначало разные виды головных накидок новобрачной. Самой ранней был пешвон (очевидно, от тадж. *пешбан* — «закрывающий перед» или *пешбон* — «берегущий перед»). Позже — но тоже еще в прошлом столетии — для этого стал употребляться обычный халат или халат-мурсак, набрасываемый на голову. В конце того же столетия пешвоном стали называть платок, набрасываемый на невесту, а в 90-х годах — заменившее его тюлевое покрывало, закрывавшее и лицо. Видимо, пешвоном называли также головную накидку вообще.

С конца прошлого столетия в качестве пешвона новобрачной стали употреблять большой квадратный платок фабричного производства; сначала это был шерстяной (*шол румоль*), а потом шелковый платок (*лятта*) с кистями. Нарядная молодая с ювелирными украшениями на лбу и на груди накрывалась платком с головы почти до пят, а его кисти спадали ей на лицо. В 1910-х годах платок заменило прозрачное тюлевое покрывало, сквозь которое были видны лицо и наряды. Такова история пешвона. О пешвоне-халате молодежь сейчас уже ничего не знает, под названием «пешвон» понимает только тюлевое покрывало новобрачной. Следует отметить, что и в настоящее время некоторые ташкентцы называют термином «пешвон» всякую головную накидку — как мурсак, так и сменивший его женский халат (*тун-чапан*); в воспоминаниях пожилых женщин, которые уже не носили ни мурсака, ни других старинных халатов, все эти виды одежды (пешвон, мурсак, тун) объединяются под названием «мурсак». Приходилось слышать, как говорили: «Кадимги замониинг келинлари мурсакларини пешвон етениб уйларида чикар экан». — «Молодухи прежнего времени выходили из своей комнаты, закрывшись своим мурсаком, как покрывалом, как пешвоном». Таким образом, в представлении говоривших, пешвон являлся не особой формой одежды, а способом ее ношения внакидку на голове.

Второй вид женской верхней одежды — *мурсак* (*мирсак*) представлял собой халат особого покроя³ (рис. 2). Это распашная туникообразная одежда без воротника. К передним полам пришивали небольшие клинья (внизу 8 см), так что при ношении полы заходили друг на друга, ворот же слегка вынут, открывает шею и грудь. Мурсаки делались длинными, до земли, на подкладке и чаще стеганными на вате, слой которой на летних мурсаках был очень тонким. Ворот, полы и низ рукавов обшивали тканой тесьмой (*чалма джияк*).

В 70—90-х годах прошлого века мурсак был основным видом верхней женской одежды. В приданое каждой невесты входило от 2 до 10, а иногда и до 18 мурсаков — и выходных, из дорогих тканей, и обыденных, домашних, из кустарной маты (*боз*) или из фабричной ткани (*хушбог*). До недавнего времени многие включали мурсак в число предметов одежды, по-

Р и с. 2. Ташкентские мурсаки

сылаемой семьей жениха невесте в день помолвки. В таком случае родители, приглашая к себе в гости новобрачную в первый раз после свадьбы (чаллар), одаривали ее мурсаком. После заключения брака невесту везли в дом жениха одетой также в мурсак, его дарили матери невесты после первой брачной ночи в знак благодарности за сохранение ее дочерью невинности. В мурсаке новобрачная выходила на следующий день после свадьбы к родне мужа на поклон (салам), в нем она ходила в первый раз после свадьбы в свой родительский дом на «приглашение» (чалляр). После того мурсак больше не надевался.

Со второго десятилетия XX в. мурсак фигурирует в свадебных обрядах скорее номинально; сохранялось лишь его название, а фактически вместо мурсаков употребляли и дарили чаще камзолы. Но еще долго сохранялся обычай на следующий день после свадьбы выводить молодую к родне жениха обязательно в мурсаке; потом его дарили женщине, сопровождавшей при этом новобрачную.

С начала XX в. мурсак совершенно потерял свое значение как одежда — он сохранился только в погребальном ритуале: мурсаком пола-

галось покрыть труп тотчас после прекращения жизни, причем считалось, что от этого мурсак становился поганым (*макрух*), и его потом отдавали обмывальнице (*югачи*); два других мурсака требовалось набросить на погребальные носилки (*анбар*). Мурсаки приносили домой; как и другие вещи, соприкасавшиеся с мертвым телом, их оставляли на ночь под открытым небом — как говорилось, «чтобы они увидели звезды». После этого они считались ритуально чистыми, их прятали в сундук, где они лежали в качестве «достояния дочерей» (*бисот*), получаемого ими в приданое.

До недавнего времени, несмотря на то что мурсаки перестали носить почти сто лет назад, их полагалось давать в приданое. Ни разу не надев, их прятали в сундук и использовали только при погребальных обрядах. Но и в наше время мурсаки еще имеются в каждой семье. Пожилые женщины, приготавливая к своей смерти все необходимое, обязательно припасают и мурсаки.

Одновременно с мурсаком с давних пор в качестве верхней женской одежды употреблялся и халат (*тун-чапан*) того же покроя, что и мужской. В отличие от мурсака тун был гораздо уже, с длинными суживающимися книзу рукавами; если опустить руку, рукав доходил до колен. Тун всегда обшивался по краям косой полоской из какой-нибудь другой материи, чаще всего из черного шелка, сатина или бархата, в несколько сантиметров шириной; для красоты она часто отстрачивалась на машине в узор. Эта полоска называлась *титин* — «обшивка» (от глагола *тутмок* — «держат», «пришивать»). До 1900-х годов женские халаты (мурсак и тун-чапан) шили главным образом из пестрых разноцветных кустарных тканей: адрас, шои (*канаус*), бекасаб в темно-зеленые и фиолетовые полосы, а также из бумажных фабричных тканей с цветочным узором (*хуш-бог*). С 1900-х годов появляются однотонные темные фабричные ткани (черные, синие, серые, коричневые), из которых стали шить все новые виды верхней женской одежды (камзолы, пальто, жакеты-кастум). Когда мурсак перестали носить даже в качестве ритуальной одежды, его место занял халат, на который и перешло в сознании многих название «мурсак».

В 80-х годах прошлого столетия появился новый покрой халата с передними клиньями и вшивными рукавами — «татарский» (*нугай бичими*). Он просуществовал недолго. Тогда же появилась, а в следующем десятилетии широко распространилась в Ташкенте новая одежда — камзол, который, несколько меняясь в деталях, носится в Ташкенте и поныне. Его делали и делают из темных одноцветных тканей (бархат, плюш и т. п.).

Обязательной верхней одеждой горожанок, в частности жительниц г. Ташкента, до революции была паранджа. В Ташкенте все женщины-узбечки при выходе из дома набрасывали на голову особый халат, называемый *паранджи*, с волосяной сеткой — *чачван* (*чимбат*) на лице. Как давно появилась паранджа в Ташкенте, остается вопросом. Одна из пожилых узбечек — Хол-бувы Артык-Ходжаева (родившаяся приблизительно в 1834 г.) — отнесла появление паранджи в Ташкенте к концу первой половины прошлого столетия, когда она была девочкой. По ее словам, в то время в Ташкенте паранджа еще не была распространена.

Девушки и молодые женщины, выходя со двора, набрасывали на голову свои халаты (чапан), которые в таком употреблении назывались пешвой. Сама она завела первую паранджу, уже будучи замужем и имея двоих детей. В годы ее детства при выходе из дома женщины и девушки набрасывали на голову халаты. Если сообщение Хол-бувы, может быть, и не совсем точно хронологически, то по существу его можно считать вполне надежным. По всем данным, паранджа сделалась обязательной частью одежды жительниц Ташкента лишь в последние десятилетия прошлого века. Видимо, в середине XIX в. здесь было то же положение, которое до революции существовало в большинстве кишлаков: лишь жены представителей власти и духовенства имели возможность завести себе паранджу, остальные довольствовались накинутым на голову халатом.

На позднее распространение паранджи в Ташкенте указывает и то, что в похоронные обряды она была введена только в начале XX в. По качеству и расцветке паранджи можно было определить возраст и положение умершей. Ею стали заменять один из мурсаков для покрытия носилок с телом умершей. Даже в 900-х годах, а в некоторых кварталах сизбарской части Ташкента и в первые десятилетия XX в. на похоронные носилки набрасывали с обеих сторон — и с головы и с ног — мурсаки. В довоенные годы автору пришлось услышать, как одна глубокая старушка возмущалась на похоронах: «И кто это придумал набрасывать на носилки паранджу?» И она настояла, чтобы, не нарушая старых, «дедовских» обычаев, на похоронные носилки накинули два мурсака.

О позднем происхождении паранджи говорит также то, что она не входила в комплект вещей, даваемых обмывальщикам мертвых и нередко заготавливаемых заранее пожилыми женщинами к своей смерти. У узбеков Ташкента, как и в других районах, существовала вера, что умершим на том свете нужна одежда. Поэтому обмывальщикам покойника давали полный комплект одежды. Считалось, что в противном случае в день воскресения мертвых покойник окажется голым, если не дать обуви — босым, а если дать старую, рваную одежду, то в такой он и воскреснет. Поэтому обмывальщикам отдавали одежду получше, в полном комплекте, а иногда по два и три комплекта в надежде на то, что все это когда-нибудь получит умерший. Е. М. Пещерева рассказывала, что в Шахрисабзе отдавали самые ценные одежды, и при этом пять-шесть комплектов. Показательно, что паранджи в таком комплекте не было. Лишь незадолго до революции, заготавливая все необходимое для своих похорон, пожилые женщины стали включать и паранджу, ибо они и на «том свете» не могли представить себе жизни без нее («Ялан бош юрамизми?» — «С открытой головой что ли будем мы ходить?»). Знаменательно и то, что, посылая невесте *сарпа* — полный комплект одежды и обуви, семья жениха не была обязана включать в его состав паранджу: родители невесты сами делали ее на свои средства. Это позволяет сделать вывод, что паранджа не входила в традиционные, издавна существовавшие в Ташкенте виды одежды.

Но ко времени революции паранджа сделалась здесь совершенно обязательной для женщин всех возрастов. Девочки, достигшие зрелости (*балаготка еткан*), т. е. по исламу с 9 лет, тоже, выходя из дому, набрасывали на голову паранджу. Им шили специальные девичьи красные па-

ранджи (кыз паранджи) из недорогой бумажной ткани, так как они не были рассчитаны на долгое ношение. В 1850—1860-х годах из недорогих кустарных бумажных тканей синего цвета шили и женские паранджи. С 70-х годов XIX в. для паранджи стали употреблять кустарную полушелковую ткань *парпаша* в узенькую полоску синего, черного и серовато-белого цветов. Молодые женщины из состоятельных семей употребляли полушелковую ткань *бенарас* серебристо-серого цвета с муаром. С конца прошлого столетия появились паранджи из местного кустарного и привозного фабричного шелка, парчи и атласа с тканым китайским рисунком, который ввозился из Кашгара. В 900-х годах паранджи стали шить из бархата фиолетового, зеленого, желтого цвета. Вплоть до начала XX в. паранджи были без всяких украшений — кисточек, цветной тесьмы и вышивки.

Паранджа, по-видимому, первоначально имела другое назначение — была наплечной одеждой. На это указывают ее покрой — такой же, как у халата, — и названия частей: *енг* — «рукава», *яка* — «ворот», *чунчак* — «карман». Как и халаты, паранджу всегда делали на подкладке, обычно из дешевого материала — набивной маты (*астар чит*), цветастого ситца. Полы подшивали широким подполком из косой полосы шириной 0,5 м (*адиб* или *паравуз*, от тадж. *фаровез*), обычно из пестрого адраса, под который подкладывали в один-два слоя какую-нибудь старенькую ткань, чтобы полы лучше лежали.

Паранджу обшивали узким кантом из косой полосы материи (*магыз*). Рядом с кантом нашивали тканую тесьму — *джияк*. До 90-х годов употреблялась плетеная тесьма (*чалма-джияк* или *джонон*), прихватываемая к одежде в процессе тканья; потом в моду вошла тканая тесьма (*токма джияк*) шириной в три пальца, в узенькую полосочку, напоминающая ткань *парпаша*, ее называли *парпаша джияк*. С начала XX в. появилась тесьма *гюль-джияк* — гладкая, черная, по которой вышивали крестом узор цветными шелками, а рядом с тесьмой шла одноцветная — черная, белая или желтая — вышивка гладью (*бахья*). Первоначально на паранджах вышивка была узенькой, скромной. С распространением моды на пышные и яркие паранджи орнамент усложнился. На старинных паранджах чаще всего вышивался узор «черный перец» (*муруч нуска*) в виде мелких кружочков, расположенных в один ряд между двумя прямыми линиями (*су*); позднее появился зигзагообразный узор *илон-изи* (след змеи), очень распространенный по всей Средней Азии, а рядом с полосками стали помещать кружочки побольше (*кувача* — «кувшинчики»). Еще позднее вошел в употребление узор *гаджак куска* (завиток), тоже распространенный в Средней Азии во многих отраслях прикладного искусства, и *тахмон нуска* (узор ниши) в виде обращенной в противоположные стороны арабской буквы «син» в ее конечном начертании. На «карманах» (фальшивых) и на той части паранджи, которая приходилась на темя (*бош мийя*), дополнительно вышивались завитки, веточки (*шохча*), бараньи рога (*кучкар шохи*) и т. п.; появились кисти (*папук*).

Паранджа даже после того, как вошла в домашний обиход швейная машина, всегда шилась на руках. Машинной строчкой прострачивали 8—10 рядов ворота и пришивали кант.

Паранджи шили специалистки (паранджидуз, чевар) как по заказам, так и на базар. Часто этим промыслом были заняты все женщины семьи — мать, дочери, снохи. Труд этот неплохо оплачивался — дороже, чем материал: в начале 900-х годов ткань для паранджи обходилась 5—15 руб., подкладка — 45 коп. или немного дороже, а за работу заказчица платила 25 руб. и, кроме того, подносила мастерице подарки. Чтобы хорошо сшить паранджу и вышить ее ручной гладью, требовалось не менее двух месяцев. На базар шили менее тщательно, вышивка была нередко машинная (машина попоп), что могло быть сделано за несколько дней. Учитывая сложность работы, заказчицы приходили к мастерице с подарками, приносили лепешки, сладости, сухие фрукты, отрез ткани на платье или хотя бы платок из кисеи. Пока паранджу шили, заказчица навещала еще не раз и тоже не с пустыми руками, но подношения были меньшие. Что касается необходимой для паранджи тесьмы и кистей, то заказчицы приносили их мастерице готовыми, купив на базаре. Оплата производилась по окончании работы. Если мастерице заказывали паранджу к свадьбе дочери, то обязательно приглашали ее на той в знак благодарности и, помимо угощения, дарили на платье недорогую ткань.

Паранджу не приходилось заказывать часто. Первую паранджу шили девочке к 9 годам, затем одну-две при выдаче замуж; в очень богатых семьях давали в приданое до 4 паранджей из дорогих материй: бенараса, парчи, бархата. За всю жизнь женщина изнашивала две-три паранджи.

Покрой паранджи за сто лет, охватываемые нашими материалами, изменился очень мало. Уменьшилась ее длина. В старину паранджа доходила до щиколотки, с течением времени ее стали делать несколько ниже колен. Ложные рукава тоже стали короче: раньше они были длиннее самой паранджи, так что почти волочились по земле, позднее сравнялись с подолом паранджи, а потом стали еще короче. В старых ташкентских паранджах на обеих полах имеются обшитые тесьмой вертикальные прорезы, имитирующие карманы (чунчак). Высказывалось мнение, что это делалось для того, чтобы при верховой езде можно было держать уздечку. Со временем прорезы потеряли утилитарное значение и исчезли, но по-прежнему на этих местах пришивали рядом две тесьмы, которыми раньше обшивались для крепости все отверстия; тесьма на парандже делалась все шире, а с начала XX в. ее стали расшивать шелком.

После революции паранджа постепенно вышла из употребления. Прежде всего исчезли красные девичьи паранджи — их некому было носить. Дольше ходили под паранджой пожилые женщины. До недавнего времени иногда в день свадьбы невесту еще везли в дом жениха под паранджой и на другой день в парандже выводили на поклон (салам) к родным жениха. Когда через несколько дней родители новобрачной устраивали угощение (чалляр), приглашая дочь с ее новой родней, молодая шла туда иногда в парандже. После чалляр паранджу прятали в сундук до самой смерти ее обладательницы. Когда паранджу приносили с кладбища, ее вешали в комнате на деревянный гвоздь (казык) вместе с другой одеждой покойной. При жизни не принято было вешать паранджу: считалось, что это может навлечь смерть. В парандже и чачване не входили в дом ни хозяева, ни гости. Нельзя было больше оскорбить хозяев дома, чем

войти к ним в жилище не сняв паранджи, что означало бы пожелание смерти. Лишь обмывальщицы покойников входили в дом не сняв паранджи: ни с кем не здороваясь, в парандже, они шли туда, где лежал покойник. Обычно женщины, войдя во двор, снимали чачван и ожидали выхода хозяйки, которой полагалось снять с пришедшей паранджу. Если бы она этого не сделала, это означало бы неуважение и вызвало бы большую обиду. Но на поминках пришедшие обязаны были сами снять с себя паранджу и, не дожидаясь хозяев, куда-нибудь ее положить.

При выходе из дома на улицу вместе с паранджой надевали чачван или чимбат. Чачван представлял собой прямоугольный кусок ткани из конского волоса. Длина чачвана в разных местах была различна. В Ташкенте наиболее распространен был чачван длиной 4 пяди (карыч), до талии. Иногда здесь носили чачваны ферганского фасона — длиной 7 пядей, доходившие до колен. Чачваны изготавливали специальные мастера, но, как правило, не узбеки. Лишь в Намангане и Андижане этим занимались несколько узбекских семей. Выделка чачванов, которые поставлялись на базары Ташкента, была сосредоточена в руках таджиков (Ура-Тюбе, Чуст), люли (цыган) — ремесленников по изготовлению сит и кураминцев (селение Телеау под Ташкентом). Чачваны привозили в Ташкент также из Алма-Аты и Аулие-Аты. Хорошего чачвана при бережном обращении с ним хватало на всю жизнь. Самыми лучшими считались чачваны, изготовленные таджиками; они были гибкие, мягкие, не ломались. Говорили, что это достигалось кипячением конского волоса в воде с саманом или соломой. Чачваны, сделанные цыганами, были более грубыми и ломались на сгибах, быстро изнашивались.

Чачваны выделывались исключительно из черного конского волоса, белый употребляли для орнаментации нижнего конца изделия. Иногда чачван украшали также мелкими голубыми бусинками, вкрапленными по всему полю. Это делали по специальному заказу. Чаше чачван шили иглой, но бывали и тканые (буйра чачван — «чачван-цыновка»), по качеству более низкие. Работа иглой была очень кропотливой и трудной. Волос должен был все время лежать в воде для придания ему гибкости. Основа натягивалась вкруговую на деревянный обруч (гардиш или казган), уток проталкивался при помощи иглы, то поверх нити основы, то под ней, так что техника работы напоминала штопку. Законченный чачван имел вид мешка; в таком виде снятый с обруча чачван продавали на базаре. Покупательница сама разрезала чачван и, чтобы волос не осыпался, сразу обшивала его с четырех сторон полосами черного сатина или бархата. Нижняя полоса часто украшалась вышивкой шелком, швом ироки (крестом), позже — машинной вышивкой. В верхней части к чачвану пришивали пуговицу и петельку и, надевая его на голову, застегивали на затылке.

С ношением чачвана был связан целый ряд обычаев и поверий. С одной стороны, чачван из-за своего черного цвета считался опасным, могли накликать несчастье; поэтому девушки, как правило, чачван не носили, лицо закрывали кисеей (дока); если у девушек из богатых семей имелся чачван, то при выходе замуж его не привозили в дом жениха: после свадьбы чачван покупал муж или, вернее, его отец. Было не при-

нято брать или давать друг другу одежду, и это в первую очередь касалось чачвана (как и обуви): считали, что хозяйка одежды через дыхание или пот может магически передать свою болезнь или несчастья. Поэтому бывало, что бесплодные женщины или те, у которых дети не выживали, стремились дать свою вещь другой, чтобы передать ей болезни и несчастья (зиян)⁴. Наряду с тем чачван имел и значение оберега: считалось, что от черного конского волоса бегут злые духи⁵. Поэтому новорожденного покрывали чачваном матери, а при обряде первого положения младенца в колыбель, чтобы очистить ее от злых духов, ударяли по колыбели чачваном. То же делали, когда шли в гости и там приходилось укладывать ребенка в чужую, давно не использовавшуюся колыбель.

Важную часть костюма составлял головной убор. В Узбекистане, и в частности в Ташкенте, никто и никогда не ходил с непокрытой головой; это считалось грехом, особенно для женщин. Старики говорили, что ангел-хранитель отлетает от женщины, если она ест пищу, не имея на голове платка. В этом обычае мы усматриваем глубокие корни, уходящие в далекое прошлое.

Основным женским головным убором до революции был платок (рис. 3). Платки повязывали девочкам с 9—10 лет. Они были разные по качеству, цвету и способу ношения. Наиболее часто употреблялись кисейные платки, а в старину в Ташкенте вырабатывали особую кустарную грубую неплотную ткань хаса. Употреблялась и привозная кисея (дока), однако самой лучшей считалась константинопольская (истанбул докаси), называвшаяся из-за своей легкости мискали (от мискал — «золотник»). Позже на рынок начала поступать кисея, вырабатывавшаяся русскими фабриками. Она вытеснила все другие ранее употреблявшиеся ткани такого рода. В XIX в. кисейные белые платки молодых женщин были вышитые (кашталик). Вышивали цветным шелком: узор шел в виде каймы по двум сторонам платка, образуя угол. Техника вышивания была разная: дуруя (гладь), юрма (тамбур), санама ироky (крестик) и др. В состоятельных семьях в приданое невесте приготавливали до 30—40 вышитых платков. Ими украшали свадебную комнату, так как по сообщениям в 60-х годах XIX в. в Ташкенте крупные вышивки (паляк, чайшаб, гуль-курпа), которые позже развешивали по стенам, были еще мало распространены. Вышитый платок молодая повязывала на следующий день после свадьбы (никох) и носила его до рождения двух-трех детей. Потом он заменялся белым платком без вышивки. Девушкам не полагалось носить вышитые платки, они носили небольшие цветные платки, завязывая концы на затылке так, чтобы были видны мелко заплетенные косички. С начала XX в. вышитые платки стали выходить из моды, и с 20-х годов их совсем перестали носить.

Головной убор женщины состоял из двух платков. Большой платок складывали пополам по диагонали и набрасывали на голову, выпуская концы на грудь (молодые женщины) или перекрестив их под подбородком и забросив концы на плечи, за спину (пожилые). Поверх кисейного платка, особенно при выходе в гости, повязывали налобную повязку из небольшого цветного платка (дурра, дуррача, пешанабог), складывая его по диагонали несколько раз. До конца XIX в. дурра были кустарные,

шелковые, потом вошли в моду шерстяные (*шол дурра*), а еще позже распространились шелковые (*латта дурра*) — и те и другие фабричной работы, привозные.

В прошлом столетии головной убор пожилых женщин был сложнее. Он состоял из нескольких частей: на голову надевался плат с отверстием для лица, опускавшийся на грудь и спину. В Ташкенте его называли *культа* или *кулута* (в других местах так называлась шапочка с накосником), а иносказательно — *кыямат кыйиғи* («платок дня страшного суда»); у узбеков других районов он называется *кийич*: считалось, что носить его предписано мусульманским законом (шариатом). Поверх платка с отверстием для лица на лоб повязывался небольшой платок (*пешона румол*), на который наворачивался третий — в виде чалмы. Чалмообразный убор имел несколько вариантов, различавшихся по названиям и размеру: *дакана* (наиболее употребительное), *саллача* (уменьшительное от *салля-чалма*), *локча* и *локи*. На *дакана* шло столько кисей, сколько было нужно для двух обычных квадратных платков, а на *локи* — для пяти-семи платков; считалось, что как раз столько требуется женщине на саван. Женская чалма в Ташкенте имела не круглую форму, как мужская *салля*, а высокую, продолговатую, более изящную. Ее конец (*печ*) либо свободно свисал сзади, либо закладывался за складки чалмы. Чалму не перематывали каждый раз, а снимали с головы и надевали уже в готовом виде.

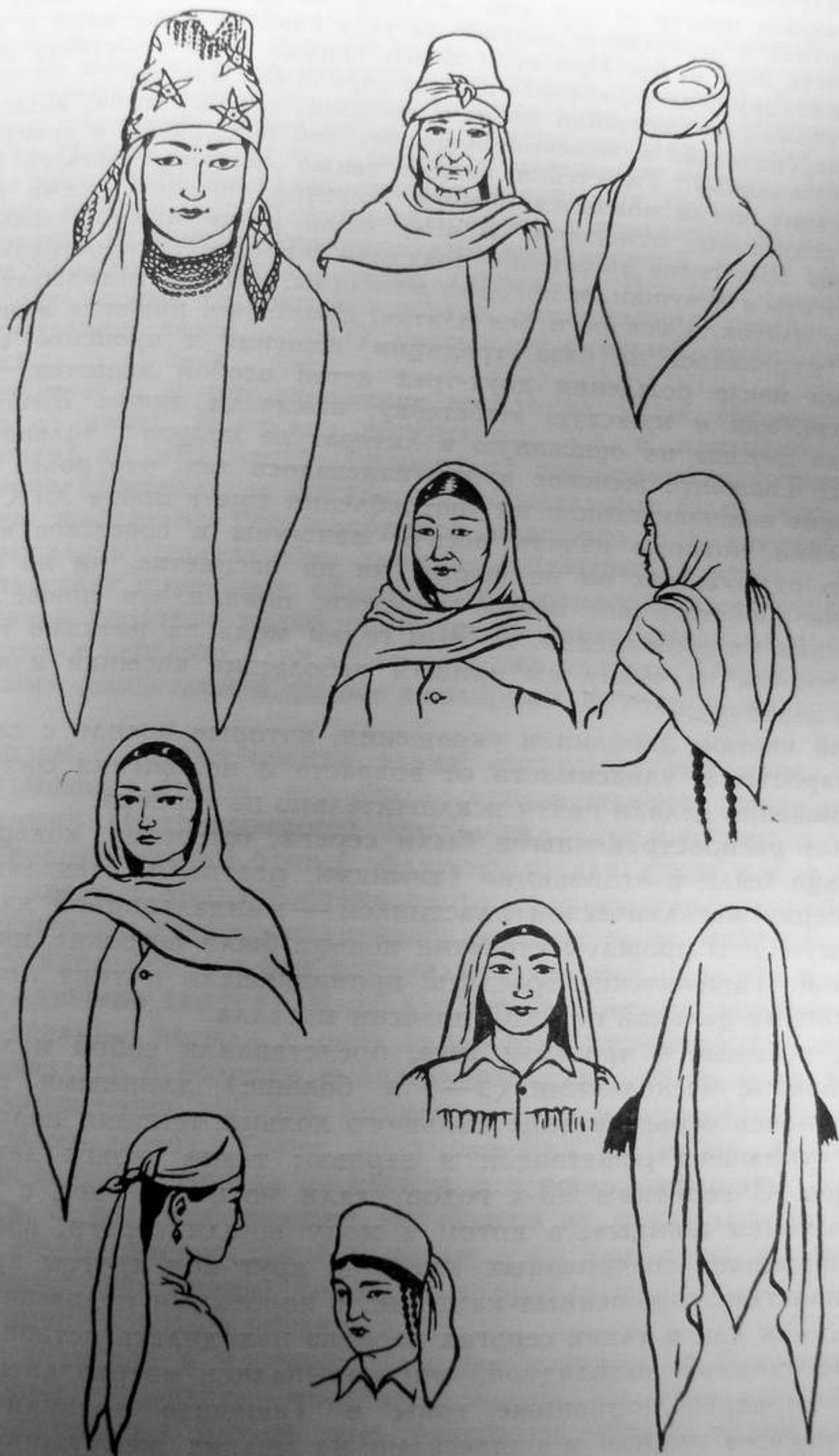
Этот сложный убор давно исчез из быта. Его существование в Ташкенте начала XIX в. засвидетельствовано Филиппом Назаровым, который пишет, что он «видел женщин токмо на базарах, но под покрывалом... Они накидывают на себя халаты, на головах носят чалмы, а на лицо опускают волосяную сетку»⁶.

А. П. Шишов, наблюдавший народный быт в конце XIX в., пишет, что «одежда старух отличается от одежды женщины только тем, что старухи наворачивают на голову, подобно мужчинам, небольшую чалму»⁷. Сообщившая автору сведения о женском чалмообразном уборе женщина 1880 г. р. уже не видела этого убора на своих землячках, но она помнит, что из Ферганы приезжали к ним родственницы, которые были в белых чалмах. В Ташкенте чалму делали, как правило, из белой кисей (*хоса, дока*). Синюю чалму носили как траурную, чалмы из шелковых и шерстяных тканей были иногда цветные — в начале XX в. их носили еще женщины из семей духовенства. В этих кругах дольше всего бытовал чалмообразный убор — вероятно, в силу связанных с ним религиозных представлений. Часть этого убора — платок с отверстием для лица — до наворачивания тела в саван.

После того как чалмообразный убор вышел из употребления, в Ташкенте женщины стали носить два платка.

В советское время повсеместно, в том числе и в Ташкенте, молодые женщины стали носить тюрбеты. До революции в Ташкенте их носили исключительно мужчины и дети обоих полов. Девушкам и женщинам

Рис. 3. Способы повязывания платков в Ташкенте (худ. А. Николаев — Усто Мумин)

ходить в тюбетейках считалось зазорным. Только раз в жизни приходилось женщине надеть ее — в день свадьбы, когда жених и невеста впервые виделись в отделенном занавеской углу свадебной комнаты и проводили вместе весь вечер. При этом жених снимал свою тюбетейку и надевал ее на голову невесте, которая взамен дарила ему новую.

До революции тюбетейки носили женщины особого типа, называвшиеся *сатанг* (находясь в женском обществе, они подражали в поведении и одежде мужчинам). Тюбетейки носили также женщины легкого поведения. Поэтому когда появился обычай ношения тюбетеек всеми женщинами и девушками, отношение к нему было резко отрицательным. Но с середины 20-х годов тюбетейки получили широкое распространение, их начали носить и девушки, и молодые женщины, сначала повязывая поверх тюбетейки платок, а вскоре и без платка. Возможно, ношение женщинами тюбетеек укрепилось на базе традиции ношения в прошлом столетии женщинами после рождения двух-трех детей особой шапочки, которую в Ташкенте, как и мужскую тюбетейку, называли *дуппи*. Женская шапочка была похожа на описанную в литературе *кулута*⁸, только без наосника. В Ташкенте женское дуппи надевалось так, что волос не было видно. Такие шапочки вышли из употребления еще в конце XIX в.

Тюбетейки, которые начали носить женщины в советское время, не отличались от мужских ни по форме, ни по расцветке, ни по вышивке. Оформление тюбетеек все время менялось, появлялись новые рисунки, новая техника их выполнения. К 50-м годам мода на женские тюбетейки стала проходить, на смену им пришли небольшие косынки или сложенные углом платочки.

Женский костюм дополняли украшения, которые носили с самого детства до старости. В зависимости от возраста и положения состав их менялся. Украшения делали почти исключительно из серебра.

Наиболее распространенными были серьги, ожерелья, кольца и браслеты. Кольца были с «глазками» (камнями, цветными стеклами), с припаянной сверху металлической пластинкой — миндалевидной или круглой (часто монетой). В прошлом столетии кольца были широкие, иногда в палец шириной. Ташкентские браслеты принадлежали к типу несомкнутых, без застежек, из цельной плоской полоски металла.

Серьги, носимые в прошлом веке, представляли собой маленькие куполки (*кубба*) с несколькими (5—6 и больше) длинными подвесками. Позже появились серьги в виде большого кольца, нижняя половина которого была украшена решеточкой и зернью; такие серьги заимствованы у кашкарцев. С середины 90-х годов стали носить серьги с подвесками «в виде косточки джиды», а потом в моду вошли серьги, состоящие из двух-трех подвижно соединенных, висящих друг под другом круглых или овальных пластин, украшенных камнями, с короткими подвесками по нижнему краю. Так как в таких серьгах нередко находилась вставка из белого стекла с зеркальной подкладкой, они назывались «зеркальными» (*ойна-зырак*). В предреволюционные годы в Ташкенте появились золотые серьги с красным камнем и подвесками из мелких жемчужинок, которые стали основной формой серег. Вплоть до начала XX в. молодые женщины носили носовую серьгу, продевавшуюся в крыло носа. Такие серьги чаще

всего имели форму небольшого колечка, украшенного двумя-тремя камешками.

Ожерелья были самой различной формы. Особенно распространились снизки из бус, главным образом кораллов. Они шли в несколько рядов, начиная от шеи (у самых богатых свешивались до колен). Кораллы нередко перемежались с медальонами и подвесками разной формы. Одним из самых старинных видов этого украшения считали джевак, который в селении Пскент (50 км от Ташкента) назывался мангыт. Джевак состоял из пяти ниток кораллов, свисавших одна под другой, с медальоном в середине каждой нити и чередовавшимися с кораллами более мелкими подвесочками, по форме напоминавшими зерна ячменя, что и определило название украшения (*джав* — тадж. «ячмень»). Все эти фигурки были полыми, сделанными из тонкой пластины позолоченного серебра и заполнены жевательной серой (*сакыч*), смешанной с землей, чтобы фигурки не сминались.

С начала XX в. это украшение вышло из моды. Распространились ожерелья из монет. В первом десятилетии XX в. появились ожерелья (*зеви гардан*) из семи фигур, висящих на серебряных цепочках, идущих в пять рядов. Центральная фигура в виде медальона была очень крупной. Медальоны вырезались из серебряной пластины и с лицевой стороны густо украшались поддельными камнями, сидящими в ячейках из припаянной к пластине проволоки, образующей несложный узор; снизу медальоны украшали короткие подвески. Мода на такие ожерелья просуществовала недолго, к середине 20-х годов она уже прошла. Ожерелья дополнялись разными амулетами в форме ювелирных футляров, подвешенных на цепочках.

В прошлом столетии носили также нагрудные украшения *пешауз* и *пешхалта*. *Пешауз* (тадж. *пеш-овез* — «подвешиваемое спереди») имело форму золотого (позолоченного) купольчика с подвесками в виде щипчиков для подравнивания бровей, флакончика для духов и т. п. Это украшение пришивали к концу вертикального разреза женских рубах. Также носили и *пешхалта*, которое отличалось от первого формой основного элемента: место купольчика в нем занимал серебряный мешочек, а среди подвесок были ключики (*калит*). В начале XX в. оба эти украшения исчезли из быта. Тогда же носили парное украшение *зар-кокул* (золотая коса); оно привешивалось к волосам и опускалось вдоль обеих щек. На памяти пожилых ташкентских узбечек *зар-кокул* делали из соединенных между собой колечками монет. Такие же украшения из монет привешивались иногда сзади к косам, иногда их носили и пожилые женщины, чтобы косы не болтались. У богатых женщин украшения из монет покрывали иногда всю спину. Более распространены были накосные подвески (*чоч-попук*) в виде пропущенных сквозь серебряные трубочки и купольчики черных шнуров, заканчивающихся кистями.

Большое значение в costume молодых женщин и взрослых девушек имели налобные украшения — *баргак* и *тилля-кош*. Они дополнялись височными украшениями *зульфи зар*, налобным *пешана гаджак* и др.

Более старым считался *баргак* (от тадж. *барг* — «лист»). Он представлял собой полосу из соединенных друг с другом шарнирами квадра-

тиков, сделанных из позолоченного серебра со вставками из бирюзы (по верхнему краю) и кораллов (в центре квадратов). Над полоской из квадратов укреплялись на специальных пластиночках пять-семь цветных камней (или стекол). Внизу шла бахрома (*шингиля*) из коротких подвесок; каждая заканчивалась маленьким серебряным позолоченным листиком. Баргак повязывали поверх налобной повязки из платка. К концу первого десятилетия XX в. это украшение совершенно вышло из моды и некоторые женщины переделали имевшийся у них экземпляр на браслеты.

Тилля-кош, в его более поздних образцах, представлял собой довольно высокий кокошник, нижняя часть которого имела форму бровей, соединяющихся на переносице. Снизу шли короткие подвески — такие же, как на баргаке, а сверху возвышалась узорная пластина, представлявшая одно целое с «бровями», украшенная сплошь вставками из разноцветных фальшивых камней. Более ранние образцы этого украшения не имеют высокой «надстройки», между бровями помещен только один крупный самоцвет (*лал*). Особенно широко распространились тилля-коши в 90-х годах XIX в. Перед революцией они тоже вышли из моды.

В отличие от большинства других мест Средней Азии, где полный комплекс украшений, особенно налобных, носили только молодые женщины обычно до рождения первого ребенка, в Ташкенте с 10-х годов XX в. их стали надевать с праздничным костюмом и взрослые девушки, которым украшения постепенно дарили их родители для приданого. В таком костюме со всевозможными украшениями, в числе которых у более богатых девушек были и баргак, и тилля-кош, они ходили в дни годовых праздников, собравшись компанией, по домам родственников и тех соседей по кварталу, у которых в текущем году в дом пришла новобрачная. По обычаю, ее комната в полном убранстве с постоянно накрытой скатертью и угощением была готова к приему знакомых и незнакомых гостей — девушек и молодых женщин, для которых это было лучшее развлечение. Они подсаживались к угощению, подавался чай, а молодая хозяйка в полном наряде красовалась в переднем углу, целый день стоя на ногах и отвешивая поклоны всем приходящим.

К концу первого десятилетия XX в. ювелирные украшения, прежде всего налобные, стали все больше выходить из употребления. При самом нарядном костюме ограничивались роскошными шелковыми трикотажными платками с длинными кистями (*гыджим румал*), с которыми традиционные украшения не носили.

Изучение женского костюма населения Ташкента выявило, что на протяжении ста лет, охватываемых нашими исследованиями, национальная одежда очень изменилась. До конца прошлого столетия в ней сохранялись традиционные формы, сложившиеся в далеком прошлом. Ее изменение происходило под влиянием присоединения Средней Азии к России. Если в предыдущий период непрерывные феодальные междоусобицы задерживали экономическое и культурное развитие народа и способствовали застою всего бытового уклада, то прекращение междоусобиц и расширение экономических и культурных связей создали условия для движения вперед. Это сказалось и на народном костюме, эволюцию ко-

торого в течение второй половины XIX—начала XX в. позволили проследить этнографические материалы, собранные в довоенные годы, и образцы одежды, хранимые в музеях.

- ¹ В 30-е годы под руководством автора был составлен альбом ташкентской одежды — мужской, женской и детской. Рисунки выполнил художник Николаев (Усто Мумин); альбом хранится в Ин-те искусствознания УзССР.
- ² Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, с. 94.
- ³ Этому виду одежды автор посвятила специальную статью (Бикжанова М. А. Мурсак — старинная верхняя одежда узбеков г. Ташкента. — В кн.: Памяти М. С. Андреева. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1960.
- ⁴ О подобном представлении у равнинных таджиков см.: Сухарева О. А.

- Мать и ребенок у таджиков. — В кн.: Иран. Л.: Изд-во АН СССР, III, 1929.
- ⁵ По поверьям горных таджиков, конский волос и уздечка являются оберегами. См.: Зарубин И. И. Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги. — В кн.: В. В. Бартольд. Ташкент, 1947, с. 363.
- ⁶ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М.: Наука, 1968.
- ⁷ Шишов А. П. Сарты...
- ⁸ Сухарева О. А. Древние черты в головных уборах народов Средней Азии. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1954, I, с. 306—307.

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА УЗБЕКОВ ХОРЕЗМА КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX в.

К. Л. Задыхина, М. В. Сазонова

Среди узбеков Хорезмского оазиса исследователи XVIII—XIX вв. выделяли северную группу, известную под названием «аральские узбеки». Эта группа представляет собой потомков древних тюрко-монгольских кочевников и узбеков даштикипчакского происхождения, влившихся в основном в XV—XVI вв. в состав коренного оседло-земледельческого населения Хорезма, именовавшегося сартами или хивинцами¹. Но, смешавшись с потомками древнего оседлого населения, узбеки-кочевники передали им свое имя. Условия хозяйства, культура и быт обеих групп узбеков населения Хивинского оазиса приобретали все большую общность. В XIX в. сохранялись уже только некоторые специфические особенности, характерные для каждой из них в прошлом. Эти общность и особенности отразились в известной мере и в традиционной народной одежде.

Для описания мужской одежды хорезмских узбеков нами использованы музейные коллекции, собранные в разное — преимущественно в советское — время экспедициями Музея народов СССР в Москве, Государственного музея этнографии народов СССР, Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде и отчасти Музея истории культуры

УзССР в Самарканде, и литература. Значительная часть использованных коллекций паспортизована и научно описана. Источниками нашего исследования являются материалы, собранные во время полевых исследований 1946—1953 гг. североузбекским (руководитель К. Л. Задыхина) и южноузбекским (руководитель М. В. Сазонова) отрядами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Эти материалы дополнены во время экспедиции Института этнографии в 1971 г.²

Народная одежда узбекского населения низовьев Амударьи имела и в значительной степени имеет еще и теперь свои характерные особенности. Ей свойственны строгость и устойчивость традиционных форм, спокойный и сдержанный общий колорит. Некоторые детали позволяют заметить отличие одежды южных узбеков от одежды узбеков северной части Хорезмского оазиса.

В наши дни у хорезмских узбеков распространена одежда как старого покроя, отличающаяся традиционными чертами, так и нового покроя, развившегося в последние десятилетия. Вошла в быт и русская городская одежда, которую зачастую дополняют отдельными предметами национальной одежды. Одежда старого покроя, которая в конце XIX—начале XX в. была еще общепринятой, в настоящее время сохраняется в сельских местностях у людей старшего поколения и у детей. Как рабочую ее употребляет и значительная часть людей среднего поколения.

В комплекс традиционной мужской одежды входит немного предметов. Нательной одеждой служили нераспашная рубаша и штаны, верхней одеждой — разного вида халаты, а также меховые шубы (мехом внутрь). Для опоясывания рубах и халатов употреблялись кушаки (бельбаг) и поясные платки (урамал).

Головным убором являлись шапки из бараньего меха (чугурма, тельпек), тюбетейки (тахья, топпы) и у части населения — чалмы (салла). Обувь состояла из кожаных сапог (ак-едик, етик), мягких сапог (махси) и кожаных калош (кауш, кефи).

Нательная мужская рубаша у хорезмских узбеков шилась преимущественно из белой одноцветной или из белой с темными, слабовыраженными узкими полосами хлопчатобумажной ткани (без) домашнего или ремесленного производства. В настоящее время для мужских рубах используют фабричную белую бязь или белый в узкую темную полосу ситец.

Мужская рубаша (куйнак) старинного местного покроя³ относится к туникообразной одежде (рис. 1). Она имеет стан из прямого, сложенного пополам полотнища и боковины, расширяющиеся к подолу. Если ткань узкая, боковины делаются из двух полотнищ со швом посередине (на боку). Скошенными сторонами боковины пришиваются к прямому краю стана. На правой стороне стана в шве проходит вертикальный внутренний карман. Рукава рубахи (енг — на юге, дженг — на севере) не имеют вырезной проймы; они шьются из поперечных кусков ткани и суживаются книзу; шов располагается на внутренней стороне вдоль рукава (рис. 1). Вверху ширина рукава обычно 25—30 см, у кисти 16—18 см. Края рукавов, как и подол, подрубаются. У места соединения рукава с боковиной вшивается ластовица (киштак) из той же материи, иногда из материи другого цвета; например, на свадебной рубаше жениха ласто-

вицы были из красной ткани. Встречались и рубахи без ластовиц. Ворот рубахи (ёка, джѣга) горизонтальный; полотнище стана разрезается по линии сгиба на плечах, разрез делается шириной около 30 см.

В старину ворот отделялся узкой тесьмой (джияк, жияк) из шелковых ниток, которая плелась на руках, одновременно подшиваясь к вороту. Джияком оплетался и карман. Шелковые нити окрашивали в малиново-розовые тона естественным красителем мареной (руян). К началу XX в. ворот рубахи стали обшивать узкой бейкой из фабричной бумажной ткани красного цвета. Для прочности с изнанки, от ворота на груди и на спине, подшивалась неширокая полоса — подоплека (кават или ёка-астар) из той же ткани.

Еще в недалеком прошлом мужские рубахи были широкими и длинными. У стариков они спускались ниже колен. Рубахи такого покроя можно иногда встретить и сейчас, особенно в северных районах Хорезмского оазиса⁴.

Мужские рубахи у хорезмских узбеков и у других народов Средней Азии носят, как и в древности, навывпуск, подпоясанными.

Другой разновидностью мужской рубахи у хорезмских узбеков является рубаха стеганая. В южных районах Хорезмского оазиса ее называют джубба⁵, в северных — это название употребляется реже, здесь такая рубаха чаще называется курта (рис. 1, 2). По покрою она мало отличается от описанной выше — только более узкая, облегающая. Ворот горизонтальный, но несколько меньший, поэтому с обеих сторон на плечах имеются дополнительные разрезы, а у горла спереди небольшая выемка. Стеганая рубаха шьется на подкладке и имеет тонкий слой ваты (раньше верблюжьей шерсти); стежка (кава) редкая. На боках от подола делают вертикальные разрезы длиной 28—30 см. Ворот, края рукавов и боковые разрезы прежде отделялись узким джияком, а позже стали обшиваться бейкой из материи красного цвета.

Стеганая рубаха — это теплая одежда, которую носят старики и маленькие дети. Для стариков ее делают из белой бумажной ткани, фабричной (раньше кустарной), а для детей — из ситца и сатина.

Нам кажется уместным высказать предположение, что в рубахе типа джубба могли сохраниться элементы одежды, защищавшей тело древних воинов при ношении кольчуги. На это предположение наводит характерная форма рубахи — облегающая, напоминающая кольчугу, ее длинные боковые разрезы у подола, а главное — само название «джубба» — «броня», «латы». Возможно, имеется генетическая связь между этой рубахой и панцирными рубашками оседлых массагетов Кангха-Хорезма, о которых писал С. Н. Толстов⁶.

Устойчивость традиционных черт в покрое обоих видов мужской рубахи, бытовавших еще в XIX—начале XX в., позволяет думать, что у хорезмских узбеков сохранялись два древних сосуществовавших типа мужских рубах: широкая (без стежки) и относительно более узкая (на стежке). И та и другая имела закрывающий грудь горизонтальный ворот, распространенный у узбеков и других народов Средней Азии. Широкая и длинная рубаха с горизонтальным воротом отмечена также у населения Зеравшанской долины, где была известна под названием муллача или

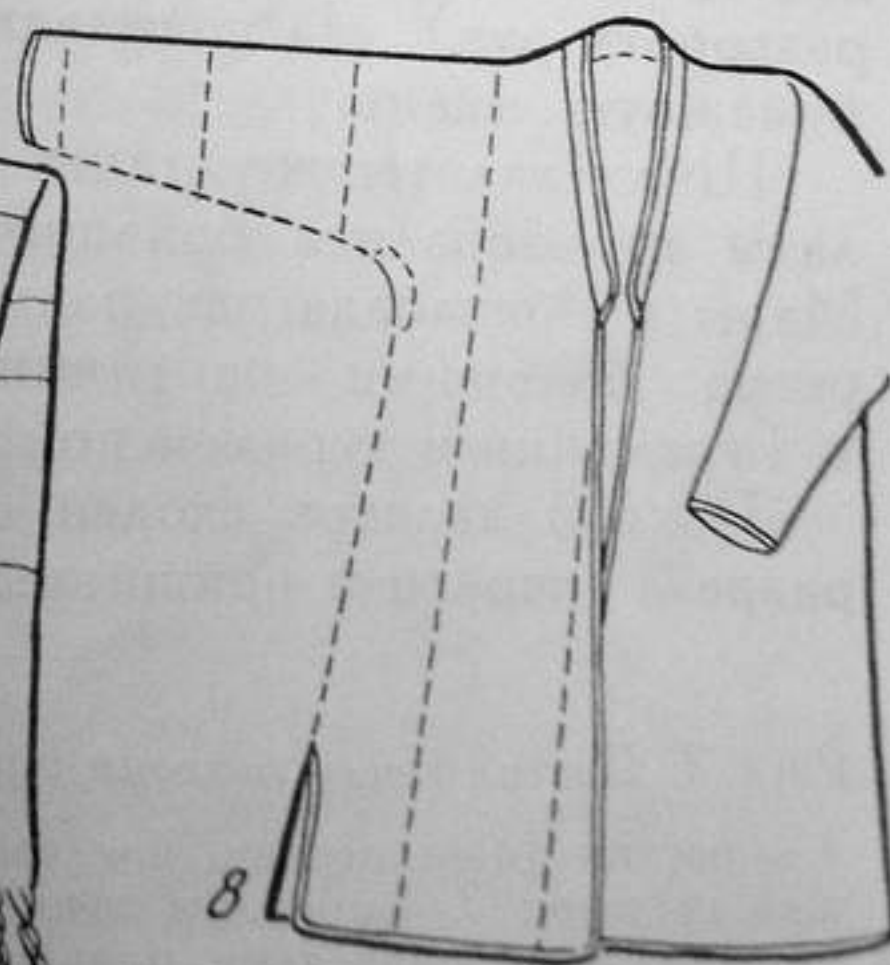
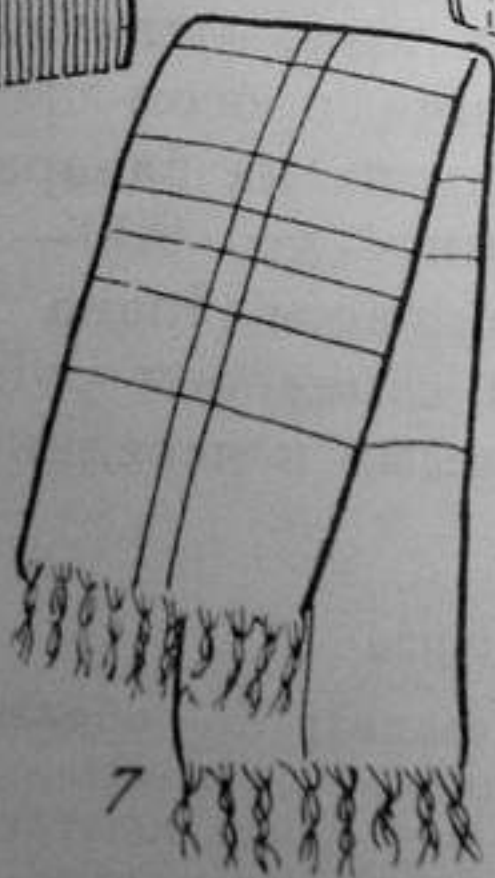
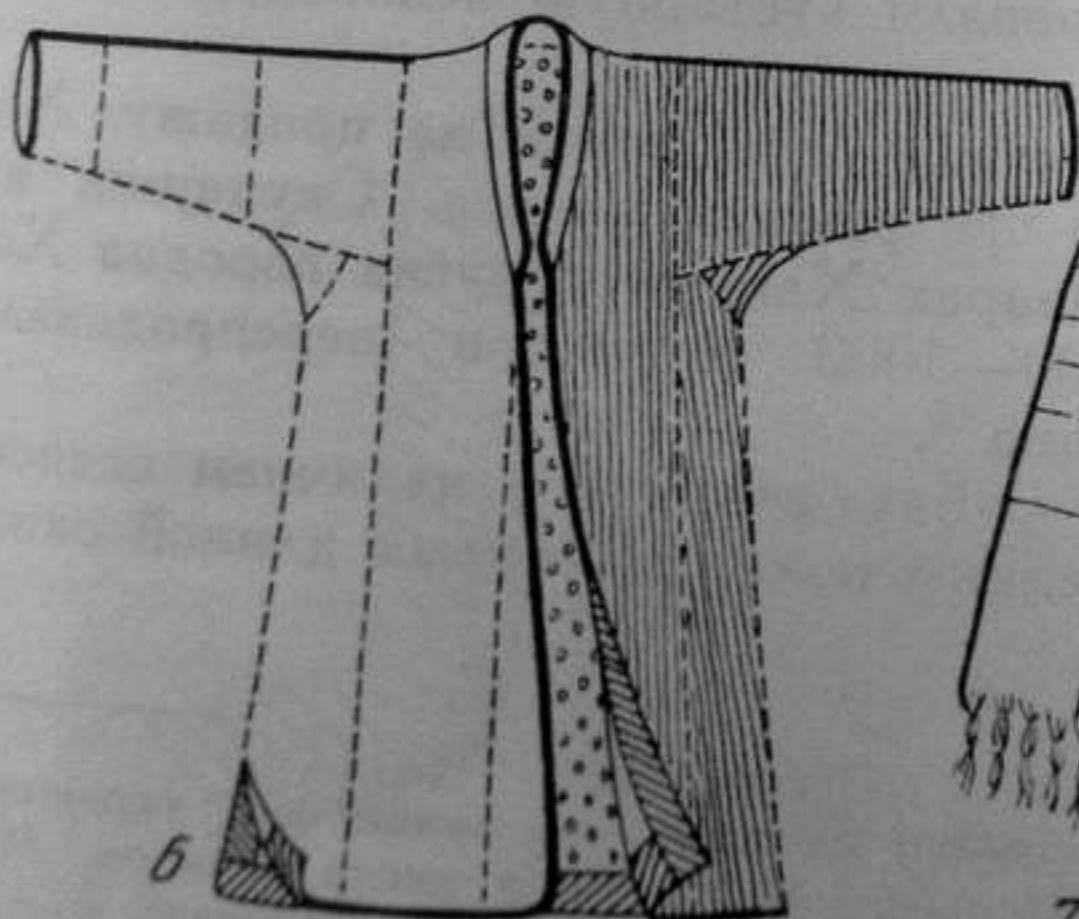
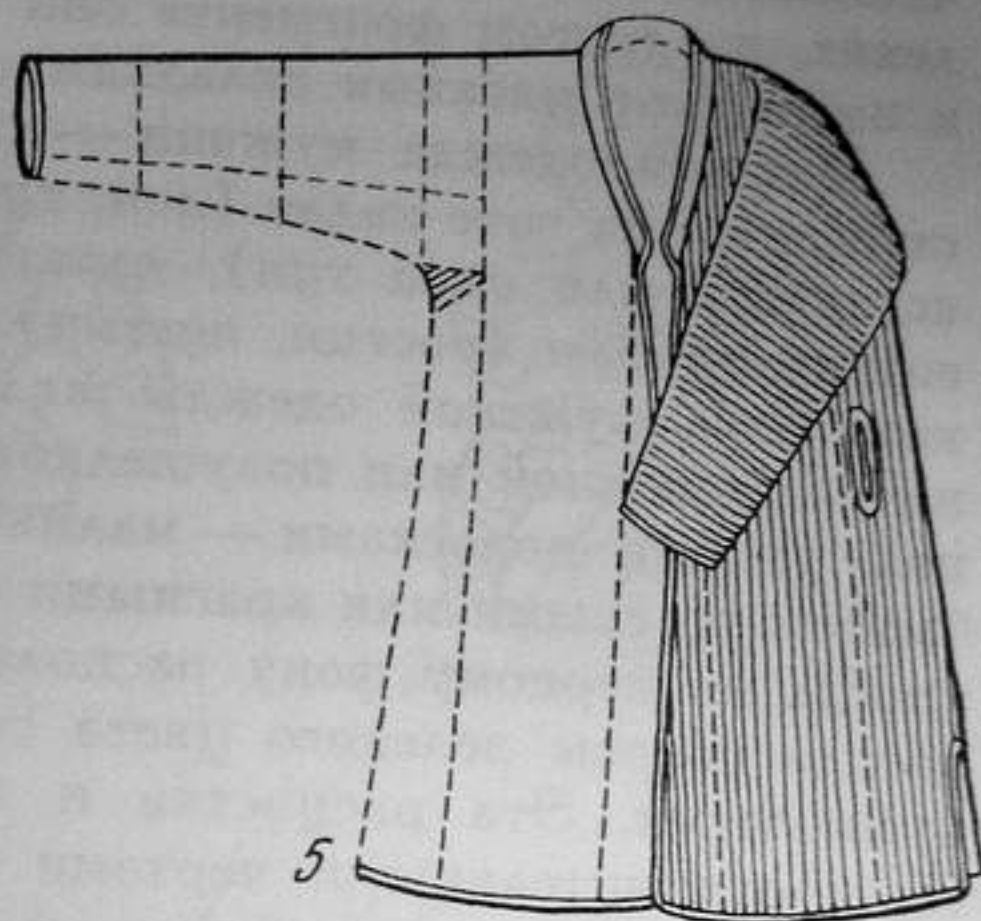
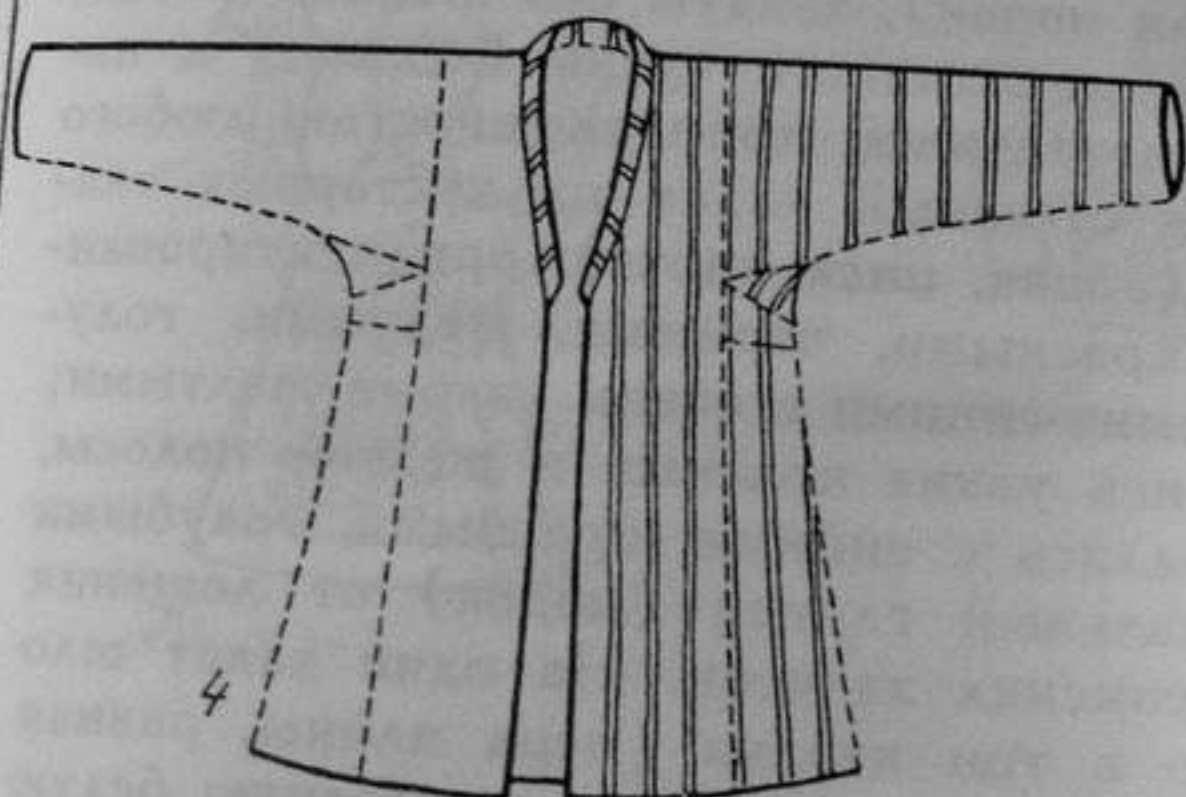
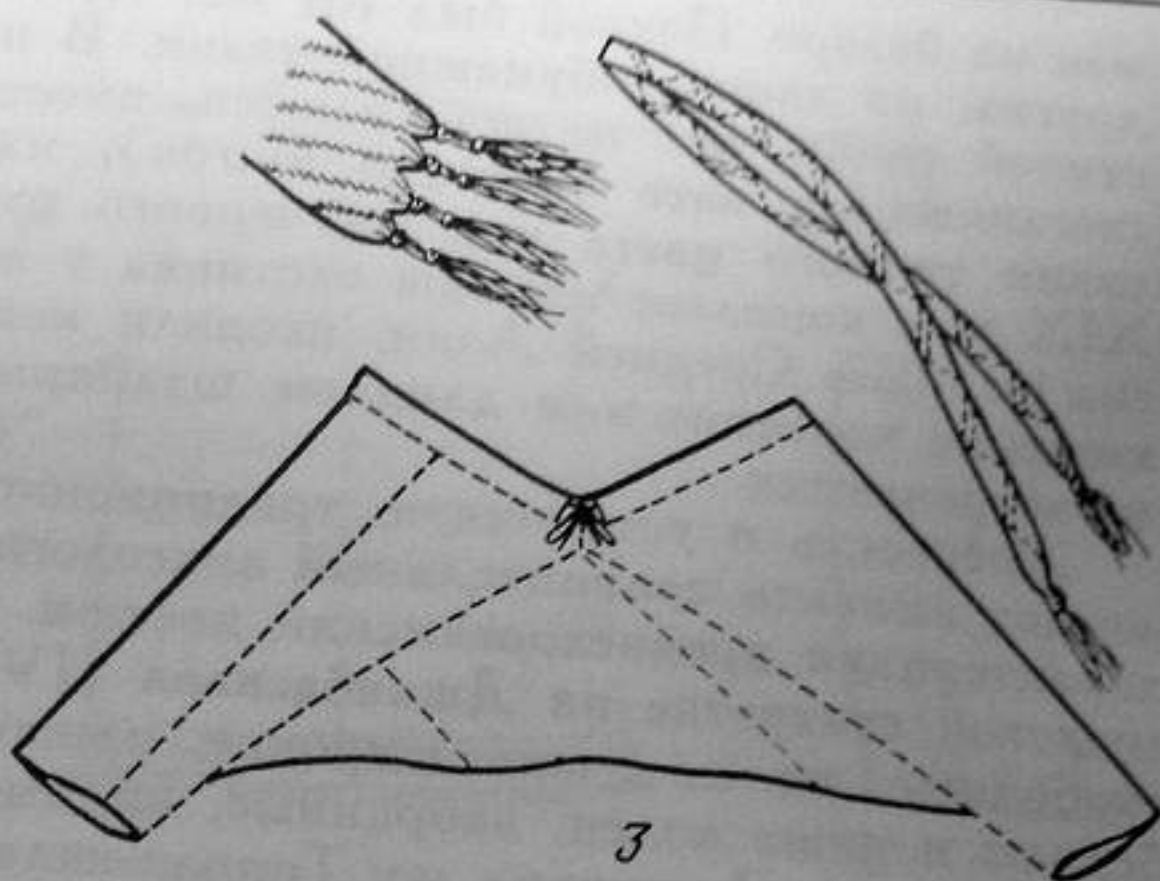
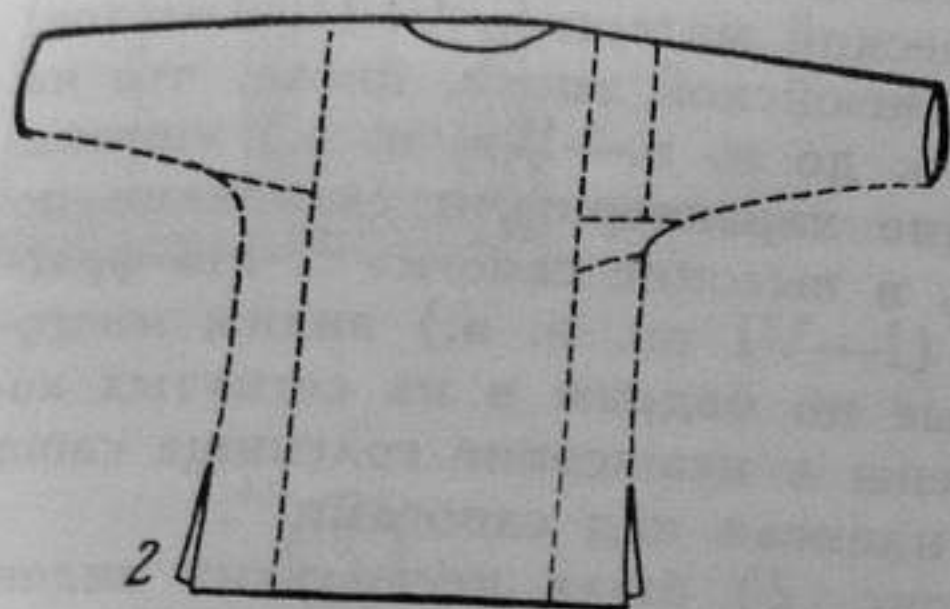
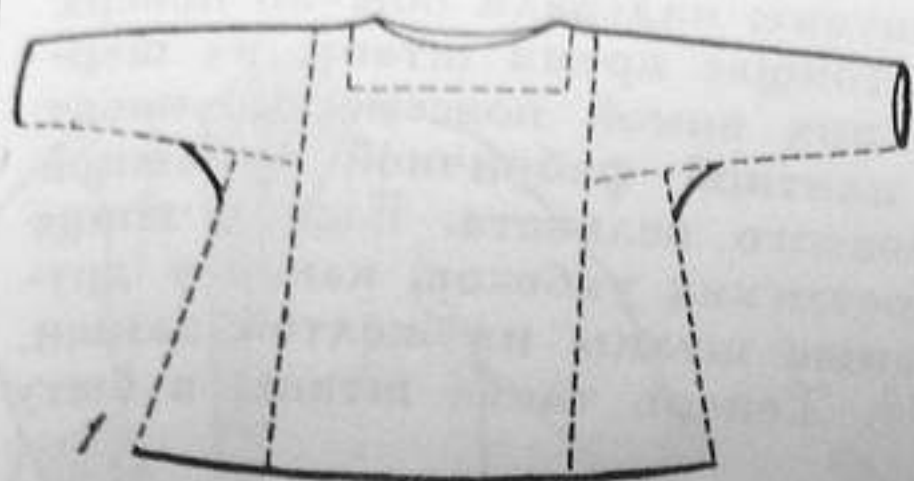
кифтак. Подобного типа мужская рубаша с горизонтальным воротом бытовала и в Нурата. У таджиков Каратегина и в районах, прилегающих к Гармской обл., рубаша с горизонтальным разрезом ворота, оплетенным тесьмой, широкая в подоле была характерна для XIX в.; в последнее время, пишет С. П. Русяйкина, ее носили только старики и мальчики, она сохранялась и в наряде жениха⁷. В городах Ферганской долины такая же рубаша бытовала в XIX в. у духовенства и знати⁸. У каракалпаков рубаша с горизонтальным воротом совершенно аналогична рубашке хорезмских узбеков⁹. Этот же тип с горизонтальным воротом отмечен у туркмен-нохурли Бахарденского и Каракалинского р-нов Ашхабадской обл. Туркменской ССР¹⁰. У таджиков верховьев Зеравшана (Е. М. Пещерева), таджиков Гармской обл., туркмен отмечено бытование рубахи более узкого покроя¹¹.

Для изучения истории развития одежды народов Средней Азии важнейшее значение может иметь привлечение археологических материалов. Для нашей темы особенно интересны данные по одежде населения Древнего Хорезма. Они показывают стойкое сохранение на протяжении веков традиционных элементов старинной одежды не только у узбеков, но и у других народов Средней Азии: эти черты генетически восходят к одежде их далеких предков.

Старого покроя штаны — *иштон* (рис. 1, 3) шили обычно из белой бумажной ткани (*без*), позднее — из фабричной бязи. По покрою они широкие в поясе, с широким шагом, на вздержке, глухие, без прорехи. Еще и поныне такие штаны носит сельское население — старики, некоторые мужчины среднего возраста, маленькие дети и частично подростки. Штаны состоят из двух штанин (*балаки*) и мотни. Их покрой можно проследить на конкретном примере — образце, приобретенном в Хиве в 1907 г. Каждая штанина имеет длину 96 см, скошена книзу, и к ней пришиты два клина: ширина одного из них равна длине штанины, второй — небольшой. Широкий клин на одной штанине пришит спереди, на другой — сзади. Штанины сшиты друг с другом спереди и сзади, а на боках шва не имеют. Штанины внизу узкие — 20 см. Мотня состоит из вытянутого ромба (130×72 см), тупые углы которого направлены вверх, острые — к концу штанин (рис. 1, 3). Верхний край штанов отвернут наружу, образуя рубец для вздержки (*чармак*). Спереди и сзади оставлены отверстия, через которые продергивается гашник (*ичкур*) — плетенный в сетку шнур из белых бумажных ниток с кистями на концах. Штаны завязываются ниже талии, на бедрах, образуя множество сборок, а концы гашника с кистями свешиваются вниз. Штанины закрывают икры ног, иногда опускаясь до щиколоток и ниже, и заправляются в сапоги. Не так давно мужчины, особенно из бывших полукочевых групп узбеков северной части Хорезмского оазиса, в зимнее время носили штаны из грубой домотканой шерстяной ткани (*шим*); иногда ее покупали у турк-

Рис. 1. Мужская народная одежда

1 — рубаша *куйнак*; 2 — рубаша *джубба*; 3 — штаны; завязки к штанам; 4 — *яхтак*; 5 — халат *чопон*; 6 — халат *тон* (на вате, длинный); 7 — пояс *турме белбаг*; 8 — халат из верблюжьей шерсти *шол чекман*

мен на базаре. Покрой был тот же; такие штаны надевали обычно поверх других, из хлопчатобумажной ткани. В настоящее время штаны из шерстяной ткани уже не встречаются, вместо них зимой повсеместно носят стеганные на вате (*пахтали иштон*), из плотной фабричной бумажной ткани темного цвета или из черного рубчатого вельвета. Еще в конце XIX в. в комплекс одежды охотника у хорезмских узбеков, как и у других народов Средней Азии, входили кожаные штаны из желтой замши, имевшие короткие или длинные штанины¹². Теперь такие штаны в быту не встречаются.

Древность и устойчивую традиционность штанов указанного типа помогает выявить сравнительный археологический материал. С. П. Толстов, характеризуя древнехорезмский костюм кангюйской эпохи, писал, что на мужской статуэтке из Джаябаскала (IV в. до н. э.—I в. н. э.) «штаны свободные, но не очень широкие, лежащие характерными складками по бедрам и ниже колен, забранные, видимо, в высокие сапоги»¹³. На фрагменте «сидящей статуи» из Топрак-кала (I—VI вв. н. э.) видны многочисленные складки штанов, расположенные по бедрам и на согнутых коленях, на другом фрагменте они заправлены в невысокие голенища сапог и ниспадают мягкими складками, слегка нависая над сапогами¹⁴.

Верхняя одежда мужчин — халаты (рис. 2) была нескольких видов: стеганный на вате халат (*дон, тун* или *чопон*), халаты без стежки (*яхтак, астардыш* или *авра тун*), халаты из домотканого сукна (*чекман*) и нагольный тулуп (*постин, пустин*). Обязательной принадлежностью любого комплекса мужской одежды являлся стеганный халат из кустарных тканей — бумажной или полушелковой (*алача, ипак алача*), орнаментированной узкими полосками — малиново-красными, черными, желтыми, голубыми и зелеными или красными и темно-синими с очень узкими желтыми; иногда по черному фону располагались узкие красные и желтые полосы, иногда полосы зеленого цвета сочетались с синими, красными, голубыми и желтыми. Эта расцветка и зеркальный глянец (*морок*) от лощения были отличительными чертами хорезмских халатов. На один халат шло два куска ткани (*джура*) примерно в три кулача (мера длины, равная развороту рук). На подкладку использовали кустарную неплотную белую бумажную ткань.

Шили халаты женщины дома — как для себя, так и на продажу. Халаты пользовались большим спросом на рынках оазиса. Скупщики из Мары и Ашхабада закупали их на базарах Ханки и других городов Хорезма большими партиями — до 900—1000 штук — и перепродавали в Туркмении и туркменской части Ирана¹⁵.

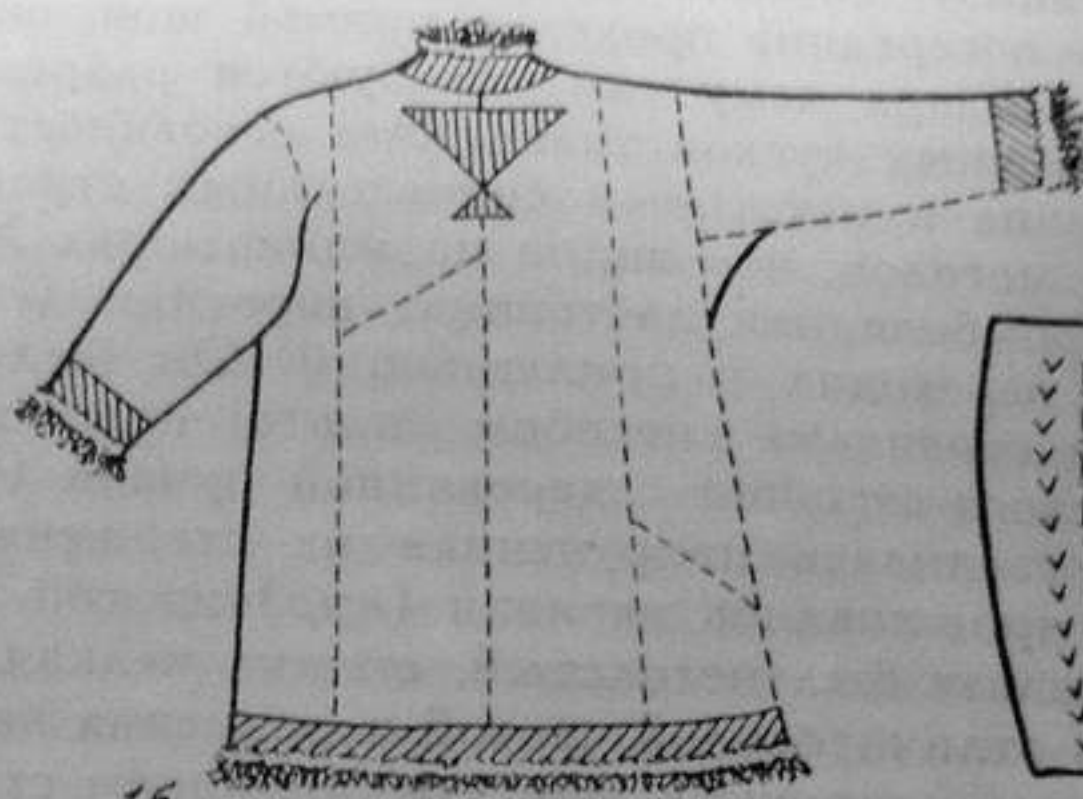
Покрой халатов сходен с покроем рубах, отличаясь наличием осевого разреза спереди и пришивными к передним полам клиньями длиной около

Р и с. 2. Постин-тон — меховая шуба

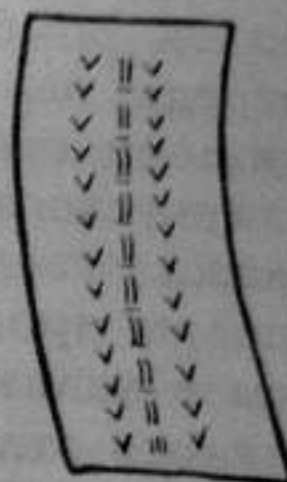
1 — постин (а — спереди, б — сзади); 2 — образец вышивки на замше для украшения шва постина; 3 — образцы вышивок на замше: 3а — на груди, у места завязок, 3б — над боковыми разрезами подола — чакка каштаси, 3в — на боковых разрезах; 4 — боковой разрез полы постина; 5 — образец отделки постина на груди на месте завязок кукрак каштаси

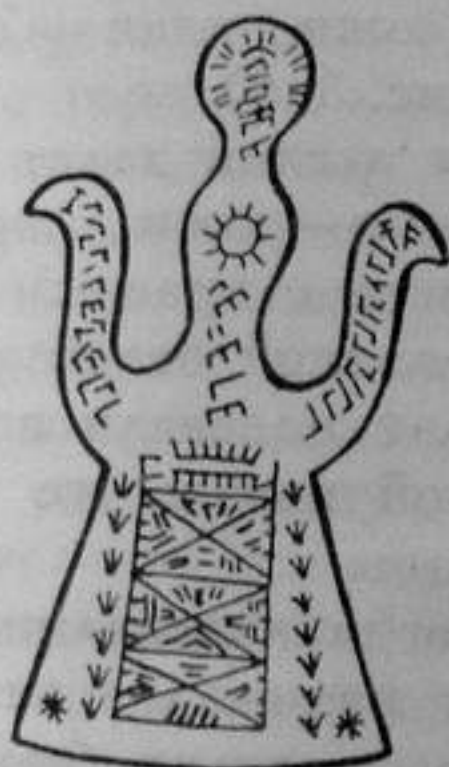
1a

1b

2

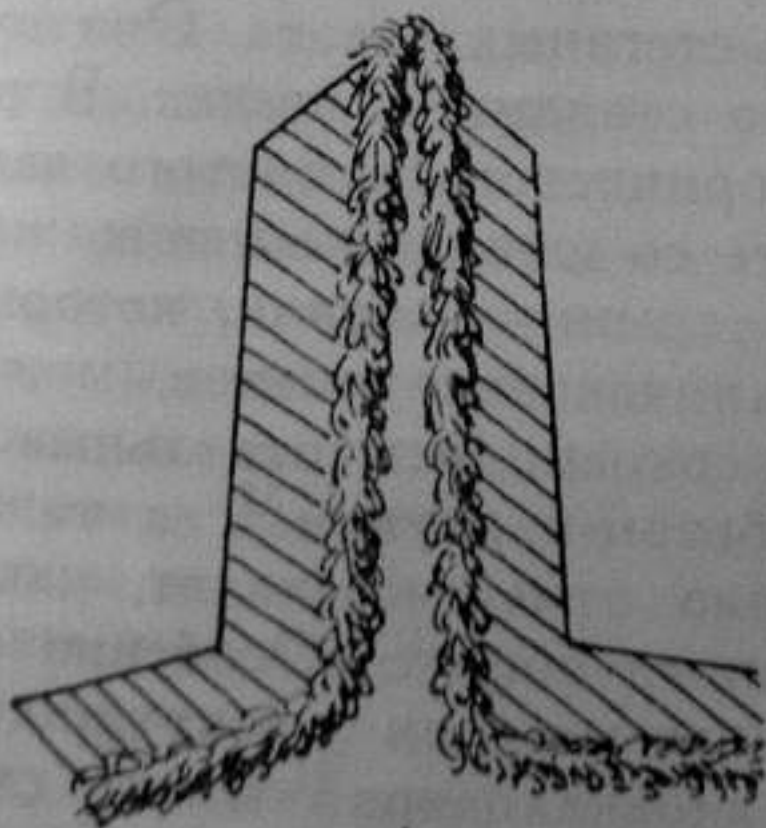
3a

3b

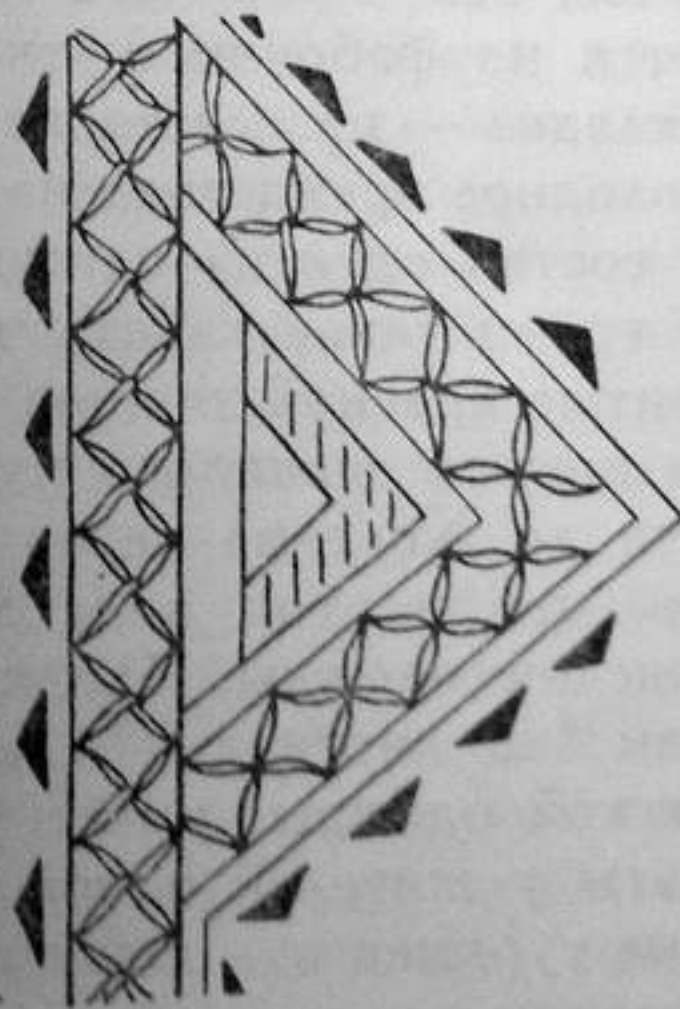
3c

4

5

90 см, внизу шириной до 8—9 см. Халат широкий, на раскошенных боковинах посередине проходит прямой шов, снизу на 16—24 см не зашитый, благодаря чему там образуются разрезы (чакка). Рукава кроются из поперечных кусков ткани. Эта особенность в покрое рукавов одежды свойственна и некоторым сопредельным странам, например Индии эпохи великих моголов, что видно на миниатюрах XVII в.¹⁶ Под рукавом вшивалась ромбовидная ластовица; воротник (ёка) со спины был стоячим, спереди переходил в прилегающий. Он был простеган несколькими выпуклыми строчками способом *пильта*: при помощи длинного (22 см) металлического стержня с деревянной ручкой (ёка чий) в каждую дорожку стежки вводилась накрученная на стержень вата. У конца воротника к полам пришивались завязки (кур) из той же ткани, что и халат. Слой ваты в халате был нетолстый, стежка мелкая и плотная (ушак кава), что являлось отличительной чертой хорезмских халатов.

С правой стороны в шве, соединяющем стан с боковиной, делался внутренний карман (чунтак). Края ворота, полы, подол, боковые разрезы и карманы оплетались красной тесьмой — *джияк* (южн.) или *какма* (сев.). На нарядных свадебных халатах *джияк* делался шелковый. К полам пришивали широкие подполки (*фарауз*, *парауз*, *мадали* — южн., *адип* — сев.) из нарезанной косыми полосами алачи или бекасама (рис. 1, 6).

Из алачи с лощением, с такой же отделкой шился легкий халат аналогичного покроя, на подкладке, без стежки (*астардиш* — южн., *авра* — сев.). Подкладку делали обычно из ситца зеленого цвета с красным узором для молодых, из розового в узор ситца или из гладкой белой ткани для людей пожилых. В теплое время года легкий халат надевали поверх рубахи и подпоясывали поясом — *белбаг*, при холодной погоде его надевали поверх стеганого, особенно если последний был новым.

Зимой для тепла под халат на тонкой стежке иногда надевали халат на толстом слое ваты с редкой стежкой. Такой халат назывался *пахтали чопон* или в северных районах Хорезма — *гуппи*. Его отделка была такой же, как и у халата на тонкой стежке. Такие халаты в наши дни делаются из фабричной ткани темного цвета — черного или коричневого, подкладка — из светлого, преимущественно серого ситца (рис. 1, 5). В холодное время года надевали по два-три стеганых халата. Они входили и в состав одежды пастуха, кочевавшего со стадами в песках. В настоящее время такие халаты из черного или коричневого рубчатого вельвета, обшитые красной тканью, составляют вместе со штанами из того же вельвета костюм пожилого мужчины. Судя по термину — *гуппи*, который мог дойти до Хорезма через северных, даштикипчакских узбеков, можно думать, что в этом виде мужской одежды сохранились отдельные черты тюркской одежды, близкие, например, узбекам-карлукам¹⁷, а также казахам¹⁸ и киргизам¹⁹. Как уже справедливо отмечено, халат, как часть мужской одежды, имеет у этих народов много общего. Особенно сходны халаты у жителей одной части региона: *гырмызы дон* у живущих в Хорезме туркмен ата и йомудов²⁰ и *шапан* у каракалпаков²¹ имеют сходство с халатом тон узбеков Хорезма.

В состав одежды пожилых состоятельных людей входил также халат из шерстяной ткани (*шол*), называвшийся *чекман* или *шол чекман*, без

подкладки. Ткань изготовлялась из верблюжьей шерсти естественного светло-коричневого цвета, чаще туркменами. Такие халаты отличались большой прочностью и обладали свойством предохранять от солнечных лучей, пыли и ветра. Ткань была очень узкой (23 см), поэтому на чекман ее требовалось около 25 м. Для стана чекмана сшивали два полотнища. Рукава, широкие вверху и суженные книзу, сшивались поперек, из четырех полос ткани, и имели вставленные клинья (*ян баши*) спереди и сзади или только спереди. Под рукавом оставалось отверстие. Воротник шили обычной для халатов формы — стоячий со спины и прилегающий спереди, где он доходил до груди. Края халата и отверстия под рукавом оплетали плетеной тесьмой *чиллик* из цветных нитей. Запахивался чекман слева направо (Хазараспский р-н — южные узбеки) или справа налево (Шаватский р-н — северные узбеки). Мужчины надевали чекман весной и летом непосредственно на рубаху, а в ненастную погоду — на стеганный халат или меховую шубу, оберегая их от дождя и непогоды. Чекман также являлся неизменной принадлежностью одежды чабана на отгонных пастбищах. Он считался одеждой выходной: пожилые люди и мужчины преклонных лет надевали его на праздник (*той*) и поминки (*садака*).

Еще в начале века А. Н. Самойлович писал, что «высший и средний класс городского населения Хивинского ханства поверх рубахи носит не халат, а „камзор“»²². Эта одежда, по его мнению, была заимствована среднеазиатскими народами от поволжских татар. Камзол был легкий, летний, и теплый, который носили зимой, а некоторые и летом. Большое распространение камзол получил среди пожилых людей за последние годы, в настоящее время его носят, надевая под халат, и в сельских местностях.

В состав пастушеской одежды входил также хорошо приспособленный для условий работы валяный из овечьей шерсти плащ в виде халата с рукавами (*япанджа*)²³. Изготовлением такой одежды занимались валяльщики кошм (*чапчи*). Ко времени сбора нами материала этот вид одежды уже вышел из употребления, его заменил стеганный халат или чекмен.

Летом мужчины вместо рубахи или поверх нее надевали легкую короткую распашную одежду (длина 110—118 см) — *яхтак* из алачи домашнего или ремесленного производства в мелкую синюю полоску. От рубахи *яхтак* отличался передним разрезом и невысоким воротником из поперечного куска ткани того же покроя, что и на других видах халатов (рис. 1, 4). Запахивался *яхтак* справа налево и подпоясывался поясным платком. Вообще он занимал промежуточное положение между рубахой и халатом. Носили его главным образом бедняки. Как известно, *яхтак* как тип одежды свойствен многим местностям Средней Азии.

Халат, в частности его разновидность *дон* (с тонкой стежкой), — одежда очень древняя. Наиболее ранним, насколько нам известно, его изображением можно считать каменные скульптуры в Иране, определяемые иранским ученым Джабилем Зия как изображения конников-охранников времен Аршакидов. Он отмечает, что одежда всадников напоминает одежду всадника-парфянца, и подчеркивает сходство подобной одежды с одеждой современного населения восточных областей Ирана²⁴. Такие же черты свойственны и изучаемому нами халату по его общему виду, крою, вороту, характерной полосатости и расположению рядов стежки,

в том числе и на рукавах. Все это не оставляет сомнения в древнем происхождении этого вида мужской одежды, до сих пор бытующей у народов Средней Азии, и в частности Хорезма.

Зимней одеждой мужчин среднего и пожилого возраста являлись нагольные тулупы из овчин или каракуля (*постин, пустин*). Это была одежда людей состоятельных, бедняки такие тулупы не носили, или они переходили к ним в изношенном виде с плеча богатого родственника или хозяина. Тулупы по заказу шили специальные мастера — *постиндоз* или *постинчи*, мастерские которых находились в городах или крупных поселениях. Наиболее значительным центром их изготовления был г. Хива²⁵. Выделка овчинных и каракулевых шкур для шуб и шапок составляла особую отрасль ремесленного производства. Его размеры были довольно значительны, так как спрос на тулупы предъявлялся не только всем населением оазиса, но и населением окружающих зон — степей и песков²⁶, а также соседней Бухары. Бухарские купцы скупали в Хорезме овчину и заказывали тулупы бухарским мастерам²⁷. На одну шубу шло 8—9 шкурок каракулевого барашка (*араби кой*) в возрасте 2—3 месяцев. После тщательной обработки кожа окрашивалась в желтый цвет гранатовой коркой (*нарпост*), настоенной в соляном растворе.

Покрой тулупа был аналогичен крою халата из ткани. Существовали определенные, давно установленные правила раскроя шубы. Мастера считали, что значительных отклонений в размерах быть не должно — варьировала только длина. Мерой служила рука человека — *пядь*, расстояние от мизинца до большого пальца; их сумма давала меру *тахта*; меньшей мерой были сложенные вместе четыре пальца.

Сходство кроя тулупов со стеганым халатом усиливалось благодаря сшиванию шкур продольными полосами, напоминающими строчки стежки. Между полосами в швы для крепости вставлялся тонкий ремешок из кожи желтого цвета. Шкурки для рукавов сшивали так же, как у халата, — поперечными полосами; при этом в швы полоски кожи не вставляли. Воротник шили из более темной шкурки, сзади он получался стоячий, а спереди ложился небольшими отворотами. По бортам, подолу, имевшему по бокам внизу разрезы, и по низу рукавов шуба окаймлялась полосками черного каракуля (*карпик джияк* или *кипу*), над которыми пришивали косую полосу шелковой ткани *иштаф* (вероятно, *штоф*) или алачи красного цвета в белую и черную полосу, над которой сзади на подоле нашивали треугольники. На груди, у окончания воротника, тоже нашивали треугольники из красного бархата, почти сплошь покрытые вышивкой (рис. 2, 3, 4). У разрезов на подоле шла вышивка (рис. 2, 2). В. Ю. Крупицкая записала сообщение мастера *постиндоза*, отец, дед и прадед которого также были *постиндозами*, что лет 40 назад, т. е. примерно в 1880—1890 гг., вместо нашитых треугольников из ткани тоже делалась вышивка, которую выполняли *постиндозы* (рис. 2, 5).

Тулуп запахивался на ту же сторону, что и халат, и никогда не подпоясывался. Тулуп, естественно, был одеждой зимней, но некоторые глубокие старики не расставались с ним и летом. Зимой тулуп надевали на стеганый халат. Как верно отметила в свое время С. П. Русайкина, шуба из овчины мехом внутрь бытовала в недавнем прошлом у всех народов

Средней Азии и Казахстана — узбеков, таджиков, туркмен, киргизов, казахов и каракалпаков²⁸. Интересно отметить, что у киргизов племени олто (Чуйская долина), у которых тоже бытовали тулупы из овчины, подобные хорезмским постинам, окрашенным в желтый цвет, они назывались тон.

Большое значение в мужском костюме имел пояс. При будничной одежде повязывался длинный (до 3 м) кусок кустарной бумажной, иногда шерстяной ткани, позже ситца (или им служили три неразрезанных женских головных платка). Ткань для кушака (бельбог) свертывалась жгутом, обертывалась вокруг талии два-три раза и завязывалась большим узлом спереди. Концы заправлялись в складки пояса или спускались по бокам вниз. В качестве пояса иногда использовался квадратный ситцевый платок, сложенный углом. Пояс повязывали на халат или на рубаху, под халат.

В прежнее время в селениях кушаки, как бумажные, так и шерстяные, ткали женщины на домашнем ткацком станке. На бумажный кушак шла ткань в полосатый узор; преобладал красный цвет, сочетавшийся с синим и зеленым. Такие же пояса носила беднейшая часть населения городов (рис. 1, 7). Пояс из шерстяной ткани естественного цвета шерсти входил в состав одежды мужчин пожилого возраста. К богатому праздничному костюму, особенно к костюму жениха, полагался шелковый пояс (мадали бельбаг или терме бельбаг). Ткань для него изготовлялась в шелкоткацких мастерских и продавалась на рынках городов. У узбеков северных районов, кроме таких же кушаков из ткани, изредка встречались пояса из кожи, характерные для казахов²⁹.

С поясом у узбеков Хорезма были связаны некоторые пережиточные представления. Пояс — элемент одежды очень древний. Пояс в виде кушака, скрученного жгутом, мы видим на мужской терракотовой фигурке, выполненной, по определению С. П. Толстова, в кангюйском стиле (IV в. до н. э.—I в. н. э.)³⁰, а также на статуарном оссуарии из Койкрылганкала (II—III вв. н. э.)³¹.

Основным головным убором мужчин Хорезма была шапка из бараньего меха, носимая круглый год (рис. 3). На протяжении последнего столетия ее форма изменялась. В старину шапка была выше. В. В. Бартольд, подчеркивая особый интерес этнографического изучения Хорезма, пишет, что «некоторые внешние бытовые черты хорезмийцев», отмеченные географами X в., например высокий головной убор, сохранились до сих пор³². О высоких шапках хорезмских мужчин как о характерной черте, по которой еще в XI в., когда в руках хорезмцев была почти вся торговля Хоросана, их отличали среди других людей, упоминает также А. А. Семенов. Он считает, что «растворившись в массе тюркских народов, называвших себя узбеками, потомки былых хорезмийцев ничего не сохранили от своего «иранства», кроме этих больших шапок да нескольких древних слов в народном языке»³³.

Высокие меховые шапки видны и на фотографиях XIX в. (рис. 3, 5). Но после присоединения ханства к России форма шапки стала изменяться и за 35—40 лет постепенно превратилась в плоскую, напоминая собой каракалпакскую круглую шапку из черной овчины (кураш или шогирма). А. Н. Самойлович писал, что ее измененная форма напоминает как бы

придавленную сверху шапку чоурма туркмен-йомудов. С этим соглашается и И. М. Джаббаров; он считает, что в тот же период в Хорезме первоначальное название шапки тельпак заменилось названием *чугурма*, а мастера вместо тельпакдов стали называть *чугурмадов*³⁴.

В коллекциях МАЭ имеется интересный экземпляр (колл. 6657-113), отражающий переход от первого типа шапки ко второму. Шапка, хотя она и ниже шапок XIX в., имеет по-прежнему высокую, но уже несколько укороченную форму, достигая 20 см при диаметре в верхней части 25 см. Более поздние шапки имеют высоту всего 12 см при диаметре 35 см (рис. 3, 6, 7). мех у хорезмских шапок длинный, с мелкими, свисающими вниз завитками. Шапка молодого человека отличалась от шапок мужчин зрелого возраста и людей преклонных лет более коротким мехом и характером его завитков. меховые шапки были дороги, но, невзирая на это, шапку должен был иметь каждый мужчина. Конечно, качество шапок было различным. Дома шапки не носили — ее надевали выходя из дома.

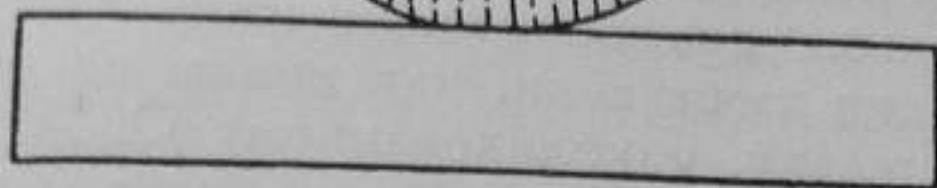
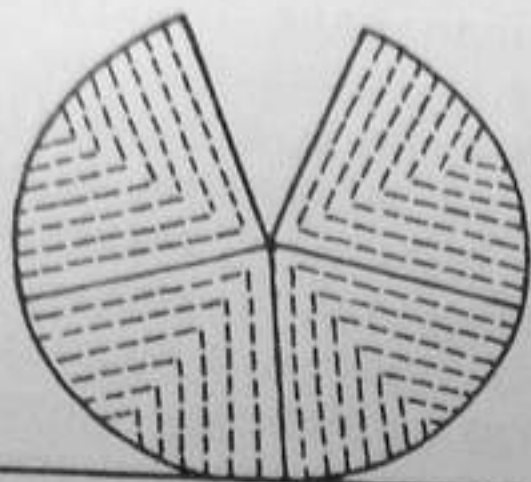
Меховые шапки изготавливали специалисты-ремесленники. В начале века их производством в Хорезмском оазисе, по сведениям Гиршфельда и Галкина, было занято около 200 мастеров, живших в городах и селениях на правом берегу Амударьи. Только в г. Хиве их насчитывалось до 50 человек. Мастерские находились при домах. В них вместе с хозяином работали еще два-три человека, а в особо крупных мастерских — до семи человек. Работа производилась в два периода: в теплое время года заготавливались и выделывались шкурки, осенью и зимой мастера были заняты шитьем шапок. Изготавливались они и на заказ, и для продажи на базарах³⁵.

На хорезмские меховые шапки шли шкурки барашков каракулевой породы в возрасте от одного до трех месяцев. Шкурки раскраивали ножницами по выкройке, сделанной из кожи, впоследствии замененной трафаретом из картона (*улги*) (рис. 3, 11). Шапка сшивалась из четырех частей (*сайи*) (рис. 3, 10, 11). Сшитую меховую заготовку шапки тщательно мыли в холодной воде и натягивали на выточенную из дерева или керамическую болванку (*калиб, колип*), на которой шапка должна была высохнуть. С внутренней стороны, под мехом, проходила кошменная прокладка в два слоя, вырезанная и сшитая также из четырех частей, а затем подкладка из ткани, обычно из узорного ситца. Подкладку выкраивали в виде прямой полосы, на макушке собирали в сборки и сзади не сшивали.

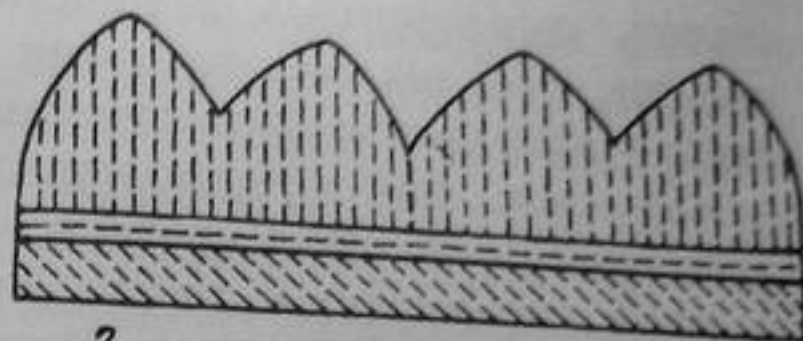
Под меховую шапку на гладко выбритую голову надевали шапочку из ткани — *такия*, в хорезмском произношении *тахья* или *тайха*. Так же как и меховая шапка и за то же время, она претерпела значительные изменения. Старинные мужские шапочки — *тайха* были представлены двумя типами. Первый, который мы считаем наиболее древним, состоял из околыша (*етик*) и макушки (*тепа*), выкроенной в виде круга, из которого для

Рис. 3. Головные уборы

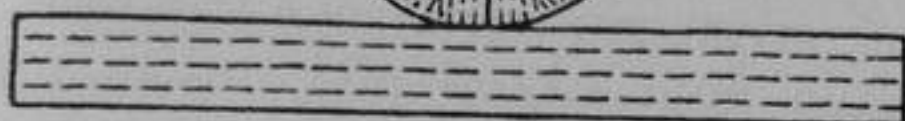
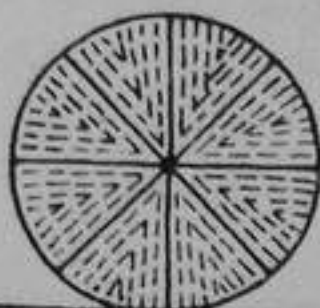
1 — тюбетейка *тайха*; 2 — тюбетейка *куш тахья*; 3 — тюбетейка *тайха*; 4 — *тайха-калпак*; 5 — *тельпек* — меховая высокая шапка; 6 — *чугурме* — меховая шапка; 7 — *чугурме* — шапка-ушанка; 8—11 — *чугурме* и ее крой; способ сшивания частей

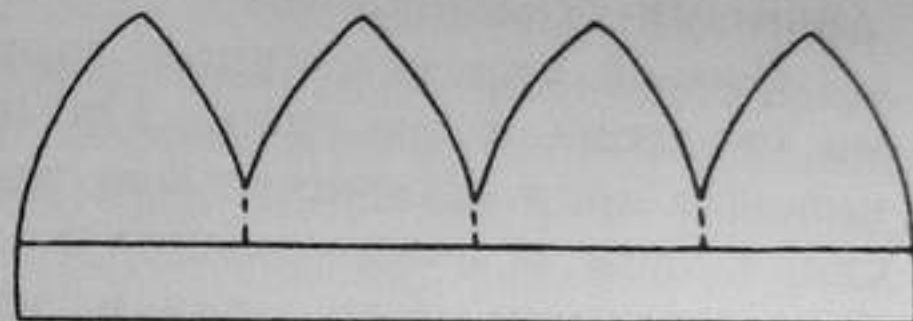
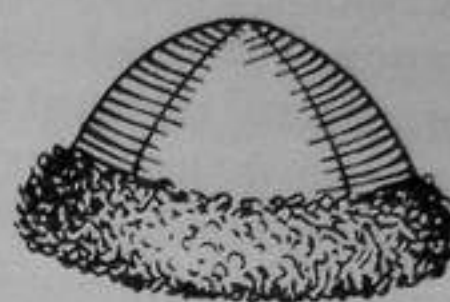
1

2

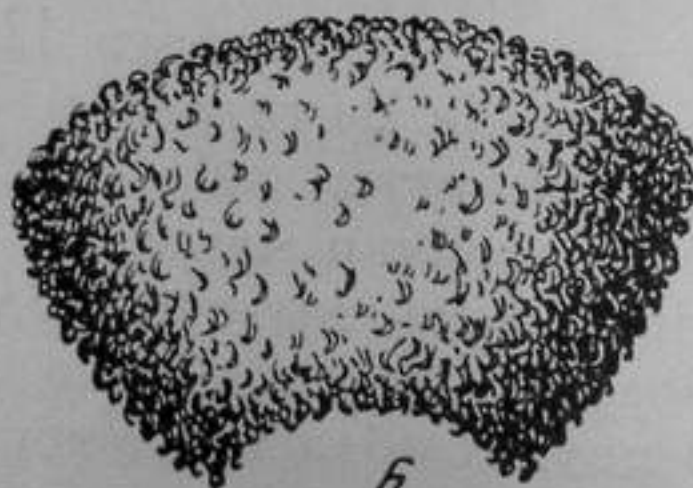
3

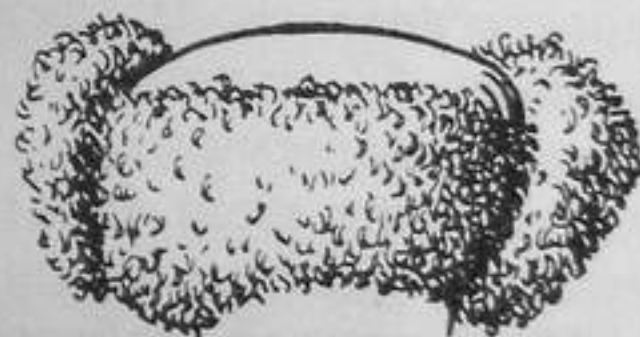
4

5

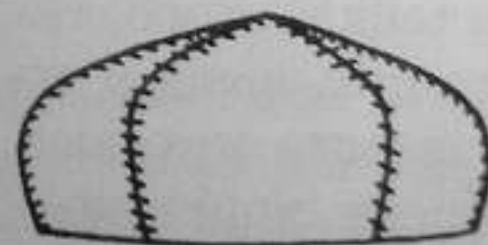
6

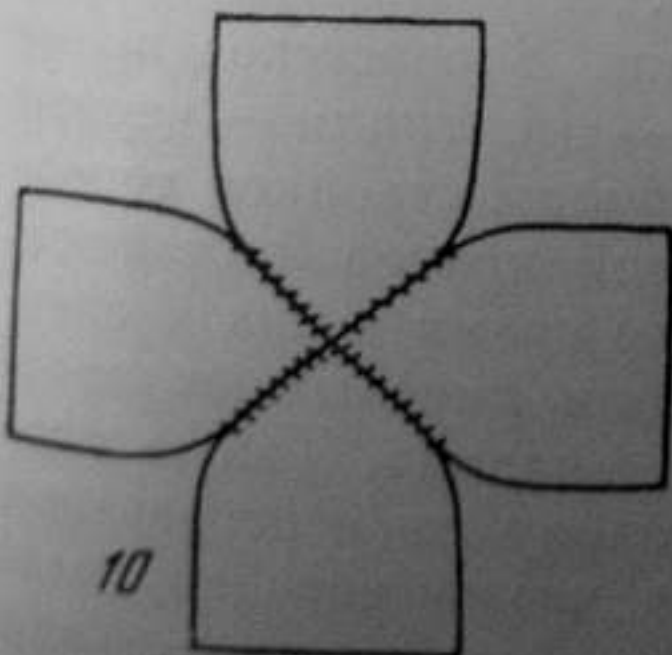
7

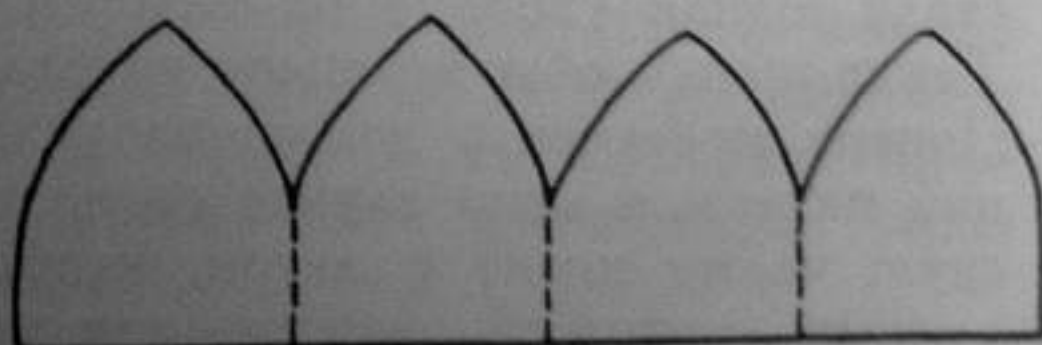
8

9

10

11

придания шапке конусовидной формы вырезался сектор. Когда края выреза сшивали вместе, получался колпак высотой 15 см. Убор шили из алачи в красную и черную полоску, на подкладке. Макушку простегивали и в стежку вставляли фитильки из ваты. Стежка шла от края к центру, образуя четыре треугольника, вписанных один в другой (рис. 3, 1). Околыш тюбетейки шили из косой полосы той же ткани, простегивали в горизонтальном направлении и по краю оплетали тесьмой из шелковых нитей, окрашенных в красный цвет. Летом такой убор носили дома без шапки, при выходе из дома на тюбетейку надевали меховую шапку, складывая при этом высокую конусообразную тюбетейку двумя поперечными складками, она образовывала как бы два concentрических круга с маленьким конусом в центре. Этот тип тюбетейки, как видим из описания, близок по форме к уникальному кулаху, опубликованному О. А. Сухаревой, считающей этот покрой колпакообразных уборов более древним и отмечающей, что он давно вышел из употребления³⁶. Это подтверждается и нашими материалами. Подчеркиваем интересный в историко-культурном плане факт почти полной аналогии мужской тахья с головным убором молодых женщин Хорезма — *чумекли тахья* (высота 29 см), который также носили складывая двумя поперечными складками и сочетая с различными украшениями³⁷.

Второй тип старинной хорезмской мужской тюбетейки также состоял из околыша и макушки. Он назывался *куш* (двойной), по-видимому, по способу кроя макушки: она вырезалась (по выкройке *ули*) из двух кусков ткани и имела несколько скругленные углы (рис. 3, 2). Этот убор был стеганым. Его делали из цветного, обычно красного с разводами шелка на подкладке из белой бумажной ткани. Макушка делилась на четыре части, каждая из которых складывалась 12 раз и по месту сгибов простегивалась. В стежку вставляли фитильки из ваты, которые образовывали 12 выпуклых ребер (*ун икки сай* — «12 речек»). Кроме двух швов, которыми сшивали две половинки макушки, перпендикулярно к ним делали еще шов, создававший как бы выточки, благодаря которым тюбетейке придавалась конусообразная, но несколько скругленная форма. Подобный покрой тюбетейки в других областях Узбекистана нам неизвестен. Околыш выкраивался из косой полосы. Раньше обе части раскроя делали из одинаковой ткани, позднее околыш стали делать из черного сатина. Тюбетейка этого типа тоже была довольно высокой — 18—20 см. Такие тюбетейки вышли из употребления в первые годы XX в., когда уменьшилась высота меховых шапок, с которыми их носили³⁸.

Носят хорезмцы и обычные узбекские тюбетейки. В советское время очень распространились ферганские тюбетейки — *тус туппи* — черные с белым вышитым узором. Постоянным головным убором стариков теперь стали шапки (*топпи*) на толстом слое ваты с пухлой круговой стежкой. Такие шапки обычно шьют из белой ткани. В зимнее время в них и спят. Поверх тюбетеек в домашних условиях пожилые люди повязывают поясной платок, в этом случае он называется «салля» — «чалма». Такую простую чалму носят и летом, чтобы предохранить голову от перегрева лучами солнца, и зимой — для согревания; зимняя чалма нередко делается из куска шерстяной ткани. В прошлом чалма из белой легкой ткани

была головным убором духовенства, ее надевали идя на пятничную молитву. В настоящее время молодые и средних лет мужчины повсеместно носят кепки, фетровые шапки или капроновые шляпы с полями.

Наиболее распространенным в прошлом видом мужской обуви, особенно среди сельчан, были довольно высокие (до 45 см) сапоги на полутвердой подошве из грубой сыромятной бараньей кожи, выработанной как замша (рис. 4). Такие сапоги шили из светлой кожи, поэтому они назывались *ак едик* (белые сапоги). Внутренняя гладкая сторона замши была окрашена в красный цвет. Голенища выкраивались из двух кусков, они имели два боковых шва; при этом задник составлял единое целое с задней частью голенища. Союзка (*башлык*) выкраивалась из отдельного куска кожи (рис. 4, 5). Шили сапоги на одну колодку, без различия правой и левой ноги. Все швы, включая шов, которым пришта подошва, делали выворотными, части раскроя сшивали шерстяной, круто спряденной нитью. Для прочности между двумя кусками кожи в шов вшивали ремешок из кожи белого цвета. Носок загибался вверх. В его шов вшивали кусочек кожи в два слоя, который образовывал на носке кисточку. Каблук сапога делали из семи или девяти слоев кожи, прошитых крупными стежками, подошва закрывала выпуклый слой, образующий каблук; на него прибивалась железная подковка (*нал*). Верх голенища не дошивался до конца на 10—12 см, и при ношении сапог эта часть отворачивалась наружу гладкой красной стороной. Сапоги носили с портянками (*пайтава*), зимой — шерстяными. Такие портянки покупались у туркмен. Поверх портянок натягивались войлочные чулки — *тейды*, сшитые обычно из белого войлока; при этом они сшивались только в носке, задняя часть их, у пятки, оставалась несшитой. Чулки эти орнаментировались, их верхняя часть, где проходил узор, была видна над краем сапога. Вышивку на войлочных чулках с начала века стали делать тамбуром; более старым способом украшения была аппликация из цветного сукна или — позднее — бумажной ткани красного и зеленого цвета (рис. 4, 6). На некоторых образцах оба эти вида украшения комбинировались. Войлочные чулки были распространены как у южных, так и у северных узбеков.

Сапоги шили мастера-сапожники (*едикчи*), сельские и городские. Наиболее напряженным временем их работы было лето, осенью и зимой товар сбывался. Сапоги делали на заказ и на продажу; в городах на базарах имелись специальные ряды. Главными центрами торговли обувью являлись Хива и Ханки. Из известных нам типов среднеазиатской мужской обуви наиболее близки к хорезмской сапоги туркмен, имеющие сходство и по материалу, и по покрою, и по способу изготовления. В этом сказывались близкие связи туркмен с оседлым населением Хорезма. У казахов сапоги такого же покроя на каблуках подобного устройства встречались в середине и второй половине XIX в., но уже только в музейных коллекциях³⁹. С мужскими сапогами узбеков других областей, а также киргизов и таджиков хорезмские сапоги сходства не имеют. Есть основание полагать, что в хорезмских сапогах *ак едик* сохранились особенности, выделяющие их как обувь архаической формы.

Летней мужской обувью служили *чарык* из сыромятной кожи гладкой стороной внутрь, по покрою и форме близкие к сапогам *ак едик*, но без

голенииц и без каблука (рис. 4, 4). Чарык привязывались к ногам шнурами, для которых сзади был пришит кусок кожи с двумя прорезями. Шнурок скручивался из верблюжьей шерсти. Носили чарыки с портянками. Совершенно схожей с хорезмскими чарык была туркменская обувь степняков. Ее носили и казахи (*шокай, шерке*), но она имела несколько иную форму, делалась из сыромятной коровьей кожи и завязывалась кожаным ремешком⁴⁰. Что касается таджиков, то под названием чарык у них известны мягкие сапоги совершенно другого вида⁴¹.

В городах Хорезма в прошлом были распространены мягкие сапожки (*махси, масси*) — обувь мужчин и женщин. Их носили с калошами, прежде кожаными (*кавиш*), позднее — с резиновыми среднеазиатского фасона. В прошлом такую обувь носили в основном мусульманское духовенство, торговцы и чиновники, она была доступна и зажиточной верхушке ремесленников и землевладельцев. В старину махси шили из тонкой черной козьей кожи; мягкую коричневую подошву пришивали выворотным швом (рис. 4, 1). Голенища были на подкладке из красной кожи, а позже их стали делать из цветного ситца. Калоши (*кефш*) делали из грубой кожи, они имели заостренные носы и каблук из нескольких слоев кожи с железной подковой.

Дешевая обувь аналогичной формы, сшитая обычно из старых махси, была известна под названием *шипак*. Из пяти пар старых махси выходило три пары шипак. Верх с мыском у подъема ноги выкраивался из подошвы, а голенища, сшиваемые в несколько раз, шли на подошву. В обувь на мягкой подошве вкладывали войлочные стельки.

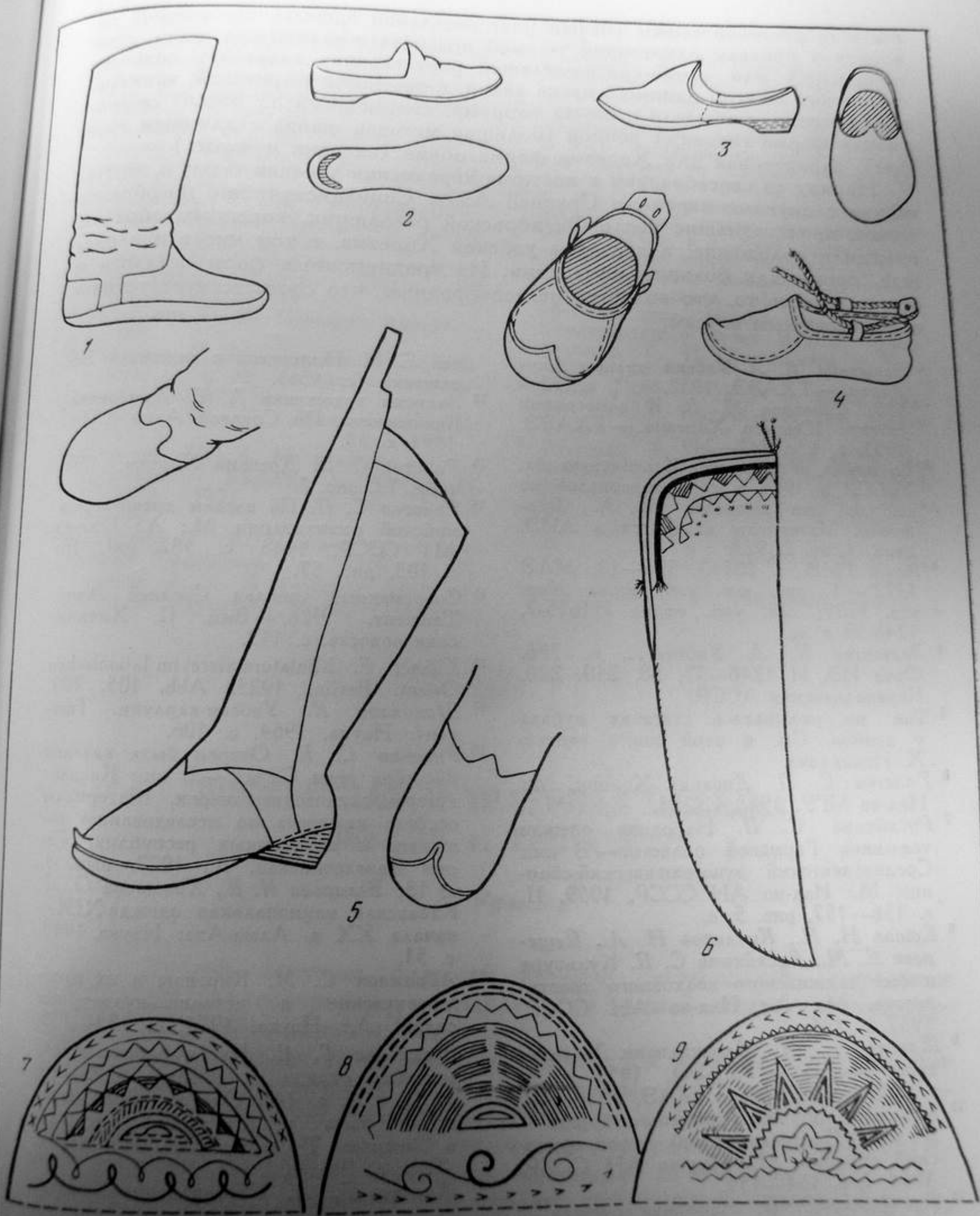
Итак, к особенностям старинной мужской обуви хорезмских узбеков могут быть отнесены традиционный покрой и приемы сшивания составляющих ее частей, устройство каблука сапог ак едик, своеобразная форма кожаных калош.

В настоящее время как в городах, так и в селениях Хорезма носят в основном современные виды обуви фабричного производства. Это сапоги, ботинки с калошами и без калош, различного вида полуботинки, туфли, сандалии. Широко распространены брезентовые сапоги. Национальные виды обуви встречаются главным образом в сельской местности, преимущественно у пожилых.

Традиционность мужского народного костюма узбеков Хорезма — и в общем его комплексе, и в отдельных элементах и деталях — была обусловлена причинами исторического, экономического и социального порядка. Устойчивость форм народной одежды, характерная вообще для одежды народов Средней Азии, особенно сильно проявилась в Хорезме. Хорезм можно рассматривать как область распространения своеобразного варианта среднеазиатской одежды. К специфике народной одежды узбеков Хорезма можно отнести следующие ее особенности: традиционная стро-

Рис. 4. Мужская обувь

1 — сапоги махси; 2, 3 — калоши *кавиш*; 4 — чарык; 5 — сапоги ак едик; 6 — войлочные чулки — *тейди*; 7—9 — образцы вышивок войлочных чулок

гость ее цветовой гаммы (белый цвет нательной одежды, обшиваемой по вороту и рукавам однотонной тесьмой красновато-малинового цвета, темно-красный или темно-красно-зеленый цвет верхних халатов); пояс из свернутого жгутом длинного куска ткани, в частности шерстяной, завязанного спереди узлом или с двумя концами, свисающими по бокам; своеобразная форма головных уборов (большая меховая шапка с длинным ворсом); характерная для Хорезма форма обуви (ак едик и чарык).

Наряду со своеобразием в костюме хорезмских узбеков были и черты, общие с другими народами Средней Азии. Социалистические преобразования, происходившие после Октябрьской революции, коренным образом изменили положение: в культуре узбеков Хорезма, в том числе и в одежде, произошли большие изменения. Из традиционных форм осталось и остается лишь то, что является целесообразным, что соответствует устоявшимся местным вкусам.

- ¹ Задыхина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи. — ТХАЭЭ, 1952, т. 1, с. 332—333; Сазонова М. В. К этнографии узбеков Южного Хорезма. — ТХАЭЭ, 1952, т. 1, с. 247—249.
- ² Во время экспедиции в Хорезмскую обл. УзССР в 1971 г. сбор материалов по одежде был проведен Л. А. Фирштейн. Материалы находятся в АИЭ, колл. 1, оп. 2, 923.
- ³ Колл. ГМЭ, т. 20543, 526—19; МАЭ 1272—1, рис. юж. узб. отряд Хор. этн. НВ9; сев. узб. отряд И1625-7, 1248-58 и др.
- ⁴ Задыхина К. Л. Узбеки..., с. 386. Фото ИЭ, И 1248—57, 58, 219, 220. Каракалпакская АССР.
- ⁵ Так же называлась стеганая рубаха у арабов. См. в этой книге статью Х. Исмаилова.
- ⁶ Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948, с. 225.
- ⁷ Русайкина С. П. Народная одежда таджиков Гармской области. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1959, II, с. 156—157, рис. 5, а.
- ⁸ Ершов Н. Н., Кисляков Н. А., Пещерева Е. М., Русайкина С. П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 135.
- ⁹ Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса. — ТХАЭЭ, 1952, т. 1, с. 555, рис. 29; колл. МАЭ, 3539—10.
- ¹⁰ Васильева Г. П. Туркмены-нухурли. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1954, I, с. 154—155.
- ¹¹ Русайкина С. П. Народная одежда..., с. 156. Там же данные полевых записей Е. М. Пещеревой о таджиках Зеравшана (с. 156).
- ¹² Записки художника Л. Е. Дмитриева-Кавказского. По Средней Азии. СПб., 1894, с. 55.
- ¹³ Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 197, табл. 72, рис. 2.
- ¹⁴ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 182, рис. 56; с. 183, рис. 57.
- ¹⁵ Современный кишлак Средней Азии. Ташкент, 1926. — Вып. II. Ханкинская волость, с. 113.
- ¹⁶ Kühnel E. Miniaturmalerai im Islamischen Orient. Berlin, 1923, Abb. 105, 109.
- ¹⁷ Шаниязов К. Узбеки-карлуки. Ташкент: Наука, 1964, с. 106.
- ¹⁸ Руденко С. И. Очерки быта казахов бассейна реки Сагыз. — В кн.: Казахи: Антропологические очерки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Серия Казахская. Л., 1927, вып. 3, с. 18; Захарова И. В., Ходжаева О. Д. Казахская национальная одежда XIX—начала XX в. Алма-Ата: Наука, 1963, с. 51.
- ¹⁹ Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971, с. 134—135.
- ²⁰ Васильева Г. П. Итоги работы туркменского отряда за 1948 г. — ТХАЭЭ, 1952, т. 1, с. 448. Она же. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М.: Наука, 1969, с. 196, 200.
- ²¹ Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса. — ТХАЭЭ, 1952, т. 1, с. 557, рис. 29, 3; 31.

- ²² Самойлович А. Н. Описание коллекции МАЭ, оп. 1272—1е.
- ²³ Ср. русск. епанча — широкий безрукавный плащ, бурка.
- ²⁴ Зияпур Джалил. Одежда древних иранцев (на персидском языке). Тегеран, 1964, с. 133, рис. 30.
- ²⁵ Джаббаров И. М. Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX—начале XX в. — ТИЭ, 1972, т. XCVII, с. 110—111.
- ²⁶ Гирифельд, Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент, 1903, ч. II, с. 187.
- ²⁷ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962, с. 113.
- ²⁸ Русайкина С. П. Народная одежда..., с. 165.
- ²⁹ Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская..., с. 56. Материалы сев. узб. отряда, И1525-158.
- ³⁰ Толстов С. П. Древний Хорезм, табл. 7,2.
- ³¹ Рапопорт Ю. А. Из истории религии Древнего Хорезма (Оссуарии). ТХАЭЭ, 1971, т. VI, с. 72—73, рис. 34.
- ³² Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1907, с. 34.
- ³³ Семенов А. А. К проблеме нацразмеживания Средней Азии. — Народное хозяйство Средней Азии, 1924, № 2/3, с. 28.
- ³⁴ Джаббаров И. М. Ремесло..., с. 110.
- ³⁵ Гирифельд, Галкин. Военно-статистическое..., с. 186.
- ³⁶ Сухарева О. А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. — В кн.: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л.: Наука, 1970, с. 110—112.
- ³⁷ В. Ю. Крупянская сообщает, что экземпляр такой шапки, приобретенный ею в 1929 г. в г. Хиве, принадлежал умершему во второй половине XIX в. («лет сто тому назад») деду набойщика Бабаджана Матякубова. Такого же типа, видимо, тюбетейка из Самаркандского музея Э12-82, приобретенная Г. П. Снесаревым в Хиве в 1930 г.
- ³⁸ Колл. ГМЭ, т. 20674, г. Хива, собират. В. Ю. Крупянская; ИЭ, альбом Кауфмана, 1873, И 673-31.
- ³⁹ Захарова И. В., Ходжаева О. Д. Казахская..., с. 73. Колл. МАЭ, 438-1. Казахи. Получ. от Рус. геогр. об-ва. Колл. ГМЭ, т. 23554, б. Оренбургская губ., 1867 г.
- ⁴⁰ Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская..., с. 78.
- ⁴¹ Русайкина С. П. Народная одежда..., с. 172.

ПОСМЕРТНАЯ И ТРАУРНАЯ ОДЕЖДА УЗБЕКОВ г. ТАШКЕНТА

М. Рузиева

Для истории костюма большой интерес представляет ритуальная одежда, особенно похоронная и траурная. В данной статье характеризуются обычаи, сложившиеся в Ташкенте¹.

Как только человек умер, его тело приводят в порядок и накидывают через голову, не надевая в рукава, мужчинам — рубаху, женщинам — платье, покрывая голову и лицо соответственно тюбетейкой или платком, после чего умершего с головой покрывают его верхней одеждой (мужчин — халатом, женщин — мурсаком), накидывая ее наискось.

Обмыв тело (в Ташкенте это делают специальные обмывальщики), его облачают в саван. В Ташкенте саван состоит из следующих частей:

Р и с. 1. Траурная одежда ташкентских узбечек

«рубаха», «штаны», платок для женщин и чалма для мужчин. «Рубаха» (куйлак, гаргаракуйлак, охират куйлак)² у мужчин делается короче, чуть ниже колен; женщинам надевают две «рубaхи»: нижнюю (ич куйлак или синабанд), длиной до колен, и верхнюю — «длинную» (узун куйлак) — до ступней. «Рубаха» туникообразная, из перегнутого на плечах куска ткани. На линии плеч прорезается ворот, чтобы пролезла голова и «рубaху» можно было бы надеть через голову. Рукавов у нее нет; когда она уже надета на покойника, ее бока сметывают так, чтобы руки остались внутри.

«Штаны» (*изор, иштон*) представляют собой кусок ткани, который кладут под тело поперек и концы обматывают вокруг каждой ноги.

На голову умершему мужчине и мальчику наворачтывают небольшую чалму (*салла*). Женщине накидывают платок (*румол*) из небольшого квадратного куска белой ткани, сложенной углом. Концы чаще опускают на грудь, поверх распущенных и разделенных на две стороны волос. Если обряжают очень старую женщину, концы платка иногда забрасывают за плечи.

Различий в саване людей состоятельных и несостоятельных не должно было быть: верили, что в день воскресения мертвых (*кыёмат койимида*) все будут равны. Однако все же белая ткань для савана богатых и бедных

различалась по качеству: в старину очень состоятельные семьи покупали для этого дорогую «стамбульскую» кисею, бедные довольствовались местной редкой кустарной тканью (*хоса*). Теперь чаще всего употребляют ткань мальмаль. Вся ткань для савана, как и нитки и игла для сшивания его, должны быть совершенно новыми, не бывшими в употреблении.

В похоронном ритуале выделялись люди, называвшиеся *шахид*. Этот термин обозначал, собственно, убитого за веру, в битве за веру (*газот, газоват*); однако народный обычай узбеков считает шахидом каждого, кто убит без вины, причем была пролита его кровь, — даже если человек убит в драке. Если умерли оба противника, оба они считаются шахидами. К шахидам причислялись также женщины, умершие от родов, и долго болевшие пожилые люди. В литературе высказывалось мнение, что шахиды считались обмытыми своей кровью, и поэтому их хоронили без обмывания, в своей одежде. Однако у узбеков Ташкента и, видимо, других мест Узбекистана нет обычая хоронить в обычной носильной одежде³. Убитых тоже обмывают и обряжают в обычный саван.

Одетый описанным образом покойник заворачивался с головой в кусок белой ткани, называвшийся «уров» (верхний слой савана), а поверх него — в кусок ткани *малла*. Уров должен был быть такой длины, чтобы со стороны головы и ног оставались концы в две пяди; они связывались узлом. За них придерживали труп, опуская его в могилу. Под уров на тело покойника клали новую тюбетейку и кусок белой ткани на одежду — это предназначалось могильщику, который, положив умершего в могилу, развязывал верхний слой савана и открывал его лицо. Уров оставался в могиле, а малла возвращался домой и, после того как, «полежав ночь под звездами», очищался, хранился до следующих похорон.

Как только человек умер, его близкие в знак траура подпоясываются. Как известно, в обычной жизни женщины-узбечки не подпоясывались, а мужчины носили пояс под халатом, на рубахе. Женщины сразу же снимают все украшения, а слишком яркую одежду заменяют более скромной (рис. 1). Знаком траура служит также расплетание кос. Сейчас большинство женщин расплетают их до половины. Поясом женщинам служат зимние головные платки, нередко шерстяные, с бахромой. Раньше у более зажиточных женщин имелись специальные кушаки (*хамазин белбог*) длиной 2 м, шириной 40 см из плотной шерстяной ткани светло-синего или зеленого цвета. В пригороде Ташкента — Янгиюле для опоясывания родственницы умершего употребляют отрезки темной ткани, предназначенной для платья, которое будут носить в период траура. Мужчины опоясываются поясными платками. Опоясывание было обязательно не только для членов семьи умершего, но и для ближайших родственников. Опоясанными ходили только находясь в доме понесшей утрату семьи (в таком виде нельзя было, например, посетить соседей). Если близким родственникам, пришедшим на похороны, понадобилось сходить домой, пояс временно снимали, а вернувшись, опоясывались снова. Посторонние, например соседи по кварталу, приходили в дом умершего неподпоясанными, в обычном виде, но тоже старались надеть неяркую и неновую одежду — обязательно длинный камзол или жакет — и обуться в ичиги с калошами. Пожилые женщины, родные и соседки, подвязывают голову белыми.

сильно подсиненными платками из кисеи или тонкого белого шелка. Платки женщин помоложе, в том числе и из семьи умершего, всегда большие, иногда их завязывают под подбородком, спуская на грудь концы. В холодное время года надевают теплые шерстяные платки: пожилые — черные, молодые могли повязать и цветной платок, с кистями.

Семья умершего покупает ткани и заготавливает траурную одежду для всех близких родственников — тех, которые в день похорон были опоясаны кушаками. Траурную одежду впервые надевают во время первых поминок, совершаемых на третий день. В Ташкенте они называются *кир-ювди* (стирка одежды). В этот день в доме впервые разводится огонь под котлом с водой, и этой водой стирают всю одежду умершего, которая была на нем при жизни или соприкасалась с мертвым телом. Стирают также платочки, которыми вытирали слезы при оплакивании покойного. Его одежду, сразу после смерти вынесенную из комнаты и развешенную на веранде (*айван*), и также выстиранную, в этот день распределяют: что будет храниться в семье, что пойдет на подарки родственницам, *дастурханчи*⁴ и обмывальщицам мертвых. Подарки для обмывальщиц называются *сарпо*; они состоят из двух комплектов одежды умершего — зимнего и летнего. Предназначаемая для каждого одежда кладется отдельной кучкой, обязательно лицевой стороной вверх. Раздача одежды умершего рассматривалась верующими людьми как средство облегчить ему «загробную жизнь»: существовало, в частности, поверье, что одежда, отданная обмывальщицам, попадет ему на «том свете». Всю одежду умершего, оставшуюся в семье и не предназначенную для хранения, старались использовать, например, для подкладки к тюфячкам (*курпача*), на которых сидят.

Вечером третьего дня на женской половине дома происходит обряд снятия кушаков, которыми женщины семьи и родственницы опоясывались при похоронах. Кушаки снимает *дастурханчи*. Каждый, с кого был снят пояс, бросает его на пол и садится на него.

У узбеков Ташкента траур носят до года. В годовщину смерти или немного раньше устраивают последние поминки, и все, кто носил траур, его снимают. После угощения происходит обряд *оксолар* (надевание белого). Все, кто получил от семьи умершего траурную одежду в качестве подарка, приносят отрез для новой, не траурной. Траурную одежду отдают *дастурханчи*.

В наше время молодежь не соблюдает траур в течение года (надеваются только некоторые элементы траурного костюма, например черный платок на голову). Признаком траура поныне служит отсутствие украшений. Если горе очень велико, траур продолжают носить и после обряда его снятия, несмотря на то что в этот обряд входило надевание светлой новой одежды.

⁴ О некоторых чертах траура в Ташкенте см.: Бикжанова Б. А. Мурсак — старинная верхняя одежда узбеков г. Ташкента. — В кн.: Памяти М. С. Андреева. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1960; см. также ее статью в настоящей книге.

² *Куйлак* — рубаха, *заргара* — агония, *охират* — день «страшного суда».

³ О захоронении в одежде в XV в. см.: Немцева Н. Б. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в. — В кн.: Из истории искусства великого города. Ташкент: Изд-во

лит. и искусства, 1972. О захоронении погибших в одежде для XIX—начала XX в. сообщает А. К. Писарчик, не уточняя, где этот обычай был зафиксирован: Писарчик А. К. Смерть, похороны. — В кн.: Таджики Карате-

гина и Дарваза. Душанбе: Дониш, 1976, вып. 3, с. 135.
4 Дастурханчи — выборная женщина, распорядившаяся на празднествах и поминках в своем квартале.

ГОЛОВНЫЕ И НАКОСНЫЕ УКРАШЕНИЯ ТУРКМЕНОВ XIX—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Г. П. Васильева

Ювелирные изделия туркмен богаты и разнообразны по характеру, художественным качествам и технике изготовления. Это женские, девичьи и детские серебряные украшения — наиболее богатые и разнообразные из всех видов туркменских ювелирных изделий, бытующие и в наши дни; украшения мужского костюма, в том числе оружия, которое каждый мужчина-туркмен в XIX в. носил при себе постоянно, и, наконец, широко распространенные в прошлом украшения коня и седла. Костюм женщины, девушки или ребенка у туркмен до недавнего времени (а во многих сельских местностях и сейчас) невозможно представить без украшений, особенно в дни праздников, семейных торжеств или по случаю выхода в гости. Обилие ювелирных изделий на женщинах и девушках бросалось в глаза всем, кто путешествовал по Туркмении. Вот что писал об этом знаток туркменского быта Ф. А. Михайлов: «Мне приходилось видеть богатых туркменок, которые за весом навешенных на них украшений с трудом могли поворачивать голову. Туркмены любят увешивать своих жен серебряными украшениями и надевают такие же на детей своих с массой привешенных к ним серебряных бубенчиков, сами же, когда имеют средства, щеголяют доброй хорасанской шашкой или афганским ножом, отделанным в серебро туземными мастерами. Портупеи к шашке также украшаются серебром с сердоликом и позолотой»¹.

Даже в повседневной жизни молодые женщины и девушки носили много украшений — нашейных, нагрудных, на головном уборе, халате и платье, на руках. Украшения начинали привешивать ребенку — как мальчику, так и девочке — с самого раннего детства; различия в украшениях, присущих тому или иному полу, проявлялись с 5 лет. Особенно много изделий носили девочки 9—12 лет, которые в это время уже считались невестами, и молодые туркменки до рождения одного-двух детей; женщины в семьях среднего достатка после 30—35 лет в повседневной жизни ограничивались самыми необходимыми, по их представлениям, украшениями головного убора, платья и кольцами; без колец не обходилась ни одна

даже самая бедная туркменка, так как пища, приготовленная женщиной, не имевшей на руке кольца, считалась «нечистой».

Особенно много украшений носили дети и женщины таких крупных и богатых племен, как текинцы, иомуты, сарыки, отчасти эрсари. Украшения салоров, човдоров, гокленов и других были скромнее и имели несколько иной характер. Женщины некоторых небольших племен носили ювелирные изделия, заимствованные у своих более могущественных соседей — текинцев, иомутов и др.

Наиболее ранние письменные известия о туркменских украшениях, главным образом женских, относятся к концу XVIII—началу XIX в. Посетивший в 70-х годах XVIII в. Мангышлак немецкий путешественник Самуил Готлиб Гмелин дал довольно полную характеристику украшений мангышлакских туркмен (абдалов, игдыров, човдоров, бурунжук и бузачи) и почти не описал украшений астрабадских туркмен (текеямут и гокча, т. е. гоклен)².

Наибольшее число этнографических сведений, в том числе об украшениях, до 80-х годов XIX в. мы находим по западным, прикаспийским районам и районам, находившимся под властью Ирана, которые неоднократно посещались как исследователями (И. Эйхвальд — 1825 г., Н. Н. Муравьев — 1825 г., Г. С. Карелин — 1836 г.), так и различными военными деятелями и путешественниками (К. Боде, И. Ф. Бларамберг и др.), а также русскими дипломатическими работниками в Персии (П. И. Огородников, Ф. А. Бакулин и др.). Довольно интересны сведения об украшениях мервских туркменок, особенно их головного убора, сообщаемые англичанином А. Борнсом³, посетившим в 1831—1832 гг. Среднюю Азию, в частности Мервский оазис. По остальной территории расселения туркмен, кроме весьма отрывочных сведений, касающихся хорезмских туркмен (Г. И. Данилевский), до последней четверти XIX в. не имеется никаких данных.

После присоединения Туркмении к России в нашем распоряжении оказались не только описания туркменских украшений в литературе (правда, отрывочные и не всегда ясные), но и документы архивов и музейные коллекции. Все эти материалы позволили составить довольно четкую картину украшений туркмен почти по всей территории их расселения. Более или менее полные сведения об этом мы находим в работах русских военных и административных чиновников 80-х годов XIX—начала XX в. — Н. И. Гродекова, М. Алиханова-Аварского, Ф. А. Михайлова (Южная и Западная Туркмения); капитана Быкова и М. В. Грулева (районы Средней Амударьи); И. Ибрагимова, капитана Гиршфельда и генерал-майора Галкина, А. Н. Самойловича (туркмены Хорезма)⁴. Большую ценность представляют материалы С. М. Дудина по южным районам Туркмении (1901 г.). Им собраны коллекции украшений текинцев и сарыков и очень ценные для нас богатейшие, с довольно подробными описаниями самого автора фотоколлекции и отчеты о поездках⁵.

Таким же ценным материалом для характеристики украшений западных туркмен, особенно огурджаи и джафарбай, являются многочисленные хранящиеся в МАЭ фотографии и подлинные вещи, собранные И. Н. Глушковым, прожившим на Челекене около трех лет (1900-е годы)⁶.

В публикуемой ниже статье рассматриваются женские и девичьи головные и наkosные украшения, составляющие важную и наиболее показательную часть украшений женского костюма. Это прежде всего украшения головного убора и сопутствующие им височные подвески и серьги, а также подвески к косам, характерные для конца XIX—первой половины XX в.

Основным источником для написания статьи послужили материалы, собранные автором в течение 18 полевых сезонов по всей территории Туркмении, коллекции подлинных вещей, хранящихся в музеях, фотографии дореволюционного и советского периода, архивные материалы, а также сведения, имеющиеся в работах советских исследователей. Привлечение письменных и музейных источников XIX в. позволило отчасти осветить и этот период в истории украшений, а археологические данные и сравнительный материал по другим народам — поставить вопрос о генезисе некоторых украшений, а главное — по мере возможности проследить этнокультурные связи туркмен с племенами и народностями древности и средневековья, а также с другими современными народами.

Как и одежда, украшения, несмотря на свою сравнительную устойчивость в сохранении форм, не оставались неизменными в течение всего времени, доступного для обозрения. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, некоторые украшения за последнее столетие исчезли из употребления в связи с изменением костюма или образа жизни, другие — наоборот, вошли в обиход или получили более широкое распространение.

Туркменские украшения — серебряные, как правило, массивные, обильно орнаментированы; часть их имеет множество мелких изящных серебряных подвесок. Изредка встречались украшения, главным образом серьги и кольца, из золота; у бедных туркменок до революции бытовали медные, посеребренные.

Во всех украшениях широко применялись сердолик (хакык), несколько меньше — бирюза (пируза), более характерная для украшений иомутов южных районов, а прежде и гоклен, связанных с Ираном. Как сообщил нам Д. М. Овезов, по поверьям туркмен-гоклен сердолик и бирюза обладают чудодейственной силой, последняя якобы укрепляет зрение и охраняет коня от падения⁷. По сообщениям авторов XVIII и XIX вв., в украшениях туркмен изредка встречались также яшма, яхонты, агаты и кораллы⁸. Последние бытовали и в XX в. в изделиях приамударьинских туркмен и чоудоров. С конца XIX в. вместо камней иногда стало употребляться цветное стекло. У большинства туркмен приамударьинских районов (б. Хивинского и Бухарского ханств), салоров Серахса и некоторых других племен были распространены украшения из бисера.

Из технических приемов туркменские ювелиры более всего применяли гравировку и штамповку, края отделявали филигранью, а в некоторых старинных украшениях (носовые кольца) применялась зернь. Филигрань и зернь чаще встречались в изделиях тех туркменских групп, предки которых были выходцами из Мангышлака. Узор большей части туркменских украшений выполнялся техникой позолоты по серебряной основе. Золочение производили с помощью ртути. Многие украшения туркмен-текин-

цев и иомутов были ажурными, орнамент создавался путем прорезания узора насквозь. У сарыков и приамударьинских туркмен серебряные изделия не золотили, узор наносился гравировкой. Совершенно иной была техника орнаментации изделий у прикаспийских иомутов (главным образом джафарбайцев): узор образовывали тонкие золотые, орнаментированные штамповкой пластинки различной формы, припаянные к серебряной основе. Вещи с узором позолотой встречались реже.

Характер орнамента у разных туркменских племен был также неодинаков: преобладающим для большинства изделий эрсари, сарыков, части западных иомутов являлся геометрический орнамент в виде ромбов, треугольников, кругов и полукругов; у западных иомутов в орнаменте часто встречались роговидные фигуры. В изделиях текинцев, северных иомутов и западных иомутов-атабайцев господствовал довольно сложный растительный орнамент в виде трилистника или растительных завитков с двойными листьями, обвивающими края изделий.

Высокого качества туркменские ювелиры добивались несложными инструментами: ювелир имел небольшую наковальню и переносный горн с мехами для раздувания огня, молотки, ручные тиски и железную пластинку с отверстиями разного диаметра для вытягивания проволоки, набор штампов для нанесения орнамента, ножницы особой формы для разрезания тонких пластин металла, одну-две каменные или из огнеупорной глины чашечки для плавки золота и металлические чашечки для плавки серебра, щипчики, с помощью которых чашечки доставали из огня. Все имущество ювелира умещалось обычно в переметной суме (хурджум)⁹. Материал обычно приносил заказчик. Зачастую на новые изделия шли старые украшения или серебряные монеты.

В каждом большом ауле у всех туркмен обязательно были ювелиры (иногда даже по несколько мастеров). Большинство из них наряду со своим основным ремеслом занимались также сельским хозяйством. Обычно они работали на заказ и были мало связаны с рынком. Лишь в приамударьинских районах, входивших в Бухарское ханство, ювелиры делали вещи для продажи на местных базарах¹⁰. Славилась мервские мастера, «изделия которых, — писал Ф. А. Михайлов, — расходятся на всю Закаспийскую область»¹¹. Даже зажиточные хивинские туркмены ездили специально за украшениями для своих жен и детей в Мервский оазис¹².

Ювелирное мастерство у туркмен чаще всего передавалось по наследству от отца к сыну или племяннику. Оно сохраняло древние традиции, требовало хорошего вкуса, больших навыков.

В конце XIX в., после присоединения к России, в связи с установлением мирной жизни и развитием земледелия и скотоводства вошло в обычай носить больше украшений и на них увеличился спрос. Это изменило характер производства, сделало его более товарным, что повлекло за собой ухудшение художественных качеств украшений. В «Обзорах Закаспийской области» отмечалось: «Искусство туземных мастеров не возрастает, а, видимо, падает... все серебряные изделия более раннего периода отличаются большей оригинальностью и изяществом, чем работы позднейшего времени»¹³. Некоторое ухудшение качества изделий не могло, однако, повлиять на общий характер украшений, и туркменские ювелирные изде-

лия до наших дней сохранили художественное своеобразие и свой неповторимый колорит.

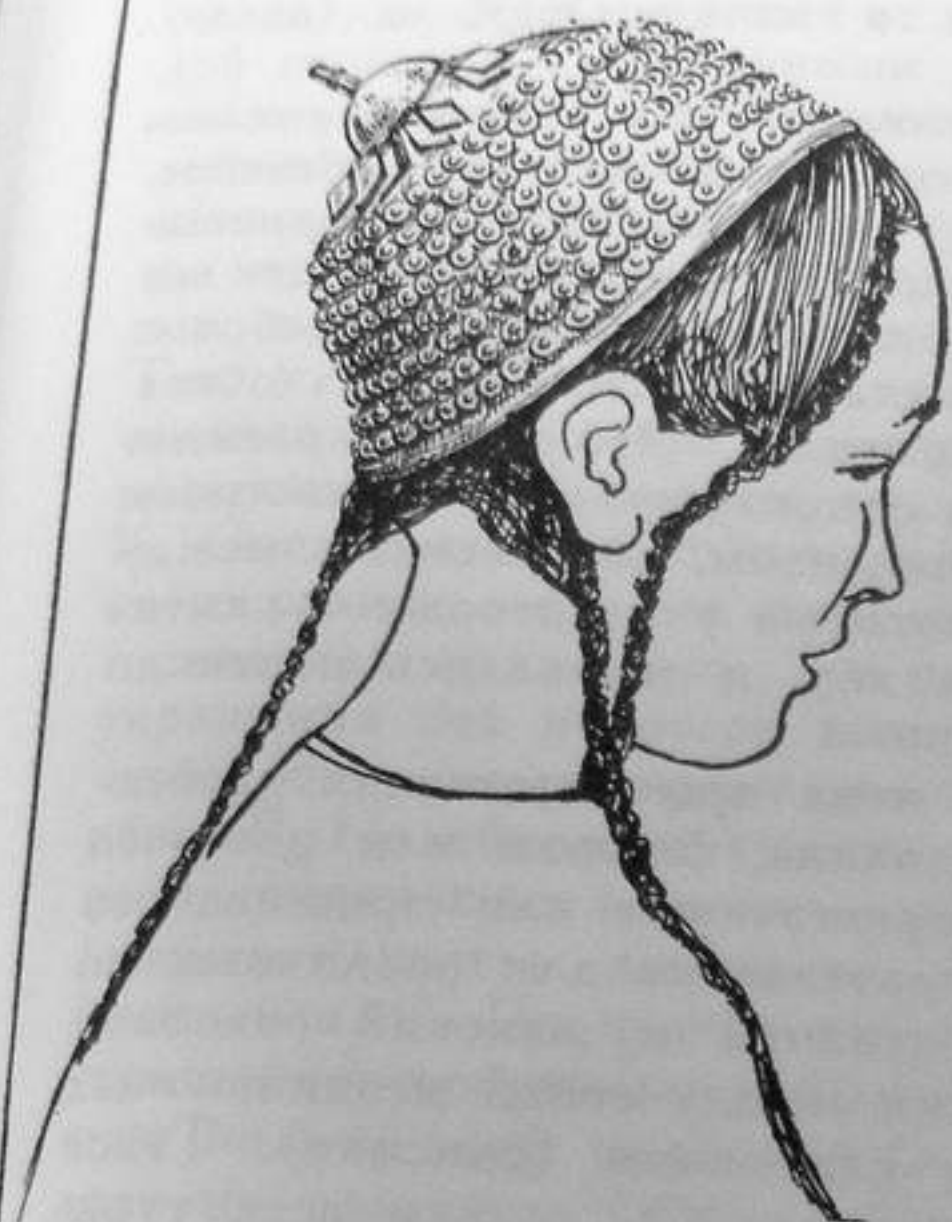
Основным, наиболее распространенным украшением девичьей тюбетейки (*тахъя, борик*) была *купба* (серебряное навершие — куполок с торчащей вверх трубкой посередине и серебряными подвесками), которую еще недавно носили до выхода замуж и замены девичьего головного убора женским (рис. 1). Это украшение, ныне превратившееся в непеременимый элемент национального девичьего костюма, в прошлом было свойственно лишь текинцам, иомутам, сарыкам, эрсари и некоторым другим племенам. Прежде в трубку *купба* вставлялись перья совы или филина. Информаторы из туркмен-эрсари, например, хорошо помнят о том, что еще 12—15 лет назад в трубку девичьей *купбы* обязательно вставляли перья сокола (*отагы лачын, пер лачын*). Если в девичьей шапочке не было перьев, это означало, что девушка засватана¹⁴. Обычно вся тюбетейка ниже *купбы* покрывалась серебряными монетами¹⁵, по вискам с нее спускались подвески. У северных иомутов монетами украшалась и теплая стеганная на вате шапочка с ушами (*сопбаш*), которую девочки носили иногда до 8—9 лет.

У других туркменских групп — човдоров, ходжа, шихов, некоторых туркмен Средней Амударьи и т. д. — шапочки девушек в прошлом тоже покрывались монетами или серебряными бляшками, но *купбы* у них не было. Видимо, так же украшались в XVIII в. девичьи шапочки мангышлакских туркмен, описанные С. Г. Гmeliным¹⁶.

Возможно, в прошлом *купба* была украшением шапочки девочек до определенного возраста, а головные уборы девушек на выданье у некоторых туркменских групп украшались иначе. Подтверждением этого, с нашей точки зрения, могут быть два интересных свидетельства второй половины XVIII—начала XIX в. относительно украшения девичьего головного убора *гоклен*. Упомянувшийся выше Гмелин, характеризуя головные уборы астрабадских туркменок — *текеямут* и *гокча* (*гоклен*. — Г. В.), писал, что головной убор их девушек-невест украшается прямыми перьями, которые втыкаются вокруг шапки¹⁷. О таком же украшении головного убора *гокленских* девушек свидетельствует другой автор начала XIX в. — К. Бодэ. «Я видел *гокленскую* девушку в необыкновенно огромном головном уборе из перьев фазаньих, тураджевых (*турадж* — красивая птица, водящаяся на Горгане и Кавказе) и даже простых петушиных». Этот головной убор К. Бодэ называл *кочбурка*¹⁸. У прибрежных туркмен — иомутов, по свидетельству уроженки этих мест Д. Г. Иомудской, девушки-невесты в середине XIX в. носили остроконечную шапочку с нашитыми на ней перьями совы или филина¹⁹. О таком же украшении

Рис. 1. Украшения девичьих головных уборов

1 — тюбетейка с куполком (*купба*) и серебряными бляшками, Пендинский оазис, конец XIX в.; 2 — тюбетейка с куполком и серебряными подвесками — *чекелик*, Бахарденский р-н, XX в.; 3 — теплая шапочка с куполком и монетами, Тахтинский р-н, XX в.; 4 — тюбетейка с куполком, синсиле и подвесками из бус на шелковых шнурах, Серахский р-н, XX в.

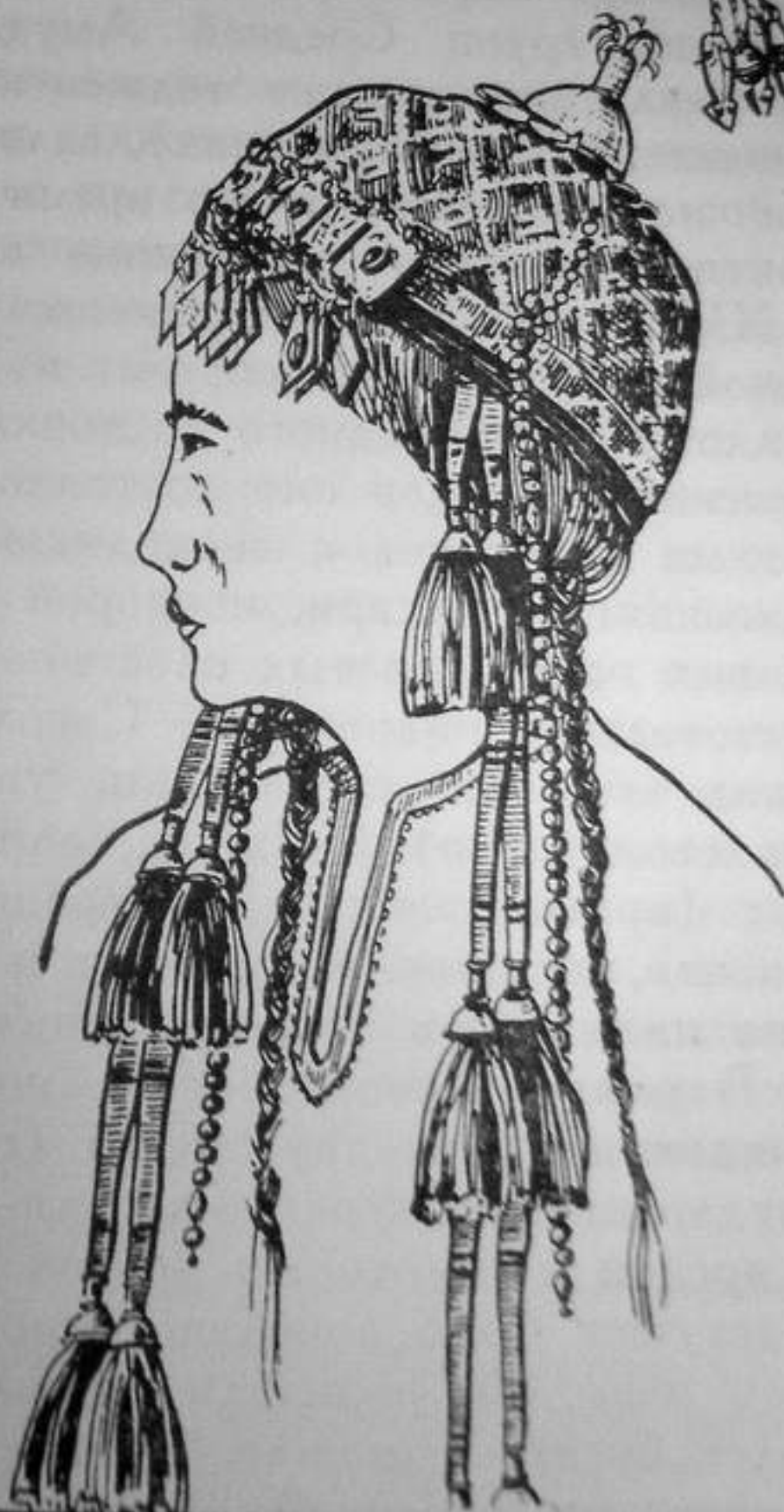
1

2

3

4

девичьей шапочки у прибрежных иомутов в начале XIX в. писал Г. С. Карелин²⁰.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что и у иомутов и гоклен 100—150 лет назад девушки-невесты, вероятно, не носили на тюбетейке серебряных украшений. Однако уже в конце XIX в., по литературным данным и по нашим полевым материалам, шапочки девочек и девушек на выданье почти у всех туркменских племен обильно украшались серебром. У большинства туркмен девочки 9—12 лет и старше носили еще налобное украшение — *синсиле* (*сильсиле*, *сунсуле*, *сумсуле*). Это было красивое серебряное изделие, состоящее чаще всего из одного-двух рядов пластинок разной конфигурации со штампованным орнаментом, соединенных между собой цепочками со множеством подвесок, которые у некоторых туркменских групп были по бокам длиннее, чем на лбу, и спускались почти до плеч (рис. 2).

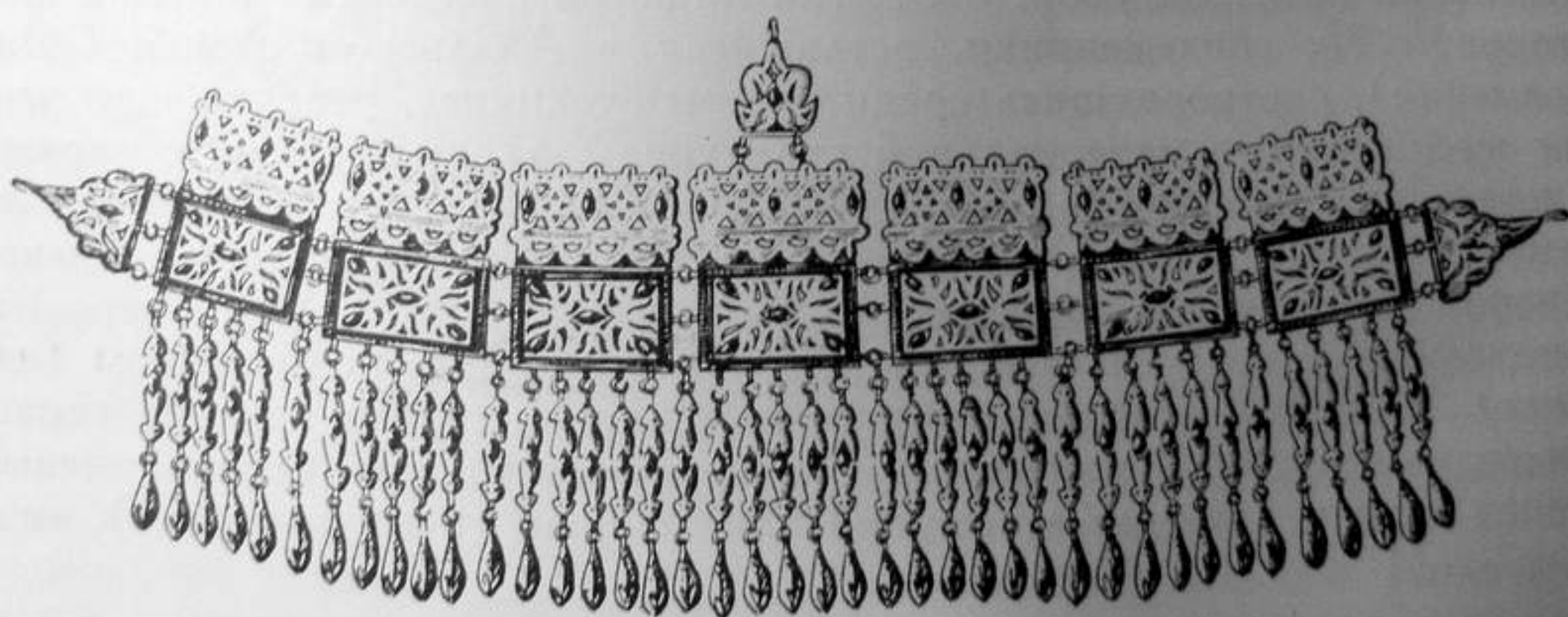
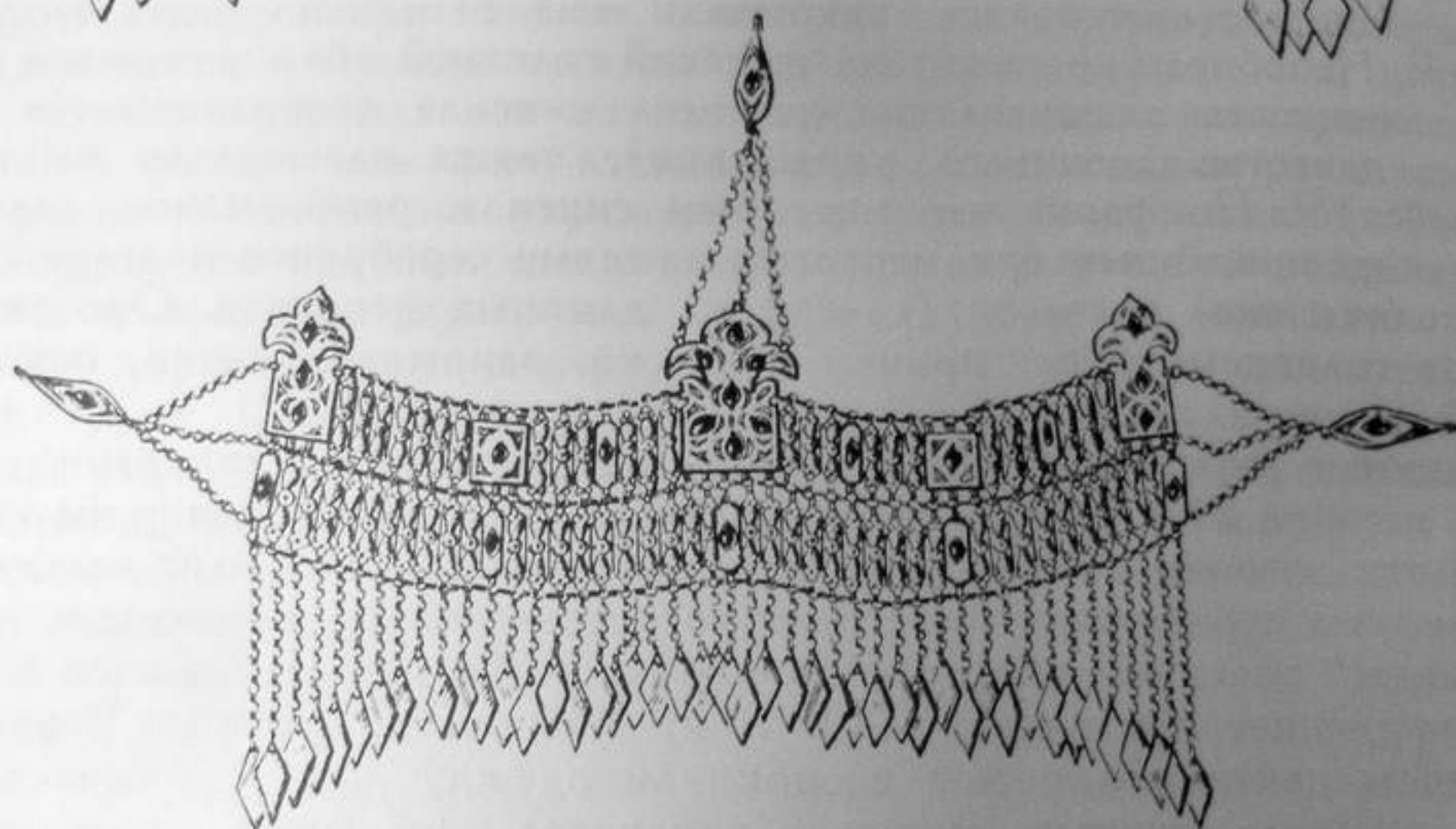
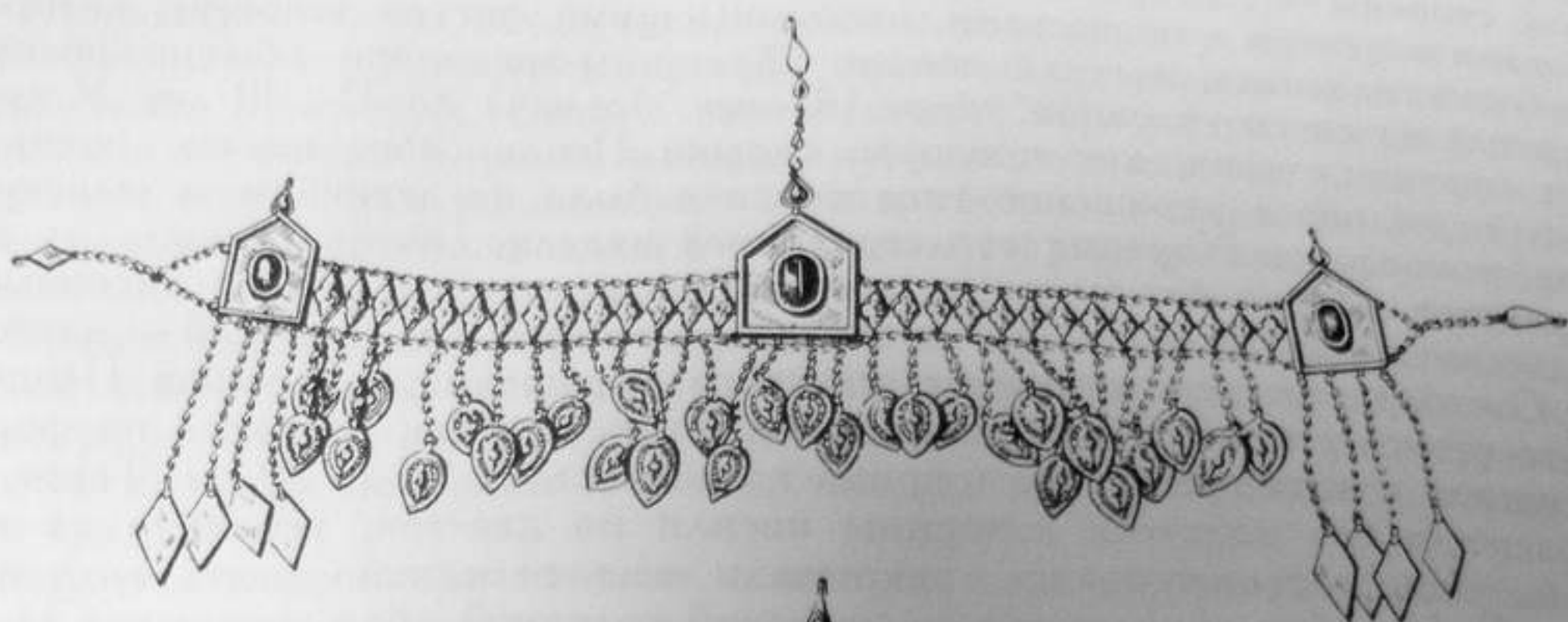
В центре и по бокам *синсиле*, а иногда и на промежуточных пластинах укреплялись в гнездах вставки из сердолика, бирюзы или цветного стекла. *Синсиле* укреплялось на шапочке крючками или пришивалось к ней. Сам термин «*синсиле*» являлся собирательным для различных по своей форме и названиям украшений на девичий и женский головной убор. Общим для них был способ соединения между собой неодинаковых по форме и величине серебряных фигурок цепочками (*синсиле*). Такое украшение зафиксировано в конце XIX—начале XX в. для всех туркменских групп Средней Амударьи, марийских и ахальских текинцев (у ахальских и даже тедженских текинцев оно появилось значительно позднее, чем у марийских), салоров, сарыков, човдоров Хорезма и гокленов, но неизвестно в это время ни западным, ни северным иомутам. Вероятно, подобные украшения видел Гмелин у мангышлакских туркмен в XVIII в. «Знатные девушки носят еще на лбу повязку шириной до одной пяди, которая состоит из серебряных колец, шариков, красных кораллов и ромбовидного листочка посередине»²¹. У сарыков Иолотани, тедженских текинцев оно состояло из серебряных довольно крупных квадратных пластинок с сердоликами посередине, соединенных между собой колечками, у эрсари, човдоров — из нескольких рядов различной формы мелких продолговатых пластинок, украшенных сердоликами с выпуклыми пустотелыми подвесками. Сверху это украшение, какой бы формы пластины его ни составляли, увенчивалось серебряным треугольником — амулетом (*дога*) (текинцы, али-эли) или рогообразной фигурой — *гочек*, *шах* (эрсари, сарыки). Украшение с височными подвесками, подобное *синсиле*, у аннаули, мехинли и живущих рядом текинцев в Каахкинском р-не называлось *алыншаи* (налобное украшение), а у али-эли — *ильгич*. В ряде районов *синсиле* носили и девушки и молодые женщины до рождения одного-двух детей (салоры Серакса и Чарджоуской обл., приамударьинские туркмены, али-эли, а в прошлом и сарыки Иолотани). У эрсари и некоторых других приамударьинских туркмен это украшение у девушек было довольно скромным, небольшим, но когда дочь становилась невестой, родители должны были обязательно приобрести для нее более богатое *синсиле*, снабженное серебряной с мелкими шелестящими подвесками цепочкой — *зынжира*, проходящей под подбородком (*ламак-*

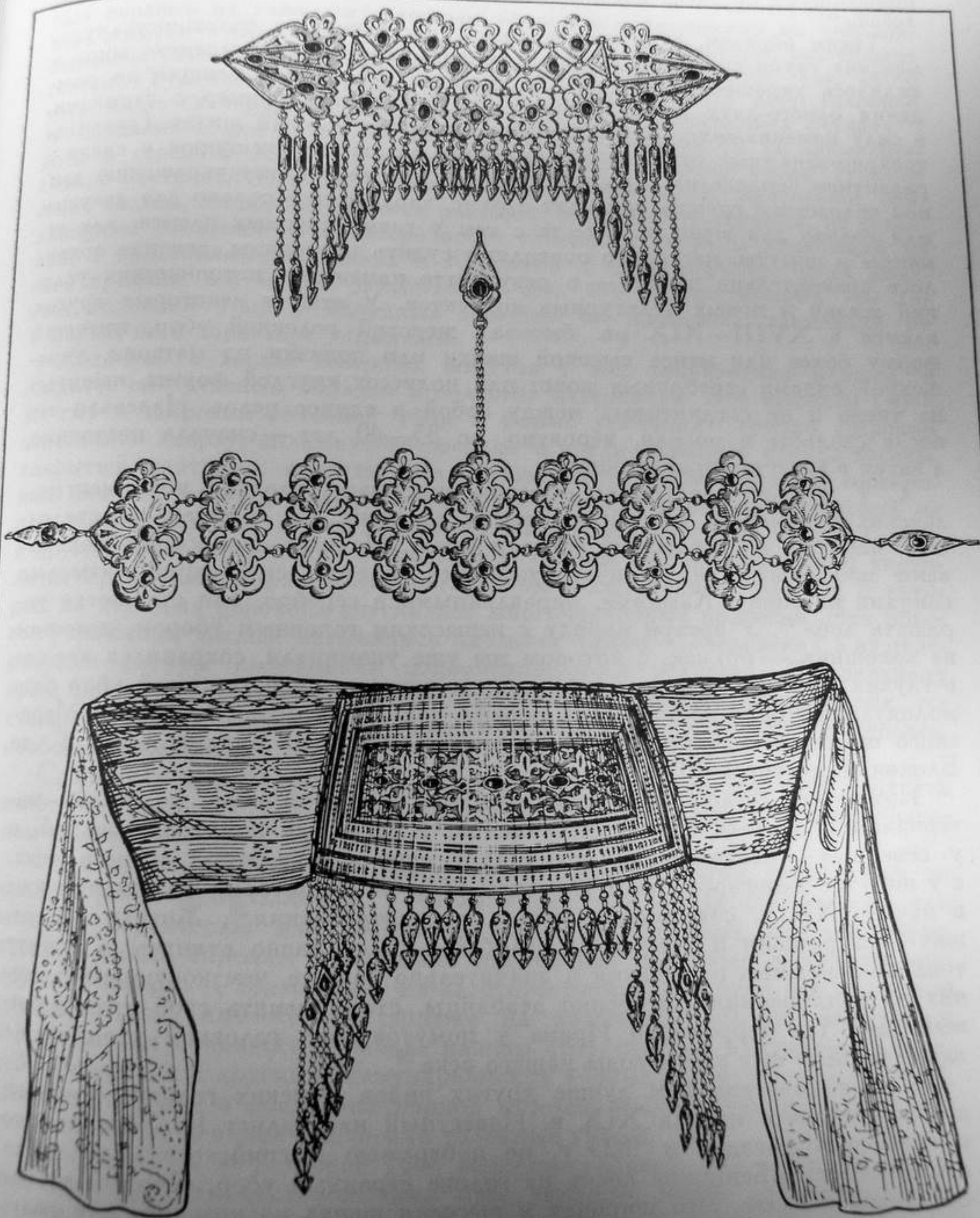
сырга), со спускавшимися от висков на длинных цепочках — по две с каждой стороны — серебряными украшениями (*тенечир*) с крупными сердоликами в центре и подвесками, напоминающими фигуру человека, которое девушка надевала, выходя замуж. Женщины-эрсаринки обычно носили синсиле на своем головном уборе (*богмак, богмач*) до 35—40 лет. У других туркмен, таких, как човдоры, сарыки Пендинского оазиса, нохурли и т. д., налобное украшение типа синсиле было не девичьим, а женским. Так, у човдоров Хорезма это серебряное изделие, очень похожее на эрсаринское, только без цепочки под подбородком и с другими височными подвесками, называлось не синсиле, а *манлайлык* (*манлай* — «лоб»). К. Овезбердыев дает описание женского украшения у сарыков Пендинского оазиса с тем же названием *манлайлык*, видимо, близкого по форме к синсиле с подвесками; его ширина колебалась от 10 до 30 см. Такие же украшения без подвесок женщины носили по два-три, укрепляя их так, чтобы они, перекрещиваясь, закрывали всю переднюю часть головного убора²². Налобное украшение на женский головной убор у сарыков Иолотани, сменившее в начале нашего века синсиле (сохранившееся здесь лишь в качестве девичьего украшения), также называлось *манлайлык* (*манлайса*)²³. По форме это иное, чем синсиле, ромбовидное, сплошное, украшенное прорезным орнаментом и камнями серебряное изделие с большим количеством подвесок (*сачак*) на длинных цепочках. Оно укреплялось на головном уборе, причем подвески, закрывая платки, опускались на лоб.

Налобное украшение типа синсиле, называвшееся *ильдиргич*, сравнительно недавно носили молодые мервские и тедженские женщины-текинки. Украшение того же типа, *ченге*, состоявшее из соединенных между собой ромбовидных серебряных пластинок со вставками из сердоликов, входило в старинный головной убор туркмен-карадашлы, переселившихся в Северный Туркменистан в начале XIX в. из Южной Туркмении. В наши дни карадашлы почти полностью восприняли одежду и украшения своих соседей — иомутов, поэтому судить о характере украшения, укреплявшегося на женский головной убор, мы могли лишь по рассказам стариков информаторов²⁴. Их соплеменники, оставшиеся в Ахальском оазисе (Южная Туркмения), растворившись среди туркмен-текинцев, утеряли еще раньше свои особенности в материальной культуре. У туркмен-нохурли украшение на женский головной убор сохраняется и в наши дни и называется *алын-даны* (*алын* — «лоб»). Оно похоже на текинский *ильдиргич*, однако непременно сочетается с нашитым на черную ленту серебряным украшением из круглых бляшек и цепочек, проходящим под подбородком (*алкым чаннге*). Наконец, молодые иомутские женщины совсем недавно украшали свои головные уборы изделиями, напоминающими *ильдиргич* и называемыми *шельпе* (северные иомуты) или *башшаи* (иомуты-атабай), видимо,

Рис. 2. Украшения типа синсиле

1 — синсиле, Сакарский р-н, XIX в.; 2 — девичье синсиле, Ходжамбасский р-н, XX в.; 3 — *ильгич* (*алыншаи*), Каахкинский р-н, XX в.; 4 — *ильдиргич*, Туркменкалинский р-н, XX в.; 5 — *эурме* (*соерме*), Бахарденский р-н, XX в.; 6 — *эгме*, серебряное украшение на головной убор текинок, Марыйский оазис, 20—30-е годы XX в.

пришедшими на смену украшениям на старинный женский головной убор хасава²⁵.

Таким образом, судя по имеющимся у нас данным, у большинства туркменских групп синсиле в прошлом, видимо, было распространено шире и являлось украшением девушек на выданье и молодых женщин до рождения одного-двух детей. Однако, как показывает пример с сарыками, в силу изменившихся социально-экономических условий жизни (развитие товарно-денежных отношений, изменение положения женщины в связи с развитием земледелия и ростом калыма) на смену этому украшению данной возрастной группы приходят другие, характерные только для девушек или только для женщин. Вместе с тем у таких крупных племен, как текинцы и иомуты, насколько позволяют судить материалы, синсиле появилось сравнительно поздно — в результате изменения исторических условий жизни и новых культурных контактов. У этих и некоторых других племен в XVIII—XIX вв. бытовал женский головной убор, имевший форму более или менее высокой шапки или повязки из материи, украшенной рядами серебряных монет или подвесок круглой формы, нашитых на ткань и не соединенных между собой в единое целое. Надевали его после свадьбы и носили, вероятно, до 35—40 лет — сначала постоянно, а затем в качестве праздничного.

С. Г. Гмелин следующим образом описывает головной убор мангышлакских туркменок: «Женщины носят высокий, до 2 пядей, закругленный, набитый и сдавленный спереди чепец. На него они обычно повязывают шелковый или хлопчатобумажный платок, свисающий четырьмя концами на спину. Камнями, оправленными в серебро, они стараются украшать лоб»²⁶. У эрсари наряду с невысоким головным убором, похожим на кокошник, — бозмак, о котором мы уже упоминали, сохранялся кое-где в глухих селениях еще в начале нашего века высокий головной убор башмолауки, которая носила его в первый год замужества. У текинок Мервского оазиса в середине XIX в. головной убор, по свидетельству Г. де Блоквиля, достигал 40 см²⁷.

Иомутская хасава, старинный женский головной убор, по нашим материалам и данным других источников, у западных иомутов — атабай, и у северных — байрам-шали сохранялся еще в 20-х годах нашего века, а у иомутов-джафарбай этот головной убор на территории Туркмении уже в начале XX в. совершенно вышел из употребления²⁸. Жители побережья — огурджали и иомуты-джафарбай — были давно втянуты в орбиту товарно-денежных отношений и значительно раньше, чем кочующие в степях их соплеменники, особенно атабайцы, стали менять свой традиционный быт. На территории Ирана у иомутов этот головной убор также зафиксирован еще в 20-е годы нашего века²⁹.

Хасава известна нам лучше других видов женских головных уборов по литературе с начала XIX в. Известный натуралист И. Эйхвальд во время своей поездки в 1825 г. по побережью Каспийского моря писал о туркменах: «Женщины носят на голове странный убор, который тотчас бросается в глаза. Это широкая и высокая шапка из красного или голубого бархата; спереди висит множество старых серебряных или золотых монет или сердоликов, обделанных в серебре на серебряной же цепоч-

ке»³⁰. Г. С. Карелин, принимая гостей-туркменок в Гасан-Кули, также был поражен их тяжелым головным убором с украшениями из «червонного золота»³¹. Описание хасавы дают и последующие авторы, посетившие западные районы Туркмении до ее присоединения к России. Так, автор статьи «Туркмены иомутского племени» указывает, что этот головной убор является парадным и надевается в особо торжественных случаях³².

Сведения о иомутской хасаве имеются и в статьях П. И. Огородникова в середине XIX в., жившего длительный период среди туркмен Северо-Восточной Персии³³. Сопоставляя его детальное, тщательное описание хасавы, сопровождающееся рисунком и указанием термина, не оставляющими сомнения в характере этого головного убора и украшений на нем, с описаниями Эйхвальда и Карелина и фотографиями более позднего времени, мы можем убедиться в том, что на протяжении 100 лет этот головной убор у западных иомутов не претерпел изменений ни в форме, ни в характере украшений.

Сведений о хасаве северных иомутов у нас значительно меньше, и сводятся они главным образом к полевым материалам. Это высокий (40—50 см) и широкий головной убор в форме усеченного конуса широким основанием кверху, сплюснутого спереди и сзади; твердый каркас хасавы, покрытый платками, спереди был увешан несколькими рядами серебряных бляшек, монет и подвесок; надо лбом висело украшение, похожее на эрсаринское синсиле, но называвшееся по-другому (в одних местах хасава, в других *гызылгатурга*); с обеих сторон головы над висками были укреплены серебряные, украшенные орнаментом и сердоликом фигуры, с которых на длинных цепочках спускались многочисленные подвески. Эти боковые украшения хасавы назывались *адамлык* (адам — «человек»), а их центральные фигуры напоминали подбоченившегося человека. По верхнему краю головного убора укреплялось еще одно украшение — *санджалык*, состоящее из ряда овальных фигурок со вставками из сердолика и цепочек, свободно свисающих с них.

Сравнивая хасаву западных и северных иомутов, мы должны отметить некоторое различие в составе украшений, укрепляющихся на этом головном уборе (рис. 3).

У северных, хорезмских, иомутов, живущих на этой территории по крайней мере более 200 лет, в число украшений на хасаву, помимо тех, которые характерны для головного убора их западных соплеменников, входило также синсиле, совершенно идентичное подобным изделиям човдоров и эрсари. К сожалению, из-за отсутствия источников мы не можем судить о том, имелось ли синсиле на хасаве хорезмских иомутов и в XIX в. или появилось в начале нашего столетия под влиянием их соседей — човдоров и других приамударьинских туркмен (в том числе эрсари), для которых оно в последний период истории было почти единственным украшением на девичий и женский головные уборы.

В конце XIX в. головной убор женщин-гокленок, как и хасава северных иомутов, наряду с монетами был украшен также серебряным изделием, по всей вероятности похожим на текинский ильдиргич³⁴. Однако гоклены-земледельцы в массе своей были более бедными, чем их соседи — иомуты, и не все имели возможность приобрести подобное украшение. Ис-

следователи отмечают, что уже в начале XX в. головной убор женщин-гокленок почти не имел украшений³⁵.

В целом к концу XIX в. появилась совершенно определенная тенденция к уменьшению величины головного убора, отмеченная авторами этого времени, однако форма украшений чаще всего сохранялась прежняя.

По сообщению С. М. Дудина, еще в начале XX в. «в более глухих аулах» текинки носили головной убор из куска бумажной материи в форме согнутой трапеции. «В виде украшения на нее (шапку. — Г. В.) густо нашивались узорчатые штампованные бляшки»³⁶.

Судя по описанию А. С. Морозовой, похожим на текинское было украшение головного убора туркмен племени ходжа, живших на Мангышлаке. Оно называлось манлай и состояло из металлических и серебряных бляшек и подвесок, нашитых на пятиугольную повязку из красного сукна³⁷.

Таким образом, украшения на головные уборы молодых женщин текинцев, иомутов, гоклен и др. в XIX в. отличались от украшений туркмен восточных и северо-восточных районов нынешней территории их расселения, причем у западных иомутов, наиболее территориально и

Р и с. 3. Украшения на высокие женские головные уборы и убор приамударьинских туркменок

1 — украшение на головной убор молодой женщины-текинки, Мерв, конец XIX в.; 2 — украшение на головной убор молодой женщины-сарычки, Пендинский оазис, конец XIX в.; 3 — иомутская хасава западных районов, XIX в.; 4 — иомутская хасава северных районов, начало XX в.; 5, 6 — хасава приамударьинских туркменок, Чаршангинский р-н, XX в. (вид спереди и сзади)

экономически обособленных от остальных туркмен, эти старинные украшения сохранились лучше. У этой же группы племен монеты и бляшки сохранялись кое-где и на головном уборе пожилых женщин (см. ниже).

Мы уже говорили о том, что с начала XX в. наиболее распространенным украшением на головной убор молодых женщин-текинок стал ильдиргич. Однако в начале нашего века у тех же текинцев появилось еще одно украшение на женский головной убор — *алынданы* (так называет его С. М. Дудин), которое вскоре, уже под названием *эгме*, почти вытеснило у них все остальные изделия. Это «серебряное украшение в виде согнутой трапеции с прорезным и резным орнаментом и позолотой, со вставками из сердолика, нашито на широкую ситцевую полосу (концы которой завязывают на головном уборе сзади узлом. — Г. В.), украшенную нашивками из шелка и красного сукна; вокруг подшиты узорчатые серебряные бляшки»³⁸. По данным наших информаторов, *эгме* у ахальских текинцев появилось значительно позднее, чем у марыйских. Это украшение к 20-м годам XX в. стало показателем состоятельности семьи. Наиболее широкие (и поэтому дорогие и тяжелые) *эгме* достигали 40—50 см и назывались *оникисимли эгме* (т. е. 12-рядные *эгме*). Их носили молодые женщины из зажиточных семей. У тех, кто беднее, были *алтысимли эгме*, т. е. 6-рядные *эгме*. Ильдиргич стал украшением головного убора не самых молодых, а женщин более старшего возраста (30—35 лет). У тебженских текинцев наиболее нарядным украшением на головной убор молодой женщины по-прежнему оставался ильдиргич; *эгме* не получило здесь широкого распространения. Видимо, типа текинского *эгме* было украшение *манлайса* на женский головной убор сарыков Йолотани, которое было охарактеризовано выше (см. стр. 181).

Особо следует остановиться на характеристике украшений сохранявшегося до 40-х годов нашего века женского головного убора (*хасава*) группы приамударьинских племен — олам, элеч, мукры, хатаб, а в прошлом и эски.

В то время как украшением девичьего головного убора всех приамударьинских туркмен было синсиле, женский головной убор туркменок этих групп, представлявший собой невысокий тюрбан из красной ткани у молодых женщин или из более темных платков — у женщин, имеющих 4—5 детей (т. е. примерно после 30 лет), спереди был украшен весьма оригинальными ювелирными изделиями. Посередине лба женщины, чуть повыше бровей, ниже края головного убора, висело небольшое золотое украшение — *хатаб* — прямоугольной формы с мелкими подвесками по низу. На тюрбане по бокам *хатаба*, но значительно выше его укреплялись массивные круглые выпуклые серебряные бляхи — *серайна* (*сарайна*), между которыми в середине головного убора, соединенная с *серайна* цепочками висела небольшая серебряная четырехугольной формы фигурка с камнем (обычно сердоликом) в центре — *гаш*. С цепочек на *хатаб* висало пять крупных серебряных бубенчиков — *дувме*. *Серайна* укреплялись на головном уборе недлинными цепочками с крючками на концах, на которых висели один-два бубенчика с каждой стороны, спускавшиеся на виски. Сверху, в центре тюрбана, на темени, укреплялось массивное украшение в форме полумесяца — *мередхал* (*мереттол*). И *серайна*, и *меред-*

хал украшались растительным, процарапанным по серебру орнаментом.

Весь головной убор поддерживался прикрепленной к нему на висках и проходящей под подбородком черной лентой *культе*, украшенной двумя рядами золотых монет (или блях) — *гыран*, между которыми был нашит ряд мелких серебряных бусин *гумишден хинжи*³⁹.

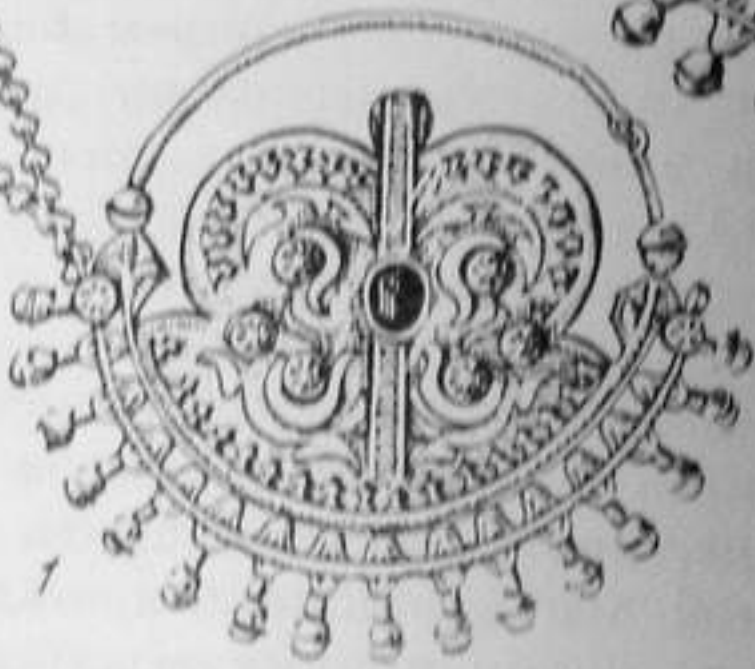
У молодых, только что вышедших замуж женщин из групп мукры и хатаб под этими украшениями (или поверх их, как это было у эски) укреплялось еще и синсиле, которое носили на хасаве в течение года после свадьбы или до рождения первого ребенка. У эски эти украшения, давно ушедшие из быта, по воспоминаниям женщин старшего возраста⁴⁰, носили лишь на свадьбу и в торжественных случаях, причем бедные, не имевшие таких украшений, даже занимали их на несколько дней у состоятельных односельчанок. У оламов и элечей женщины носили хасаву в течение всей жизни; у туркмен мукры, хатаб и эски после года замужества женщины снимали этот головной убор и надевали более простой, без украшений, который назывался *карс*.

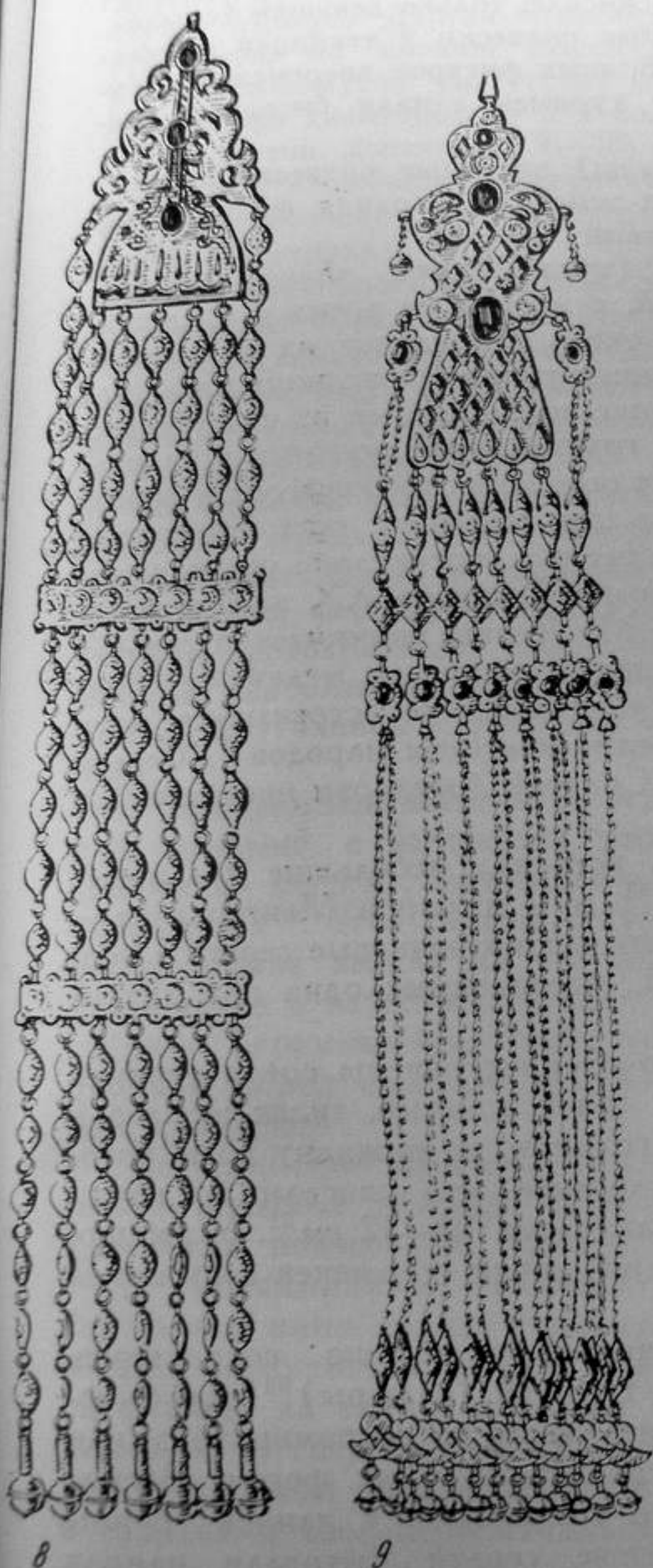
Оригинальные украшения оламско-элечской хасавы, насколько нам известно, не встречаются ни у кого из современных народов Средней Азии. Нет о них ничего и в литературе, кроме весьма общего упоминания Н. Брюлловой-Шаскольской о черной ленте с монетами, поддерживающей женский головной убор у одной из групп приамударьинских туркмен⁴¹. Черная лента под подбородком, украшенная одним рядом золотых монет, как указывалось, составляла часть головного убора туркменнохурли; бытовала она в этой функции также у небольшой группы тюрков, жившей вместе с курдами в Южной Туркмении и Хорасане.

Некоторые сведения о старинном свадебном човдорском женском головном уборе, богато украшенном серебряными и золочеными подвесками, который назывался *шовкеле*, удалось получить К. Ниязклычеву. По его словам, шовкеле имел вид шлема и очень напоминал украшенную монетами текинскую девичью *тюбетейку*⁴². Этот старинный головной убор и его украшения, однако, давно вышли из употребления и не сохранились ни в музеях, ни у населения.

Женщины носили украшения на головном уборе, как уже говорилось, до 35—40 лет, причем не каждый день, а лишь по праздникам. Однако многое зависело от их положения в обществе: богатые туркменки даже в 50 и более лет носили роскошные головные уборы. У большинства же туркмен женщина после 40 лет на головном уборе почти не имела украшений. Вышивка или серебряные изделия довольно часто украшали только нижнюю шапочку, сверху прикрытую платками. Так, головной убор пожилых женщин-сарычек *чапразлы борик* или *джам борик*, представлявший собой довольно высокую шапку, сплошь покрывался серебряными бляшками *чапраз*, у старух скрытыми под накинутым красным платком или под белой кисеей. Комплекс украшений, характерных для хасавы элечей и оламов, носили и пожилые женщины, прикрывая платками нашитые на *тюрбан* украшения, и только налобное (*хатаб*) выглядывало из-под них.

У других туркмен — текинцев, иомутов, эрсари, гокленов и т. д. — узкое серебряное украшение на головном уборе пожилой женщины, состояв-

шее обычно из несколько более или менее вычурных фигур, соединенных колечками между собой и длинной цепочкой с конусообразной фигуркой-крючком, предназначалось для прикрепления *яшмака* (край платка, закрывающего рот) к головному убору.

С украшениями на головной убор тесно связаны височные подвески, составляющие с ним единое целое. (рис. 4). Выше мы уже касались их, характеризуя украшения девичьей шапочки и некоторых женских головных уборов. У одних племен височные подвески составляли с украшением на головной убор единый комплекс и отдельно от него не употреблялись, у других — подвески стали как бы отдельным, самостоятельным украшением, употреблявшимся без налобного.

Наиболее широко распространенное название височных подвесок *тенечир* зачастую применяется для обозначения «ушной серьги» — *гулак тенечир*⁴³. Вместе с тем у *иомутов*, например, этот термин не употреблялся, а подвески к *хасаве* — *адамлык* на *Челекене*, по словам И. Н. Глушкова, делились на верхнюю часть (*сырга*) и нижнюю (*монджик*) в виде куполообразных фигур⁴⁴.

Височные серебряные подвески *тенечир* — продолговатые, как пра-

Рис. 4. Серьги и подвески

Кольцевые: 1 — северных *иомутов*, *Куня-ургенчский р-н*, начало XX в.; 2, 3 — западных *иомутов*, конец XIX — начало XX в.; 4 — серьги из склепов горной *Ингушетии*. Крючковые: 5 — серьги в виде столбиков, *Керкинский р-н*, XX в.; 6 — серьги плоские, грушевидной формы, *Пендинский и Хорезмский оазисы*, начало XX в.; 7 — серьги-подвески с треугольником в основе, *Мервский оазис*, *Серахский р-н*, начало XX в.; 8 — подвески к *хасаве*, *Хорезмский оазис*; 9 — то же, западные районы *Туркмении*.

вило, треугольной формы, с подвесками внизу и крючком сверху для закрепления на головном уборе — обычно носили и девушки и молодые женщины, а в некоторых случаях, как и синсиле, только девушки (салоры, тедженские текинцы). Девичьи серебряные подвески у текинцев назывались *чекелик*; у шихов подвески из серебряных фигурок вперемежку с бусинками носили название *карапепек*; у туркмен алиэли бисерные подвески — *алага*.

У некоторых племен (човдоры, игдыры) височные подвески *тенечир* превратились в серьги: у сарыков гулак *тенечир*, сохраняя функции височных подвесок, могли быть также серьгами⁴⁵.

Традиционные туркменские серьги (*гулак халка*, *халка*, *тенечир*, *ысырга*) принадлежат к числу украшений, в настоящее время в большинстве районов мало сохранившихся, что очень затрудняет их характеристику и классификацию. Приходится основываться на описаниях информаторов, происходящих из разных групп. Чаще всего каждый из них утверждает, что серьги, носимые женщинами их группы, были особыми и отличались по форме от серег других племен. На основании имеющегося в нашем распоряжении материала можно выделить два основных типа: кольцевые серьги (*халка*) и серьги крючковые, чаще всего с вертикально расположенной основой и подвесками по нижнему краю. В начале XX в. у туркмен бытовали и другие виды серег. Так, С. М. Дудин упоминает о серьгах (*тенечир*) дурых, грушевидной формы, с подвесочками из мелких серебряных бубенчиков⁴⁶, которые в наши дни у туркмен не встречаются, хотя бытуют у казахов, киргизов и других среднеазиатских народов⁴⁷. Серьги у гокленок и некоторых групп туркменок Средней Амударьи представляли собой низки из бусин ярких цветов.

У туркмен Челекена И. Н. Глушков встречал небольшие кольцевые серебряные серьги с подвесками из бус⁴⁸, а у игдыров Мангышлака — оригинальные, исчезнувшие к началу нашего века крючковые серьги с подвесками, состоящие из нескольких частей, укрепленных одна под другой подвижно на колечках⁴⁹.

Серьги крючковые были более широко распространены среди туркмен в прошлом. Назывались они по-разному: *гулак тенечир*, *гулак ысырга* и т. д. Чаще всего их основу составлял треугольник, по нижнему краю которого шли подвески, иногда настолько длинные, что свисали до груди (*игдыры*)⁵⁰. У сарыков длина подвесок равнялась 10—12 см⁵¹. У хыдыр-эли серьги без подвесок имели в основе серебряный стерженек с бусинкой внизу.

Серьги кольцевые — *гулак халка* — наиболее хорошо сохранились в быту туркмен-иомутов, у других групп туркмен (салоры)⁵² они бытовали в прошлом, что можно было установить лишь по воспоминаниям или по названию, хотя последнее не всегда соответствует их форме. Весьма возможно, оно свидетельствует о том, что в прошлом у данной группы были кольцевые серьги. Иногда кольцевые серьги бытовали наряду с крючковыми. (Так было в далеком прошлом у сарыков, хыдыр-эли, човдоров.) Судя по сообщениям информаторов, девичьи серьги по форме отличались от женских. Есть основание предполагать, что в прошлом кольцевые серьги были распространены среди туркмен более широко и считались женским украшением⁵³.

Женские серьги иомутов отличаются от аналогичных украшений всех других туркменских групп. Похожие на них, но меньшие по размеру серьги атинцев Дарган-Атинского района и других туркмен Средней Амударьи, по мнению некоторых информаторов, были заимствованы у туркмен-иомутов. Иомутская серьга представляет собой довольно большое кольцо диаметром от 6 и более сантиметров (в XIX в. серьги северных иомутов достигали 9—10 см)⁵⁴. Верхняя сторона кольца витая, а нижняя заполнена пластинкой, верхний край которой имеет обычно форму равнобедренного треугольника с неровными краями, а иногда форму полукруга.

Наружная поверхность пластинки украшена прорезным орнаментом и орнаментом, образованным припаянными ромбовидными золотыми пластинками (западные иомуты — джафарбай) или позолотой (все остальные группы иомутов). В подавляющем большинстве случаев, помимо орнамента, в изделия вставлены от одного до пяти сердоликов, а у прибрежных туркмен — иногда бирюза.

По нижнему краю пластинки, совпадающему с нижним краем кольца, припаяны круглые полые фигурки, скрепленные между собой серебряной же пластинкой; у западных иомутов их 6—8, у северных — 16—20 (удлиненной формы), а к концам их прикреплялось по бубенчику.

Для предохранения ушной мочки от растягивания и обрывания некоторые наиболее массивные серьги укреплялись на головном уборе крючком с треугольной серебряной фигуркой, похожей на подвеску — *тенечир*.

У прибрежных жителей — огурджали кольцевые серьги были двух видов: большие, с выпуклым узором на пластинке — *томмарчаклы халга* (выпуклая серьга), поменьше — с изображением полумесяца и звезд — *айлы халга*⁵⁵. Эти серьги носили молодые женщины вместе с хасавой. Когда хасава вышла из употребления, женщины продолжали надевать гулак халка в качестве праздничного украшения. В наши дни в западных районах Туркменистана небольшие золотые серьги, сохраняющие традиционную форму иомутских серег гулак халка, носят и девушки⁵⁶, и молодые женщины.

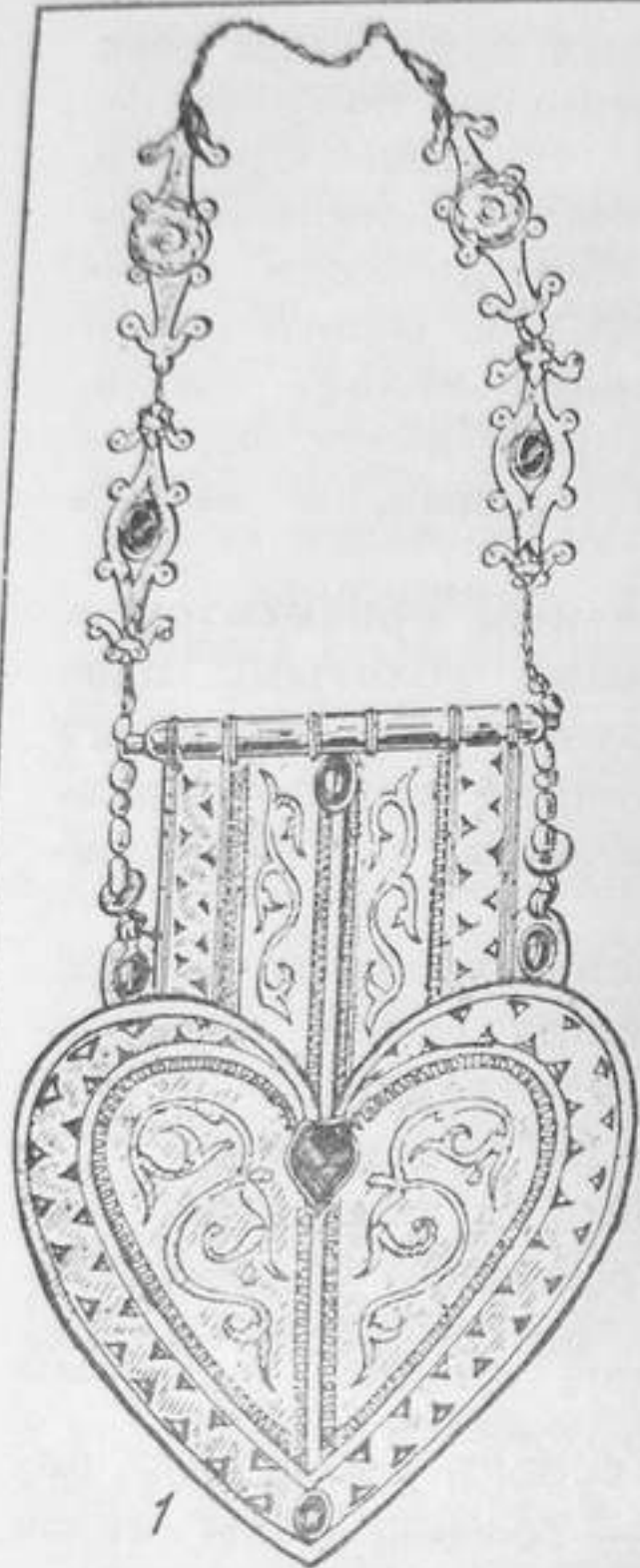
Особенностью ношения серег гулак халка у туркмен-эрсари, так же как и подвесок *тенечир*, являлось соединение их цепочкой (*зынжыра*) с мелкими подвесками, проходящей под подбородком.

К украшениям на головной убор примыкают и, видимо, генетически связаны с ними также украшения *накосные* (рис. 5).

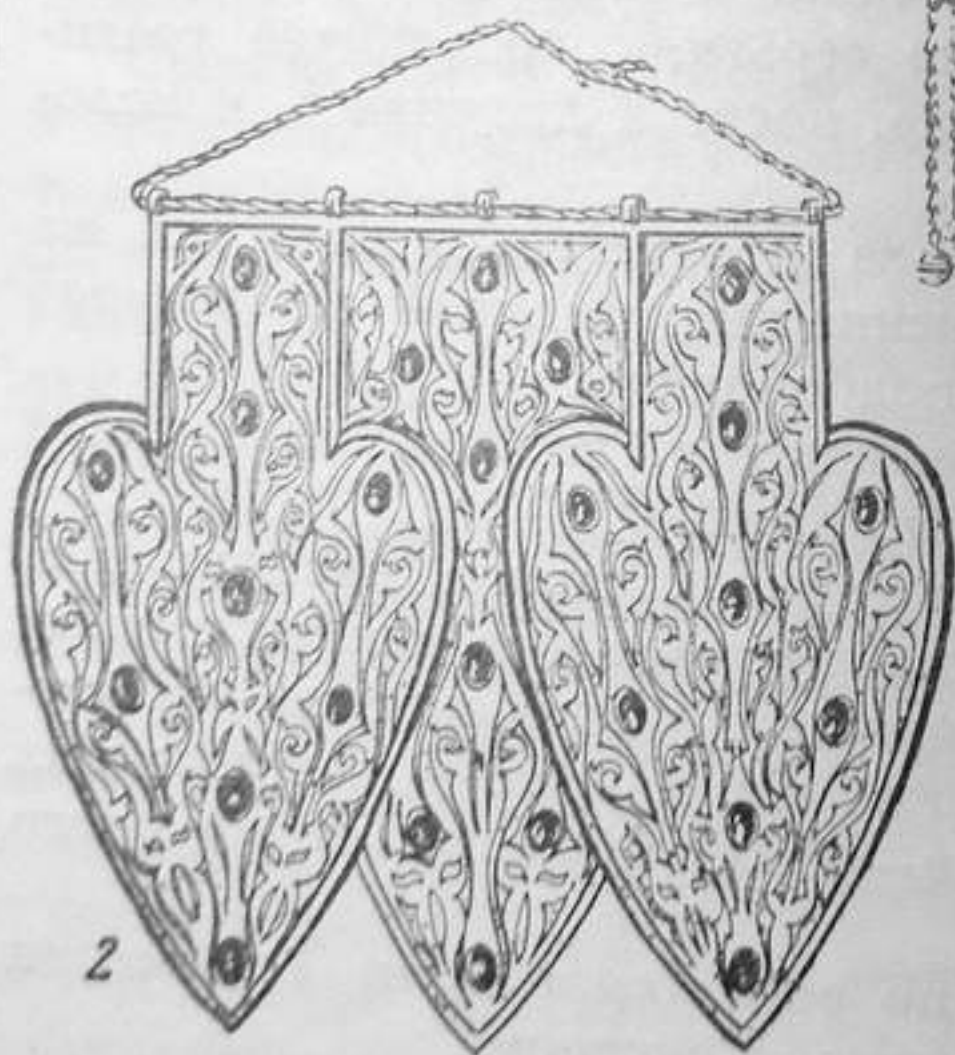
Как известно, прическа туркменских женщин состояла из двух кос, опущенных за спину; девушки большинства туркменских племен носили четыре косы спереди — по две с каждой стороны груди. Накосные украшения в основном предназначались для женских кос и реже — для девичьих и сохраняли свое первоначальное значение — быть оберегом от «дурного глаза».

Этот вид украшений распространен и по всей территории Туркмении в двух видах: серебряные подвески и шелковые, с бисером.

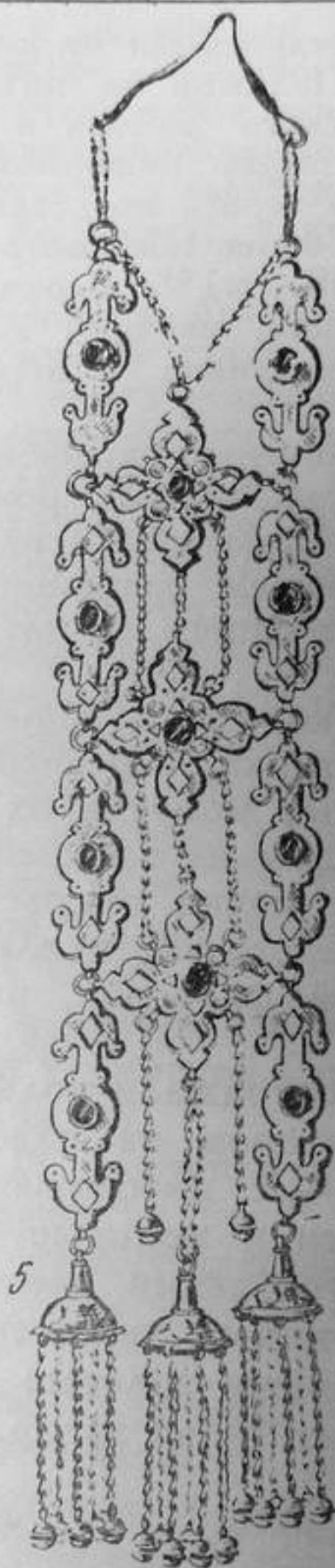
Серебряные подвески не были однотипными. Среди них можно выделить:

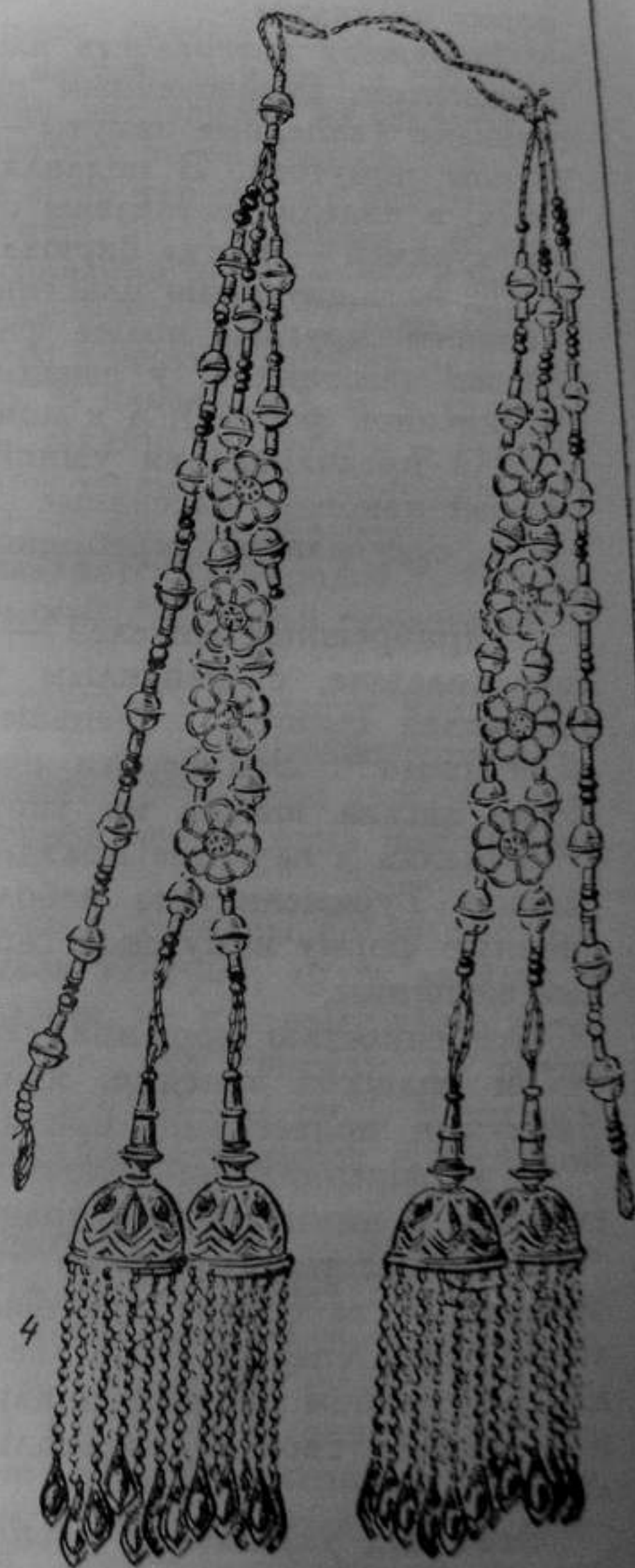
1

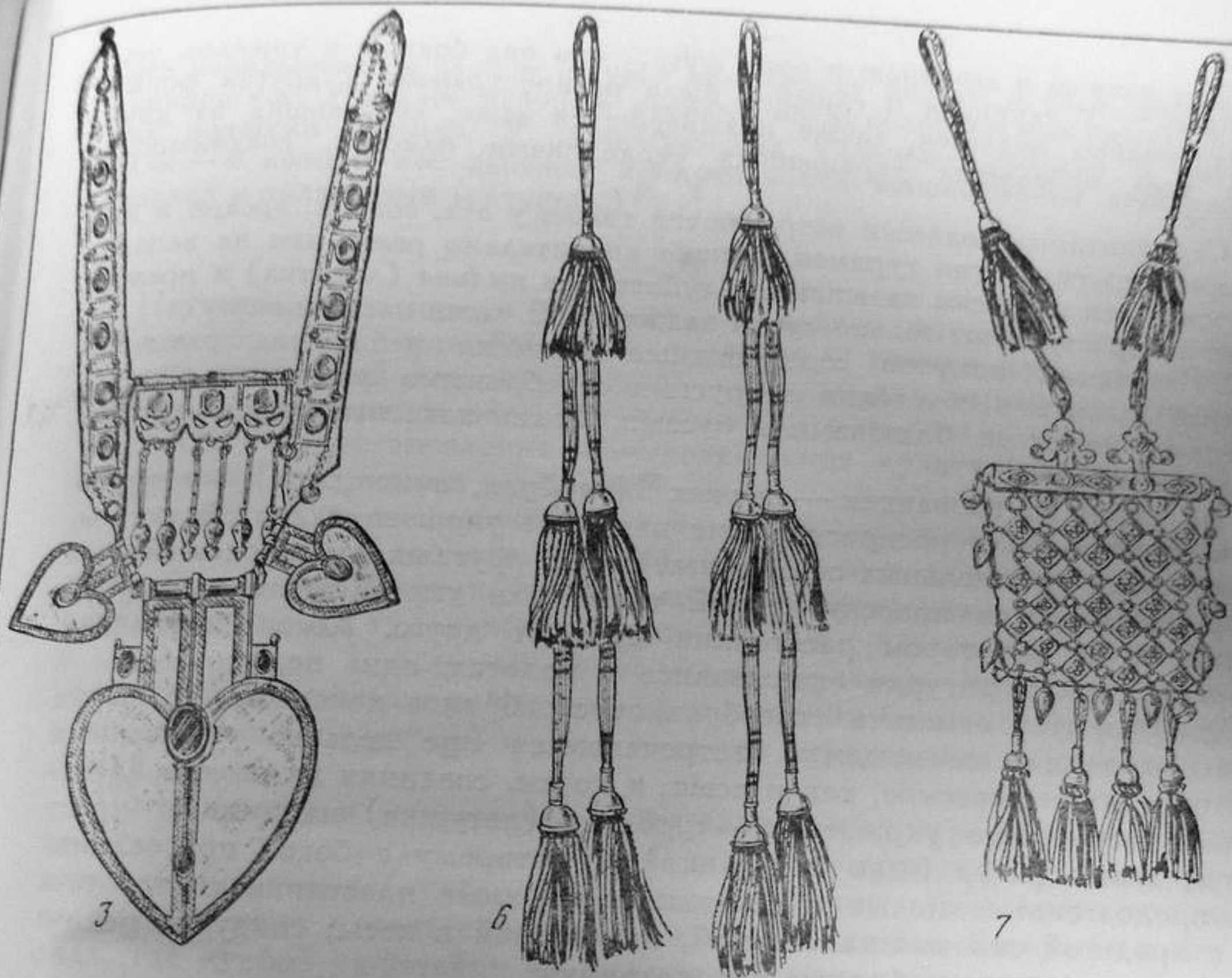
2

5

4

Р и с. 5. Украшения накосные

1, 2, 3 — подвески серебряные сердцевидной формы, начало XX в. (1 — Хорезмский оазис, 2 — Ахальский оазис, 3 — Западная Туркмения); 4 — украшения из отдельных серебряных розеток (сачйузи), Тедженский оазис, XX в.; 5 — серебряные подвески гурбагха-хозна, Западная Туркмения, XX в.; 6 — подвески в виде шелковых кистей, XX в., Серахский р-н; 7 — то же, Калининский р-н

асык — массивное сердцевидное украшение, отличающееся своими размерами. Оно наиболее хорошо сохранилось почти до наших дней у северных иомутов. У них асык — обычно одна большая, украшенная растительным узором и сердоликовыми вставками подвеска; прикрепляли ее к концам кос, соединенных на линии талии. В Западной Туркмении у их соплеменников и далее на восток у текинцев и сарыков бытовали асыки меньших размеров; однако в первой половине прошлого столетия такие же большие асыки, как у хорезмских иомутов, были и у их сородичей, живущих вдоль Каспийского моря. По описанию Эйхвальда, к косам номутских женщин подвешивалась «толстая серебряная бляха почти в виде

сердца длиною и шириною в один фут... чем она больше и тяжелее, тем моднее»⁵⁷. У текинцев и сарыков была распространена и другая форма сердцевидных подвесок, также называвшихся *асык*, состоявших из двух или трех небольших украшенных сердоликами пластин, соединенных вместе.

Сердцевидные подвески встречаются также у ата, гоклен, эрсари и некоторых других групп туркмен, однако значительно реже, чем на западе. У эрсари эти подвески называются *дуйпсе* или *пильча* (лопатка) и прежде были распространены только среди зажиточной части населения.

У западных иомутов сердцевидные подвески небольших размеров употреблялись и в сочетании с другими серебряными фигурками — колокольцами, монетами, бляшками и бусами. Такие наконечные украшения назывались *сачлык*.

Под таким же названием — *сачлык*⁵⁸ (*сачйузи*, *сачмонджук*) — у текинцев и сарыков были распространены наконечные украшения другой формы составленные из отдельных серебряных полых круглых или продолговатых фигур, нашитых на полоску черной ткани или укрепленных на черной косоплетке на некотором расстоянии друг от друга. Когда косоплетку вплетали в косы, фигурки оказывались в волосах, одна под другой.

Особо следует отметить своеобразное серебряное наконечное украшение *гурбагка-хоза* или *сачмонджук*, встречавшееся еще недавно у западных иомутов и подвешиваемое, как и *асык*, к косам, соединяя их вместе. Центральная часть этого украшения — *гурбагка* (лягушка) напоминает крест (иногда таких фигур было несколько), к которому с боков присоединяются продолговатые полые в сечении серебряные пластинки *готтоз* или *хоза* с продетой сквозь них тесьмой, вплетаемой в косы; снизу на цепочках подвешиваются серебряные колокольчики.

Гоza (*хоза* западных иомутов — название, возможно, дано по сходству с коробочкой хлопка — *гоза*), нанизанные по 2—3 штуки на тесьму, укреплялись с обеих сторон *асыка* у кос. Прежде *гоза* служили составной частью украшения, будь то *асык* или *гурбагка-хоза*, но в последнее время и даже в наши дни они служат самостоятельным украшением для кос, сочетаясь с монетами и бубенчиками.

Более обычным, повседневным наконечным украшением у большинства женщин были небольшие серебряные подвески различной формы, иногда являвшиеся частью какого-то другого украшения, просто серебряные монеты или перламутровые пуговицы (*садап*), ключи от сундука и т. д.

У западных иомутов такие подвески, заканчивавшиеся серебряными цепочками с куполовидными, типа колокольцев фигурами, назывались *монджук* (*сачмонджук*), у текинцев — *сачувджи*, *гоза* или *джугур*. У эрсари довольно часто в косы вплетали крупные серебряные бубенчики *гола*.

Второй вид наконечных украшений — косоплетки из шелковых черных шнуров с кисточками, концы которых украшались бисером или другими бусинками и монетами, — был широко распространен среди всех туркменских групп, особенно среди приамударьинских туркмен и салоров Серахса.

Девичьи наконечные украшения были менее разнообразны, чем женские. Чаще всего они представляли собой косоплетки, аналогичные только что описанным, и назывались у салор *шекекул*, у сарыков *инне-готтоз*. Встреча-

лись нанизанные на черном шнурке вперемежку монеты и бусы, висевшие у концов кос. У гоклен девушки носили иногда подобные женским серебряные подвески *сачгоза*. У прикаспийских туркмен — иомутов и огурджали — к концам кос девушек прикреплялись куполовидные серебряные изделия с подвесками (*сачкупба*)⁵⁹.

*

Изучение туркменских девичьих и женских украшений на головной убор и косы выявило богатство их форм и значительное своеобразие. Анализ украшений дает интересный материал для характеристики социального и культурного развития туркменского народа в конце XIX — начале XX в. и установления этногенетических культурных связей с современными и древними народами.

Не претендуя на решение всех вопросов, остановимся лишь на двух аспектах, наиболее важных для нас: постараемся выделить там, где это возможно, общие и специфические виды рассмотренных выше ювелирных изделий у разных туркменских групп в связи с их этногенезом и хотя бы в общих чертах проследить изменения характера девичьих и женских украшений (появление новых или исчезновение бытовавших ранее форм) в исторически обозримый период в связи с развитием социальных отношений.

По характеру и функциональному назначению туркменские украшения на головной убор различались по возрастным группам: 1) специфически девичьи украшения (купба с серебряными, иногда бисерными подвесками в одних районах и подвески иного вида — шелковые, бисерные в тех районах, где купбой тюбетейку не украшали); монеты или круглые серебряные бляшки, нашивавшиеся на девичьи тюбетейки; 2) украшения на головной убор девушек и молодых женщин до рождения одного-двух детей (синсиле с подвесками или без них) и специфически женские украшения убора хасава у тех племен, где синсиле прежде не было (иомуты, олам, элеч и др.), текинские алынданы и эгме, сарыкское манлайса и т. д.

Совершенно очевидно, что купба с подвесками во все исторические периоды являлась девичьим украшением и снималась вместе с девичьим головным убором — тюбетейкой, когда девушка выходила замуж и меняла свой головной убор на женский, т. е. с переходом в следующую возрастную и общественную группу. Но сроки смены девичьего головного убора на женский у разных туркменских племен были разными. У нохурли, например, женский головной убор надевали на девушку-невесту еще в доме ее родителей в день переезда в дом будущего мужа и свадьбы; у большинства других туркменских племен смена головного убора происходила в доме мужа на второй или третий день после свадьбы. У туркмен-иомутов молодая женщина дарит свою девичью тюбетейку вместе с украшениями младшей незамужней сестре мужа. У некоторых туркменских групп, главным образом Средней Амударьи, где смены девичьего головного убора на женский непосредственно после свадьбы не происходило и головные уборы девушек и молодых женщин не различались между собой, девичьи тюбетейки купбой не украшались. Именно в этих районах и было

более всего принято носить синсиле с девичьими головными уборами.

Синсиле у ряда этнических групп носили девушки и молодые женщины до рождения одного-двух детей. Это украшение было как бы переходным между чисто девичьим, каким являлась купба, и чисто женским — хасава, эгме, что, с нашей точки зрения, может служить свидетельством существования в прошлом деления на возрастные классы. К. Л. Задыхина в 40-х годах XX в. зафиксировала у узбеков дельты Амударьи четыре возрастных деления (*катар, тенггур*), пережитки которых, судя по литературным материалам, привлекаемым ею в работе «Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии»⁶⁰, прослеживались в недавнем прошлом и у других народов Средней Азии. По материалам К. Л. Задыхиной, каждой из возрастных групп мужчин и женщин соответствовали особый цвет одежды, головные уборы, украшения и т. д. Одна из возрастных групп включала в себя и девушек с 15 лет, и молодых замужних женщин⁶¹. У туркмен синсиле, видимо, соответствовало этой возрастной группе. Другим свойственным этой возрастной группе украшением являлись перья филина или совы, укреплявшиеся на девичью шапочку, а ее название *кочбурка* (*гочборик*) у гоклен было характерным термином, обозначавшим убор людей этого возраста⁶².

Сохранение синсиле на протяжении всего рассматриваемого периода на головном уборе девушек и молодых женщин или его частичное вытеснение другими видами украшений зависело в значительной степени от исторических условий жизни туркменского народа: социально-экономическое развитие после присоединения к России туркменских племен, обитавших в пределах бывшей Закаспийской области, пошло значительно быстрее, чем племен периферийных, особенно в районах, входивших в Бухарское ханство. С усилением социального расслоения быстрее исчезали пережитки прежних институтов.

У таких крупных туркменских племен, как текинцы, сарыки, гоклены и особенно иомуты, синсиле, как указывалось, появилось сравнительно недавно. Основное украшение женского головного убора — монеты и круглые бляшки — у них не отличались от украшения девичьего, но вместо купба и девичьих подвесок у женщин появились подвески, характерные для женского убора. Скорее всего здесь мы имеем дело с другой этнической традицией и с древней этнокультурной преемственностью. Постараемся обосновать это положение.

Несомненно, что сравнение женских украшений туркмен и соседних с ними народов — каракалпаков, узбеков и в известной мере таджиков и казахов — выявляет многие общие черты и свидетельствует о преемственности культуры и о длительных этнических и культурных связях этих народов.

Сравнительно немногочисленные находки археологов на территории Южной Туркмении и смежных с нею территориях в средневековых могильниках и городищах свидетельствуют о том, что предки туркмен в раннем средневековье имели украшения «общесреднеазиатского типа». Чаще всего среди находок, датируемых V—VII⁶³ и XIII—XIV вв.⁶⁴, встречались бронзовые, медные, железные (иногда золотые) серьги, мед-

ные бляшки и бубенчики. Из изложенного выше видно, что такие изделия широко применяются для украшения одежды и головных уборов почти у всех групп туркмен до наших дней: монеты или серебряные бляшки нашивались на девичьи и женские головные уборы, бубенчиками украшались женские и девичьи накосные подвески.

Серьги, находимые археологами на территории Туркмении, имели в основе стержень, верхняя часть которого изогнута в виде крючка, снизу они иногда украшены подвесками; встречались грушевидные серьги, полумесяц. Такие изделия были широко распространены в XI—XII вв. по всей территории расселения кыпчаков и некоторыми археологами считаются чисто кыпчакскими⁶⁵. Они не были характерны для всех туркмен конца XIX в. Известное сходство с ними обнаруживают серьги и подвески туркмен — игдыров, човдоров, салоров и некоторых групп, живущих на Средней Амударье и Мангышлаке. Вместе с тем в XIX—начале XX в. серьги этого типа были широко распространены у полукочевых узбеков⁶⁶, киргизов⁶⁷, несколько меньше — у казахов⁶⁸, т. е. у народов так называемого «кыпчакского круга».

Общность украшений у этих групп туркмен и у соседних с ними среднеазиатских народов может иметь двойное происхождение.

Игдыры, човдоры, салоры, так же как некоторые небольшие туркменские племена на Амударье — баяты, яйчи и другие (сохранившие древние огузские этнонимы и, вероятно, древнее огузское ядро), тесно связаны с территорией Туркмении эпохи средневековья. В Южной Туркмении некоторые из них (баяты, салоры) еще в домонгольский период значительно ассимилировали местное дотуркменское население. Видимо, именно они и близкие им по происхождению племена могли носить украшения, находимые археологами на этой территории. Однако эти группы туркмен, ныне живущих на северо-восточной и восточной периферии туркменской территории, издавна имели широкие культурные и этнические связи с соседними народами, в первую очередь узбеками, каракалпаками и казахами. Одним из свидетельств этнической общности может служить общий для ряда народов «кыпчакского круга» свадебный головной убор молодых женщин — *саукеле*, носившийся ими и по праздникам, известный по этнографическим данным у каракалпаков, казахов, кавказских ногайцев⁶⁹. Такой или близкий к нему головной убор *шовкеле* молодых женщин бытовал в прошлом у туркмен-човдоров⁷⁰. Другим свидетельством этнической общности, а, возможно, в известной степени и результатом культурных связей между разными народами Бухарского ханства является бытование у значительной части туркмен, как и у многих групп полукочевых узбеков, украшения типа *синсиле*.

С народами кыпчакского происхождения связывает туркмен и термин *хасав*, которым назывались (разные по своим украшениям) головные уборы ряда туркменских племен — номутов, салоров, емрели, оламов и др. По данным русских авторов XVIII в., этим термином (в русской передаче того времени — *хасавые*)⁷¹ у казахов и каракалпаков назывались женские головные уборы, по типу близкие к *саукеле*.

К кыпчакскому этническому пласту ведет также манера украшать астраханские шапочки перьями совы и филина — *птиц*, кроме туркмен, почита-

шихся и у других полукочевых народов — казахов, киргизов, полукочевых узбеков. Для туркмен — човдоров, игдыров, салоров, приамударьинских групп (включая и эрсари), отличающихся по некоторым другим признакам, были характерные носовые серьги, широко распространенные также у узбеков, таджиков, арабов, цыган Междуречья и каракалпаков. Эта общность, видимо, более широкого, индийско-переднеазиатского плана.

И все же значительно ярче, чем общность с соседними народами, в туркменских женских украшениях проявлялось их своеобразие, определявшееся главным образом стилем украшений трех наиболее крупных туркменских племен — текинцев, иомутов и сарыков, отчасти эрсари. Формирование этих групп происходило в прикаспийских степях и на Мангышлаке и закончилось в послемонгольский период, к XIV—XV вв. В их культуре в большей степени, чем у других групп туркмен и тюркских народов Средней Азии, наряду с огузскими и кыпчакскими элементами проявились скифо-сармато-аланские черты, сказавшиеся, в частности, в определенном сходстве украшений этих туркменских групп и народов Поволжско-Северокавказского региона⁷².

Об этнических связях скифо-сармато-аланских племен Северного Кавказа, Поволжья и Средней Азии неоднократно писали и раньше такие видные советские ученые, как С. П. Толстов, А. Ю. Якубовский, В. И. Абаев, А. П. Росляков и др. В частности, еще в 1930-е годы С. П. Толстов высказал мысль о том, что общность в материальной культуре группы поволжских народов и туркмен вызвана общностью этнических (скифо-сарматских) элементов, принимавших участие в этногенезе этих народов⁷³. К числу древних скифо-сарматских элементов он отнес общность в одежде и головных уборах туркмен и поволжских народов. В самом деле, в украшении туркменской девичьей шапочки монетами и серебряными бляшками, а также серебряным куполком (купба) обнаруживается поразительное сходство с украшениями девичьего головного убора ряда народов Поволжья — удмуртов, чувашей, башкир⁷⁴. Интересно, что у северокавказских ногайцев девичья тюбетейка — такъыя, исчезнувшая во второй половине XIX в., по словам информаторов С. Ш. Гаджиевой, также была украшена нашитыми на нее монетами и укрепленным на макушке серебряным куполком с небольшим четырехгранным шишаком⁷⁵. Теплые с наушниками шапки (сопбаш) девочек у северных туркмен — иомутов, сплошь покрытые серебряными монетами и увенчанные куполком с подвесками, поразительно похожи на изображаемый на греческих вазах и парфянских ритонах скифский шлем. Вместе с тем, сравнивая женские головные уборы иомутов и текинцев с терракотовыми статуэтками начала нашей эры из Мерва, которые приписываются его местным древним ираноязычным обитателям⁷⁶, мы обнаруживаем ту же манеру украшать женский головной убор серебряными монетами и бляшками. В этом совершенно очевидно сказывается этническая непрерывность культурного развития народов, обитавших на территории Туркмении.

В настоящее время приобретает все большее признание гипотеза об участии (конечно, в разной степени) в этногенезе туркмен, осетин и ряда других среднеазиатских и северокавказских народов, родственных между собой, групп алан. Массовое передвижение алан с территории Средней

Азии на Северный Кавказ и частичные обратные волны зафиксированы историческими и археологическими материалами.

Уже во II—III вв. н. э. район Мангышлака и прилегающие местности служили областью кочевания аланских племен. Несколько восточнее Мангышлака, вероятно, проходил в этот период основной путь из Хорезма в Восточную Европу⁷⁷ и существовали относительно интенсивные связи кочевых племен аланов, обитавших в Северо-Восточном Прикаспии, с их соседями в Поволжье и на Северном Кавказе.

Пребывание аланских племен на Устюрте зафиксировано еще в XI в.⁷⁸ В более поздний период (с XIV в.) памятники аланской культуры отмечены археологами также и на территории средневековой Ингушетии⁷⁹. Здесь мы снова должны вернуться к туркменским женским украшениям.

Как уже говорилось, наиболее типичные для западных и северных туркмен формы серег и подвесок пока не находят аналогий в археологическом материале туркменской и смежных с ней территорий и этнографических параллелей в Средней Азии⁸⁰.

Однако на Северном Кавказе, в средневековых могильниках Горной Ингушетии, датируемых XV—XVI вв.⁸¹, найдены женские украшения, очень близкие к иомутским круглым серьгам — и по форме, и по размерам. Е. И. Крупнов называет их височными подвесками, хотя не отрицает, что украшения подобного рода могли быть серьгами. На Кавказе указанные серьги-подвески встречались в средневековье на территории Ингушетии и Дагестана, а позднее «до последнего времени, — писал Е. И. Крупнов, — бытовали у женщин горных селений Чечено-Ингушской АССР»⁸².

Еще более своеобразны и также не имеют в Средней Азии ни этнографических, ни археологических параллелей украшения на женский головной убор хасава, обнаруженные у групп туркмен Средней Амударьи — оламов, элечей, эски, хатаб и мукры. И, так же как иомутские серьги, эти украшения очень близки по форме и даже характеру орнамента к аланским средневековым, найденным в могильниках Верхняя Рутха, Камунта, Чми (Осетия) и датируемым VI—VIII вв. н. э.⁸³

Все племена, женщины которых носили оламско-элечскую хасаву, связывают свое происхождение с Западной Туркменией: хатаб, мукры и элеч — с юго-западными, а олам и эски — с северо-западными ее районами, откуда они переселились на Амударью 300—250 лет назад, т. е. в течение XVII в.⁸⁴ Более того, некоторые исследователи справедливо считают оламов, формирование которых, по их собственным легендам, происходило на Мангышлаке, непосредственными потомками алан, чем и объясняется сходство оламских украшений с аланскими.

Эти факты дают новое подтверждение нашей точки зрения о важной роли алан в этногенезе туркмен⁸⁵ и позволяют утверждать, что сходство между туркменскими женскими серьгами, украшениями оламско-элечской хасава и украшениями, встречаемыми в археологическом материале Северной Осетии и Чечено-Ингушетии, не случайно. В этом сходстве можно видеть новое доказательство туркмено-аланской этнокультурной общности.

- ¹ ЦГА ТССР, оп. 2, д. 7732, л. 25—26 (цит. по рукописи: Бабаджанов Р. Туркмены Тедженского оазиса в конце XIX—начале XX в., с. 178).
- ² Путешествие Самуила Готлиба Гмелина по Каспийскому морю на восточный его берег в 1773 г./ Пер., вступит. статья и примеч. К. И. Шафрановского и Т. К. Шафрановской. — Труды/ Туркменское географическое об-во, Ашхабад, 1958, вып. 1, с. 212.
- ³ Борнс А. Путешествие в Бухару. М., 1850, ч. III.
- ⁴ Названия работ указанных авторов, в которых имеются данные по украшениям туркмен, будут приведены в ссылках на них в соответствующих местах статьи.
- ⁵ Материалы С. М. Дудина хранятся в ГМЭ, отчет — в архиве музея (ф. 1, оп. 2, д. 247). См. также: Морозова А. С. Туркмения в фотоколлекциях С. М. Дудина. — В кн.: Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен. Ашхабад: Ылым, 1973.
- ⁶ Опись коллекций украшений по туркменам. МАЭ. Сборы И. Н. Глушкова, № 1288-И.
- ⁷ А. А. Семенов считал, что бирюза «присуща персиянам», тогда как сердолик — «любимейший и самый распространенный камень у туркмен» (Семенов А. А. Воззрения мусульман на значение благородных камней и минералов. — Мир ислама, 1912, т. I, № 3, с. 314); см. также: Борозна Н. Г. Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии. — В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975, с. 292—293.
- ⁸ Путешествие С. Г. Гмелина..., с. 212; Путешествие проф. Эйхвальда к Каспийскому морю и по Кавказскому краю. — Библиотека для чтения, 1838, т. 26, № 2, с. 169; Карелин Г. С. Общее обозрение действий экспедиции 1836 г. — Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 19, л. 93. Об использовании яшмы в украшениях прикаспийских иомуток см. статью: Туркмены иомутского племени. — Военный сборник, 1872, т. LXXXIII, с. 78.
- ⁹ Описание и изображение инструментов и техники производства украшений см.: Пиркулиева А. Н. Домашние промыслы и ремесла туркмен долины Средней Амударьи во второй половине XIX—начале XX в. Ашхабад: Ылым, 1973, с. 42—65.
- ¹⁰ Пиркулиева А. Н. Домашние промыслы..., с. 42.
- ¹¹ Михайлов Ф. А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Асхабад, 1900, с. 75.
- ¹² Васильева Г. П. Социалистические преобразования и этнические процессы в Северном Туркменистане. М.: Наука, 1969, с. 223; Ниязклычев К. Туркмены-човдуры: (К вопросу о консолидации туркменской нации). Рукопись. М., 1968. Архив ИЭ АН СССР.
- ¹³ Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890. Асхабад, 1897, с. 79.
- ¹⁴ Полевые записи 1971 г., информаторы: Бахар Джемартова, 86 лет; Шахан Текаев, 60 лет, колхоз «Коммунизм», Керкинский р-н.
- ¹⁵ С. М. Дудин, посетивший в 1901 г. Южную Туркмению, отмечал, что «даже у бедняков... [девичья тюбетейка] бывает сплошь обшита узорчатыми серебряными бляшками и монетами, чаще всего персидскими» (Дудин С. М. Отчет о поездках 1900 и 1901 гг. в Среднюю Азию. Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 2, д. 247, л. 33).
- ¹⁶ Путешествие С. Г. Гмелина..., с. 212.
- ¹⁷ Путешествие С. Г. Гмелина..., с. 217.
- ¹⁸ Бодэ К. Очерки туркменской земли и юго-западного побережья Каспийского моря. СПб., 1856, с. 64—65.
- ¹⁹ ГМЭ; описание коллекции, полученной от Д. Г. Иомудской, о-в Челекен и аул Гасан-Кули, 1929 г., № 5040-15.
- ²⁰ Карелин Г. С. Обозрение восточных берегов Каспийского моря. — ЗРГО по общей географии, 1883, т. X, с. 287.
- ²¹ Путешествие Г. С. Гмелина..., с. 212.
- ²² Овезбердыев К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса. — ТИИАЭ АН ТССР, 1962, т. VI, с. 140.
- ²³ Полевые записи 1972 г.; информатор Язгуль Сатлыкова, 80 лет, колхоз «Атчапар», Иолотанский р-н.
- ²⁴ Полевые записи 1966 г.; информатор Ярмат Бердыев, 72 г., колхоз «Большевик», Ильялинский р-н.
- ²⁵ Хасавой назывались также старинные женские головные уборы у ряда других туркменских племен — карадашлы, салор и некоторых небольших групп туркмен Средней Амударьи. Украшения на хасаву у всех этих групп были совершенно разные. Так, например, бытовавшая и в прошлом у женщин-салорок хасавы была покрыта серебряными украшениями, напоминающими синемле (Джикиев А. Этнографический очерк

- населения Юго-Восточного Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1972, с. 79).
- ²⁶ Путешествие С. Г. Гмелина... с. 212.
 - ²⁷ Блоквиль Г. де. Наши соседи в Средней Азии. СПб., 1873. — Т. I. Хива и Туркмения, с. 38.
 - ²⁸ И. Н. Глушков сообщал в 1903 г., что еще лет 15 назад на Челекене, по словам туркмен, хасава служила убором невесты. Опись коллекции украшений по туркменам. МАЭ. Сборы И. Н. Глушкова, № 1288-И.
 - ²⁹ Зияпур Д. Одежда народов (кочевников, сельских жителей) Ирана во времена правления шахиншаха Мохаммеда Реза Пехлеви Ариямехра — шахиншаха Ирана. Тегеран, 1968, рис. 202 (на перс. яз.).
 - ³⁰ Путешествие проф. Эйхвальда... с. 158.
 - ³¹ Карелин Г. С. Общее обозрение... л. 93.
 - ³² Туркмены номутского племени, с. 78.
 - ³³ Огородников П. Тревожные места. — Дело, 1876, № 6, с. 97; Он же. Туркменская женщина в праздничном наряде. — Нива, 1877, № 42, с. 686.
 - ³⁴ Обзор Закаспийской области... с. 52.
 - ³⁵ Овезов Д. М. Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад: Ылым, 1976, с. 142.
 - ³⁶ Дудин С. М. Отчет о поездках... л. 33.
 - ³⁷ Морозова А. С. Головные уборы туркмен. — ТИИАЭ АН ТССР, 1963, т. VII, с. 96.
 - ³⁸ Дудин С. М. Описание коллекции, аул Коши Асхабадского уезда. ГМЭ, 12—120, с. 5, ук. сл. 51.
 - ³⁹ Иногда вместо золотых монет передний край украшений на черной ленте составляли крупные серебряные бусы — гилдырой (отчего и вся лента называется гилдырой), а последний ряд — мелкий черный бисер монджук гара.
 - ⁴⁰ Полевые записи 1974 г.; информаторы: Наргуль Розыева, 64 г., колхоз им. К. Маркса, Саятский р-н; Язбике Овлякулиева, 76 лет, то же селение.
 - ⁴¹ Брюллова-Шаскольская Н. На Аму-Дарье. — Новый Восток, 1927, № 16/17, с. 296—297. Черная лента, также украшенная монетами и бисером, была частью девичьего головного убора у арабов Средней Азии.
 - ⁴² Ниязклычев К. Туркмены-човдуры... с. 164.
 - ⁴³ Туркменский материал подтверждает точку зрения А. В. Арциховского, который на основании изучения археологических находок из курганов пришел к выводу о невозможности четкого разграничения в употреблении височных подвесок и серег (Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930, с. 46).
 - ⁴⁴ Глушков И. Н. Ювелирные украшения туркмен Челекена: Рукопись. Описание коллекции. Фотоархив МАЭ, оп. 1288.
 - ⁴⁵ Овезбердыев К. Материалы... с. 140. Серьги девушек-текинок, подобные описанным выше подвескам, украшениями сердоликом, также назывались тенечир (Овезбердыев С. Дождь серебряный. — Памятники Туркменистана, 1972, 1 (3), с. 19).
 - ⁴⁶ Дудин С. М. Отчет о поездках... л. 35.
 - ⁴⁷ Борозна Н. Г. Виды украшений у народов Средней Азии и Казахстана. — СЭ, 1974, № 1, с. 39.
 - ⁴⁸ Архив МАЭ, 1485—10, 1485—13, 1485—15/2 и др.
 - ⁴⁹ Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Ашхабад, 1916. — Вып. II. 1915—1916 гг., с. 3.
 - ⁵⁰ Полевая запись 1958 г.; информатор Овджен Атаджикова, 58 лет, с. Киялы, Красноводский р-н.
 - ⁵¹ Овезбердыев К. Материалы... с. 140.
 - ⁵² Полевая запись 1969 г.; информатор Меред Пигамаев, 80 лет, салыр, совхоз им. 40-летия ВЛКСМ, Тедженский р-н.
 - ⁵³ С. Г. Гмелин писал, что женщины-туркменки носили в ушах кольца (с. 212).
 - ⁵⁴ По П. Огородникову, серьги номуток составляли 2,5 вершка, т. е. до 12 см в диаметре (Огородников П. Тревожные места, с. 97). И. Н. Глушков также отмечал, что челекенские туркменки носят серебряные серьги до 90 мм в диаметре, а у зажиточных они золотые (см. МАЭ, оп. 1288).
 - ⁵⁵ Джикиев А. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря: (Историко-этнографический очерк). Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1961, с. 105.
 - ⁵⁶ Прежде девушки туркмен-номутов, по сообщениям наших информаторов, никогда не носили подобных серег и первые серьги надевали тогда, когда надевали хасаву. И. Н. Глушков, однако, указывал, что на Челекене серьги, приобретенные им, носили девушки (фотоархив МАЭ, оп. 1288).
 - ⁵⁷ Путешествие проф. Эйхвальда... с. 158.
 - ⁵⁸ Сачлык — общее, видовое название на-костного украшения (сач — «волосы, косы»).

- ⁵⁹ Джикиев А. Туркмены юго-восточного побережья... с. 105.
- ⁶⁰ ТИЭ, Новая серия, 1951, т. XIV, с. 161.
- ⁶¹ ТИЭ, Новая серия, 1951, т. XIV, с. 162.
- ⁶² Молодых неженатых людей туркмены часто называли гоч йигитлер (гоч — «молодой баран»).
- ⁶³ Ершов С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе г. Байрам-Али. — ТИИАЭ АН ТССР, 1939, т. V, с. 202, табл. 24; Вишневская О. А. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма. — В кн.: Материалы Хорезмской экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1963, вып. 7, с. 60.
- ⁶⁴ Вактурская Н. Н. О серьгах со средневекового городища Шехрлик. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968, с. 251; Атагарриев Е. О некоторых женских украшениях из Шехр-Ислама. — Изв. АН ТССР. Обществ. науки, 1965, № 1, с. 13; Он же. Обследование средневековых памятников и раскопки на городище Чугундор. — В кн.: Каракумские древности. Ашхабад, 1968, вып. 1, с. 47; и др.
- ⁶⁵ Вактурская Н. Н. О серьгах... с. 249—250.
- ⁶⁶ Борозна Н. Г. Виды украшений... с. 40, рис. 12; Сазонова М. В. Украшения узбеков Хорезма. — В кн.: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л.: Наука, 1970, с. 140, табл. IV, фиг. 4, 5, 8.
- ⁶⁷ Иванов С. В., Махова Е. И. Художественная обработка металла. — В кн.: Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. М.: Наука, 1968, с. 115, рис. 25, 6—12.
- ⁶⁸ Казахская национальная одежда. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1964, рис. 40.
- ⁶⁹ Жданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса. — ТХАЭЭ, 1952, т. I, с. 552; Казахская национальная одежда, с. 110—114, рис. 33; Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX—XX вв. М.: Наука, 1976, с. 146—147.
- ⁷⁰ Ниязклычев К. Туркмены-човдуры, с. 164.
- ⁷¹ Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—41 гг. Гладышевым и Муравиным. Издано Я. В. Ханыковым. СПб., 1851, с. 69—70.
- ⁷² Эту мысль, от которой нет основания отказываться и сейчас, мы пытались обосновать на туркменском этнографическом материале в своих статьях (Этнографические данные о происхождении туркменского народа. — СЭ, 1964, № 6; Народное декоративно-прикладное искусство как источник для этногенеза (на примере туркмен). М.: Наука, 1973; и др.), полагая, что общность форм различных женских украшений туркмен и жителей восточных областей Северного Кавказа (Дагестана, Чечни, Ингушетии и Северной Осетии) связана с аланским пластом в этногенезе этих народов.
- ⁷³ Толстов С. П. Из предистории Руси. — СЭ, 1947, VI—VII, с. 57.
- ⁷⁴ Tolstov S. P. Les principales étapes du développement de la civilisation terioukhane. — Eurasia Septentrionalis Antiqua, 1930, VI; Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов. — ТИЭ, 1951, т. X, с. 47; Руденко С. И. Башкиры. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 193, рис. 161 а и др.
- ⁷⁵ Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев... с. 147.
- ⁷⁶ Ремпель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. — ЮТАКЭ, 1949, т. I, с. 332—367 и рис.
- ⁷⁷ Скалон К. М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время. — В кн.: Археологический сборник. Л.: Наука, 1961, вып. 2, с. 126.
- ⁷⁸ Волин С. Л. К истории древнего Хорезма. — Вестник древней истории, 1941, № 1.
- ⁷⁹ Кузнецов В. И. Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, 1962, № 106, с. 124—125.
- ⁸⁰ Сходные по форме, но меньших размеров серьги встречаются в некоторых местностях Узбекистана (Куфтин Б. А. Культура русской Мещеры. М., 1926, с. 94; Борозна Н. Г. Виды украшений... с. 40), однако в подавляющем большинстве случаев жители считают их привезенными из Туркмении и нехарактерными для узбеков.
- ⁸¹ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971, с. 94—95; Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура Горной Ингушетии XIII—XVII вв.: Дис., альбом. М.: 1972 (архив ИА АН СССР, Р—21. 2099).
- ⁸² Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия, с. 102, 103, рис. 36.

⁸³ Материалы по археологии Кавказа. М., 1900, т. VIII, табл. XI (4), CI (3, 7), CXXV (15, 16, 18).

⁸⁴ Винников Я. Р. Родо-племенной и этнический состав населения Чарджоуской области. — ТИИАЭ АН ТССР, 1962, т. VI, с. 58—59, 84—87, 90—91.

⁸⁵ Васильева Г. П. Народное декоративно-прикладное искусство... с. 6—9, и др.; Она же. Этнические компоненты в составе туркмен по данным этнографии. — В кн.: Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад: Ылым, 1977, с. 98, 100.

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КИРГИЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА

Е. И. Махова

В данной статье рассматриваются два компонента традиционного женского костюма киргизов: набедренная одежда в виде распашной юбки — *бельдемчи* и шапочка, надеваемая под тюрбан.

Данные полевых исследований, дополненные изучением других источников, в первую очередь музейных и литературных, а также рисунков художников и путешественников XIX в., позволили картографировать различные типы киргизского *бельдемчи*.

Самыми ранними и потому особенно ценными источниками, по которым может изучаться *бельдемчи*, являются рисунки художника П. М. Кошарова (60-е годы XIX в.), сопровождавшего известного ученого А. П. Семенова-Тян-Шанского¹ в его поездке по Иссык-Кулю, экспонаты и альбомы художника и этнографа С. М. Дудина (экспедиция 1891 г.), хранящиеся в ГМЭ², коллекции экспонатов и фотографии одного из первых советских этнографов, изучавших Киргизию, Ф. А. Фиельструпа (экспедиция 1924—1925 гг.), также хранящиеся в ГМЭ³. Однако все они относятся лишь к определенным частям Киргизии: П. М. Кошаров и Ф. А. Фиельструп собирали материалы в Прииссыккулье, С. М. Дудин — в долине Таласа. Поэтому основным источником для картографирования *бельдемчи* явились мои полевые исследования в Киргизии: стационарные работы в Прииссыккулье (селения Дархан и Чичкан, 1951—1954 гг.) и главное — материалы сплошного обследования, осуществленного во время работы в составе Киргизской комплексной экспедиции (1953—1955 гг.)⁴, и частично материалы Памиро-Ферганской экспедиции 1951 г. Эти полевые данные дополняются работами других этнографов: Ю. А. Шибасовой (о памирских киргизах)⁵ и К. И. Антипиной (о южных киргизах)⁶. Привлечены также полевые материалы Б. Х. Кармышевой (о джиргитальских киргизах), любезно предоставленные автором для использования.

К сожалению, сохранилось лишь три подлинных образца этого вида одежды: 2 экз. — в коллекции С. М. Дудина (№ 14) и 1 экз. бель-

Рис. 1. Киргизская женщина в бeldемчи

демчи — в коллекциях Киргизского государственного исторического музея.

Нарядные бeldемчи из черной блестящей ткани (лампук), из среднеазиатских пестрых шелков или из полосатого бекасаба, из сукна, иногда домотканого, украшались вышивкой. Повседневные бeldемчи были без вышивки. Зимние бeldемчи жен чабанов, кочевавших большую часть года на пастбищах, делали из овчины.

В 50-е годы, когда автор проводил полевые исследования, в селениях этот вид одежды в обычное время уже не носили, но во многих семьях как дорогие реликвии еще хранились нарядные, богато вышитые бeldемчи. Их надевали с праздничным национальным костюмом, отправляясь на свадьбу или в гости, во время перекочевков, а дома — в дни семейных праздников, принимая гостей. Но на пастбищах бeldемчи повседневно носили жены чабанов. Бeldемчи надевали чаще всего поверх камзола (кемсал), имевшего короткие или длинные рукава, иногда — поверх платья.

Все материалы об этом виде одежды — музейные и литературные, сохранившиеся фотографии и рисунки, а главное — сведения, собранные во время полевых работ, — позволили выделить и картографировать разные типы бeldемчи (рис. 1, 2). Основных типов было два.

Бeldемчи первого типа, широкое, спускавшееся ниже колен, шили из нескольких чуть раскошенных книзу кусков ткани. «Юбка» пришивалась пышными сборами к широкому поясу (около 14 см), который обычно делали из тонкого войлока, обшивая либо той же тканью, что и само бeldемчи, либо другой, чаще красной. Пояс был на подкладке. Он выкраивался длиннее объема талии, так что

один его конец заходил на другой. Между верхом пояса и его подкладкой прокладывался тонкий слой шерсти, и пояс простегивался. На рисунке художника Кошарова изображено белье этого типа, но без сбор, которые заменены двумя глубокими складками. Подобные белье распространены на большей части территории Киргизии: в Прииссыккулье, на Тянь-Шане, в Таласской долине и в Джалал-Абадской обл. О бытовании в прошлом такого типа белье на юго-востоке Ошской обл. (у племен адигине и мунгуш) сообщает К. И. Антипина⁷, однако сведения, приведенные в ее книге, носят обобщенный характер и недостаточны для картографирования.

Большая часть зафиксированных во время полевых работ белье описываемого типа украшена вышивкой, т. к. они служили праздничной одеждой. Вышивка на них иногда шла широкой полосой в виде каймы, но чаще они были вышиты сплошь, включая пояс. Эти праздничные белье шили из черного бархата, вышивали обычно тамбурным швом, разноцветными шелковыми нитками. Вышивку на белье выполняли обычно специальные мастерицы *саймачы аял*, которые вышивали также различные предметы для убранства юрты. Между поясом и полотнищем юбки для украшения вшивался ряд красно-белых мелких фестонов. По подолу и полам нарядные белье обшивались мехом выдры. Такие белье обычно давали в приданое. По некоторым сведениям, дочь получала их от матери через год после свадьбы, когда приезжала впервые после замужества в дом родителей.

По своему характеру, общему стилю, часто черному фону, на котором была выполнена вышивка, общему ее колориту (преобладание красного цвета с добавлением белого, зеленого, желтого, голубого), по особенностям орнамента и композиции вышивка на белье близка вышивке настенных ковров *тушкийиз*, широко распространенных почти по всей Киргизии, за исключением территорий, заселенных ичкиликами.

Белье второго типа несколько короче и уже. Они отличаются несходящимися спереди полами. «Юбка» прикреплена к поясу преимущественно без сбор. Чаще всего для этого вида употреблялся пестрый узбекский полушелк, иногда узорчатый бархат. Что касается их декоративной отделки, то полы, подол и пояс украшали иногда узкой полоской вышивки, выполненной швом *туура-сайма*. Иногда белье украшали чередующимися полосами черного бархата и красного сукна или они целиком состояли из клиньев разного цвета (в наблюдавшемся случае — из бархата трех разных цветов). Такое белье зафиксировано Ю. А. Шибасовой у памирских киргизов⁸. Второй тип был распространен у всех киргизов, в прошлом относивших себя к родо-племенному подразделению ичкилик. Они проживают в большей части Ошской обл., а также на Памире и в Каратегине.

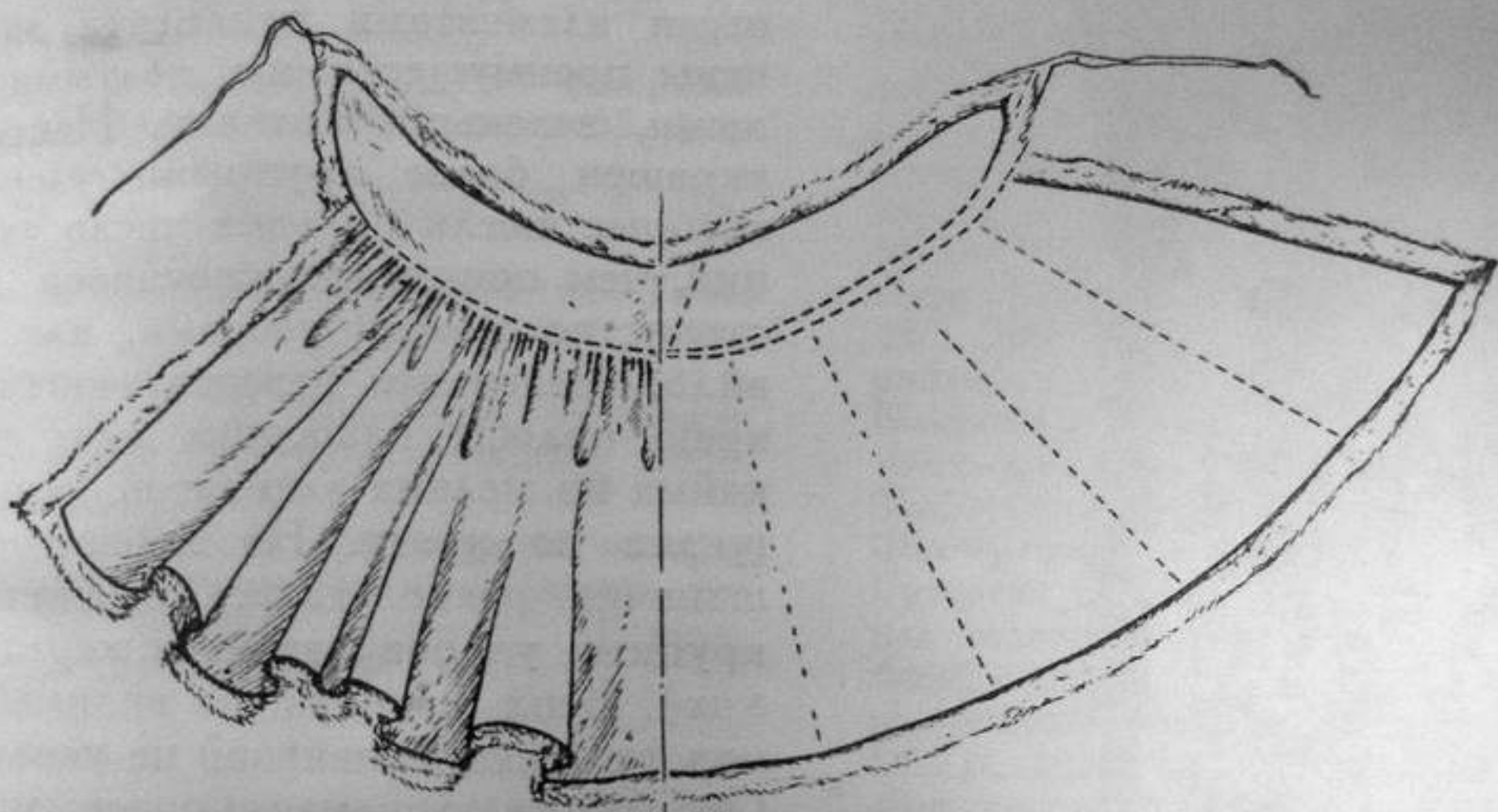
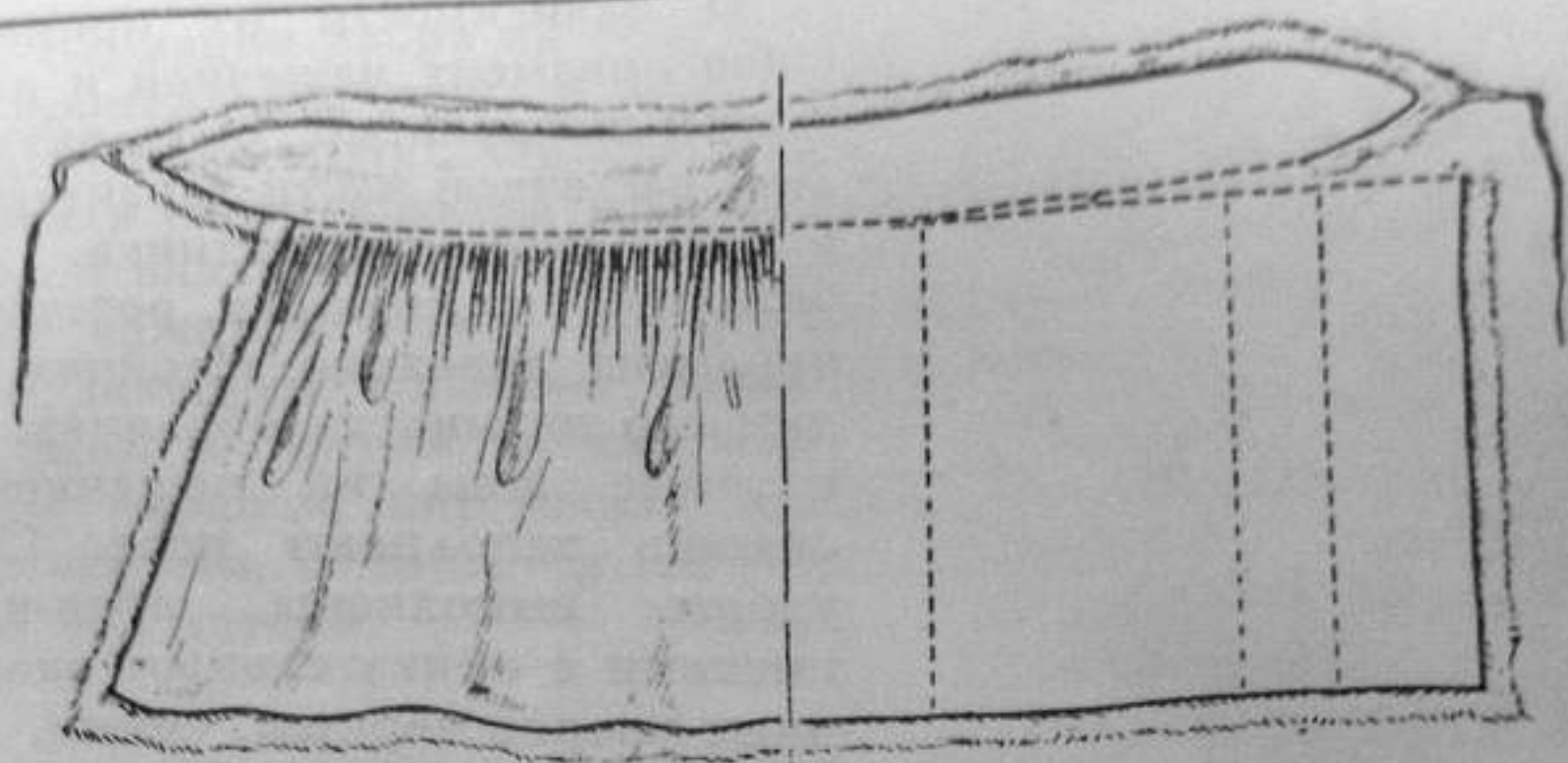
Описанные типы белье очень четко локализируются. Видимо, различия в покрое (из прямых нераскошенных полотнищ и из раскошенных), в отделке, в общем виде этой своеобразной одежды связаны с разными культурными традициями, с разным происхождением отдельных групп, на которые делился в прошлом киргизский народ.

Очень интересным, хотя и менее заметным на первый взгляд, компонентом традиционного женского костюма, включающего сложный чалмообразный головной убор, является шапочка, скрытая обычно под тюрбаном (рис. 3).

Шапочка плотно охватывала голову и закрывала волосы. Обычно она украшалась вышивкой. В прошлом такие шапочки широко бытовали главным образом у киргизов, принадлежавших к этнографической группе ичкилик, расселявшейся в Ошской обл., в Джиргатале, на Памире, в Восточном Туркестане⁹. Вышитые шапочки известны у киргизов групп адигине и мунгуш, живущих в восточной части Ошской обл.¹⁰ Материалов об этом головном уборе киргизок очень мало. По Джалал-Абадской обл. музейных образцов почти нет, как и сведений в научной литературе. Но при полевых работах, проведенных Комплексной киргизской экспедицией в Джалал-Абадской обл., были записаны воспоминания о бытовании в прошлом вышитой шапочки у многих групп киргизов: басызов, мундузов, кутчу и багышей¹¹. Интересно отметить, что у киргизов — багышей и кутчу, живущих на Таласе и в Чаткале, этого вида головного убора ни в настоящее время, ни в прошлом не зафиксировано.

В 1955 г., в период проведения полевых работ в Джалал-Абадской обл. (ныне Ошской), наблюдались уже лишь отдельные экземпляры вышитых шапочек. Но собранные сведения показали, что раньше вышитая шапочка бытовала у басызов, живших не только на территории Джалал-Абадской обл., но и в Тогуз-Тороуском р-не Тянь-Шаньской обл. У некоторых групп северных киргизов, соседей басызов на Тянь-Шане в прошлом, по сообщениям пожилых информаторов, этот головной убор также бытовал и его тоже вышивали. По просьбе автора женщины легко сделали выкройку шапочки и указали расположение вышивки. Иногда затылочная часть шапочки кроилась отдельно от наспинной.

Шапочку шили из белой кустарной материи в три слоя, причем два нижних слоя выкраивались из более толстой ткани, а верхний, покрытый вышивкой, — из более тонкой. Шапочку шили из 4 отдельных частей: затылочной (джелеке), наверху собранной на сборку в виде пучка, концы которого даже не подшивались; двух длинных нащечников (джаак) и полосы, идущей вдоль спины и прикрывающей косы (койручук). При таком крое ее было удобно вышивать: все части расшивались отдельно до того, как сшивалась шапочка. Вышивка выполнялась разными швами: накосник — швом *туура-сайма* (настилочный шов) или — реже — гладью *канда хаёл* (вероятно, заимствованной у таджиков и узбеков); при этом элементы орнамента, украшающего накосник, оконтуривались тамбурным швом; нащечные части вышивали односторонним тамбуром или швом *терскайык* (обратный шов). Этот шов чрезвычайно тонок и, по-видимому, может быть исполнен только очень искусными мастерицами. Он использовался также для вышивания нагрудников женских платьев (*онур*), которые можно считать одним из самых архаичных элементов женского киргизского костюма. В некоторых областях Киргизии этот шов называли *мюшкуль* (трудный).

В зависимости от примененных швов орнамент нащечной и накосной частей шапочки мог быть различным. Для нащечной части характерны узоры в виде трилистника, завитка, овальных и крупных розеток. Этот орнамент довольно устойчив, мы видим его на многих образцах. Мелкие плотные швы на нащечной части сплошь заполняют поле. Основные узоры выполнены ярко-красными нитками с обязательным оконтуриванием узоров черным, синим, зеленым. Небольшие промежутки между основными элементами орнамента заполнены преимущественно желтыми, белыми, зелеными нитками. Накосник украшен более крупными узорами, которые имели большее число вариаций, чем орнамент нащечников. Пространство между узорами, как правило, оставалось незаполненным. По краю полосы накосника идет узкая кайма из мелких элементов, чередующихся по цвету. На лобной части шапочки располагалась вышивка из крупных узоров (завитки *карга-тырмак*). Верх шапочки, не видимый из-под тюрбана, вышивкой не украшали. Отдельные орнаментальные мотивы обязательно оконтуривались. После того как все части шапочки сшивали вместе, мастерица вышивала узкую кайму, идущую по краю шапочки, как бы объединяя все ее части в единое целое. Шапочки имели подкладку из цветастого сатина или ситца (нередко красного цвета), иногда из бекасаба. Готовую шапочку по краю обшивали красной шелковой тесьмой. Наспинная часть иногда заканчивалась кружевом (*тюйме*) из шелковых нитей или отделялась мехом выдры. Различаясь по характеру орнамента разных частей, шапочки объединялись колоритом, в котором большую роль играл красный цвет, вообще типичный для всех видов киргизской вы-

Р и с. 3. Киргизская женская шапочка с на-
косником

шивки. Вариации узора на накоснике шапочки Б. Л. Громбчевский связывал с принадлежностью к отдельным подразделениям, имевшим облик родо-племенных групп. Однако ни сам Громбчевский, ни позднейшие исследователи этого пока не подтвердили и вопрос остается неясным.

Полной аналогии описанному головному убору у соседей киргизов нет, что, как кажется, может свидетельствовать о давности происхождения вышитой шапочки. Простые, невышитые шапочки, кроме северных киргизов, были известны и казахам.

Таким образом, киргизская шапочка, как и весь киргизский национальный костюм, отличается своеобразными чертами, которые проявились и в этой его детали.

- ¹ Этнографический альбом дикокаменных киргизов племени богинцев. АИЭ, Л., № 116.
- ² ГМЭ, фотоархив, колл. 43 (собрание С. М. Дудина); ГМЭ, альбом 63, фонды, колл. 34.
- ³ ГМЭ, колл. 4203 (собрание Ф. А. Фиельдструпа).
- ⁴ Иссык-Кульская обл., 1953 г.; Тянь-Шань, Талас, Фрунзенская обл., 1954 г.; Желал-Абадская обл., 1955 г.
- ⁵ Шибаета Ю. А. Материалы по одежде мургабских киргизов. — КСИЭ, 1956, вып. 25, с. 35—36.
- ⁶ Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962.
- ⁷ Антипина К. И. Особенности..., с. 243.
- ⁸ Шибаета Ю. А. Материалы по одежде мургабских киргизов; Архив ИЭ, полевые материалы Б. Х. Кармышевой за 1957 г.
- ⁹ ГМЭ, колл. головных уборов, собранная С. М. Дудиным. Там же, альбом С. М. Дудина (1910 г., Ошская обл.); там же, альбом типов Б. Громбчевского. См. также: Grambczewski B. Przez Pamiri i Hindukusz do zrode rzeki Innodus. Podroz po Asji Srodkowej. Warszawa, 1925, t. II; Гедин С. В сердце Азии. СПб., 1899, т. I (Памир), с. 147, 187, 309, 315; Шибаета Ю. А. Материалы..., с. 37—39; Чепелевецкая Г. Л. Вышивка. — В кн.: Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. М.: Наука, 1968, с. 93—96, табл. IX. Фотография киргизской шапочки, см.: Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1954, I, с. 309, рис. 3.
- ¹⁰ Антипина К. И. Особенности..., с. 309.
- ¹¹ Архив ИЭ АН СССР. Полевые материалы Е. И. Маховой, 1954 г.

ТКАНИ В ОДЕЖДЕ КИРГИЗОВ (вторая половина XIX—начало XX в.)

Т. Н. Смешко

Задача настоящего исследования — выявление традиций употребления тканей в одежде киргизов. Отдельные сведения по этому вопросу имеются в литературе. Однако все упоминания носят общий характер, поскольку в них рассматриваются не столько ткани, сколько сама одежда.

Для изучения тканей киргизской одежды были привлечены различные виды источников. Основными явились коллекции киргизской одежды и тканей, хранящиеся в различных музеях. ГМЭ (Ленинград) располагает обширными коллекциями, составленными из собраний двух музеев — ленинградского Музея этнографии и московского Музея народов СССР, созданного на базе Дашковского этнографического музея. Наиболее ранними являются так называемые «кауфманские» коллекции, собранные по приказу генерал-губернатора Туркестанского края барона фон Кауфмана для Русской этнографической выставки 1867 г. Входящие в эти коллекции предметы относятся к 60—70-м годам XIX в. и потому представляют для нас особый интерес. Однако научная ценность этого собрания снижается тем, что предметы плохо паспортизованы или вовсе не имеют паспорта. Большинство образцов коллекции — предметы одежды казахов — северо-западных соседей киргизов. Употреблявшиеся ими ткани представляют для нас интерес, во-первых, вследствие несомненных культурных связей между казаками и киргизами, отразившихся в одежде, а во-вторых, потому, что в одежде соседних народов могли быть использованы одни и те же привозные ткани. Большое значение для нашей темы имеет также коллекция С. М. Дудина, датированная 1891—1892 гг., с указанием места приобретения образцов одежды. Следующей по времени является коллекция, собранная у киргизов Семиречья Ф. А. Фиельструпом (1924 г.; Каракол). Эти коллекции в фондах ГМЭ пополнились более поздними приобретениями Турди Мир-Гиясова (1928 г.), Б. К. Балакина и Е. И. Маховой (1940 г.), собранными в Тянь-Шаньской, Джалал-Абадской и Ошской областях. Коллекции современной одежды киргизов были собраны в послевоенные годы сотрудницей ГМЭ С. М. Лейкиной в Южной Киргизии (Джалал-Абадская и Ошская области). Образцы старинной киргизской одежды имеются также в фондах ленинградского музея антропологии и этнографии (МАЭ). Из коллекций этого музея можно выделить собрания И. Д. Старыкевич и Н. П. Дыренковой (1928 г.; Нарынский р-н, долины Арпа и Аксай) и К. К. Юдахина (1947 г.).

Богатый материал по одежде киргизов имеется в коллекциях Государственного исторического музея Киргизской ССР (г. Фрунзе) и Ошского областного краеведческого музея, которому в 1955 г. были переданы и фонды бывшего Джалал-Абадского музея. Нами также изучены одежда и ткани в музеях Ферганской долины (г. Фергана, Наманган, Андижан, Коканд). Они интересуют нас также потому, что отражают импорт текстиля в Киргизию из Среднеазиатских ханств и Восточного Туркестана, а в более позднее время — из России.

Помимо подлинных предметов одежды, привлечены изображения тканей в одежде на фотографиях и рисунках, выполненных в конце XIX—начале XX в. в Киргизии. Коллекцию одежды С. М. Дудина дополняют его великолепные фотоальбомы (архив ГМЭ), позволяющие ясно представить одежду южных киргизов (в основном ичкиликов) и употреблявшиеся для нее в конце прошлого века ткани. К материалам Дудина по времени и территории примыкает фотоальбом Б. Л. Громбчевского (также из фототеки ГМЭ), отснявшего типы киргизов Памира во время путешествия в Северо-Западный Тибет в 1889—1890 гг. по поручению ИРГО.

Ценный изобразительный материал, характеризующий киргизскую одежду, имеется также в фотоархиве сектора Средней Азии Института этнографии АН СССР (Ленинград). Большой интерес представляет, в частности, хранящийся здесь этнографический альбом художника П. М. Кошарова¹. Особое место среди изобразительных материалов по киргизской одежде, имеющихся в архиве Института этнографии (г. Москва), занимают богатейшие фотоальбомы и коллекции рисунков, составленные под руководством Е. И. Маховой (1940—1960-е гг.), посвятившей многие годы изучению материальной культуры киргизов (в особенности одежды)².

В качестве источника для изучения тканей, употреблявшихся киргизами в конце XIX—начале XX в., был привлечен также полевой этнографический материал, собранный автором в 1971 г. у киргизов адигине и багышей Ошской и Джалал-Абадской областей³. Одежда столетней давности у населения, разумеется, не сохранилась. Отдельные фрагменты старинных тканей можно было видеть только на вышивках, выполненных в конце прошлого—начале нашего века, залежавшихся в сундуках, иногда использованных для украшения современной одежды, на подкладке различных декоративных предметов, некогда украшавших юрту. До наших дней дошли настенные панно, сделанные из старинных дорогих халатов. Таким образом, подлинных образцов тканей дореволюционного времени в быту сохранилось немного. В основном же мы пользовались информацией пожилых людей, вспоминавших одежду конца прошлого—начала нашего века; таких людей, кто мог бы сообщить о временах более ранних, сейчас уже не осталось. Поэтому для нас особенно ценны сведения, собранные этнографами в более ранние годы, начиная с конца XIX в. Нисчерпаемым источником таких сведений о киргизской одежде и используемых в ней тканях является обширный полевой материал, собранный и обработанный Е. И. Маховой. Неутомимый исследователь-энтузиаст Е. И. Махова была участницей Памиро-Ферганской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1950—1951 гг. и Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР и АН Киргизской ССР, проводившей в 1953—1955 гг. сплошное этнографическое обследование Киргизии. Автору этой статьи она предоставила возможность использовать свои полевые записи и не раз давала консультации⁴.

Наконец, ценным источником для исследования вопроса послужил «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина, в котором встречается немало терминов по одежде и тканям⁵. Все эти материалы дают возможность составить более или менее ясную картину тканей в киргизской одежде конца XIX—начала XX в.

При исследовании используются также опубликованные данные. Наиболее ранние сведения об одежде киргизов и производимых ими тканях встречаются в работах различных путешественников, участников русских экспедиций в Киргизию, осуществлявшихся после вхождения ее в состав России. К сожалению, в большинстве случаев этнографические сведения, содержащиеся в этих работах, случайны и отрывочны, так как их собирали люди, либо малоподготовленные, либо не имевшие возможности систематически наблюдать культуру и быт киргизов. Исключение составляют чрезвычайно ценные материалы — дневники и зарисовки — выдаю-

щегося казахского ученого-этнографа Чокана Валиханова, дважды посетившего киргизов Иссык-Куля: в первый раз в 1857 г. с целью топографической съемки в составе экспедиции Семенова-Тянь-Шанского, вторично — в 1858 г., проездом через кочевья бугинцев, по дороге из Верного (Алма-Ата) в Восточный Туркестан. Тонкий знаток народного быта и вдумчивый наблюдатель, Ч. Валиханов в путевых заметках и набросках сумел подметить наиболее характерные черты народного костюма киргизов, в частности употребление традиционных и новых для того времени тканей в одежде бугинцев. Прекрасным источником для нашей темы является также работа Ч. Валиханова о городах Восточного Туркестана (1858—1859 гг.), в которой он подробно описывает ткани, вывозимые из Кашгара в киргизские степи⁶.

С конца XIX в. началось более углубленное этнографическое изучение киргизов. Однако специальных исследований, посвященных тканям в одежде киргизов, не было, в изданных работах сведения по этому вопросу крайне фрагментарны. В дореволюционной литературе есть лишь упоминания о шерстяной домотканине, о носимых киргизами пестрых халатах из тканей среднеазиатского производства и о начавшемся проникновении в быт киргизов русских тканей. В современной этнографической литературе сведения о киргизском костюме и тканях для него более подробны. Мы находим их в работах С. М. Абрамзона, К. И. Антипиной, А. Д. Бурковского, Б. Х. Кармышевой, Е. И. Маховой, К. Мамбеталиевой, Ю. А. Шибяевой⁷. Одежде посвящен целый раздел (с таблицами и цветными рисунками) статьи «Киргизы» в академическом издании «Народы Средней Азии и Казахстана»⁸.

В силу своих исторических судеб, природных условий и особенностей хозяйственного уклада, связанного с кочевым скотоводством, киргизы не могли ни выращивать хлопок, ни заниматься шелководством. Единственным сырьем для ткачества у них была шерсть, являвшаяся продуктом их скотоводческого хозяйства. Поэтому в Киргизии издавна бытовала одежда, сшитая из шерстяных тканей домашней выработки, из шкур и кож животных и из валяного войлока. Нас интересуют лишь ткани.

Ткачество у киргизов являлось исключительно женским занятием. Пряжу готовили из овечьей и верблюжьей шерсти. Пряли на ручном веретене *ийик*, а ткали на примитивном горизонтальном станке *ормек*, таком же, как у многих других полукочевых и кочевых в прошлом народов Средней Азии (рис. 1)⁹. Для всех киргизских тканей, применявшихся в одежде, было характерно наиболее простое по технике полотняное переплетение. Ширина точи не превышала 26—32 см.

Почти все авторы, описывающие одежду киргизов, отмечают употребление ими армячины из овечьей и из верблюжьей шерсти. Ткань из овечьей шерсти называется у киргизов *таар*. Она бывала белой, коричневой (цвета овечьей шерсти); вырабатывалась также ткань в белую и коричневую полоску (на юге она называлась *ала таар*). Таар делали двух сортов: неваляную (*сокмо*) и валяную (*басма*). Производство валяного сукна не было повсеместным, и в разных районах различалось по технике. У ичкиликов Ошской обл., по описанию К. И. Антипиной, таар ткали из слабо скрученной пряжи и ткань получалась неплотная. Ее заливали ки-

Р и с. 1. Тканье шерстяной армячины на узконавойном станке

пятком и, когда вода остывала, разминали ногами, отчего ткань становилась плотной, превращалась в сукно¹⁰. Аналогичный способ изготовления сукна известен и у других народов Средней Азии, например у таджиков Каратегина¹¹, в Афганистане, у таджиков долины Панджшир¹². Несколько отличный процесс производства валяного сукна для верхней мужской одежды зафиксирован нами у киргизов адигине Ошской и Джалал-Абадской областей, родственных по своей материальной культуре и генеалогическим преданиям северным киргизам Тянь-Шаня и Иссык-

Куля. У них также сначала ткали на ормеке неплотную, редкую и очень узкую ткань таар, сшивали ее в две точки, что было необходимо для стана одежды, затем расстилали ткань на циновке, сверху посыпали слоем мягкой короткой поярковой шерсти, которая должна была дать ворс, далее покрывали рядом (сейрек), сбрызгивали крутым кипятком и скатывали тугим рулоном, который потом валяли вручную и топтали, мяти ногами (басат, тежелейт), чтобы вкатать и пригладить ворс. Таким образом, выработка сукна приближалась к кошмовалянию, а одежда из такой ткани — к одежде из войлока — северному кементая, так как в процессе производства сукна валялась не только сама ткань, но, как и при кошмовалянии, в нее вкатывался слой поярковой шерсти. Не случайно, по К. К. Юдахину, термин *тепме* обозначает как домотканую материю из поярка, так и тонкий войлок из поярка. Так же валяли сукно киргизы-багыши (подразделение тагай) Алабукинского р-на Ошской обл. Халаты из такой ткани здесь обозначались термином не *басма чепкен*, распространенным на юге Киргизии, а *тепме чепкен*.

Производство сукна с применением валяния присуще в основном киргизам Южной Киргизии. Как отмечает Е. И. Махова, у южных киргизов «верхняя одежда из домотканого валяного сукна заменяет кементай» — халат из кошмы, распространенный на севере Киргизии, а на юге встречающийся редко¹³. И ткачеством, и валянием сукна у киргизов занимались женщины в отличие от таджиков, у которых сукноваляние было мужским занятием¹⁴.

Сотканная из овечьей шерсти ткань таар шла в основном на изготовление мужских халатов (*чепкен*) и верхних штанов (*шим*)¹⁵. Часто халаты из ткани таар имели подкладку из мягкого войлока, прикреплявшуюся к ткани мелкой стежкой.

Халаты из валяного сукна сохранялись в киргизской одежде до недавнего времени. Их носили поверх остальной одежды. В холод и непогоду такой халат был незаменим: не промокал, не продувался ветром, одинаково хорошо защищал от холода и солнечных лучей. Он очень прочен и в качестве повседневной рабочей одежды служил 5—6 лет.

Из верблюжьей шерсти киргизы вырабатывали плотную и прочную ткань *пийази*, также идущую на халаты. Такие халаты назывались *тоо чепкен* или *пийази*. Их ткали из тонких, туго спряденных нитей, причем для основы бралась пряжа двусторонней крутки — одна нить была скручена в правую сторону, вторая — в левую, вследствие чего получалась еле заметная выработка «в елочку». Уток при тканье сильно прибавался, отчего ткань получалась очень плотной. Верблюжья армячина была более тонкой и не такой теплой, как описанное выше сукно из овечьей шерсти, но мало пропускала воду, поэтому халаты из нее носили в горах в дождливое время. Пийази отличался не только прочностью, но и красотой, и был очень популярен и любим киргизами за светло-бежевый цвет, который давала верблюжья шерсть. Халат из верблюжьей шерсти был не рабочим, а скорее выходным, щегольским нарядом; он стоил очень дорого и был доступен лишь богатым. В рассказах стариков *пийази чепкен* часто выступает как свадебная одежда жениха. Очень состоятельные киргизы носили также и штаны *шим* из ткани *пийази*.

Производство пийази было распространено в Киргизии повсеместно — как на юге, так и на севере. Почти все дореволюционные авторы особо подчеркивают высокие технические качества этой ткани, ставшей со временем, по мере роста товарности полунатурального в прошлом хозяйства киргизов, предметом торговли и даже экспорта; верблюжья армячина «служит предметом вывоза и доставляется на продажу в кусках»¹⁶. В первый период после присоединения Средней Азии к России она использовалась в одежде русских войск для казачьих рубах¹⁷.

Из овечьей и верблюжьей шерсти естественного цвета киргизы ткали также женские и мужские кушаки (*белкур*, *сокмокур*), один конец которых орнаментировался поперечными полосами. Овечья шерсть шла на изготовление мужских портянок (*пайтава*), для чего ткали очень редкую, узкую (24—28 см) полосу из двойных слабо скрученных нитей серой или коричневой шерсти естественной окраски. Готовую ткань мыли в горячей воде, отчего она становилась мягкой и теплой. На юге Киргизии, по материалам К. И. Антипиной, из тонко спряденных одинарных нитей белой овечьей шерсти и из козьего пуха ткали мужские чалмы (около 150 см длиной).

Шерстяные домотканые ткани у киргизов в XIX—начале XX в. были традиционными. Они и по сей день используются в одежде.

Новой и довольно поздней традицией в ткачестве киргизов стала выработка хлопчатобумажных тканей из покупного, а позднее и из своего хлопка. По материалам К. И. Антипиной, на юге Киргизии, преимущественно у ичкиликов, уже в начале нашего века ткали хлопчатобумажную ткань (*боз*) белого или рыжеватого, как верблюжья шерсть, цвета (*малла*). С начала XX в., по сообщениям наших информаторов, на юге Ошской обл. (Араванский р-н), киргизы уже освоили хлопководство и стали ткать бумажные ткани из своего хлопка. В отличие от шерсти хлопок пряли на самопрядке *чарх* и ткали на узконавойном станке с педалями (*дукон*), заимствованном у узбеков Ферганы. В северные районы Ошской обл. (Джанги-Джол и Алабука), где своего хлопководства еще не было, привозили готовую пряжу из узбекских районов Ферганы, а ткали сами на станке ормек.

Белая бумажная ткань *боз* употреблялась для нательной одежды. Из рыжеватой ткани цвета *малла* в прошлом шили мужские, женские и детские верхние халаты. Изготавливали также бумажную ткань в узкую полосу белого и бежевого цвета; она шла на чалмы, легкие халаты пожилых набожных людей и мулл, на молитвенные коврики (*намазлык*). Более грубая хлопчатобумажная ткань, сотканная из двойной некрашеной нити, употреблялась на мужские штаны *шим*, а бурая, выкрашенная в отваре гранатовой корки или наростов тутовника, — на мужские стеганные на вате халаты *пахта чепкен*.

Из окрашенной в разные цвета бумажной пряжи специально для халатов ткали полосатую (*аляк*) или клетчатую ткань (*катак боз*). Если узор был полосатый, а уток темный (синий или черный), ткань шла на мужские халаты, а если уток красный — на женские. *Аляк* была самая трудоемкая и дорогостоящая из домотканых хлопчатобумажных тканей, требующая дорогих завозных материалов — красок и пряжи. Бедняки

употребляли на халаты более дешевую каток боз в крупную клетку, которую образовывали узкие цветные поперечные и продольные полосы в одну-две нити. Обычно эта ткань шла на нательную одежду.

В настоящее время при наличии в магазинах огромного ассортимента тканей, в том числе и хлопчатобумажных, изготовление тканей для одежды в домашних условиях совершенно изжито.

Но и в дореволюционный период ткани, изготовленные самими киргизами, были далеко не единственными, используемыми в одежде: большое значение имели и покупные ткани. С древнейших времен территория, занимаемая киргизами, была связана экономически с такими центрами оседло-земледельческой культуры, как Фергана и Восточный Туркестан, лежала на пути караванных дорог и сама была ареной, на которой осуществлялся контакт между кочевыми и оседлыми земледельческими народами. Археологические раскопки тюркского периода свидетельствуют о распространении на этой территории еще в те времена одежды из шелковых тканей; конечно, не местного производства. Привозные ткани употреблялись лишь высшими слоями населения. Источник XVIII в. отмечает, что старейшины были одеты в парчу и войлочные шляпы, опоясывались красными шелковыми кушаками, в то время как простой народ носил одежду из грубой шерстяной ткани¹⁸.

О давности бытования в одежде киргизов импортных шелковых и златотканых материй свидетельствует «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина. Мы находим в нем множество названий тканей, в частности, очевидно, привозных. Эти термины, ныне исчезнувшие из разговорной речи вследствие исчезновения самих тканей, сохранялись в устном народном творчестве, в эпосе. *Беренжи* означает название материи, а также платье из нее¹⁹, боевое одеяние типа бельдемчи²⁰. *Бута*, *буулум*, *телегей* — сорта дорогих тканей и одежды из этих тканей. *Булдо* — название дорогой материи, по-видимому, из шелка (*була* — шелк, волокно). Термин *дуулан* в эпосе употреблен как название дорогой ткани²¹; *курсоко* (или *курсоке тон*) означает халат из златотканой шелковой материи; *кээжим* — парча, дорогая златотканая материя.

Импортные ткани для одежды киргизов привозили из разных мест. Как свидетельствуют литературные данные, музейные и полевые этнографические материалы, во второй половине XIX—начале XX в. большую роль играли здесь ткани восточного происхождения. Усиленный импорт в Киргизию материала и готовых изделий из Кашгара в середине и конце XIX в. отмечают все русские путешественники и наблюдатели того времени. М. Венюков писал, что из Кашгара доставляют разные бумажные материи, «особенно идут бязи и бумажная армячина желтого, черного и коричневого цветов»²². Н. А. Северцев, наблюдавший быт киргизов во время путешествия по Туркестанскому краю, вспоминает о встрече с большим кашгарским караваном, который шел с тюками халатов и бязи на выючных лошадях²³. В «Материалах для статистики Туркестанского края» отмечалось, что через Иссык-Кульский уезд пролегал главный караванный путь в торговле Джитышара с Кульджой²⁴. С. Р. Конопка в 1913 г. писал, что все товары из Кашгара шли через Киргизию (пере-

вал Терек-Даван) и через г. Ош²⁵. Ч. Валиханов в 1858 г. сам проделал путь в Кашгар и прошел туда под видом купца с караваном через Заукинский перевал (перевал Джуука) мимо озера Чатыркель. В отчете о городах Восточного Туркестана на 1858—1859 гг.²⁶ он подробно описывает ткани, производившиеся в Кашгаре для торговли с киргизами. Эти сведения приобретают большую конкретность благодаря зарисовкам его современника П. М. Кошарова (1857 г.) и фотографиям С. М. Дудина (1901—1902 гг.), на которых изображены люди в одежде из тканей, бытовавших в то время.

Как свидетельствуют путевые заметки Ч. Валиханова, а также альбом художника П. М. Кошарова и подписи под его рисунками, большое значение в одежде северных киргизов в начале второй половины XIX в. имела кашгарская белая бумажная материя типа бязи, называвшаяся *даба* и являвшаяся «главным отпускным товаром шести городов». «Дабу, — писал Ч. Валиханов, — вывозят в киргизскую степь, в Кульджу и иногда в Коканд и Ташкент... Даба употребляется киргизами обоего пола, от владельца до черного народа». В основном эта ткань шла на мужские, женские и детские рубахи и штаны. «Кашгарская бязь, — отмечал Ч. Валиханов, — пользуется у кочевников особым предпочтением по своей прочности и доброте».

Из перечисленных Ч. Валихановым сортов бязи в памяти информаторов для конца XIX—начала XX в. сохранились три: *кок-джиэк*, *шан-мата* и *шиша*. Их сообщения позволяют отождествить *кок-джиэк* с тканью *кок куйрук мата* (синехвостая), которая, по сведениям Е. И. Маховой, имела зеленую кромку и употреблялась для мужских и женских рубах, штанов, поясов (*кур*) и вышитых нагрудников на женские платья (*ону-ров*). *Шан-мата* характеризуется Ч. Валихановым как «особенный род тонкой бязи». По полевым материалам Е. И. Маховой, из этой ткани у северных киргизов шили мужские рубахи и женские платья, украшенные вышивкой *онуры* и женские шапочки, надевавшиеся под чалмообразный головной убор (*элечек*). *Шиша*, по Ч. Валиханову, производилась в Аксу. Наши информаторы, потомки переселенцев из Кашгара, рассказывали, что это была белая бязь, лощенная до зеркального блеска. Она употреблялась на мужские и женские рубахи. Среди хлопчатобумажной продукции Алтышара Ч. Валиханов называет также *китайку* — крашеную бязь. Значительное место в импорте Кашгара занимал и кашгарский бумажный холст *чекмень* серого, коричневого, желтого или темно-синего цвета. Ч. Валиханов отмечал: «В Еркенде делают тонкие сорта этого холста, который употребляется на верхние кафтаны и стоит до 20 тянга». Можно предположить, что именно из такой ткани коричневого цвета сшита одежда, представленная на цветных акварелях художника П. М. Кошарова, относящихся к тому же периоду. Покрой этой одежды и отделка на груди пестрыми шнурами позволяют думать, что это готовая, привозная из Кашгара одежда. По-видимому, из такого же грубого холста сшиты однотонные мужские и женские халаты киргизов на фотографиях С. М. Дудина²⁷, а также привозные кашгарские халаты (*кашгардык карачапан*), бытовавшие, по сведениям, записанным Е. И. Маховой, в Северной Киргизии в конце XIX—начале XX в.

В середине прошлого века, по сообщению Валиханова, популярны были у киргизов также готовые кашгарские халаты из бумажной материи в темно-синюю полосу (наподобие нашего тика), называемой *тимпа*. Из Кашгара привозили, видимо, и ткань *баранг*, которую К. К. Юдахин характеризует как плотную кустарную хлопчатобумажную ткань. Предполагать это позволяют следующие примеры употребления этого термина, приведенные в словаре: «Барандаг кылган кок чепкен» (из баранга сшитый синий чепкен); «Кашгардын баранг чепкен» (кашгарский чепкен из баранга). Последняя фраза, заимствованная К. К. Юдахиным из фольклора, подтверждает кашгарское происхождение этой ткани.

По сведениям, записанным Е. И. Маховой, у иссык-кульских киргизов конца XIX—начала нашего века женские халаты и полосатые кушаки *кур* шили также из дешевой полосатой хлопчатобумажной материи кашгарского происхождения, известной под названием *комустили*. Мужские кушаки из голубой и синей материи, называемые *дунго кур*, были широко распространены в тот же период у северных киргизов и завозились, по-видимому, также из Восточного Туркестана²⁸.

Среди кашгарских тканей, ввозимых в то время в Киргизию, следует отметить также набойки, широко применявшиеся в одежде киргизов. С. Р. Конопка, характеризуя кашгарскую набойку, называет ее *саргыз* и отмечает, что на нее идут лучшие сорта маты, набиваемые простеньким узором в виде арабесок по белому фону, и что она употребляется на подкладку халатов и одеял. Набойка с белым узором по синему фону идет на белье и на халаты²⁹. Примерно такого качества и расцветки набойки (синие в клеточку, полосу, белые цветочки) мы видим в киргизских коллекциях ГМЭ; из нее сделаны подкладки одеял, детские штанишки и женские платья³⁰.

Кроме хлопчатобумажных тканей, значительную роль в экспорте Кашгара в Киргизию играли шелковые и полушелковые ткани. Говоря об употреблении шелковых тканей в киргизской одежде начала XX в., Н. Лыкошин подчеркивал, что «шелковые материи носят исключительно женщины, а полушелковые служат также и для шитья мужских халатов»³¹. Из таких более дорогих тканей Ч. Валиханов отмечает «очень популярную у киргизов грубую полушелковую материю *машру*, производившуюся в Хотане», а в «Иссык-Кульских тетрадях» среди других тканей, привозимых кашгарскими купцами, называет «полосатую, вроде парчи», бумажную материю, именуемую *машура* (по-видимому, то же, что *машру*). Из Хотана, по сведениям Ч. Валиханова, вывозилась и шелковая *дэ-раи*.

Из шелковых тканей восточного происхождения можно назвать также ткань *тувар* (*тубар*), которая, по словарю К. К. Юдахина, представляла собой сорт китайского шелка. Так же характеризовала его в устном сообщении Б. Х. Кармышева. Полевые материалы Е. И. Маховой свидетельствуют о том, что ткань *тувар* черного и красного цвета употреблялась северными киргизами для женских шуб на меху (*ичик*), а красная, желтая и синяя — шла на бешманты и платья. На мужские бешманты употреблялась китайская чесуча *чооженча*. По полевым этнографическим материалам и словарю К. Юдахина, у северных киргизов была известна

также ткань *барангсоз*. Информаторы сообщали, что это была шелковая ткань, привозимая из Турфана. Барангсоз красного цвета употреблялась на кушаки молодых мужчин, ею обшивали белье; из барангсоз розового и желтого цвета шили женские платья (*тас барангсоз*) и делали полосы, перевивавшие головной убор молодой женщины. Наконец, остановимся на повсеместно распространенной в Киргизии шелковой парче *кымкап* (у других среднеазиатских народов *кимхо*, *кимхаб*) красноватых, сиреневатых и розоватых тонов с довольно крупным золототканым узором³². С *кимхабом* часто отождествляется парча *зарбаб* (*зарбарак*), имеющая почти полностью затканное мелким золотым узором поле, а также одноцветная парчовая ткань *тас* (напоминающая русский глазет). Эти ткани употреблялись обычно на свадебные халаты невесты и жениха. Халаты из такой парчи имеются почти во всех музеях Ферганы, в Ошском областном краеведческом музее и в Государственном историческом музее Киргизии (г. Фрунзе).

В прошлом золототканые материи часто использовали для обрядовой одежды. По сведениям наших информаторов, свадебный головной убор киргизок *шоколо*, так же как и свадебные халаты, шили из дорогой парчи. Ее же употребляли на ритуальное покрывало для покойника. В 1971 г. у киргизов Джанги-Джольского р-на Ошской обл. еще было в употреблении такое покрывало, перешитое из свадебного халата. К. К. Юдахиным приводится следующее общепринятое выражение: «Омыть покойника и завернуть его в шелковую материю (*кымка*)». В быту киргизов до сих пор сохраняются если не сами халаты из *кимхаба*, то перешитые из них и сберегаемые женщинами красивые дорогие покрывала и настенные панно (*туштурдук*). Следует отметить, что, хотя информаторы связывают происхождение *кымка* с Китаем, большинство сохранившихся до наших дней халатов и изделий сшито из шелковой парчи (с атласистым гладким полем и крупным золототканым цветочным узором) явно не китайского, а переднеазиатского и даже скорее русского или западноевропейского производства.

Наряду с кашгарскими тканями в одежде киргизов издавна употреблялись и ткани среднеазиатские — узбекские и таджикские. Распространение их на территории Киргизии было неодинаковым в разные исторические периоды. В середине XIX в. ткани, импортировавшиеся из Восточного Туркестана, доминировали в одежде населения северной части Киргизии, более удаленной от текстильных центров среднеазиатских ханств, в частности Ферганы. О преобладании в Северной Киргизии кашгарских тканей над среднеазиатскими можно судить по статистическим данным. В 1869 г. через Нарынский мост в Северную Киргизию было перевезено одной только дабы кашгарской на 39 639 руб. (по 40 коп. за конец), т. е. более 99 075 кусков, а халатов кашгарских, судя по цене (8 руб. за халат) шелковых, — на 31 552 руб., т. е. 3944 штуки. В том же году из Средней Азии было привезено только 929 халатов, а разных бу- мажных материй — 2177 кусков³³. Но и в этот период большое значение имел завоз тканей из Средней Азии. В своих путевых наблюдениях 1864 г. Н. А. Северцев отмечал «кокандскую конкуренцию из Андижана, оттеснявшую кашгарцев»³⁴.

О том, что в одежде северных киргизов употреблялись пестрые шелковые среднеазиатские ткани, свидетельствуют зарисовки П. М. Кошарова и иссык-кульские дневники Ч. Валиханова, относящиеся к 60-м годам прошлого века. Однако на севере Киргизии одежда из дорогих среднеазиатских шелков была в то время, по-видимому, редким явлением. Так, Ч. Валиханов, описывая «пестрые халаты» из абровых тканей среднеазиатского производства, подчеркивал, что такой покупной дорогой халат был на жене бая³⁵.

Совсем иная картина предстает пред нами на юге Киргизии. Материалы Б. Л. Тагеева по припамирским киргизам (1897 г.)³⁶, фотоальбом Б. Л. Громбчевского (1898—1899 гг.)³⁷, коллекции и фотоматериалы С. М. Дудина, относящиеся к 1901—1902 гг.³⁸, отражают широкое бытование на юге Киргизии в конце прошлого—начале нашего века среднеазиатских тканей. Правда, С. М. Дудин отмечал, что рубахи из «сартовских» шелковых материй носят богатые женщины, но все документы того времени свидетельствуют о широком распространении в Южной Киргизии текстиля среднеазиатского производства³⁹. Прежде всего наблюдателя поражали пестротой и яркостью красок женские халаты из полушелкового среднеазиатского *адраса-башаи* (рис. 2). Этот же материал шел на женские белье, камзолы и платья (последние из адраса *ак-аркак* со светлым утком). У припамирских киргизов, по материалам Ю. А. Шибасевой, из этой ткани делали верх женских шуб (*наптичик*). Из полосатого полушелкового *бекасаба* шили или покупали в Ферганской долине готовые мужские, женские и детские легкие халаты. Бекасаб на юге Киргизии употреблялся также на женские белье. На фотографиях С. М. Дудина мы видим женский халат, по-видимому, покупной, ферганский, из дорогого нарядного банараса — полушелковой алачи серебристо-белого цвета в узкую темную полосу. Среди шелковых тканей, привозимых в Киргизию из среднеазиатских ханств, были также *шаи* (*канаус*) — шелковая ткань с мелкими полосками или с пестрым абровым узором, ткань *гульбара* — более тонкая, легкая и *дараи* — однотонная плотная ткань, которую авторы XIX в. называют «шелковая бязь» и «шелковая армячина». Судя по их фактуре и расцветке, эти ткани, так же как и перечисленные ниже полушелковые, вырабатывались в ферганских городах — Коканде, Маргелане, а частью — Намангане и Ходжене. Бухарские сорта этих же тканей пользовались меньшим спросом, так как были дороже кокандских.

Из бумажных тканей среднеазиатского производства, судя в основном по фотоматериалам С. М. Дудина, на юге Киргизии были широко распространены полосатые. Они употреблялись на мужские, женские и детские халаты, на женские платья и на подкладку халатов. Их популярность в Киргизии отмечал еще Ч. Валиханов. «Среднеазиатские бумажные товары, — писал он, — хотя крайне грубы, но прочны и поэтому нравятся киргизам, не требующим ни ярких красок, ни ярких узоров, а одной лишь прочности. Бумажный полосатый тик покупается охотнее и дороже полушелковых материй, все родоначальники и богачи носят особый сорт этой материи, называемый *каракаска*». Лучший сорт ее, чрезвычайно любимый киргизами, делался в Намангане и продавался втридорога: на ме-

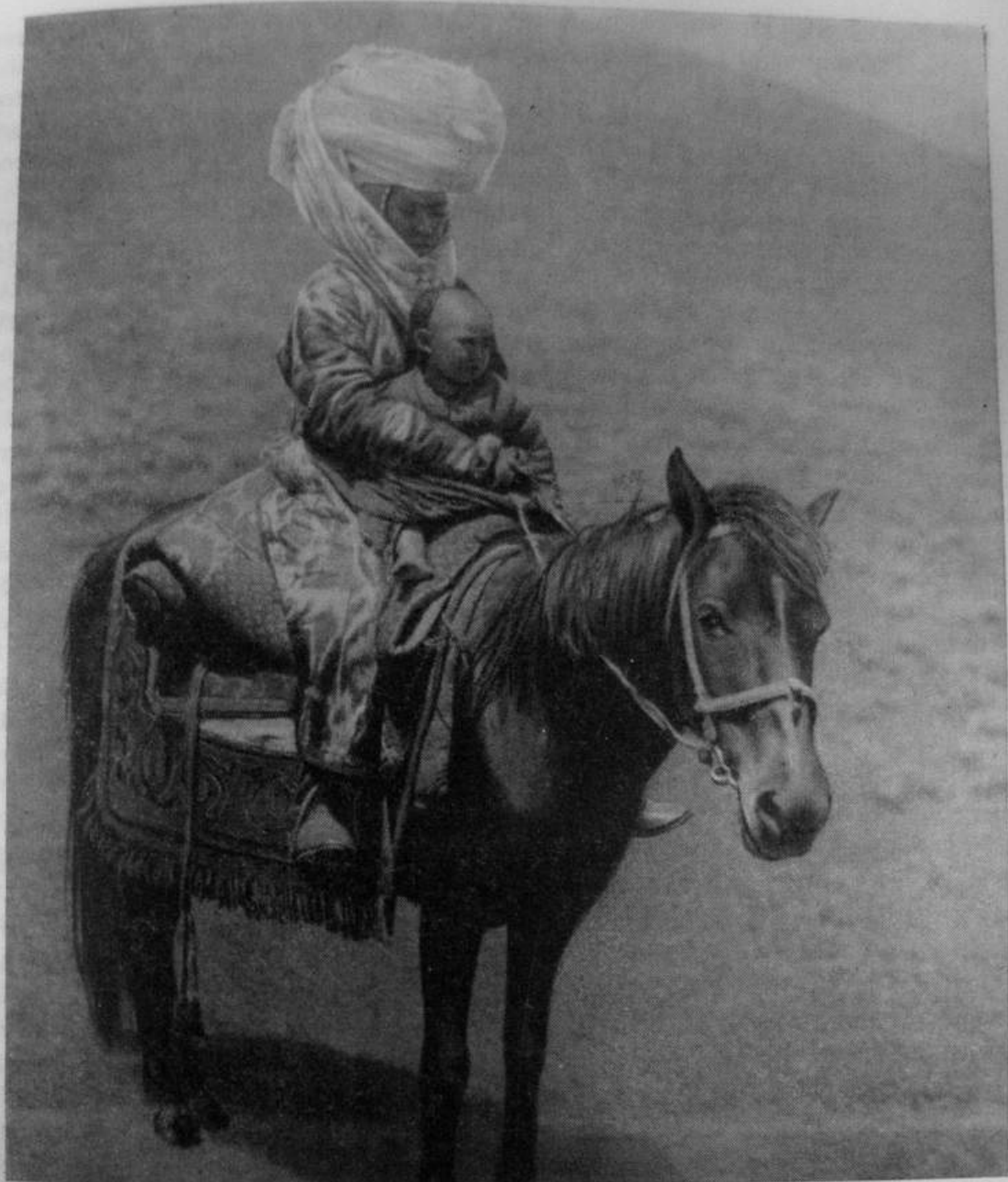

Рис 2. Киргизка в белом головном уборе и пестром халате из узбекского адраса. Фототека ГМЭ

сте производства пара штук стоила 12 тянга, а киргизы платили до 5 баранов (т. е. 60 тянга).

Простая хлопчатобумажная белая ткань среднеазиатского производства почти не употреблялась киргизами (за исключением южных), так как не выдерживала конкуренции дешевой кашгарской дабы. Из недорогих бумажных тканей среднеазиатского производства у киргизов была распространена набойка, употребляемая в одежде в основном на подкладку халатов, на что указывают коллекции и фотоальбомы С. М. Дудина и

материалы К. И. Антипиной по Южной Киргизии, а также материалы Е. И. Маховой по Северной Киргизии.

Материалы С. М. Дудина свидетельствуют также о широком распространении на юге Киргизии (в основном у ичкиликов) узбекских поясных платков, у киргизов называемых жоолук, и мужских тюбетеек «ко-кандской или маргеланской работы»⁴⁰.

О том, насколько среднеазиатские ткани вошли в быт и стали типичны для костюма южных киргизов, писал уже в послевоенные годы К. К. Юдахин. «Полосатый халат, любимая верхняя одежда киргиза Ляйлякского района, бросается в глаза человека, привыкшего к старой одежде северных киргизов... Если встречающиеся в старом киргизском эпосе эпитеты *жалан тош* (открытая грудь) и *ала чапан* (пестрый халат) у северных киргизов обязательно ассоциируются с узбеками и таджиками, то для ляйлякского киргиза эти же самые эпитеты абсолютно ничего не говорят, ибо в них он может узнать как своих соседей, так и себя самого»⁴¹.

На севере Киргизии употребление узбекских тканей и одежды до сих пор несравнимо меньше, чем у южных киргизов. Как подтверждают полевые исследования 1971 г., начиная с севера Ошской обл. (б. Джалал-Абадская обл.), где живут киргизы, связанные происхождением с северными, традиционным мужским головным убором является круглая тюбетейка (*топпы*) из однотонной ткани — красной для молодых, темной для пожилых мужчин и белой для стариков. Широко бытующая по всей Средней Азии «чустская тюбетейка», распространенная в Фергане и у ичкиликов Ошской обл., на севере Киргизии не носится.

Однако современная одежда северных киргизов, тех же бугинцев Прииссыккуля, описанных в свое время Ч. Валихановым, сильно отличается от одежды 60-х годов XIX в. По материалам Е. И. Маховой, и на севере Киргизии в начале XX в. узбекский адрас стал традиционным для женского свадебного халата. Адрасом начали покрывать женские шубы ичик, его употребляли на девичьи шапки — тебетей. Из полосатого бекасабашили женские бешманты и халаты узбекского фасона (*ала-чапан*), бекасабом покрывали женские шубы на меху.

В наше время в Киргизии повсеместное распространение получили узбекские шелковые и полушелковые атласы, идущие на женские платья. Выбор цветовой гаммы этих шелков отразил традиционные эстетические вкусы киргизов: на севере популярны более строгие (в основном двухцветные — бордовые с белым, черные с белым) атласы, на юге — более светлые и яркие. Таким образом, полевой этнографический материал и музейные коллекции современной одежды свидетельствуют о широком распространении и популярности среднеазиатских тканей у сегодняшних киргизов.

С конца прошлого — начала нашего века в киргизской одежде широко бытовали также русские ткани. Если в XVIII в. Россия еще выступала посредником в транзитной торговле тканями западноевропейских государств (в частности, Англии) со среднеазиатскими ханствами, то с развитием своей фабричной текстильной промышленности Россия пытается вытеснить иностранных купцов со среднеазиатских рынков и сделать их

своей монополией. Уже в середине XIX в. торговые связи киргизов с Россией привели к проникновению в киргизский быт ряда изделий русской промышленности, в частности тканей, получивших распространение в первую очередь в более зажиточных слоях населения. «В последнее время, — пишет в качестве очевидца Ч. Валиханов, — русские товары стали проникать в кочевья тянь-шаньских киргизов, но не в большом количестве... Бугинцы и сарыбагыши знакомятся с предметами роскоши для них, и женщины их начинают носить русские ситцы, коленкор». В оглавлении к альбому, составленному П. М. Кошаровым, мы находим указания на русские ткани, шедшие на изготовление киргизской одежды и ее отделку: ситец, миткаль, плис, сукно. У М. И. Венюкова также упоминаются русские ткани, продаваемые киргизам («ситцы, нанки, коленкор, миткаль») ⁴². Из русских товаров, завозимых в Иссык-Кульский уезд в 1869—1871 гг., отмечались «сукна низших сортов, драдедам и ситцы, которые, однако, хотя качеством своим... стоят гораздо выше материи азиатской выделки, но по дороговизне не могут выдержать конкуренции последних и поэтому сбываются в самом ничтожном количестве» ⁴³.

В конце XIX в., после присоединения Киргизии к России, с ростом торговых и экономических связей усиливается проникновение русских тканей в Киргизию — с севера, через Сибирь и Казахстан, и с юга, через Среднюю Азию. В новых рынках сбыта были заинтересованы русские фабриканты, и многие из них стали выпускать специальные ткани для Средней Азии, учитывая спрос на определенные виды изделий, фактуру и расцветку.

Русские ткани довольно полно представлены в музейных собраниях киргизской одежды того периода. Порой на тканях, из которых сшита одежда, встречаются торговые марки некоторых русских фабрик, экспортировавших товар в Среднюю Азию: это прохоровские ситцы, нанки московских и шуйских мануфактур, драп захаровской фабрики. Материалы С. М. Дудина отражают широкое распространение русских тканей в Киргизии начала XX в. В своем отчете он отмечал, что «женские рубахи шьются из русских ситцев» ⁴⁴. Из них же шили все виды женской и детской одежды (для девочек) и делали мужские кушаки. Ситцы и сатин темных расцветок, в мелкий горошек, с цветочками, употреблялись на мужские стеганые халаты (тон). Как свидетельствуют полевой этнографический материал и коллекции киргизских музеев, на севере Киргизии ситец (чит) с набивным мелким узором растительного характера или в клетку употреблялся в основном на подкладку халатов и мужские пояса. Черный гладкий сатин (лампука) шел на мужские и женские бешманты, им покрывали женские шубы (ичик) и белье (без вышивки). Из красного сатина (лас) у южных киргизов делали женские пояса с вышивкой на одном конце, красовавшейся сзади, на пояснице. Молодые мужчины также носили кушаки из этой ткани.

Белые хлопчатые ткани русского производства шли в основном на нательную одежду: бязь (боз), полотно (болотнай) и миткаль (ак-сун) употреблялись на мужские и детские (для мальчиков) рубахи и штаны, женские шапочки, надеваемые под чалму элечек, на кушаки пожилых мужчин; из миткаля обычно шили тюбетейки (тепчеми-топы) для стариков;

белый коленкор и полотно употреблялись на женские платья традиционного покроя с широкими длинными рукавами. Русская кисея (лака) в большом количестве шла на женские и мужские чалмы; из нее делали саваны для умерших. Из более тяжелых и прочных тканей шили верхнюю одежду. Из темного одноцветного сукна (нооту, маут, манат) шили мужские и женские халаты (чепкен), женские шубы (ичик), покрывала, меховые шапки; зеленое и красное сукно употреблялось для женских бельедемчи, красное — для девичьих тебетеев и свадебных головных уборов новобрачных (шоколо). Популярной была красная бумазея (кызыл манат или урус манат), часто заменявшая сукно и шедшая на отделку бельедемчи и на покрытие девичьих тебетеев.

Темный русский драп (захар трап) шел на изготовление мужских чепкенов, бешмантов, верхних штанов. Плотное серое трико (трайке) для этих же целей употреблялось менее зажиточными людьми. Для нарядной праздничной одежды покупали дорогие парчовые ткани с крупным gobelennym рисунком русского или западноевропейского производства, сделанные с учетом вкусов среднеазиатского покупателя. Большой популярностью у киргизов пользовался однотонный бархат (баркут, макмал), рубчатый вельвет (чий-баркут), а в последнее время — плюш (дукаба). В старину особенно ценился плотный черный манчестер (тас баркут — «плешивый», «лысый» бархат), употребляемый в основном на женские бельедемчи, богато украшавшиеся вышивкой и мехом выдры. Темный бархат использовался для мужских бешмантов, женских халатов (чапан, бешмант), женских и девичьих безрукавок, мужских и девичьих шапок, мужских тюбетеек. Из красного бархата делали девичьи пояса, повязываемые поверх бешманта. В настоящее время наряду с бархатом в киргизской одежде используется вельвет (для мужской) и плюш (для женской) одежды. Темный бархат, вельвет, плюш, употребляемые для верхней одежды, остаются излюбленными в традиционном костюме киргизов, особенно на севере; южные киргизы в своей одежде испытали более сильное влияние узбекской и таджикской культуры Ферганы, для них характерны более пестрые, яркие ткани.

За последние годы ассортимент тканей в одежде киргизов сильно расширился за счет новых современных материалов.

Приведенные выше сведения о тканях конца XIX—начала XX в. раскрыли четыре основных источника их поступления для киргизской одежды: собственно киргизские ткани, отражающие, как любой элемент материальной культуры, уровень развития производительных сил киргизов на рубеже XIX—XX вв. и характеризующие домашнее производство с его спецификой в рамках натурального хозяйства, и привозные ткани — кашгарские, среднеазиатские и русские. Импорт тканей в Киргизию отражал историко-культурные связи киргизов с другими народами.

¹ Кошаров П. М. Этнографический альбом дикокаменных киргизов племени богинцев. — АИЭ, Л., № 116; Абрамзон С. М. Этнографический альбом художника П. М. Кошарова. — Сборник МАЭ, 1958, XIV, с. 147—193.

² АИЭ, Памиро-Ферганская археолого-этнографическая экспедиция. 1950—1951 гг.

³ АИЭ, Предгорный отряд СЭ ИЭ 1971 г. Полевые материалы Т. Н. Смешко.

- Полевые материалы Е. И. Маховой, АИЭ. См. материалы Киргизской комплексной экспедиции.
- Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965, с. 109, 124, 163, 164, 167, 201, 471, 489, 503, 726, 762 и др.
- Валиханов Ч. Отчет о состоянии Алтышара или шести городов Восточного Туркестана в 1858—1859 гг. — ЗРГО по отд-нию этнографии. СПб., 1904, т. XXIX.
- Абрамзон С. М. Очерки культуры киргизского народа. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1946; Он же. Этнографический альбом...; Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962; Бурковский А. Д. Техника современных домашних промыслов и ремесел в киргизских колхозах: Автореф. канд. дис. Фрунзе, 1951; Кармышева Б. Х. Поездка к киргизам Джиргаталя в 1954 г. — Изв. отд-ния обществ. наук АН ТаджССР, вып. 10—11, 1956; Махова Е. И. Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза. — ТКАЭЭ, 1959, т. VI; Она же. Одежда. — В кн.: Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. М.: Изд-во АН СССР, 1958; Мамбеталиева К. Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1963; Шибаета Ю. А. Материалы по одежде мургабских киргизов. — КСИЭ, 1956, вып. XXV.
- Народы мира. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Народы Средней Азии и Казахстана, II, с. 154—320.
- Устройство такого станка неоднократно описано в литературе по разным народам. По данной теме см.: Антипина К. И. Особенности..., с. 51—53; Махова Е. И. Одежда, с. 124, 127.
- Здесь и далее используется работа К. И. Антипиной «Особенности...».
- Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе: Дониш, 1966, вып. 1, с. 229.
- Андреев М. С. По этнологии Афганистана. Ташкент, 1927, с. 28—29.
- Махова Е. И. Материальная культура..., с. 48—49.
- Андреев М. С. По этнологии..., с. 28—29.
- Халат из ткани таар имеется в Ошском областном краеведческом музее (КП, № 921/213), шим — там же и в фондах ГМЭ (коллекции Фиельструпа); в наши дни автор зафиксировал их у лесорубов лесхоза Сары-Челек (б. Джалал-Абадская обл.).
- Лыкошин Н. Чайкумская волость Ходженского уезда: Справочная книга Самаркандской обл. Самарканд, 1906, вып. VIII, с. 149; см. также: Антипина К. И. Особенности..., с. 54; Шибаета Ю. А. Материалы..., с. 31.
- Кушелевский В. И. Материалы для медицинской географии и санитарные описания Ферганской области. Новый Маргелан, 1891, т. II, с. 194.
- Кондратьев А. А. Исторические сведения о киргизах в китайских источниках — В кн.: Материалы Первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в Ташкенте. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958, с. 938.
- В киргизском языке, так же как и в других тюркских языках, название материи, из которой шилась та или иная одежда, часто служит названием и самой одежды и наоборот. Так, вместо кымкап тон, пийази тон, башаи тон и т. п. говорят просто: кымкап, пийази, и т. п., подразумевая халат из соответствующей ткани.
- Интересно в этой связи бередже, отмеченное К. И. Антипиной на юге Киргизии в качестве праздничного халата особого покроя с короткими и широкими рукавами. У уйгур Восточного Туркестана термин *периже* употребляется для обозначения летнего халата (Антипина К. И. Особенности...).
- Е. И. Махова отмечала бытование у северных киргизов свадебного халата из парчи дейильде (АИЭ. Полевые материалы).
- Венюков М. И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. — В кн.: Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868, с. 163.
- Северцев Н. А. Путешествия по Туркестанскому краю. М., 1947, с. 246.
- Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1874, вып. III, с. 143.
- Конопка С. Р. Туркестанский край. Сельскохозяйственный промышленный адрес — справочник и календарь. Ташкент, 1913, с. 213.
- Валиханов Ч. Отчет о состоянии Алтышара..., с. 462. Далее автор ссылается на эту же работу.
- ГМЭ, фотоархив, колл. 43, альбом 63.

- ²⁸ *Дунго кур*, по свидетельству Б. Орозбаевой, происходит от уйгурского слова *лонгу* — «полотенце».
- ²⁹ *Конопка С. Р.* Туркестанский край... с. 213; см. также: *Валиханов Ч.* Отчет о состоянии Алтышара...
- ³⁰ ГМЭ, колл. 4203—124, 110; 4314-4 (собрание Ф. А. Фиельструпа).
- ³¹ *Лыкошин Н.* Чайкумская волость... с. 107.
- ³² В европейском и русском обиходе *камка* — шелковая ткань восточного происхождения. По В. И. Далю, *камка* — «шелковая китайская ткань с разводами» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. II). Д. Н. Ушаков толкует слово «камка» как шелковую цветную ткань с узорами (Толковый словарь русского языка/ Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935, т. I). Б. Лауфер считает, что персидское *кимхаб* восходит к китайскому *kim-xwa*, означающему «золототканая материя, парча» (см.: *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Лившиц В. А.* Камчатные ткани с горы Муг. — СЭ, 1964, № 4, с. 112).
- ³³ Туркестанские ведомости, 1873, № 9, 10.
- ³⁴ *Северцев Н. А.* Путешествия... с. 247.
- ³⁵ *Валиханов Ч.* Дневник поездки на Иссык-Куль. — Избр. произв. Алма-Ата: Каз. гос. изд-во худ. лит., 1958, с. 268—269.
- ³⁶ *Тагеев Б. Л.* Памирские киргизы. — Нива, 1897, № 38, с. 896.
- ³⁷ ГМЭ, фотоархив, № 5431. Альбом Б. Л. Громбчевского. 1889—1890 гг.
- ³⁸ ГМЭ, колл. 14, 15, 34; Фотоархив, колл. 43, альбом 63.
- ³⁹ О среднеазиатских тканях см.: *Сухарева О. А.* Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX в. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962; Она же. Художественные ткани. Вышивка. — В кн.: Народное декоративное искусство Узбекистана. М.: Изд-во АН УзССР, 1955; *Махкамова С. М.* Абровые ткани Узбекистана конца XIX—XX вв.: Автореф. канд. дис. Ташкент, 1970.
- ⁴⁰ *Дудин С. М.* Фотоальбом и отчет о поездке. — ГМЭ, фотоархив, колл. 43, альбом 63; Архив, № 247, с. 428.
- ⁴¹ *Юдахин К. К.* Из льялякских материалов. Фрунзе, 1948, вып. II, с. 29—30.
- ⁴² *Венюков М. И.* Очерки... с. 163.
- ⁴³ Туркестанские ведомости, 1872, № 42.
- ⁴⁴ ГМЭ, архив, № 247, с. 428.

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА АРАБОВ КАШКАДАРЬИНСКОЙ ОБЛ. УЗБЕКСКОЙ ССР

Х. Исмаилов

Для этнографической науки, в частности при разработке вопросов историко-этнографического атласа, большой интерес представляет этнографическая группа арабов, проживающая в Кашкадарьинской обл. Узбекской ССР¹. Здесь живут узбеки разного происхождения, имевшие в прошлом родо-племенное деление, таджики, туркмены, ирани, белуджи. Их кишлаки окружены кишлаками, населенными узбеками, таджиками и туркменами. Так, кишлак Джейнау, где арабы живут компактно, расположен вблизи кишлаков Чандир и Памук с туркменским населением и кишлаков Худжахайран, Курама, Дурман с узбекским населением. Арабы имеют со своими соседями, особенно с узбеками, постоянные хозяйствен-

ные и культурные связи. Эти связи оказывают на их быт, хозяйственную и духовную культуру очень заметное влияние.

По своему происхождению и культурно-бытовому облику Кашкадарьинские арабы не однородны. Одни из них считают, что их предки переселились «откуда-то с юга» (вероятно, из Балха) в начале XVIII в. Предки других были приведены в Среднюю Азию Тимуром во время его походов в арабские страны. Некоторые арабы считают себя выходцами из северных частей Афганистана, Ирана, Средней Азии.

Длительные культурные и экономические связи кашкадарьинских арабов с другими народами области привели к тому, что арабы большей части перечисленных селений давно перешли на узбекский язык и сейчас считают себя узбеками, в селении Камаши арабы таджикоязычны, а в селении Джейнау сохранили, хотя и не все, арабский язык², хотя прекрасно владеют и узбекским. Процесс все увеличивающегося слияния арабов с узбеками подтверждается и статистическими данными: в 1926 г. здесь было зарегистрировано 559 хозяйств арабов, в 1935 г. — 561, а по данным учета населения на 1 января 1968 г. — всего 354 хозяйства отнесли себя к арабам.

Кашкадарьинские арабы как в прошлом, так и в настоящее время занимаются животноводством и земледелием. В хозяйстве арабов, живущих в районах Карши и Кассана, где расположена большая территория пустынных и степных земель, главное место всегда занимало животноводство. Наиболее развитой его отраслью было разведение каракульских овец. В орошаемых районах арабы занимались и занимаются в основном земледелием.

Изучение одежды, как и других отраслей материальной культуры арабов, может пролить свет на малоизученные вопросы происхождения той или иной группы арабов, так как в их быту, в частности в одежде, сохранилось много своеобразия, несмотря на значительное влияние на их одежду традиций древнего местного населения: основа традиционной одежды арабов сходна с одеждой других народностей области.

В настоящее время у арабов Кашкадарьи можно наблюдать три разные формы костюма: среднеазиатско-арабский — традиционный, общеузбекский и общегородской («европейский»). Больше всего своеобразных и самобытных черт сохраняется в одежде арабов селения Джейнау. Ее описанию и посвящена статья (рис. 1).

В одежде арабов этого селения, как и всей Кашкадарьи, в сильной степени отразились и до сих пор ощущаются пережитки деления на возрастные классы (поколения): пожилых людей (мужчины — *наббат* или *джадди*, букв. «дедушки», женщины — *набба* или *джудо*, букв. «бабушки»), людей среднего возраста (мужчины — *сабайин*, женщины после рождения ребенка — *кадаса*) и молодых людей (юноши — *рузъон*, девушки — *бинад*, ед. число — *бинт*).

Люди, принадлежащие к старшему поколению, до сих пор носят традиционную одежду, а до 30-х годов ее носили все мужчины. Такая одежда шьется преимущественно из местных кустарных тканей: *нока* (белая редкая ткань) и *соколиф-нока* (ткань в красные и белые полосы). Эти ткани вырабатывают арабы дома. Употребляются также ткани, привозимые из

других районов: полосатая алача в белые, красные, зеленые, иногда оранжевые полосы и белый карбос. Люди среднего возраста и молодые употребляют современные фабричные ткани.

Опишем мужскую одежду традиционного вида. Рубаха (суб) имеет прямой покрой, широкая. Длина рубашки зависела от возраста: пожилые люди носили более длинные, у стариков они доходили почти до лодыжек, у молодых — более короткие. Рукава всегда длинные, до кисти. Обычно с правой стороны находится внутренний карман. Характерен для арабов горизонтальный разрез ворота; такие рубахи называются зийк.

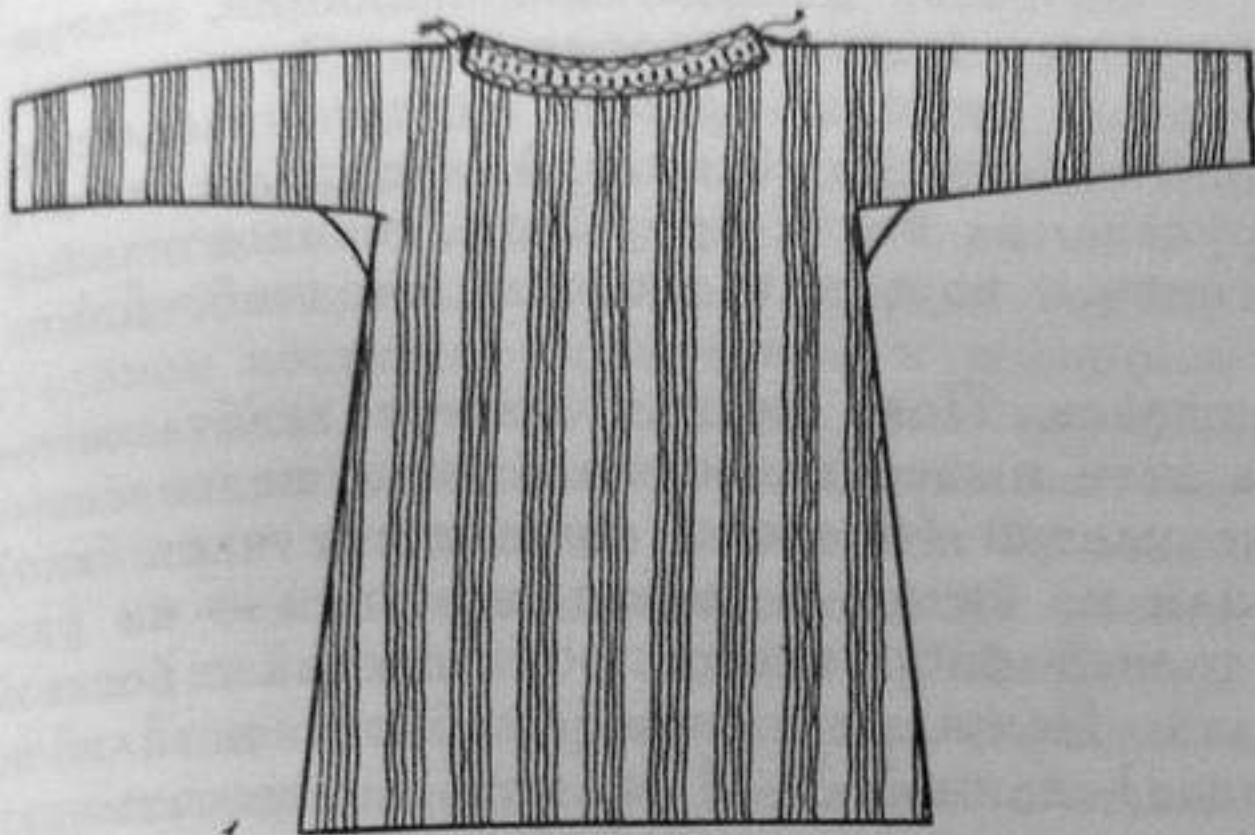
Штаны (ильбас) у арабов шьются из той же ткани, что и рубаха. Их делают длиной до щиколотки, с широким шагом. По сравнению с другими группами местного населения у арабов штаны более широкие. Внизу каждая штанина (пойча) собирается в сборки, наподобие бриджей, и обшивается вышитой тесьмой.

Поверх нательной одежды арабы носят халаты без подкладки (якта-хия), иногда надевают два и три таких халата друг на друга. Их шьют из ткани в полоску. Покрой халатов туникообразный, с боковинами (фарж); под мышками ластовица (кулфак). Воротник халатов пришивной, его делают из той же материи в два слоя. Поверх яктахия пожилые люди носят стеганный на вате халат (габа), сходный с общеузбекским. Арабские халаты габа в прошлом бытовали в разных вариантах, несколько различаясь у крестьян, ремесленников, купцов, духовенства. Наряду со стегаными на вате распашными халатами арабы носят стеганные рубахи (джибба), по покрою не отличающиеся от обычных, только более короткие — до пояса; ворот у джибба полукруглый, обшитый петельным швом. Многие арабы, особенно пастухи, носят халаты из домотканого сукна (карта, чакман), которые в зависимости от сорта ткани называются кук-чакман, малла-чакман и кокма-чакман. Малла-чакман изготавливали из верблюжьей шерсти; кокма-чакман — из лучшей, а кук-чакман — из простой овечьей шерсти. Баи и знатные люди носили только малла-чакман или кокма-чакман, а простой народ — кук-чакман.

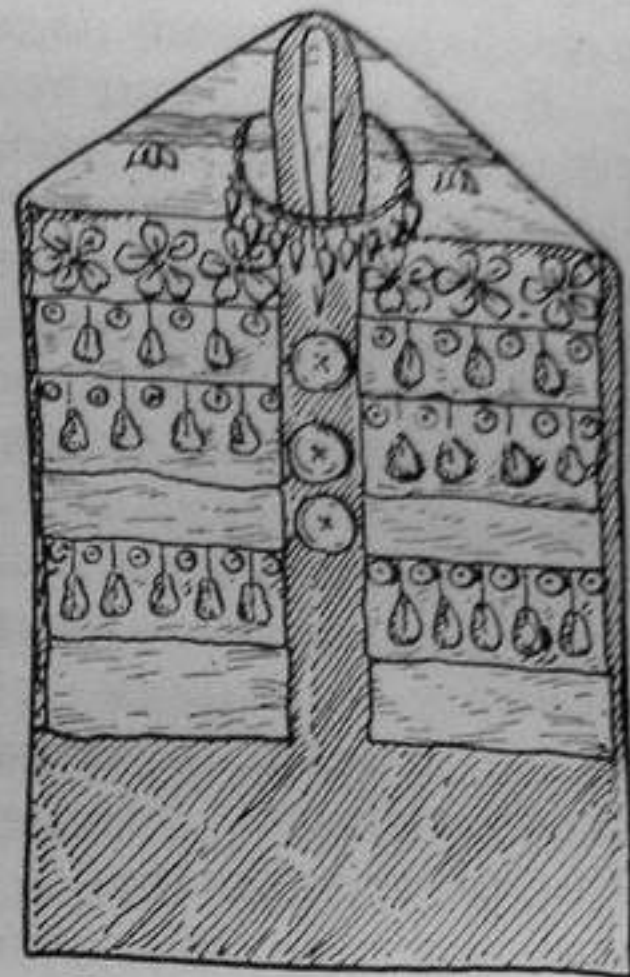
Шерстяная ткань у джейнауских арабов называется сауб (произносится чаще суб), поэтому, когда говорят «мин сауб сайр», — это значит, что одежда сшита из шерстяной ткани. У арабов употреблялись также халаты на войлочной подкладке — чайдамия, которые под названием кебанак бытовали и у других этнографических групп изучаемой нами области, например у карлуков³. Арабы, как и все население данной области, носят тулупы (пустун) мехом внутрь. Пустун тоже был разных видов в зависимости от меха (кузи-пустун, барра-пустун, тулки-пустун и др.). Чабаны и люди, которые работают в холодных местах, под открытым небом наряду с тулупами носят меховые штаны (чалбар). Чалбар шьются длинными и широкими, из черных овечьих шкур, мехом внутрь. Считается, что черный мех более мягкий и теплый. В степных районах Кашкадарьи для чабанов, которым приходится много ездить на лошадях

Рис. 1. Традиционная одежда арабов Кашкадарьи

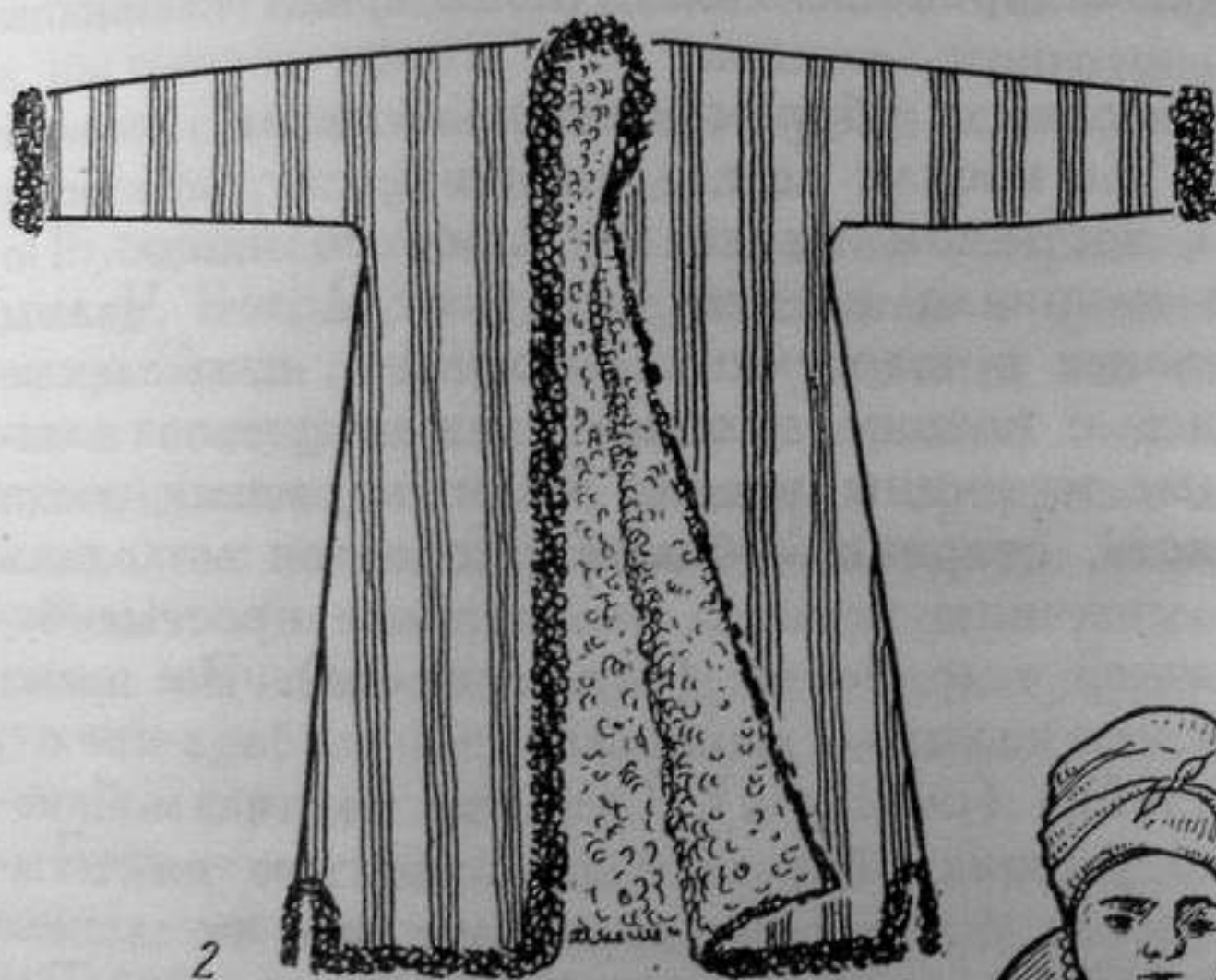
1 — мужская нательная рубаха; 2 — теплый халат; 3 — покрой головной накидки шааи (вид спереди и сзади); 4 — девочка в гизви

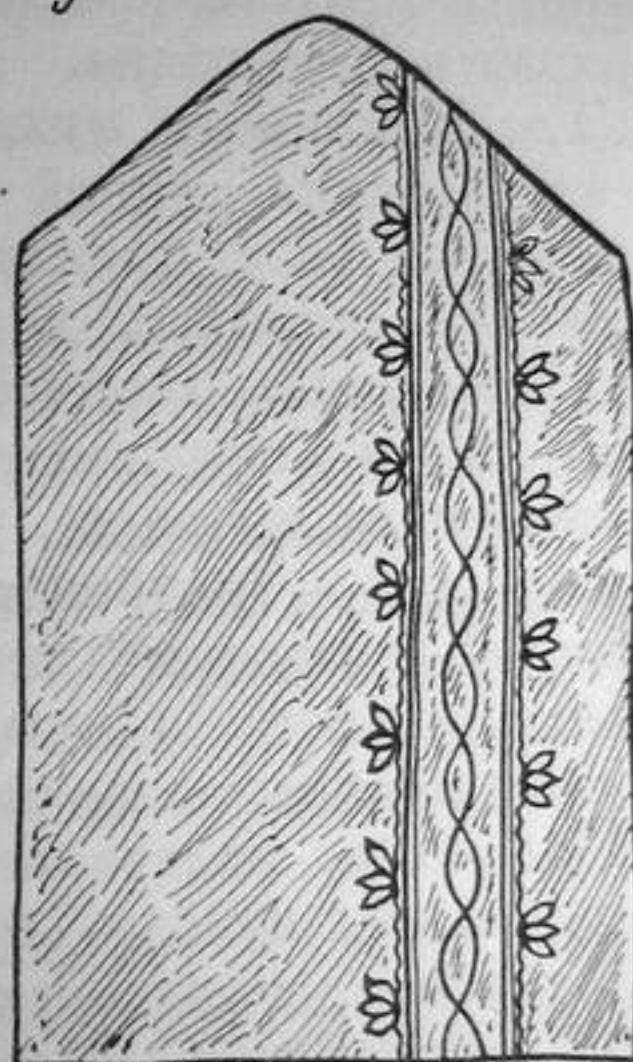
1

3

2

4

и ночевать в непогоду где придется, такая одежда, как чайдамия, пустун и чалбар, — самый надежный защитник в зимнее время.

В состав традиционной мужской одежды арабов и всего населения исследуемой нами области вошли камзолы (*камзур*). Камзолы имеют вшивные в вырезную пройму рукава, на боках прорезные горизонтальные карманы, застегиваются на пуговицы, воротник высокий, стоячий. Длина их доходит до колен.

Мужская одежда подпоясывалась. Пояс носили поверх халата *якта-хия* или камзола; стеганные на вате и шерстяные халаты не подпоясывались. Поясом служили поясные платки (*белкарс*, произносят часто *кас*) из кустарной материи *карбос* или из ситца, а нарядные пояса — из разных шелковых или бумажных тканей фабричного производства с богатой вышивкой по краям и на углах. Пожилые арабы (*наббат*) носили не поясные платки, а кушаки (*вазра*) длиной 3—4 м, которые наматывали в несколько раз. У людей, работающих на открытом воздухе в холодное время, употреблялись кушаки из шерсти или пуха (*фута*) серого цвета. Надо заметить, что такие кушаки были распространены не только среди арабов и другого населения Кашкадарьинской обл., но и среди таджиков верховьев Зеравшана.

Традиционным мужским головным убором служила чалма (*салла*) из куска ткани длиной 4—5 м. Ее носили всегда, но во время работы — маленькую, а с праздничным костюмом надевали более солидную. По рассказам стариков, у арабов начинали носить чалму с 12 лет. Чалмы были шелковые, хлопчатобумажные и шерстяные (*пуховые*), называемые *тибит салла* (они изготовлялись с козьим пухом), разных цветов в зависимости от возраста. Молодые мужчины носили чалмы красные, люди средних лет — голубоватого цвета, старики — белые. Холостая молодежь (*рузьон*) и молодые женатые мужчины носили молодежные простые бумажные красные чалмы домашней выработки (*гарди салла*). Во время свадьбы повязывалась жениховская чалма — вышитая.

Под чалму надевалась тюбетейка (*калапуш*). Старики под чалмой носили и носят *кулох* — стеганую шапочку без околыша, сшитую из четырех треугольников с закругленными боковыми сторонами, что придавало убору яйцевидную форму. Эти уборы шили женщины и девушки. Тюбетейки покрывались вышитым орнаментом. Техника вышивки отличалась от техники *уроки* и *пильтадузи*, применяемой в других районах Кашкадарьи. Наряду с чалмой арабы издавна носили шапку, опушенную мехом. Она имела округлый верх, сшитый из четырех, у стариков — из трех треугольных частей, из черной или темно-серой ткани, подбивалась ватой; опушку делали из серого каракуля, иногда из лисьего или куньего меха (последний арабы называли *санглоби*). Шапки с каракулевой опушкой шили сами, а более дорогие, такие, как *санглоби*, покупали на рынках.

Обувью мужчин служили сапоги на твердой и мягкой подошве (*итик* и *махси*); последние носили с кожаными калошами (*кауш*). Чабаны носили обувь из сыромятной кожи (*чирик*). Сапоги (*итик*) изготовляли из кожи, называемой *калла-хасани*, которая считалась самой лучшей, и из кожи *булгори* белого и черного цветов. Сапоги были на высоком каблуке. Такая обувь была распространена в конце XIX—начале XX в. Кожаные

калоши *кауш* шили из черной и зеленой кожи. Последняя считалась самой дорогой, она изготовлялась из кожи осла. Кроме того, у арабов существовали кауши *чукки* из белой кожи с черной подошвой. Сапоги *итик* — *му'за* делали из грубой белой кожи. Они предназначались для чабанов и людей, работающих в степи.

Наиболее традиционные формы мужской одежды сохранились в ритуальном костюме — свадебном и похоронном. Весьма специфична одежда жениха. Как правило, жених одет во время свадьбы в яркую рубашку, штаны из полосатой хлопчатобумажной ткани местного производства, стеганый халат (*чапан*) из алачи или бекасаба, под ним — легкий халат (*як-так*) из белой ткани, подпоясанный несколькими поясными платками из шелка (*шайи*, атлас) и кушаком, вышитым специально для жениха невестой. Головным убором жениха служит чалма из ткани красного или бордового цвета, часто — шелковая с вышитыми концами. Ее изготовляла (ткала и вышивала) сама невеста; если она не успевала этого сделать, свадьба откладывалась. В складки жениховской чалмы вставлялось украшение *джига*. Вместо чалмы жених мог надеть круглую шапку *теллак* с опушкой из лисьего меха. Обут он в черные хромовые сапоги. Хотя в настоящее время для жениха приготавливаются современный готовый костюм с сорочкой, пальто, туфли или сапоги, тем не менее обязательно шьется и традиционная одежда.

В день похорон все близкие умершего надевали новую нарядную одежду. В траурной процессии шли в цветных халатах, но надетых наизнанку. Когда тело покойника увозили, все члены семьи, оставшиеся дома, снова выворачивали халаты на правую сторону. На вторые сутки близкие родственники умершего надевали траурные халаты синего цвета, такие же чалмы, и с этого дня начинался траур. Черный цвет тоже считался траурным, в обычной жизни его ношение запрещалось. Однако в настоящее время значение черного цвета как траурного исчезает и большинство мужчин-арабов предпочитают носить стеганые халаты из тканей с узорами по черному фону.

Будничная одежда арабов обычно скромных расцветок, но в праздничные дни они наряжаются в яркие одежды разных фасонов: традиционные арабские, общеузбекские, городские («европейские») костюмы; иногда отдельные части новой одежды сочетаются с традиционными.

Женская одежда арабов Кашкадарьинской обл. сохраняет значительно больше специфических черт, чем мужская. В ней больше отражаются возрастные отличия, которые ранее полностью определяли одежду обоих полов. Но при сохранении национальных форм и женский костюм не остался неизменным; в последние годы и в нем произошли большие изменения. Они проявляются и в покрое, и особенно в употребляемых материалах. В прошлом это были по большей части домотканые материалы или ткани кустарной работы: алача, нока, чиги, карбос, бекасаб, *пари-паша*. Сейчас больше носят ткани фабричной выработки.

В состав женской одежды входят платье-рубаха, штаны, камзол, стеганые халаты. Покрой и цвет ткани зависят от возраста.

Старинное платье арабок (*суб*) — обычная для Средней Азии туникообразная одежда. Существовал обычай надевать одно на другое два

платья — верхнее было более широкое и длинное. Старые женщины (набба) носили платье белого или синего цвета, длина доходила до щиколоток, ворот и рукава были обшиты черной тесьмой. Девушки-арабки в недавнем прошлом носили платья, называемые «мунди-ёка-куйлак» (с воротом, как горлышко кувшина). У замужних арабок всех возрастов ворот рубах был вертикальный. Рубаху шили широкой и длинной, с длинными рукавами; по традиции платья девочек и девушек (субинбинт) были длиннее, чем платья женщин средних лет и пожилых.

После выхода замуж девичье платье меняли на женское — с вертикальным воротом, но у новобрачной он имел короткий разрез. Платья такого фасона ей готовили в приданое ее родители. После первого ребенка начинали носить «материнские платья» (субинморо) с длинным вертикальным разрезом ворота.

Женские и девичьи штаны (ильбас) по покрою не отличались от мужских. Внизу они собирались в сборку и прикрывали ступню.

У арабских женщин наиболее любимыми цветами тканей для одежды до сих пор являются синий, красный и белый. Носят также платья бордовые, вишневые, ярко-алые, оранжевые. Пожилые люди считают, что обычай носить яркую одежду очень древний, исконно арабский.

В качестве женской и девичьей верхней одежды употребляются стеганые халаты, по своему покрою не отличающиеся от женских халатов окрестного населения. Халаты арабок делаются в основном, как и рубахи, из широко употребляемых ими цветастых тканей. Такой специфически женской одежды, как халатик-мунисак, у арабок не было.

Женской обувью до недавнего времени служили кожаные калоши (кауш) кустарной работы на высоком каблуке. У девушек они были из черной кожи, у молодых — из зеленой (кемухт) и фиолетовой. Носят кауши местного производства и сейчас, хотя их все больше вытесняет покупная обувь европейского фасона.

Больше всего своеобразие сохранилось в головных уборах арабок. Характер убора зависел от возраста. Арабские девочки уже с четырех-пяти лет надевали головной убор гиззи. Такой же убор, немного отличающийся от девичьего, носили и молодые женщины. Для маленьких девочек и девушек его шили из красного сатина, для женщин — из белого. Поверх гиззи пожилые женщины, когда выходят из дома, накидывают большой белый платок. В кишлаке Джейнау этот платок называется латта (латта — тадж. «тряпка», «ткань»). Гиззи состояло из двух кусков ткани. Первый кусок, продолговатый, спускался сзади, закрывая всю спину почти до щиколоток, его верхние углы сшивались вместе так, чтобы образовалось отверстие для лица. Спереди пришивался второй кусок ткани, проходивший под подбородком. По нему нашивали четыре или шесть горизонтальных полос более темной или яркой ткани, украшая их раковинами, пуговицами и серебряными бляхами и фигурками. Мы наблюдали такой убор у четырехлетней дочки Ибрагима Рахматуллаева из кишлака Джейнау. Под подбородком у нее на гиззи было нашито 8—12 миндалеобразных чеканных позолоченных украшений, а на полосе гиззи, приходящейся на груди, — 6 мелких раковин каури; на второй полосе было нашито 8 белых пуговиц и 6 раковин. Для украшения гиззи взрослых

девушек употреблялись более ценные серебряные позолоченные пластинки с несколькими подвесками, имевшими зеленые, красные, желтые глазки. Вокруг отверстия для лица шла белая вышивка на черном фоне в восемь—десять рядов, по краю она обшивалась яркими пуговицами. Гиззи у других народов не встречается. По свидетельству жителей кишлака Джейнау, гиззи — это старинный специфически арабский убор. В недавнем прошлом его носили и жители кишлака Камаша (Бешкентский р-н), но теперь там он уже окончательно вышел из употребления, в то время как в Джейнау его носят и сейчас. Гиззи из красного сатина девушки носили до ухода из отцовского дома (т. е. до выхода замуж), девичьи гиззи там и оставляли. В дни свадьбы он сменялся на гиззи невесты (аруса, канна) белого цвета и несколько иного покроя: на спину спускался треугольником и полностью закрывал плечи и грудь наподобие казахского и каракалпакского кимешака. Обычно для гиззи молодухи использовался белый сатин, отделанный ручной вышивкой яркими шелками, под подбородком подвешивались украшения.

На третий день после свадьбы совершался обряд надевания на новобрачную специального женского головного убора, называемого бухнук. В этот день резали барана и устраивали большое угощение. Приглашали всех родственников, знакомых и соседей — женщин и девушек. Родственницы и подруги невесты преподносили ей подарки. После угощения на новобрачную надевали поверх гиззи бухнук — шапочку с накосником типа узбекской кулюта⁴. Бухнук всегда шили из красного бархата (яркого или темного оттенка). Накосник, не сшиваемый, в виде мешочка, имеющий вид спускающейся вдоль спины до пояса полосы ткани, украшался вышивкой, выполненной тамбурным швом. В отличие от таджикского и узбекского кулюта бухнук имел валик (гуйша) из двух полос черной тесьмы, проходивший под подбородком.

Бухнук носили постоянно до рождения трех-четырех детей, после чего надевали только при парадном костюме — идя на свадьбу и в других торжественных случаях, на семейных пиршествах. Сейчас бухнук носят лишь женщины пожилого возраста в дни семейных торжеств, на их бухнуке и гуйша имеются украшения. Остальное время ходили и ходят только в уборе гиззи. Нам удалось увидеть хорошо сохранившийся старинный бухнук в семье Мухаммадкула Таирова — жителя кишлака Джейнау. Бухнук сшит из красного плюша, длина накосника 78 см, на валике под подбородком имеются многочисленные украшения.

Поверх бухнука на новобрачную накидывали большой шарф (хунка) длиной 2 м, шириной 70 см, белый — шелковый или шерстяной. При ношении два длинных конца забрасываются через плечи, перекрещиваясь под подбородком и прикрывая грудь. В дни свадьбы невесту покрывали еще головным покрывалом из белой шелковой ткани, называемом кадфа (от тадж. *кад-у-по* — «с головы до ног»), вышитой шелковыми нитками разных цветов. Арабские молодухи носили кадфа до рождения первого ребенка, после чего меняли его на простой платок (румол). При встрече с посторонними мужчинами углом кадфа прикрывали лицо.

На третий день свадьбы, когда у арабов происходило обрядовое убирание постели новобрачных (ханабандон) и надевание на новобрачную женского платья субинморо, которое дарили невесте родители жениха, на мо-

лодую надевали самые красивые одежды — платья, камзол, белый гиззи, бухнук со всякими украшениями. Поверх гиззи и бухнука наматывали чалму (лаки). Эта церемония называлась *касавабандон*. Как известно, *касава* (*касаба*) — это особый головной убор молодухи (или надеваемое на него украшение). У арабов уже давно *касава* не употребляется, но, по словам стариков, когда-то ее носили, и название вышеописанной церемонии осталось как воспоминание о ношении арабками убора *касава*. Какого вида был этот убор — осталось неизвестным. Чалму надевали выходя из дома в праздничном костюме. Ее делали из кустарной ткани *гарди румол*, которая шла и на мужские чалмы.

Траурная одежда арабов отличается прежде всего своим цветом — она синяя. Черные платки и платья в знак траура носили очень редко, лишь женщины из знатных семей. Самые близкие родственницы и вдова в знак глубокого горя в день смерти и похорон снимали с головы платки и расплетали косы. Так они ходили до выноса покойника из дома, после чего накрывались платком, а волосы, не заплетая, связывали сзади пучком, чтобы они не мешали. Вдова не должна была носить бухнук и лаки во время траура.

Все близкие родственники умершего — женщины и мужчины — одевались в стеганые халаты и подпоясывали их платком (*румол*). Полностью исключалось ношение украшений. Если вдова снова не выходила замуж, то уже никогда больше не носила украшений и одежды красного цвета. Траурную одежду носили в течение года. Как и у многих этнографических групп, у арабов на траурных платьях подол не подшивался.

Известно, что у народов Средней Азии сохранились разные способы ношения волос, с чем были связаны поверья и обряды. У большинства народов замужние женщины заплетали две косы и тщательно прятали волосы. Но у арабов было иначе: девушки и женщины носили и носят две косы независимо от семейного положения, но девушки заплетают косы сзади, чтобы их не было видно из-под головного убора, а замужние женщины носят две косы перед ушами, так что они выступают из-под головного убора. В косы девушки и женщины вплетают серебряные, обмотанные шелком накосные украшения (в каждую косу по три, иногда по пять), которые называются в *Джейнау чалмур*, в *Камаши — чамалак* (у таджиков — *джамолак*). Причесок из мелких косичек у арабов раньше не было. Мелкие косички стали носить недавно и только там, где арабы живут в близком соседстве с узбеками и таджиками. Особенно широко эта прическа распространилась в послевоенные годы одновременно с тюбетейками, разными косынками и современными платками. В настоящее время большим спросом пользуются тюбетейки, вышитые мелким крестом.

Арабские девушки и женщины всех слоев общества издавна носили всевозможные украшения. Их количество и качество зависели от состоятельности семьи. Самыми распространенными, обязательными были браслеты и кольца с глазками из синего и зеленого стекла, чаще серебряные, иногда золотые. Носили много ожерелий. Ушных серег, которые являются наиболее излюбленным и распространенным украшением у других народов Средней Азии, у арабов не было совсем, но носовые серьги (*измак, натти, чекка-натти*) в прошлом носили большинство девушек и женщин. Они представляли собой небольшие кольца или розетки из серебра с под-

весками из коралловых и перламутровых бус. Их носили и в правом и в левом крыльях носа. В настоящее время их можно встретить только у пожилых женщин. Новых украшений такого типа давно уже не делают. Женщины и девушки в кишлаках Джейнау и Камаши до сих пор любят и сохраняют свои старинные украшения. Головные и налобные украшения, надеваемые с праздничным костюмом, объединяются в комплекс под названием синсила. Полный убор состоит из четырех частей: хатабак, синсила, гуйша и чекка-дуа. Хатабак — это род налобной повязки, сшитой из плюша двух цветов (нижняя часть — из зеленого, верхняя — из бордового) и украшенной восемью монетообразными фигурками и многочисленными подвесками из серебра. Синсила делали из трех-четырех рядов металлических (серебряных) фигурок, подвижно соединенных при помощи колец или цепочек. Это было свадебное и праздничное украшение. Синсила носили над хатабаком. Украшения подвешивали также к черному валику (гуйша), прикрепленному под подбородком. Среди подвесок выделялись два золотых или позолоченных шарика (куррак), соединенных друг под другом. В ту и другую сторону от них идут, накладываясь друг на друга, позолоченные монеты (это называется катмола). В осмотренном нами образце было 20 монет, в центре подвесок помещались большой сердолик (акик) и маленькие бубенчики.

В комплекс синсила входили также два маленьких треугольных серебряных, украшенных чеканкой амулета, от которых вниз идет полоса с серебряными подвесками миндалевидной формы и с сердоликами. Амулеты подвешивались над ушами и спускались вдоль шеи на грудь. Все эти украшения надевались поверх гиззи и бухнука, прикрепляясь к ним при помощи цепочек и крючочков.

Комплекс синсила имел значение украшения новобрачной, в полном составе его надевали в дни свадьбы и позднее. Молодые женщины и девушки носили его обычно идя на свадьбы и в праздники. В настоящее время комплекс синсила имеется далеко не у всех женщин и девушек, эти украшения постепенно исчезают. Мы обнаружили их в полном составе только в нескольких семьях, бережно их сохраняющих как старинные и богатые народные украшения. Полный комплекс синсила (описанный выше) нам удалось посмотреть в семье Мухаммадкула Таирова из кишлака Джейнау. По словам хозяина, он в кишлаке единственный, в других семьях встречаются лишь отдельные части этого убора.

За последние годы для Кашкадарьинской обл., как и для всей республики, характерно интенсивное сближение одежды сельского населения с городской. Широко вошли в быт арабов узбекские формы одежды и украшений. У арабов, живущих смешанно с узбеками и таджиками, давно исчезло всякое различие с ними в одежде. Что касается арабов, проживающих обособленно, как в кишлаке Джейнау, то у них еще сохраняются традиционные одежда и украшения, хотя в настоящее время также наблюдается интенсивный процесс освоения одежды окружающего населения. Распространяются узбекские формы одежды, обуви, украшений. Новшества можно проследить во всех слоях населения Джейнау. Особенно быстро распространяются они среди молодежи и подростков.

За годы Советской власти в быт арабов широко вошла общегородская одежда, особенно трикотажные изделия. Обязательной принадлежностью

мужской одежды сейчас является популяризаторской «европейский» костюм. Почти каждый араб, за исключением глубоких стариков, имеет пальто, плащ, сорочки, брюки. Наряду с тюбетейками и шапками местного фасона арабы носят кепки, шляпы. Широко употребляется обувь фабричного производства.

Изучение костюма арабов Кашкадарьи показывает, что его традиционные черты сформировались на протяжении многих веков в процессе общения с окружающим населением. Несмотря на наличие у арабов специфических, национальных особенностей, их старый народный костюм имеет единую основу с костюмом всех народностей Кашкадарьи, так как он длительное время развивался в условиях культурного взаимовлияния всех живущих там народов и этнографических групп. Но арабы Кашкадарьи жили в большей изоляции и замкнутости, чем в других районах Средней Азии, в связи с этим в комплексе их одежды сохранялись до недавнего времени некоторые черты, свойственные одежде арабов Передней Азии.

Словарь терминов, относящихся к одежде⁵

Базибан — шейное украшение
Булгори — сорт кожи грубой выработки
Бухнук — шапочка с накосником
Вазра — чалма, кушак
Габа — стеганый халат
Гарди салла — чалма из особой кустарной ткани
Гиззи — головной убор женщин и девушек
Гуйша — часть бухнука, проходящая под подбородком
Джибба — стеганная на вате рубаха
Джигга — мужское украшение
Зийк — воротник горизонтальный
Измак — носовая серьга
Ильбас — штаны
Кадфа — большой платок, покрывающий с головы до ног
Калла-хасани — сорт кожи для обуви
Карта — шерстяной халат
Катмола — украшение
Култапишак — головной убор женщины-матери
Куррак — подвески на гуйша, в виде двух золотых шариков
Латта — старушечий головной платок

Мунди-ёка-куйлак — платье с воротом в форме горлышка кувшина
Му'за — сапоги из сыромятной кожи для чабанов
Натти, чекка-натти — носовая серьга
Синсила — комплекс свадебного головного украшения; также одна из его частей
Соколиф-нока — хлопчатобумажная полосатая ткань домашней выработки
Суб — мужская и женская рубаха-платье
Субинбинт — девичье платье
Субинморо — женское платье
Фарж — боковые швы халата
Хатабак — налобное украшение
Хунка — большой шарф, домотканый
Чайдамия — халат на войлочной подкладке
Чалбар — шерстяные штаны
Чалмур — накосные украшения
Чамалак — накосные украшения
Чекка-дуа — височное украшение в виде треугольного амулета
Чиги-нока — хлопчатобумажная ткань домашней выработки в мелкую полоску
Чукки — обувь из сыромятной кожи

¹ См.: Кармышева Б. Х. Среднеазиатские арабы. — В кн.: Народы мира. М.: Изд-во АН СССР, 1963; Народы Средней Азии и Казахстана, II. Винников И. Н. Арабы в СССР. — СЭ, 1940, IV; Волин С. Л. К истории среднеазиатских арабов. — Труды/ Ин-т востоковедения АН СССР, 1941, вып. XXXVI.

² Церетели Г. В. Материалы для изучения арабских диалектов Средней Азии: Доклады советской делегации на XIII Международном конгрессе во-

стоковедов. Секция семитологии. М., 1954.

³ Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент: Наука, 1964, с. 106.

⁴ О кулоте см.: Сухарева О. А. Древние черты в головных уборах народов Средней Азии. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1954, I, с. 306.

⁵ В словарь вписаны только те термины, арабские и заимствованные из других языков, которые отличаются от общераспространенных.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЭ	— Научный архив Института этнографии	МАЭ	— Музей антропологии и этнографии, Ленинград
ББ	— Болеянская библиотека, Оксфорд	ММ	— Метрополитен музей, Нью-Йорк
БМ	— Британский музей, Лондон	ПНБ	— Парижская национальная библиотека
ВГ	— Вашингтонская галерея искусств	С	— Стамбул
ВНБ	— Венская национальная библиотека	СА	— Советская археология
ГМИНВ	— Государственный музей искусства народов Востока, Москва	САГУ	— Среднеазиатский государственный университет
ГМЭ	— Государственный музей этнографии, Ленинград	СЭ	— Советская этнография
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград	СЭ ИЭ	— Среднеазиатская экспедиция Института этнографии АН СССР
ГТ	— Гулистанский дворец-музей, Тегеран	ТИИАЭ АН ТаджССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР
ГЭ	— Государственный Эрмитаж	ТИИАЭ АН ТССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР
ЕНБ	— Египетская национальная библиотека, Каир	ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР
ЗИРГО или ЗРГО	— Записки императорского Русского географического общества	ТИЯЛИ АН КиргССР	— Труды Института языка, литературы и искусства АН Киргизской ССР
ИАН ТаджССР	— Известия АН Таджикской ССР	ТКАЭЭ	— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
ИБ АН УзССР	— Институт востоковедения АН Узбекской ССР	ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ИМКУз	— Институт материальной культуры Узбекистана	ЦГА ТССР	— Центральный государственный архив Туркменской ССР
ИООН ТаджССР	— Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР	ЦГА УзССР	— Центральный государственный архив Узбекской ССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР	Э	— Эдинбург
ЛО ИВ АН	— Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР	ЮТАКЭ	— Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция

СОДЕРЖАНИЕ

О. А. Сухарева. Вопросы изучения костюма народов Средней Азии	3
В. А. Мешкерис. Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда	13
Н. П. Лобачева. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей)	18
М. В. Горелик. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV—XIX вв.	49
Р. Г. Мукминова. Костюм народов Средней Азии по письменным источникам XVI в.	70
О. А. Сухарева. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции	77
Л. А. Чвырь. Опыт классификации ювелирных украшений (Проблема типологии на примере таджикских серег)	103
А. К. Писарчик. Материалы к истории одежды таджиков Нурата. Старинные женские платья и головные уборы	113
З. А. Широкова. Традиционный костюм жениха у горных таджиков	123
Н. Бабаева, Л. Бахтоваршоева. Саван	127
М. А. Бикжанова. Одежда узбечек Ташкента XIX—начала XX в.	133
К. Л. Задыхина, М. В. Сазонова. Мужская одежда узбеков Хорезма конца XIX—начала XX в.	151
М. Рузиева. Посмертная и траурная одежда узбеков г. Ташкента	169
Г. П. Васильева. Головные и накосные украшения туркменок XIX—первой половины XX в.	174
Е. И. Махова. Некоторые элементы киргизского национального костюма	205
Т. Н. Смешко. Ткани в одежде киргизов (вторая половина XIX—начало XX в.)	211
Х. Исмаилов. Традиционная одежда арабов Кашкадарьинской обл. Узбекской ССР	228
Список сокращений	239

Современный традиционный костюм населения Узбекистана

1 — девушка из Самарканда; 2 — узбечка-сельчанка, Пастдаргомский р-н, Самаркандская обл.

Старинная женская верхняя одежда мунисак, г. Самарканд

Костюм узбечек г. Ташкента
(рис. художницы Г. В. Вороной
по акварели А. В. Николаева
из альбома Института искусствоведения
Узбекской ССР)

1 — костюм молодухи начала XX в.;
2 — костюм молодухи 60—70-х годов
XIX в.

Современный национальный костюм туркменок, Тахтабазарский р-н,
Марыйская обл.